

Любимина

Ирина
Якимова

Либитина — богиня мертвых, так люди зовут таинственную вампиршу-некромантку, прячущую от всех свой лик за армией крылатых рабов-зомби. Безумная, уродливая, она и сама забыла, кем была раньше и зачем выстроила свой дом-лабиринт в непроходимых северных лесах. Ее прошлое утонуло в океане боли и скорби. Лишь когда охоту за ее головой начинает Орден, она соглашается попробовать вспомнить, что привело ее на путь *carere morte*. Это будет история о предательстве и невыносимой вине, о клятве и искуплении... и о вездесущей любви. О страхе и победе над страхом. Ее история.

Вступление

Они идут за мной. Они уже близко. Они ухватились за край моей гигантской тени и жгут, и жгут ее серебром и солнцем. Молнии их мечей вспарывают вены моих подземных тоннелей, и я, ночной кошмар и страх северной земли, сжимаюсь от боли. Я бегу — тысячей ног, лечу — на тысячах крыльев к центру, к сердцу тени, но враги не отступают. Они загоняют меня вглубь логовища, откуда нет выхода... Но я поборюсь, о, я еще поборюсь.

Лабиринт — начало моих владений, отражение запугавшейся, полной страха души Терратиморэ, остался далеко позади: черные, сложно переплетенные полосы — отпечатки сожженных стен, и, точно сеть сосудов человеческого тела, — подземные тоннели, вскрытые по всей длине, заполненные гниющей массой опавших листьев... Охотники побывали там давно. В отличие от всех посетителей Лабиринта, они не стали ждать моих проводников и слушать их загадки. Они просто взяли огонь для стен и воду для тоннелей: перенаправили русло местной речушки и вымели черную тень из них. И до сих пор они легко побеждают, а я лишь отступаю. Область моих владений неуклонно сокращается, но все больше тьмы и силы стягивается в ее центр. Там будет наша последняя битва.

Какой-то смертный нерешительно переступает порог первого подземного зала моего главного дома, и я обращаю внимание на него. Это молодой мужчина из людского поселения неподалеку. Вот уже пятьдесят лет полсотни смертных зовут меня своей госпожой. Как и подобает хозяйке, я защищаю их от орд голодных вампиров севера, но за это регулярно беру их кровь, а после смерти превращаю в марионеток.

Смертный заметно напуган, но держит себя в руках. Важная весть, которую он принес Госпоже, придает ему силы и решимости. Он не знает, что я уже знаю, зачем он пришел: охотники близко, и маленькая ферма живой человеческой крови готовится встать на защиту хозяйки.

— Либитина? — почувствовав мой взгляд, взывает человек к темноте пещеры. — Госпожа?!

Либитина, богиня мертвых — так зовут меня собратья-вампиры и смертные слуги. Охотники, идущие за моей головой, предпочитают звать Отвратительной. Да, я также отвратительна, как правда о нашей общей проклятой земле. Невидимые нити сосудов протянуты от одного сердца в глубине подземного тоннеля к тысячам марионеток. Тысячи мертвых сердец бьются в медленном ритме, задаваемым одним — моим. За мутным стеклом тысяч глаз горит огонь одной воли — моей. Я храню от тления тела и брожу по следам улетевших душ. Подбираю осколки воспоминаний, слизываю с них пепел отгоревших чувств и запоминаю его вкус. Я необычный таксидермист, я делаю чучела из душ. И мертвецы, благодарные за подобие жизни, встают на мою сторону. Они — моя армия, огромная, как темнота моих подземелий.

— Либитина... Госпожа... — человек замолкает: в подземном зале он более не один. Я решила ответить на зов. Маленькая серая мышка встает перед гостем на задних лапках, и, поймав взгляд, тут же брызгает в сторону серебристой капелькой ртути.

Смертному известно главное и простое правило моей игры: нужно бежать за проводником и не упустить его из виду при смене обличия. Проявившие упорство удостаиваются чести говорить с хозяйкой.

Человек бросается за зверьком в другую пещеру, поменьше и расположенную глубже.

"Попробуй, догони!" — я раззадориваюсь. Кровавый румянец разгорается на щеках моей главной неподвижной телесной оболочки, но я там едва ли на сотую часть. Я обратилась мышью и скачу серым шариком всего на шаг и на целый шаг впереди преследователя, завлекая его все дальше.

Вспыхивает факел в полу, отнимает у тьмы кусок стены с двумя открытыми ртами тоннелей. Я сигаю в правый, человек за мной. Это тесный коридор с уклоном вниз, смертный не может ни оглянуться, ни замедлить шаг. Хитрый дом Либитины постепенно отсекает все цели, вопросы и смыслы, оставляя один — не упустить проводника. А мышка юлит, дразнится: то остановится, то скакнет далеко вперед, и, наконец, человек не удерживается, тянет за ней руку. Я мгновенно отскакиваю во тьму и быстро меняю маску. Крохотное тельце зверька безвольно падает на камни, а большая черная птица, ждавшая своего выхода в чернильной ванне углубления в полу, вылетает прямо в лицо смертному. Человек ошеломленно вскрикивает, бестолково машет руками, а птица кружит над ним, дергает за волосы — иди, иди за мной!

Уклон коридора уменьшается. Мы движемся теперь почти вровень — смертный и я в облике птицы. Коридор постепенно расширяется, впереди открывается зал, освещенный теплым живым светом факелов. При виде их уютного пламени губы смертного чуть трогает радостная улыбка, будто он вышел к родному дому, но в этот момент земля уходит из-под его ног. Пола в зале нет — черная пропасть! И он уже падает, падает!

— А-ах!

Птица хрипло каркает — хохочет, кружась над его головой. Нет, то была не пропасть, просто пол в зале расположен на полроста смертного ниже пола коридора. Человек поднимается. Тем временем от стен отделяются небольшие четвероногие тени, мягкие и холодные, изящные и текучие как шелк. Это кошки. Много, много кошек. Они вьются у ног человека, и он запинается, пугаясь в их едином гладком скользком полотне.

— Госпожа, — шепчет он. — У меня вести для вас.

Воздух звенит от раздраженного шипения полусотни кошек. Не люблю, когда мое представление прерывают глупыми репликами! Кошки разбегаются, одна за другой исчезают в круглых ходах, которыми источены стены пещеры. Смертный оторопело следит за этим, не зная, за каким животным бросаться. Но последняя, мяукнув, приглашает за собой.

Погоня ускоряется. То прямые, то извилистые, то темные, то залитые оранжевым светом факелов коридоры. Смертный начинает тяжело дышать. Страх на его лице мешается с любопытством, и мое нутро скручивается голодным узлом при виде этого. Я издавна люблю вкус, который смесь этих чувств придает крови.

Вновь смена проводника: кошка беззвучно исчезает во тьме, а вместо нее из боковых ходов сбегается стая волков. Моя любимая маска. Я с наслаждением облачаюсь в серые мохнатые шкуры, и ликующий вой десяти моих звериных плоток то сливаясь, то распадаясь диким многоголосием, проносится под сводами пещеры.

Волки останавливаются в небольшом зале, освещенном яростно-рыжим пламенем нескольких факелов. Стены покрыты странной шевелящейся серой массой. Что это? Черви? Летучие мыши? Волки вьются у ног высокой дамы с благородными чертами лица и длинными прямыми черными волосами, одетой в тяжелое, сверкающее драгоценными камнями старинное платье на жестком корсете. Эта марионетка, весьма похожая на меня в смертной жизни, будет говорить со смертным. Погоня закончена.

— Госпожа... — человек кланяется. — Охотники подходят к селению. Мы устроим им ловушку. Не отдадим вас.

— Охотники предложат вам сдаться, отойти. Они не сражаются со смертными.

— Им придется сразиться! Они пройдут к вам только по нашим трупам!

— Какая преданность, — высокая дама тонко улыбается. А я, ее хозяйка, не стесняясь, зычно хохочу в глубине темного тоннеля в холодной колыбели земли. Огромное тело колыхается как студень, а кривые худые конечности с пальцами, неподвижными как зубцы граблей, поскребывают землю. Такова моя старая израненная оболочка, разбухшая от переполняющего ее проклятия — источника жизни для армии мертвых.

— Это наша благодарность за ваше покровительство, добрая Госпожа. Лучше умереть, чем перейти под власть ваших врагов. Они не дадут нам существовать.

Как это... отвратительно. В груди поднимается волна старой ненависти. Волки у ног темноволосой женщины в старинном платье выгибают спины и хлещут хвостами по поджарым бокам, щерят клыки. Я рычу, оскаливая сорок волчьих клыков, и кричу — голосом высокой дамы:

— Значит, вам нравится ваше убогое существование? Вы готовы заплатить за него жизнями стариков и детей?! Вы цепляетесь за старый страх нашей земли, частицей которого являюсь и я, ждете от него поддержки.... Но он только убивает вас. Неужели вы не понимаете?! Уже триста лет он только убивает вас!

— И стариков, и детей. Все, чтобы спасти вас, Госпожа, — еле слышно бормочет упрямый смертный, и ненависть вскипает в моем сердце, черной кровью выливается из глаз, ушей и рта моей изуродованной оболочки. Следует поблагодарить смертного, придать ему сил на выбранном пути, ведь это может спасти меня, но что-то все еще протестует. Что-то, что до сих пор болит не от серебра охотников и рассветного солнца, а от невозможности не чувствовать эту клеймящую тебя вампиром боль.

Отражая мой еще не оформленный мыслью протест, высокая дама делает неувидимое движение и оказывается близко-близко к смертному, холодные пальцы обхватывают его голову, обжигаясь о кожу.

Он знает, что я легко могу свернуть ему шею, но не двигается, готовый принести и жизнь мне в жертву. Только его сердце бешено стучит, этот гром оглушает. Сейчас горячий поток крови брызнет на стены пещеры, и грохот сердца стихнет. Но я медлю. Чего я жду? Какой вопрос меня терзает? Какой мне нужен ответ?

— А ты быстро бегаешь, смертный?

В глазах готового к смерти загораются слабые, но живые искорки, и я улыбаюсь.

— Госпожа...

Дама не отвечает. Она глубоко вздыхает и укрывается черным плащом крылатой тени, укрывая и спутников-волков. Факелы гаснут. Через минуту, заполненную надсадным захлебывающимся дыханием, разбегающимися как мыши мыслями, человек осмеливается осторожно вытянуть вперед дрожащую руку. Перед ним никого нет. Высокая женщина исчезла. Смертный делает два слепых шага в сторону, и пальцы по-прежнему вытянутой руки упираются в нависающий выступ стены. Серая шевелящаяся масса, интриговавшая его во время беседы, оборачивается мягкими и хрупкими, покрытыми шелковой пылью крыльями мотыльков. Некоторые вспархивают от прикосновения, кружатся перед лицом, потом садятся обратно, но большинство не двигается с места. Они ползают по стене, ощупывают ее перистыми усиками, тычутся короткими хоботками. Они кормятся здесь.

Чем?

Человек находит еще тлеющий факел и раздувает пламя, подносит к стене. Тысячи серебристо-серых мотыльков с большими треугольными крыльями слизывают с камня черные потеки какой-то жидкости. Смертный проводит по ней пальцем. Липкая, жирная, густая... Его рот приоткрывается от удивления. Что это? Кровь?!

— Беги! — хохочет темнота моим настоящим голосом. Голосом ночных кошмаров.

Заорав от ужаса, смертный роняет факел. В темноте он шарит по кровавым стенам, спугивает мотыльков, ища выход. Находит какой-то ход и несется им, я едва успеваю открывать перед ним отрезки тайного прямого коридора на поверхность. Десятки моих глаз прослеживают его путь. И, мерещится, смертный с каждым новым шагом освобождается от оков старого страха.

Выбравшись на поверхность, он отряхивается. Находит запутавшегося в волосах мотылька, и содрогаясь от отвращения, дергает вместе с клоком волос. Хрупкое тельце насекомого не выдерживает силы этого движения, и по ладони смертного расплывается пятно крови, выпитой мотыльком, с прилипшими серебристые чешуйками. Человек снова весь дергается от отвращения... но он постепенно приходит в себя. Взгляд уже не блуждает. Он вытирает руку пучком травы и уходит прочь. Может, он примкнет теперь к охотникам? Кто знает.

Высокая дама, прятая за выступом, вновь зажигает факел. Она подходит к стене и снимает с нее одного мотылька, бережно заключает в клетку холодных тонких длинных пальцев. А в это время в другом подземном коридоре на границе моих владений в руку другой марионетки-стража падают комья сырой земли с потолка. Она растирает их и поднимает голову. Охотники идут за мной. Они уже близко. Они посмеялись над моим театром и масками, они полагают, что вынесут вид меня настоящей. Потолок тоннелей дрожит от их поступи. Или это сам темный мир земли страха — земли вампиров колышется-трясется? Или это меня, трехсотлетний ужас смертных, пробивает тривиальная нервная дрожь?

Внезапно накатывает слабость, и я закрываю глаза... все множество своих глаз. Пока я играла со смертным, я забыла о страхе. На полчаса я выскочила из безнадежной реальности, где вокруг сжимается смертельное кольцо, на театральные подмости, но сейчас зрители разошлись и свет вновь потушен. Пора и мне вернуться обратно, во тьму, сотканную из страхов и сомнений.

Хозяйке тысяч кукол страшно. Огромное тело в самой глубокой камере подземелья колышется, безгубый рот кривится, изломанные тонкие руки взлетают в молящем жесте и падают бессильно, как мертвые. Паника передается куклам, и начинается муравьиная возня. Стараясь угодить хозяйке, марионетки носятся по коридорам, зажигают свечи и лампадки во всех камерах. Их свет хорошо разгоняет внешнюю тьму и делает чуть светлее мою внутреннюю. Я смотрю на золотистые ореолы вокруг пламени свечек, и кажется, что пустота внутри наполняется таким же мягким светом, напоминающем о начале рассвета. Страх смерти все также силен, но теперь будто отделен от меня тонкой прозрачной стенкой. Я вижу это темное чудовище также ясно и близко как прежде, но оно больше не может терзать мой разум, и если не глядеть ему в глаза, можно даже попробовать обдумать дальнейшую борьбу с ним. Нет, нельзя, нельзя бояться! Чем же отвлечься в перерывах между представлениями заключительного спектакля-триптиха Либитины?

Я вглядываюсь в дрожащие огоньки свечей. Это золотистое свечение так похоже на что-

то позабытое, но очень важное... Может, я действительно забыла что-то, чего забывать не следовало? Во мне поднимается тревога. Раскормленная страхом, она очень сильна. Вот уже, повинаясь ей, куклы собирают листы бумаги по всему подземелью, вырывают страницы из книг и стаскивают их в небольшую камеру рядом с моей. Туда же несут стол, стул, чернильницу и перья: готовят маленькую сцену для воплощения очередной фантазии Либитины.

Одни считают меня мужчиной, другие женщиной, третьи парой кукловодов. Говорят, что я служу владыке вампиров и ордену охотников одновременно. Кто-то считает, что под моей личиной прячется сам Макта, Первый вампир, другие — что мой возраст и способности куда скромнее. Кто из них прав, прав ли хоть кто-то? Я не могу сказать. Не помню, много-много лет не хотела ничего вспоминать о той, кем была когда-то, о том, что было в начале, до армии кукол, до боли и голода, заполнивших мое израненное тело. Но если это поможет раскрыть тайну золотистого сияния свечей, я готова попробовать и доверить историю Либитины, богини страха и владычицы мертвых, бумаге.

Я, как все вампиры, должна была быть сначала смертной. Какой я была тогда, какими надеждами жила?.. Светлая аура вокруг пламени свечи не дрожит, не изменяется, когда марионетка-писарь обрушивается на стол гору собранной по подземелью бумаги. Оно светит, ровно и покойно, мягко и тепло, ни на волос не уступая место тьме. Возможно, также горели свечи в церкви, где меня венчали с супругом, а, может, также отсвечивали тисненные золотые буквы на обложки книги сказок, которую я читала дочке.

"О чем же написать? О встрече с будущим мужем? О рождении ребенка?"

Нет, нет... Высокая темноволосая дама, говорившая от моего имени со смертным, с болезненным вниманием глядит на серого мотылька, бьющегося в ладонях, покрывающего шелковой серебристой пылью с крыльев удерживающие его пальцы. Красивое создание! Да, в мире, порой, случаются чудеса, и отвратительные гусеницы превращаются в прекрасных бабочек. Но как живое, свободное, умное, успевшее узнать и любовь, и надежду создание могло превратиться в раздутую от чужой крови вечно голодную тварь в холодной колыбели северной земли, спрятанную глубоко-глубоко от всех, и, главное, от себя? Наверное, вот об этом должна быть моя история. МОЯ история.

Часть 1 Рабыня

Часть 1 РАБЫНЯ

Я помню, как впервые увидела будущего Владыку Карды и ужас Терратиморэ, земли страха. Из окон комнаты, где меня наряжали и гримировали, глаз ловил только мельтешение красных пятен — флагов армии, вступающей в город, но я вышла из дворца. Впервые не потерявшись в лабиринтах садов и фонтанов, выбралась на широкую, прямую и светлую как солнечный луч улицу Виндекса. Тут собралось немало зевак, и проследив их взгляды, я впервые узрела его. В дальнем конце улицы человек гарцевал на белом коне, за его спиной развевался флаг с красным львом.

— Макта! — это единственное слово то и дело проносилось по толпе — рябь волнующегося моря. И я как все уставилась на далекую кряжистую фигуру. Макта — Убийца. Истинное имя этого человека никому не было известно, но за жестокость на поле боя и некоторые другие... привычки его прозвали Мактой. И этого страшного человека мне нужно будет встретить уже совсем скоро; нужно будет вести вежливую беседу, нужно будет смотреть в холодные глаза убийцы...

Паника заплескалась холодной тяжелой рыбиной в груди — бешено и больно. Я судорожно вздохнула, и прутья корсета немедленно впились в бока, а острые края драгоценной броши, которой был заколот пышный кружевной воротник, врезались в тонкую кожу дрожащей от биения разбушевавшегося сердца шеи. Поневоле пришлось вспомнить об узости рамок выражения эмоций, задаваемых церемониальной одеждой. Мне очень нравилась мода последних лет: свободные, расширяющиеся от груди вниз платья, перехваченные жемчужными нитями и витыми золочеными поясками. Искусные драпировки с изяществом обрисовывают истинный силуэт, а не зажимают формы в тиски корсета. Но для сегодняшнего представления пришлось нарядиться в худшее изобретение прошедших лет под названием "траурное платье королевы". Черное чудовище на костяном каркасе, вышитое черным же бисером, с огромным, но узким воротником, оставляющим ощущение петли на шее, и накладными подушками на бедрах, тяжелыми как мешки с мокрым песком. Черные ониксы были вправлены в юбку и лиф. Да, все платье было одной огромной, тяжелой оправой для них. Оно отлично могло бы справляться с ролью скорбящей вдовы и без хозяйки — по крайней мере, так мне казалось.

Нет, я не была королевой, не была пока и вдовой, но сегодня предстояло сыграть обе роли. Молодую графиню Аристу Эмендо мать нынешнего Короля заметила на столичном балу и тут же отметила ее потрясающее сходство с невесткой. Двойники уже были у Короля, у его матери, необходим был и двойник для Королевы. Так я стала Семель, супругой короля Арденса, оставаясь при этом Аристой. В двадцать два года одна моя жизнь навсегда раскололась на две. Я играла Семель бесчисленное количество раз: на балах и охотах, в религиозных ритуалах и на приемах послов соседних держав. Пожалуй, единственное, где я не подменяла настоящую супругу Короля, это в королевской опочивальне. А сегодня мне предстояло как Королеве принять Макту, убийцу Короля, во дворце убитого, и, может быть, пасть от той же руки — вместо Семель.

Я несколько раз медленно, осторожно вдохнула и выдохнула, больше не пытаюсь спорить с мрачной оправой, и скоро почувствовала, что успокаиваюсь. Что бы ни произошло дальше, сейчас я жива, и буду наслаждаться сладким и терпким ощущением жизни, сколько

смогу. Жаль отдавать последние часы тревожному ожиданию, страху и слезам. Я кинула прощальный взгляд вдоль улицы Виндекса и направилась во дворец. Оставшаяся за спиной широкая дорога из белого камня сияла в полуденных лучах жаркого солнца излома лета. Раздуто-пышные, с лепниной в виде диковинных цветов и листьев здания вдоль нее высились над столь же богато одетой и вычурно украшенной толпой, решившей встречать Макту как освободителя, а не захватчика. А вот я все еще сомневалась, как следует встречать убийцу Короля...

Наша страна, Терратиморэ, земля страха — самая молодая на континенте. Ей чуть больше ста лет и своим образованием она обязана первому Королю из пока единственной Династии Арденсов. Прежде наш край, хоть и был населен одним народом, говорящем на одном языке и имеющим одинаковые традиции, принадлежал одновременно пяти государствам. Пять стран дрались и мирились, то отнимая, то даря друг другу богатые рудой и плодородные земли. Наша карта непрерывно тасовалась, как колода карт, но пришла нежданная помощь извне. Империя Юга, перейдя под власть жадной и высокомерной королевы Режины, захотела расшириться. Она поглощала одного владельца части Терратиморэ за другим, и лишь Лазар Арденс, владелец Термины, сумел договориться с ненасытной Режиной. Она подарила ему еще четыре куска земли окрест Термины и объявила этого монстра, сшитого из пяти тел, вечным союзником и преемником Юга. Так возникла Терратиморэ, земля страха. Первые пятьдесят лет соседи с ужасом и восторгом наблюдали за ее ошеломляющим подъемом. Здесь впервые на континенте светская жизнь взяла верх над духовной, здесь возникла новая свободная мода в одежде и искусствах, здесь высказывались смелые предположения о строении Вселенной и месте человека в ней. А Империя Юга меж тем ослабевала. Завоевания Режины подорвали ее силы, а после смерти жестокой королевы она обнаружила себя со смертельной раной в боку. Соседи Терратиморэ и прежние владельцы пяти земель один за другим поднимали головы. Складывающуюся катастрофическую ситуацию усугубило решение Третьего Короля Терратиморэ и внука Лазара Арденса, который отвернулся от умирающего Юга и захотел подружиться с другими соседями. Он так стремился понравиться им, что заключил множество двусмысленных договоров по статусу некоторых пограничных земель Терратиморэ. Через тридцать лет эти договоры стали поводом к большой войне. Вновь пять стран раздирали одну на части, и, буду честна, нынешний Король-Арденс, лишь совершал ошибку за ошибкой и проигрывал битву за битвой. Когда положение стало патовым, он написал отречение, не поставив только дату, я узнала это от Семель. Он вел тайные переговоры со всеми пятью соседями о новом разделении земли страха и тихонько перевозил свое богатство к северянам, согласившимся дать опальной династии приют. Но тут появился Макта.

Сержант, низшее армейское руководство, в агонизирующей стране объявил себя генералом и с тех пор не проиграл ни одного сражения. Он вывел из игры за Терратиморэ Страну Восхода и западные королевства-близнецы, отмел немощную руку Юга и, наконец, совсем недавно, нанес сокрушительный удар сильнейшему в пятерке Северу. В армии его боготворили... и боялись, как Нечистого. Макта, несомненно, был гениальным полководцем. Но, как всякий гений, он казался слегка безумным и был подвержен странным, необъяснимым, непропорциональным произошедшему вспышкам ярости.

После победы над Севером Король Арденс порвал отречение и поехал встречу возвращающейся армии награждать героя. А Макта...

Передо мной опять предстали глаза Семель, когда она сообщала это. Королева не

любила и презирала супруга, но радость от его смерти на ее лице, которую она могла позволить показать близкой подруге, мешалась с противоестественным и странным ужасом. Да, противоестественным и странным становилось все, с чем соприкасался Макта:

— Его привезли, чтобы похоронить. Короля и еще троих из свиты. Их раздевали и вновь одевали без меня. Но, когда я потом подошла первый раз к телу мужа и коснулась ладонью его груди, почувствовала... другое. Слишком мягкое. Не тело! Будто вместо сердца Королю вложили пучок травы. Поэтому те слухи, которые поторопились объявить ложью сразу после появления, я думаю, правда. Макта убил Короля вырвав ему сердце и выпив из него кровь!

Помолчав, Семель добавила:

— Я отправила фрейлин проверить, что с телами тех троих из свиты. Они тоже набиты травой как чучела. Но зачем Макта пил кровь из их сердец? И почему он убил именно этих?

— Думаешь, это не случайный выбор? Если Макта был в припадке безумия...

— Нет, — Семель вздрогнула. — В припадке безумия, поддавшись злости, он мог убить министра Гедеона Вако, графа Алоиса Митто и их слуг, зашедших в его шатер с Королем. Но не двух юных пажей, оставшихся вне шатра, и не пожилую герцогиню, задремавшую в карете! Я чувствую: тут что-то зловещее, что-то что мы пока и представить себе не можем — настолько оно ужасно...

На это раз выбраться из хитросплетения кустов, фонтанов и статуй с первого раза не удалось. Я остановилась на круглой полянке, посреди которой была водружена статуя Первого Короля, гадая, какой из трех проходов в зеленых стенах живого лабиринта выводит ко дворцу — широкому, но невысокому, в два этажа, украшенному позолоченной лепниной настолько богато, что почти не виден был цвет его основного строительного материала. Солнце играло на позолоте фигурной крыши, посылая в глаза блики — жгучих искорки.

— Ариста, ты выходила на улицу? — раздался знакомый надтреснутый голос позади, и я обернулась. Обойдя высокий и узкий каменный постамент, ко мне подходила Кармель — супруга давно почившего Арденса-Третьего и мать недавно почившего Арденса-Четвертого. Остатки волнения исчезли. Эта старая женщина заменила мне рано умершую мать, она ввела меня в королевский двор, наделила всевозможными привелегиями и объяснила, как верно распорядиться дарованными природой умом и красотой. Я преклонялась перед ее мудростью и светом души. Кармель казалась мне идеалом, я надеялась со временем стать хоть чуточку на нее похожей. Да, и ее муж, и сын были не лучшими правителями, но я не видела в том вины Кармель. Женщины в Терратиморэ отстранены от высших властных постов, мужчины равно редко прислушиваются к их предостерегающим крикам и осторожному шепоту. Влиять на решения мужа и сына Кармель не могла. Но она поощряла науки и искусства и знала о земле страха и ее соседях больше чем кто-либо, предугадывая развитие их диалогов на три реплики вперед — и то и другое в равной степени восхищало меня.

Кармель и внешне выглядела великолепно для своих лет и нисколько не умалялась на фоне памятника великому предку, горделиво вззирающему на созданное им государство. И состарившись она сохранила девичью стройность, волосы, прежде пышной гривой лежавшие на плечах, теперь были убраны в высокую сложную прическу, но оставались здоровы и блестящи как в юности. А ее глаза... Иногда я воображала, что те же глаза были у женщины из моих снов, молчаливой бледной женщины, приходившей из мира призраков, идей и сказок и садившейся в лунные светлые ночи в моих ногах. Мудрый и пронзительный, дарующий силы подниматься и идти вперед после любых ран взгляд.

Кармель подошла, жестом пригласила присесть на скамью. Я устроилась на краешке, черное тяжелое платье нехотя сменило форму, дав почувствовать себя теперь не стоячей, а сидячей статуей.

— Простите, что вышла, — повинулась я.

— Ты видела Макту?

— Он скоро будет здесь.

— Боишься? — прямо спросила Кармель и кивнула сама себе, заранее соглашаясь с утвердительным ответом. — Все бояться. Макта совершенно непредсказуем. Но ты не должна пострадать от его руки. Не думай, что я отправляю тебя на смерть, я отправляю тебя в новую жизнь. Не лги ему сверх необходимого, не упорствуй во лжи, и он пощадит тебя и введет в свиту. Дай мне лишь несколько минут на то, чтобы закончить дела.

— Я не боюсь за себя. Я исполняю свой долг. Перед страной, перед королевским родом, — я намеренно проговаривала громкие слова тихо: так в их правдивости легче было убедить и собеседницу... и себя. Ведь я боялась, ужасно боялась! — Я служу Королеве, а не Макте. Если нам с мужем удастся выжить сегодня, мы уедем на юг, в Донум, в наше тайное убежище. Дочь уже там.

— Хорошо, — улыбка осияла лицо Кармель, будто светлый чистый ручей пробил скалу. — Антея в безопасности — значит, хоть за это прелестное дитя мое сердце не будет болеть и рваться на части. А от службы я освобождаю тебя, Ариста. С этого момента делай то, что подсказывает честь. Знай, мы все зависим сейчас от тебя. Судьба рода Арденса в твоих руках.

"Освобождает от службы?" — я невольно вскинула на нее удивленные, обиженные глаза, и тут же снова опустила взор, поняв, что разглядела во мне Кармель. Не страх возможной скорой смерти, не готовность послужить Династии в последний раз... — она разглядела мое сомнение. Тех ли я защищаю, или жалкие, выродившиеся нынешние Арденсы достойны своего палача?

По центральной аллее пронесся экипаж, запряженный парой черных лошадей, с гербом Гесси на дверце. Кармель вздохнула и поднялась.

— Что ж, это за мной, — ее лицо потемнело, она махнула перед глазами рукой. "Будто отогнала явившегося ангела смерти", — пришло сравнение.

— Я еще увижу вас?! — сорвалось с губ. — Для чего вам нужны эти несколько минут, в течение которых я буду играть Семель?

— Спасать свой род от Макты, — Кармель криво улыбнулась. — Ты же понимаешь: он не успокоится, пока не уничтожит всех нас. Ты также спасла свое продолжение, Антею, отправив ее в Донум... Не думай, что помогаешь стране или королевскому роду, Ариста. Все эти слова — такая чепуха! Думай, что помогаешь такой же матери, как ты сама.

Сомнения испарились, оставив в горле немного горького сухого осадка. То, что Кармель напомнила о ценности семейных связей, о материнских чувствах, неожиданно обрадовало и подбодрило. "Действительно, только за них и можно сражаться совсем без страха", — подумала я.

— Прощай, Ариста.

— Моя Госпожа, — на глаза навернулись слезы, голос дрогнул. Я поняла, что леди Кармель попрощалась со мной навсегда. Так хотелось напоследок заглянуть ей в глаза, запомнить их мягкий и сильный свет. Но старая женщина уходила, не обернувшись.

В темном портике дворца у главных дверей из розового дерева с позолоченными

завитушками меня ждали первый министр Гедеон Вако и граф Алоис Митто. "Ближайшие приближенные почившего Короля теперь будут сопровождать двойника Королевы на встречу с тем же человеком, Мактой-убийцей", — при этой мысли неожиданный холод проник к вмиг ослабевшему телу сквозь незаметные глазу трещины в броне платья. Будто я стояла не на залитых летним высоким солнцем мраморных ступенях дворца, а посреди бескрайнего ледяного поля, в сердце зимы, вдали от какого-либо людского жилища. Поняв мое состояние, граф Митто улыбнулся:

— Не бойтесь, леди Ариста! Сегодня мы с Гедеоном будем вашими талисманами на удачу.

— Для Короля вы были плохими талисманами, — усмехнулась я. Одарила сначала Вако вполне равнодушным дружеским взглядом и постаралась в точности перенести этот взгляд на Митто. Молодой светловолосый граф, красивый холодной красотой звезд, немного нравился мне, но не нужно было, чтобы он прочитал это в моих глазах. Привыкший к тому, что фрейлины быстро сдаются на милость его чар, Митто может неверно прочесть этот знак и позже оскорбиться или, наоборот, непомерно воспламениться моим упорным сопротивлением. А я и дорожила доверием мужа, и боялась опутать его с дочерью шлейфом интриг, который обязательно потянется за отвергнутым любовником-придворным.

— Когда Король встречался с Мактой, мы были другими, — заметил Гедеон Вако. Немолодой мужчина плотного телосложения, с великолепной выправкой и властным взглядом холодных серых глаз, благодаря уму и хитрости в удачном сочетании с поразительным хладнокровием, был бессменным первым министром и при нынешнем Короле и при его отце. — И сама ситуация была другой. Поэтому ничего не бойтесь, леди Эмендо.

Вслед за ними я прошла во дворец. Слова Гедеона растревожили меня. Какая-то загадка таилась в тоне, которым он произносил слово "другой". И я опять подумала: "Противоестественным и странным становится все, чего касается Макта, все, кого касается Макта".

Между колонн тронного зала пестрым цветником расположилась свита Майи Лакус. Бесстрашные девушки перебрасывались колкими шуточками из-за кружевных вееров и звонко смеялись. Молодая белокурая герцогиня Майя Лакус вальяжно расположилась на специально принесенном для нее диванчике в глубине зала. Ее окружало четверо самых красивых юношей из свиты, в тонкой изящной руке бокал с вином. Пожалуй, в другом окружении и с другими атрибутами я не видела Майю. Даже на парадном портрете она была изображена в компании подушек, красивых кавалеров и бокала вина.

Большинство присутствующих не знало, что перед ними сегодня не Королева. Все застыли в подобострастных поклонах, пока я проходила к трону под мелодичную речь церемониймейстера. Майя отсалютовала бокалом. Она не прошептала: «не бойся», этим пожеланием только подчеркивая мой страх, но во взгляде я прочитала искреннюю поддержку. Чуткая подруга знала, как подбодрить. Также как и я знала, что по крайней мере бокал был лишь ее игрой: за вечер приема или бала она отпивала из него один-два глотка или вовсе оставляла вино нетронутым.

На улице Виндекса зашумели, приветствуя подъезжающего ко дворцу Макту. Я болезненно прислушивалась к далеким крикам: рад народ или возмущен? Но ничего не смогла разобрать. Все звуки глохли в нарастающем волнении. Тяжелый головной убор пыточным обручем сдавливал виски, сердце разрослось до размеров тела, пальцы на

подлокотниках трона подрагивали, когда по ним пробегала очередная сильная волна пульса, спазмы скручивали живот в тугой болезненный узел. Я порадовалась, что в последние двое суток от страшных картинок будущего под владычеством Макты мне кусок в горло не лез, и желудок давно пуст.

"Антея в безопасности, хоть за это прелестное дитя не будет болеть и рваться мое сердце", — вспомнила я слова Кармель и тихонько улыбнулась. Но сил улыбка не придала. Я помнила еще и о муже, Эреусе, который с отрядом стражи охранял сейчас комнаты леди Кармель в дальнем крыле дворца. Если Макта распознает мою ложь и пожелает увидеть Кармель до того, как она завершит дела, Эреус встанет у него на пути... с предсказуемым трагическим финалом. Потому, освободила меня Кармель от службы или нет, отказаться играть роль я не могла. Он меня зависела не только судьба королевской династии, но и жизнь мужа.

Незнакомые четкие шаги раздались на лестнице, и по тронному залу разлилась невообразимая тишина. Не было слышно дыхания людей, лишь свечи в больших канделябрах трещали ужасающе громко. Я заметила, что вцепляюсь в подлокотники трона как в последнее спасение, и постаралась расслабить побелевшие от усилия пальцы. Голова была совершенно пустой, но я знала, многолетняя выучка сработает, и, когда Макта войдет в залу, заготовленный текст выдам без запинки. Шаги грохотали уже совсем близко, и во рту пересохло. От пестроты нарядов собравшихся зарябило в глазах.

"А ведь в трауре только я, точнее, Семель, — машинально подметила я, и тут же стало страшно до полного паралича разума, живот скрутился, будто его отжали как мокрую тряпку. — Никто больше не почтил память Короля-Арденса хотя бы черной повязкой на рукаве. Значит, пожелай Макта вырвать у меня сердце прямо тут, никто не попытается вмешаться. Эта яркая толпа разразится радостными поощряющими возгласами, когда убийца поднимет над головой мое еще горячее и полное крови трепещущее сердце. Как быстро скинули маски те, кто считали Терратиморэ самой прогрессивной страной и даже объявляли светочем человечества! Переворот Макты был палкой, поднявшей со дна глубокой лужи — земли страха всю грязь".

Двери залы распахнулись, и в эту зияющую бездну немедленно рванулись все чувства, оставив голову опять до звенящей боли пустой, а живот туго свернутым в клубок. На пороге показалась фигура человека, скоро свечи осветили его лицо, и многие, многие в зале испустили вздох облегчения. Это был не Макта. Человек взглянул на церемониймейстера, и тот, приготовившийся объявить о прибытии Макты, так и застыл с полуоткрытым удивленным ртом. А человек ступил на узорчатый пол залы с изображением герба Терратиморэ — быка с острыми лирообразными рогами, и прищурился, разглядывая фигуру в черном на троне. Меня.

— Скорбящая вдова Терратиморэ, — он расплылся в улыбке. — Готовься приветствовать спасителя земли страха — Макту!

Я с любимым выражением Семель — презрительным удивлением разглядывала пришедшего, пока ничего не говоря. Сначала он показался совсем мальчиком: субтильная фигура, тонкие, не мужественные черты лица. Но когда человек подошел ближе, стало понятно, что ему по крайней мере тридцать пять лет. В белой рубашке с богатым кружевным воротником, белой, прошитой серебряными нитями куртке, накинутой на одно плечо, белых же панталонах и туфлях, с совершенно белыми волосами до плеч, с очень бледным, видимо, сильно напудренным лицом, он напоминал изящную гипсовую статуэтку. Яркие тонкие алые

губы на однообразно светлом фоне производили отталкивающее впечатление: казалось, будто по лицу мужчины провели острой бритвой, прорезав кривящийся в постоянной глумливой улыбке рот.

— Вы не представились, — загремел голос верного Гедеона Вако справа от меня. Человек отвесил одновременно горделивый и шутливый поклон:

— Нонус!

Нонус. Это имя упоминалось в Терратиморэ почти также часто, как Макта. Нонус, Дигнус, Кауда — это были трое ближайших сторонников Макты.

— Близость к Макте не дает вам права входить сюда без приглашения и представления, — сообщила я и добавила то, что непременно добавила бы Семель. — Как и... не делает вам чести.

— Прошу простить, Ваше Величество, но у меня очень мало времени, — с напускной вежливостью сказал Нонус. Его голос был тих, вкрадчив и довольно высок. Таким голосом в сказках разговаривает Хитрый Лис. — Сидите на троне, сколько Вам угодно. Можете не вцепляться так в подлокотники, Макта не отберет его у Вас. Вы останетесь Королевой Терратиморэ. Мне и моему господину нужна сейчас леди Кармель. Где она? — его глаза недобро блеснули, он оглядел залу. — Почему не с женщиной, носящей ее внука?

Я скрыла замешательство за очередной холодной усмешкой. Откуда Макте известно, что Семель беременна? Именно эта причина сегодняшней замены Королевы на двойника была объявлена мне как официальная: лишнее волнение Королеве ни к чему. Но о причине замены знали только я, Кармель... и сама Семель.

По залу шорохом кучи опавших листьев пронесся шепот. Придворные обсуждали новость.

— Леди Кармель нездорова после смерти сына, — сухо сказала я. — Макту проводят в ее покои чуть погодя, если он пожелает. Но у меня к вам тоже есть вопрос: где Макта? -

К этому времени я почти успокоилась. Надев маску Семель, я слилась с ней, как всегда было прежде. Лицо отражало только достойные Королевы эмоции, голос звучал звонко, четко, ровно. Я без страха смотрела в раззявленную пасть открытых дверей: уже не мерещилась за ними Бездна. Поэтому не сразу осознала, кто встал в дверях, дожидаясь объявления церемониймейстера и не сразу испугалась этого мужчины в красном плаще и серебряном металлическом нагруднике поверх серой котты с огненно-рыжим львом.

— Макта... — холодным осенним ветром — предвестником смерти сорвалось с губ, когда я, наконец, заметила его, и человек, сочтя это достаточным представлением, ступил в зал. Невысокий, средних лет, плотного телосложения, правая рука в красной как его плащ перчатке лежала на эфесе неснятого меча. Простое, широкоскулое, с тяжелой нижней челюстью лицо, пухлые губы. Маленькие зоркие глаза равнодушно окинули затихший зал и остановились на мне.

— Ваше Величество, — Макта поклонился.

— Я благодарна вам за спасение Терратиморэ и вечно буду благодарить Бога за то, что в тяжелый час он послал вас земле страха, — сумела спокойно сказать я заготовленный текст. — И мою благодарность не приглушит траурный цвет моего платья, запомните это.

Пока я говорила, в зал входили приближенные Макты. Появились Дигнус и Кауда — почти неотличимые от Нонуса, в белых куртках и кафтанах, с напудренными лицами. Были тут и кардинские аристократы из числа тайной оппозиции Королю, и грубоватые вояки, которые никогда не попали бы во дворец Арденсов при других обстоятельствах. Митто

бабочкой вспорхнул с места по левую руку от меня: полетел знакомиться и устанавливать связи — плести новую паутину придворных интриг поверх старой, зияющей дырами. Я же не отрывала взгляда от Макты.

— Странная у вас свита, Макта, — заметила я, точнее, Семель, щепетильная к внешнему виду окружающих.

— Я беру к себе людей, исходя из их полезности, а не приятной для глаз внешности, — парировал мужчина. — Ведите меня к Кармель... — он осекся, шагнул ближе. Взгляд серо-зеленых глаз пронзил меня, прогвоздив к спинке трона, и я вдруг представила, как сильная рука убийцы пробивает доспех моего платья. Короткие толстые пальцы раздирают кожу как бумагу, как прутьики ломают ребра, железным капканом сжимают сердце... Меня будто окунули в ледяную воду. Как в страшном сне, когда тебя толкают в пропасть.

— Ты не беременна! — прошипел Макта, все также пригвождая взглядом. — Где Королева?! Где Кармель?!

Следом произошло сразу много событий. Заахали у стен, но глаза фрейлин Майи горели — девушки ждали и жаждали привидевшегося мне кровавого зрелища. Майя поднялась с диванчика. "Вастус!" — строго и властно прикрикнула она на Макту, будто дрессировала собаку. Через неприметную боковую дверь зашел лорд Лоренс Гесси, прошептал что-то министру Вако на ухо, и Гедеон просиял. А в дверях залы показалась точная копия меня — дама в черном платье и траурном головном уборе. Дама возгласила:

— Я Четвертая Королева Терратиморэ, Семель. Оставь ее, Вастус!

Макта повернулся к Семель и я смогла вздохнуть. Кровь прилила к щекам, я почувствовала, что они сияют на весь зал даже из-под слоя пудры.

— Еще одна Королева Терратиморэ? — язвительно спросил Нонус и засмеялся. — Нет, леди, знаете, нам больше нравится та, что на троне. Мы уже привыкли к ней. Так что... вон!

Семель вспыхнула в точности как я, но с места не двинулась. "Кармель хотела увезти ее подальше от Карды, — вспомнила я. — Значит, своенравная невестка решила не подчиниться..."

— Покои Кармель открыты для вас, Вастус, — своевременно заметил Гедеон Вако. — Пойдемте, я провожу.

Макта ушел, сопровождаемый первым министром, разношерстная свита потянулась за предводителем. Остался только один белый, судя по тонкому, кривому, будто бритвой прорезанному рту, Нонус. Он смешно хмурил брови и быстро постукивал пальцем по губам, обдумывая что-то.

— Зачем этот маскарад? — панибратски спросил он меня, потом Семель. Обе молчали. Семель двинулась через весь зал, губы молодой Королевы кривились в презрительной и горькой усмешке, взгляд был надменен, как высокие горы, у подножья которых стояла Карда.

Семель была моложе меня на пять лет. Без грима и формирующих нужную фигуру платьев мы были не так уж похожи. Обе темноволосые и темноглазые, с четко очерченными скулами и сильной длинной шеей, покатыми плечами, но у Семель тонкие, изящные, будто каллиграфом написанные лицо и силуэт, моя же красота была более грубой и чувственной.

— Уходи, Ариста, — холодно сказала Семель, подойдя. — Уходи! — прошипела она. Реплика Макты до сих пор терзала ее как отравленный кинжал в ране.

Я на редкость проворно для своего одеяния соскочила с трона, запоздало поняв, что сделать это следовало, едва Семель появилась в зале и объявила себя истинной Королевой. Глубоко поклонившись, отошла в сторону. Семель, заняв трон, казалось, успокоилась.

— Спасибо, что подменила, Ариста. Постараюсь ответить тем же, — тепло сказала она. Эта была наша с ней давняя шутка. Я вежливо, как требовала ситуация, улыбнулась:

— Рада служить, Госпожа, и чту ваше решение вернуться. Как леди Кармель? Я беспокоюсь о ней. Она успела завершить дела?

— Успела и мертва, — одними губами, не меняя выражение лица. Я постаралась сохранить ту же равнодушную маску, хотя это было сложно. Я полагала, делами Кармель была подготовка бегства оставшихся Арденсов, а, оказалось, самоубийство. Предчувствие не обмануло: в саду я видела леди Кармель живой в последний раз!

— Уезжайте из Карды, Ариста. Возвратитесь, когда буря успокоится. — прошептала Семель и обратилась теперь к Митто: — Алоис, проследи за Мактой. Он скоро явится сюда из покоев Кармель. Явится в ярости... — Королева опять повернулась ко мне. — Уходи же!

Я ретировалась. Но у выхода из зала дорогу заступил Нонус.

— Жаль, что Королева — это не вы, — тихо сказал он, беззастенчиво окидывая взглядом мое лицо и фигуру. — Вы намного ярче Семель.

Я улыбнулась: "Ну вот, опять!"

— Ярче, красивее, умнее, величественнее — слышала я много раз от разных людей, и столько же раз эта грубая лесть вызывала у меня мигрень. Не рассчитывайте на мое участие в ваших интригах, Нонус. Я служу Королеве.

Он оскалился, показав длинные, острые как у маленького ребенка клыки:

— Участники моих интриг чаще всего не догадываются о своем участии, леди Ариста.

Я собралась резко ответить ему, но знакомый шелест и позвякивание нагрудной пластины донеслось сквозь длинную анфиладу залов. Сюда спешил Макта. В развевающемся красном плаще, бледное злое лицо... Он шел быстро, размеренно, тяжелые шаги — поступь самой судьбы навсегда эхом отпечатывались в залах дворца. Его глаза казались черными из-за расширившихся как от боли зрачков, и я поняла: вот он, истинный Макта-убийца! За моей спиной Нонус слышно сглотнул. Но Макта не заметил нас. Он прошел мимо, в зал, оттолкнув с пути кого-то.

— Обманщики! — его голос разнесся по анфиладе залов, разлетелся из открытых окон и с ветром распространился по всей земле страха. — Что ж, раз Кармель больше нет, я заставлю расплатиться вас, сполна расплатиться! Вся страна будет отдавать мне долг Арденсов! Я не успокоюсь, пока не получу его! До капли!

Кто-то, Дигнус или Кауда, подал ему корону Арденса, и Макта короновал сам себя в полном молчании зала. Семель поднялась. Гедеон вручил ей плоскую шкатулку с медальоном — знаком Короля, и Королева, осторожно держа ее перед собой, спустилась с тронного возвышения, пошла к Макте. В эти мгновения она была... Кардой, самым воплощением Терратиморэ. Темное платье казалось кусочком мрачной холодной ночи предзимья, вуаль на волосах — частицей тьмы, прячущейся в углах залы от теплого света свечей. Очень бледное лицо с живыми, лихорадочно блестящими глазами было одухотворенным, но и тревожным. Будто она провидела сейчас злую судьбу земли страха на много поколений вперед... и все-таки шла навстречу Макте.

Семель надела медальон на шею Макты, а потом слилась в поцелуе с убийцей мужа. В зале нерешительно заплодировали. А я, наконец очнувшись от оцепенения, бросилась в покои Кармель. Слуги как хорошо отлаженные механизмы распахивали передо мной двери залов. Я завидовала их равнодушию. Старый мир рухнул, но они вовсе не почувствовали этого: двери-то остались на месте, только те, перед кем их следовало распахивать,

сменились. Можно было уже не скрывать свое состояние, и я то всхлипывала, то раздражалась нервным смехом. Любой, увидевший это гримасничающее лицо, счел бы меня сумасшедшей. Один раз вынуждена была остановиться: затрясло, когда вспомнила, как Макта пригвождал взглядом к спинке трона. Немного придя в себя, огляделась: темные холодные залы старой части дворца, пропахшие горькой эссенцией, которую принимала Кармель. Я почти на месте.

Я прошла вперед еще немного, и взгляд зацепился за тело, лежащее в полосе света, падавшей из открытой двери в спальню. Фигура человека была накрыта плащом стражи и по очертаниям в ней угадывался мужчина. Стража толпилась вокруг, Алоис Митто распоряжался о чем-то. Но где мой муж?

— Эреус, — прошептала я, уже угадывая, кто лежит под плащом. Митто оставил стражу, пошел ко мне, и страшная догадка укрепилась. Кожа словно покрылась ледяной коркой, корсет панцирем сдавил тело. Мужа я любила. И он любил меня. Придворная жизнь богата соблазнами и быстро развращает даже праведников, немногие сохраняют верность дарованному Богом супругу. Но мы с Эреусом остались друг у друга единственными. Мое сходство с Семель позволяло держаться в достаточной близости к трону и в то же время было своего рода индульгенцией, отпустившей нам грехи скромности и равнодушия к интригам и страстям высшего света.

— Где мой муж? — тихо, скованно от боязни разрушить новый ледяной доспех, спросила я. За разрушением доспеха придет волна дикой боли, способной даже убить. А тело, вопреки всему, хотело жить.

— С Кармель, — двусмысленно сказал Митто. — Что Макта? Бушует?

— Он короновал себя... — выговорила я и радостно вскрикнула, увидев человека, выходящего из спальни Кармель — крупного золотоволосого мужчину в зеленом коротком плаще начальника стражи с богатой перевязью. Поймав прозрачный и твердый как алмаз взгляд его светло-голубых глаз, я воскликнула:

— Эреус!

Он повернулся ко мне, лицо посветлело. Мы бросились друг к другу и встретившись в дверях, обнялись, не обращая внимания на тело под плащом почти под нашими ногами.

— Ариста, ты зачем сюда пришла? Глупая, — тихо, ласково сказал он. — Уходи из дворца. В этом гриме и платье ты слишком похожа на Семель, а Макта...

— Он целуется сейчас с настоящей.

— А, — глуповато сказал муж. — Значит, Королева перешла новому Владыке Карды вместе со знаменем и медальоном Арденса? — Он и Митто засмеялись, но я не присоединилась к ним. Я вспомнила о теле под плащом... и о леди Кармель.

— Кого тут убили? Стражника?

— Одного из множества бастардов Третьего Арденса, — спокойно сказал муж. — Невелика потеря.

— Макта, как подобает льву, избавляется от выводка предыдущего владельца прайда, — заметил Митто. Я разглядела кровавое пятно на плаще в области груди убитого и содрогнулась. Какую рану там скрывают? Может быть, вырванное сердце?

"Нет, руки Макты были чисты, когда он несся в тронную залу. Умерь фантазию, Ариста!"

— Леди Кармель там? — я кивнула на спальню. — Я хотела бы увидеть...

— Не стоит, леди Эмендо, — холодный тон мужа испугал, но я все равно прошла в

комнату. Леди Кармель полулежала, прислонившись к кровати. Худая старческая рука цеплялась за вышивку на лифе платья. Она разорвала нитку бус на шее, и весь пол вокруг был усыпан черными шариками ониксов. На лицо старой женщины падала глубокая тень полога над кроватью, но я подошла ближе... и отшатнулась. Нет, мне не дано было напоследок увидеть мудрый светлый взгляд названной матери. Лицо Кармель исказилось от злости, я едва узнала ее. Глаза, полные ядовитой демонической ненависти, вперились в далекую точку: наверное, Кармель представляла там Макту, когда умирала. Пальцы левой руки стискивали пузырек с остатками яда, отвратительная зеленоватая пена застывала на тонких искривившихся губах. Самоотравление — она выбрала тяжелую смерть.

Я только через минуту поняла, что шепчу молитву, по версии няньки отгоняющую злых духов.

— Старая ведьма! — крикнул кто-то за спиной. Я обернулась. Оказывается, к Эреусу и Митто присоединился Нонус. Соподвижник Макты прошел в спальню, отыскал закатившийся под узорчатое покрывало кровати еще один стеклянный пузырек. С минуту он изучал его: понюхал, попробовал остатки содержимого на вкус, а потом отшвырнул с исступленным криком:

— Ведьма! Теперь ясно, что она сделала... Только не реви! — вдруг напустился он на меня. — Или нет, плачь, но не об этой твари, а о нашем крае! Вы понимаете, что посадили на трон чудовище?!

Последняя фраза Нонуса была не простой констатацией жестокости нового правителя Терратиморэ. В ней слышался мистический ужас. И я поняла: "чудовище" — это вовсе не метафора...

Чудовище.

У многих аристократов Карды были летние дома за пределами столицы — в Сальтусе, Патенсе, других областях Термины, но так далеко как Эмендо на юг не забрался никто. Мы вот уже семь лет проводили две или три недели лета в Донуме. Еще сто лет прозрачной вуалью пронесутся над землей, меняя ее облик, и здесь вырастет шумная, кипучая новая столица — Дона... но сейчас тут были лишь бескрайние поля. Пятнисто-цветастое разнотравье по берегам широкой реки Сермы, степенно несущей воды к океану, по ночам превращалось в серебристое море под мерцающим куполом звездного неба. В горах на восточной окраине Донума был источник необычной целебной воды. Я каждый вечер пила горячий отвар горных трав, приготовленный на ней, и после спала без кошмаров. Макта, выжимающий кровь из моего еще пульсирующего сердца в бокал, не явился ни разу, но я была далеко не в порядке. После всего произошедшего я замкнулась в ледяном шоковом панцире, оставив из всех эмоций только не обязывающую думать и не ужасающую грозными картинками будущего скорбь по Кармель. Напрасно Антея пыталась развлечь разговорами и отвлечь нарочито детскими вопросами. Я спала и видела сон о Кармель.

Больше всего терзало ее жуткое лицо, костенеющее в смерти. О чем думала она, отчего ей было так тяжело и больно в последние мгновения жизни? Если б узнать и исправить это, чтобы она улыбнулась на небесах!

Но, тут же вспоминая посмертную гримасу старой леди, я содрогалась: на небесах ли? Всё-таки в мои сны наяву мало-помалу просачивалась тревога о Терратиморэ.

"Кармель не захотела заплатить мне долг, так я возьму его с вас!"

"Плачь не о ней, а о стране!" -

Впрочем, отражения сказанных в мрачный день переворота фраз пока лишь

проскальзывали в глубинах моего зеркального панциря-щита. А муж не скорбел и вполтину так, как я, и скоро начал высказывать недовольство моими опухшими глазами.

— Не заслуживает эта старая ведьма ни слезинки! — безыскусно прямо и внезапно, как всегда, заявил он, когда мы, прикрытые только большим цветастым платком, отдыхали на укрытой от посторонних глаз полянке после утренней близости. Он застал врасплох — уколол острой иглой под размягчившийся от любовной игры панцирь. От фантомного ощущения я даже съежилась и слабо возмутилась:

— Мой лорд, почему сейчас!?! И как вы можете! Она была мне второй матерью!

— Леди Кармель была замечательной кукловодшей, — покрытая курчавыми золотистыми волосами грудь мужа под моей ладонью будто окаменела. Он был решительно настроен поговорить о Кармель и приготовил вторую иглоку: — Ведь даже в последнем в жизни разговоре знала, за какую ниточку потянуть, чтобы у вас и сомнений не возникло, идти ли в тронный зал жертвенным ягненком.

— Она поставила себя на одну ступень со мной, самую важную: мы обе матери. Это так! А вы говорите...

— Оборвите ниточки, леди Эмендо! Вами поиграли и выбросили! -

Я машинально отметила, как грустно дернулись уголки губ мужа на последней фразе, и вдруг все поменялось. Не замеченный им самим простой жест расколол мой шоковый панцирь, наращенный в дни после переворота. Раскаяние хлынуло сквозь открывшуюся рану, затопило сердце. Я наконец-то увидела ситуацию глазами мужа.

Им тоже поиграли... и выбросили. По приказу Макты королевская стража была расформирована. Эреус взял себе одного молодого стражника, Эрвина секретарем, остальные же были потеряны. Дело его пяти последних лет было выброшено в помойную яму.

Я обняла Эреуса крепко и тепло, уткнулась лицом ему в плечо.

— Простите меня.

— Вы понимаете?! Я потерял все, все, — быстро, невнятно заговорил он и замолчал, играя желваками и досадуя на себя за слабость.

— Вы все вернете, я верю, — я замолчала. Новые беды и тревоги напоздали широким грозным фронтом на горизонт моих дум. Будущее нашей семьи было, и правда, мрачным. Неспроста я предпочла этим думам скорбь по названной матери! Если Семель вновь не потребуются услуги двойника, ход на королевский двор будет для Эмендо закрыт.

— Эреус, давай пока просто поживем здесь? Отдохнем, соберемся с силами? — наугад сказала я, для доверительности отказавшись от титулов. Муж хмыкнул, но потеплел:

— Придет осень, время балов и приемов, — и ты прибежишь в Карду бегом, в бальных туфельках... Здесь нечего делать, кроме как медленно сгорать под южным жестоким солнцем, Ариста.

Солнце в Донуме было действительно жестоким. Неестественно черными под ним казались наши с Эреусом тени на траве. Муж приподнялся, разминая затекшую руку, и его тень побежала по земле дальше, коснулась и слилась с тенью кроны дерева, такой же болезненно контрастной для глаз. Дальше лежала тень холма, а на нем — тень поместья. Как много тени вокруг! Будто большая буря собирается, да не в небе, а под ногами... Я почему-то вздрогнула. Впервые после отъезда из Карды страх всерьез накатила большой холодной волной, соленой не как морская вода — как кровь:

"Что вы сделали? Вы посадили на трон чудовище!" -

Черные тени, черные мысли, черные предчувствия. Черный август.

— Подождем. Полагаю, скоро в гости наведается Митто или Вако, чтобы заручиться вашей поддержкой в очередной интриге, — ободряюще сказала я. — И Эмендо вернут себе все, что потеряли.

Гедеон Вако прибыл на закате следующего дня. Тайно, в закрытой карете без герба фамилии, без слуг. Я смотрела, как первый министр поднимается в гостевой домик, где решено было побеседовать, и в сердце, вопреки недавним собственным ободряющим словам, нарастала тревога. В длинном темном плаще с капюшоном, бросающим тень на лицо, Гедеон казался призраком, явившимся в сумерках напрогнать несчастной деве злую судьбу.

"Что за глупые фантазии, Ариста! Это просто старый знакомый Гедеон. Просто очередной круг нити в паутине интриг. Успокойся".

— На прошлой неделе Макта казнил последнего человека, открыто носившего фамилию Арденс, — без долгих предисловий сообщил Гедеон, едва Эреус захлопнул дверь, и мы сели за стол в центре гостиной — место для карточных игр и заговоров. — На этой неделе он затеял укрепление границ. Объявил цифру призыва, как в военное время. По тону, каким он общается с послами, можно догадаться, что все дипломатические связи, установленные Арденсами, будут разорваны. Он стремится изолировать Терратиморэ. И хочет устроить здесь какой-то "суд по крови" — средневековое варварство, охоту на ведьм. И это у нас! Давших миру таких философов, как Медеор и Нессморс! — министр и последователь учения Медеора эмоционально всплеснул руками. — Что ж, новый Король не отдыхает ни днем, ни ночью, и нам, друзья, отдыхать не следует.

— А его свита? — хмуро спросил муж. — Я слышал, и тебя, и Митто он оставил на прежних местах. Как вы уживаетесь с его тремя белыми куколками?

— Двумя. самого опасного, Нонуса, удалось отлучить от трона. Я убедил Макту, что Нонус и прежний путь не нужны новому Королю, указал путь королевский, и Макта сам изгнал своего вернейшего соратника. Я хотел бы уничтожить Нонуса совсем, — глаза Гедеона блеснули недобро и тревожно, — но он... будто исчез. Впрочем, пока он не надумает вернуться, мне до него дела нет! — министр усмехнулся. — Из прежнего окружения Макты я взял только двоих, исполнительных и не строптивых, как Нонус. Кауде поручен Суд по крови, Дигнусу связи с иностранными послами. Таким образом, все прежнее окружение Арденсов осталось у трона... Почти все, — Гедеон помолчал. — Только ты пострадал, Эмендо.

Эреус фыркнул:

— Я снова соберу стражу, будь уверен! — он хлопнул ладонью по столу. Меня ободрил этот жест. Я боялась, муж долго будет переживать отстранение от двора и, к счастью, обманулась.

— Как Семель? — встрепенулась я, когда пауза стала затягиваться. Усмешка змеей проползла по лицу Вако:

— Сняла траур и примеряет белое платье невесты. Да, по слухам, она уже не носит ребенка Арденса.

Я охнула:

— Ей не надо было приходить в тот день во дворец! Или это Макта приказал ей избавиться от неудобного ему ребенка Арденса?

— Спроси при встрече, — равнодушно сказал Гедеон. Был зажжен всего один трехсвечник в центре стола, мы трое были на равном удалении от него, но мне показалось

сейчас, будто министр освещен... лучше. Тени падали на его лицо по-другому, не подчеркивая, а приглушая недостатки. Впервые за все годы знакомства с Вако я подметила: в молодости он был красив! А случайный взгляд на его кисти, неподвижно и изящно, как у мраморной статуи, лежащие на столе, внезапно вызвал туманную, но жаркую фантазию, в которой эти сильные и опытные руки ласкали обнаженное женское тело...Мое?! — На мгновение я почувствовала кожей грубоватые и властные прикосновения, судорожно сглотнула... и очнулась от удивленного взгляда мужа.

— Семель мечется, — невозмутимо продолжил ничего не замечающий Гедеон. — Она бросается то в один угол, то в другой, но тьма вокруг лишь сгущается. Если она пожалуется тебе на кошмары, не брани ее, Ариста. Она беременна... страхом, — он усмехнулся и новым нервным движением облизал губы.

— По всему видно, Макта устроился во дворце на долгие годы, — задумчиво сказал Эреус. — Но что за нелепое истребление всех, мало-мальски связанных с Арденсами? Чтс нужно Макте?

— Думаешь, он сам это знает? — Гедеон засмеялся. — Новый правитель Терратиморэ непредсказуем и опасен, как хаос.

— Что будем делать?

— Скоро выгнать Макту не получится. Но это не значит, что можно оставить подготовку нового переворота.

— И кого ты хочешь посадить на трон?

— Асседи или Красы. Или Гесси, — заявил Гедеон. — По правде сказать, я не определился. Мне нравятся все три фамилии! — он захохотал.

"Каким-то иным огнем горят его глаза", — отметила я. Прежде на кулуарных заседаниях взгляд Вако был насмешливым и льдистым, отстраненным, точно ему было плевать, удастся новая интрига или нет. Сейчас же в них плясали жгучие искорки уверенности и интереса. Прежде взгляд главного министра убеждал не относиться к придворным играм слишком серьезно, а сейчас звал погрузиться в омут интриг с головой... Я потрянула волосами, помассировала виски, пробуждая дремлющий разум, но ощущение сладкого сна не уходило. Да что за дурманное зелье привез Вако из Карды?! Я потянулась к вину, которое слуги перед нашей беседой поставили на стол, отпила глоток из бокала, отщипнула по кусочку от горбушки хлеба и жареного окорока. Мои действия пробудили аппетит и у мужа, и он также занялся мясом, хлебом и вином. А вот Гедеон к простой трапезе остался равнодушен.

— Что ж, пусть даже Крас. Главное, что не Арденс, — глухо сказал Эреус, разделавшись с первым бокалом. Его голос показался мне странно далеким, будто мы перекликивались в тумане.

— Точно, — Гедеон широко улыбнулся. Смутным видением отпечатались в памяти его очень ровные зубы, ярко-желтые в свете трех свечей. — Одному из троих отойдет трон Терратиморэ, когда мы прогоним Макту.

— Не убьем, а прогоним? — муж усмехнулся. Я зачем-то отметила, что его улыбка вышла не столь неестественно ровной и блестящей, как у Вако. Не вызывающей смутную подспудную мистическую тревогу. — Давно ли ты стал святошей, Гедеон?

Вако помрачнел. Тени расползались от его глаз и крыльев носа дальше, пока не поглотили лицо первого министра. Я, кажется, даже с полуоткрытым ртом следила за этим странным действием, и не сразу сообразила, что Гедеон просто отодвинулся из круга света.

— Макту нельзя убить, — раздался через мгновение глухой голос Вако. — Только

прогнать, Эреус. Страх, который новый Владыка Карды возбуждает во всех одним взглядом, должен нам помочь.

Я прищурилась. Пламя свечей раздвоилось, заплясало огненный хоровод, но я наконец-то смогла рассуждать. О чем я хотела спросить Вако в начале беседы, пока не впала в странную спячку? Я опустила голову, чтобы мужу и Гедеону не было видно моего отрешенного взгляда. Я размышляла.

"История Макты набита мистическими и логическими загадками..." — подумала я и мысленно представила историю тряпичной куклой Антеи. Аккуратно распоролла ей шов на животе и, разложив перед собой разноцветные тряпочки из ее нутра, принялась изучать их узоры в попытке установить истину.

"Макта — чудовище, но ненависть Нонуса была обращена не на него — на Кармель. Логика его фраз подсказывала: Макта не пожелал бы трон, не покончи Кармель жизнь самоубийством. Но зачем тогда он приходил во дворец? Каков был его путь до того, как он попал в сети Вако? Найти бы Нонуса и расспросить!" — я мимолетно пожалела странного белого человека, и к жалости примешалась толика вины: ведь это я представлением в образе Королевы отвлекла его внимание от Кармель.

"Кстати о Кармель. Что есть ее долг перед Мактой и как он связан с уничтожением рода Арденса Мактой? Кармель обмолвилась: Макта не успокоится, пока не уничтожит весь мой род. Но что могло вызвать такую ненависть?"

Нехватка нужных сведений показалась даже болезненной. Начали зудеть пальцы, будто интересная книга закончилась, а тебя так и тянет листать ее дальше.

— За что Макта так зол на Арденсов? Какой долг не отдала ему Кармель? В ее руке был пузырек яда, но Нонус нашел в ее спальне еще один пузырек. Что в нем было? — громко спросила я застоявшуюся тишину комнаты. Гедеон заерзал.

— Понятия не имею, какой второй пузырек. Может, он просто из-под укрепляющей эссенции Кармель? А вражда Макты и Арденсов началась еще при Лазаре, — скупое, неохотно сообщил он. — Лазар не отдал Макте один долг, и тот решил получить его с его потомков.

Эреус переглянулся со мной и знакомо тряхнул головой, отгоняя невидимый, но душный и густой туман чар:

— Лазар Арденс умер сто десять лет назад! Сколько же лет Макте? — он неуверенно засмеялся. — Ты приехал из Карды затем, чтобы разыграть нас, Вако? Даже Антея подняла бы на смех твою сказку!

— Макте что-то около ста сорока лет, — сухо сообщил Гедеон. — Когда вы вернетесь в Карду, Эреус, быстро разучитесь потешаться над сказками! Вспомните мумии южан, вспомните кристаллические сады северян, и вы поймете, что за сила дает Макте жизнь. Это не человек. Это чудовище под маской человека.

Дальнейшую беседу мы скомкали. Быстро договорились о первоочередных задачах в Карде и разошлись. Всех взволновал странный поворот беседы. Наша общая карета на нем накренилась и перевернулась, пассажиров повыбрасывало по разным сторонам дороги. По разным мирам. Мы с мужем очутились в одном, Гедеон в другом.

Муж пригласил Вако отужинать и переночевать, но машинально, из вежливости. В душе он был бы рад выпроводить первого министра побыстрее. А Вако рад был откланяться.

— Сохраним мой визит в тайне, — повторял он. — Я прогуляюсь у реки, разомну ноги — и назад, в Карду. Жду вас в столице, Эреус. Нужно побыстрее заново собрать твой особый

отряд стражи. Асседи готовы обеспечить нас средствами, если это поможет им однажды занять трон.

— Мы скоро приедем.

Вако ушел. А мы зажгли больше свечей, уже не скрываясь, и принялись вспоминать легенды южан и северян, что упоминал Гедеон.

Мумии южан можно было увидеть в бродячих цирках. Редко их выставляли там, собирая толпы любопытных. Я видела их два раза. Оба раза это было человеческое тело, высушенное как лист, забытый в книге, хрупкое, желтоватое. Такое в Южной Империи с людьми делали легендарные существа из света, питающиеся влагой. Они обнимали человека, высушивая при этом до капли. Поймать, пленить, убить их не удавалось, но свидетельств очевидцев и последствий трагедий тварей было достаточно, чтобы признать их реальность. А Север издавна похвалялся кристаллическими садами — удивительными узорами прозрачного твердого вещества, образующего подобие кристаллов под действием солнечного света. Я не видела их вживую, в наших краях они чахли, — только на картинках в книжках. Но какая сила связывает существ из света юга и кристаллы севера?

Я спросила это вслух. Муж почесал лоб и через минуту изрек:

— Кристаллы северян неуничтожимы, и существ юга нельзя убить.

— Как Макту!

Он пожал плечами:

— Еще и те и другие иначе ввязаны в ткань бытия. Они вроде бы растут, живут, питаются. Но иначе, чем все. Противоестественно.

"Иначе ввязаны". Мне понравилась эта фраза. Представился узор из нитей, меж которыми проложены тонкие металлические пруты. Другой материал. Создающий новый узор поверх основного на общем полотне.

— Противоестественным становится все, что соприкасается с Мактой, — тихо сказала я. — И Гедеон...

— Таким уверенным и увлекающим я его никогда не видел, — в глазах Эреуса заплясала усмешка. Он подвинул к себе тарелку с мясом и принялся резать окорок, решив перекусить по-хорошему. — А вас Гедеон, похоже, и иначе... увлек, а, неприступная леди Эмендо?

— Прекрати, — отмахнулась я. Недавняя странная слабость сейчас казалась отвратительной, а то, что обвинить в ней некого, совершенно выводило из себя.

— Без Гедеона скажу: в историю со стасорокалетним Мактой, конечно, не верится, должно быть, с Арденсом повздорил какой-то его предок, — задумчиво проговорил муж. — Так или иначе, мы возвращаемся в столицу, женушка.

Он дорезал окорок до конца, нож пару раз скрипнул по тарелке, и снова стало тихо. И я впервые за все годы брака вдруг с раздражением подумала, что не хочу слышать, как муж будет есть и булькать вином, наливая его в бокал из бутылки... Или это странный дурман, привезенный Вако, виноват, это он вносит разлад между нами?

— Что вы думаете про новый отряд, моя леди? — как бы невзначай спросил Эреус. Зная, как важно для него мое мнение, я изобразила радость, которой не чувствовала. Вышло весьма правдиво, помог многолетний опыт двойника Королевы. Заново собираемый отряд — отлично, но слишком уж странен стал хороший знакомый, предложивший эту авантюру. Прибыв в Карду, не станем ли и мы такими же странными, как Вако? "Впрочем, — тут я почувствовала, что губы растягивает ехидная улыбка. — Если мы станем столь же странными, мы перестанем замечать свою странность, не так ли?"

Я все-таки оставила Эреуса ужинать в одиночестве, а сама направилась к главному дому на холме. По тропке, мимо темной зубчатой стены леса... Гнетущее, появившееся вместе с Вако ощущение чего-то жуткого, страшного своей неизвестностью, усиливалось. Я ждала, что над головой пронесется черная птица — мрачная вестница смерти, проводник в мир призраков, ждала, что в густой тьме августовской ночи загорятся глаза дикого зверя, невесть как оказавшегося на территории поместья Эмендо, но ночь была тиха. Никаких призраков, никаких знаков, только холодящее присутствие чего-то злого, голодного, невидимого. Противоестественного. Иначе вязанного в ткань бытия.

Антея играла с куклой на террасе. Я остановилась в отдалении, пока не окликаю, просто следя за ней.

Антее недавно исполнилось двенадцать. Умная, послушная, спокойная... моя большая девочка. Она сшила кукле красивое атласное платье и пустила по краю сложную вышивку, сделавшую бы честь и взрослой мастерице. Сейчас она осторожно надевала платье на куклу — не обычную, из тряпок и дерева, а красивую, восковую. Их для Антеи делал умелец Нарро в Карде — больших, с мою руку кукол с тонкими лицами, изящными ручками и ножками из желтоватого воска, так похожего по цвету и фактуре на настоящую кожу. Если б не бесформенные матерчатые тела, их можно было б принять за каких-то удивительных лиллипутов. Взгляд стеклянных глаз был почти как настоящий, и это вызывало одновременно восхищение и отвращение. Я не выговаривала дочери, что в ее возрасте уже не играют в куклы, не пыталась иными способами пресечь это увлечение, потому что понимала: для Антеи создание костюмов для кукол было родом искусства. Она нашла в себе удивительное умение создавать иллюзию одушевленности неживого, и это и пугало, и завораживало меня.

Антея затянула тельце куклы в крохотную и точную копию женского корсета, придав мягкому тряпичному тельцу соблазнительные живые формы, и я вздрогнула. Теперь сходство куклы с человеком было кошунственным. Я испытала жгучее желание бросить тварь в огонь, пока она окончательно не ожила. Когда ее лицо и руки начнут растекаться лужицами воска, я смогу убедить себя, что это лишь кукла.

— Мама, помните сказку, которую бабушка Янна рассказывала? — вдруг тихо спросила Антея. Я улыбнулась: дочь опять почувствовала тревогу матери и спешит отвлечь?

— Которую, милая?

— Я сейчас вдруг вспомнила... Про колодец Ужасной Лесной Старухи.

— Таинственной Лесной Старухи, — машинально поправила я. Образ старой Лесной Ведьмы, которым няньки издавна пугали непослушных детишек, нравился мне. Я почему-то не видела в Лесной Старухе озлобленное на мир чудовище, а чувствовала странную приязнь, сродство с мудрой и справедливой отшельницей.

— Таинственной, — дочь лукаво, по-взрослому улыбнулась, будто прочитала мои мысли. — Маленький мальчик свалился в таинственный колодец у хижины Лесной Старухи. Он падал, падал... пока не понял, что летит. Потом он опустился на дно в темном мире, искаженном как отражение в кривом зеркале. Там он вступил в бой с Порождением Тьмы. Мальчик победил, но случайно вдохнул кусочек тьмы, и поэтому вернулся в родной мир искаженным. Люди боялись, сторонились его. Только его старшая сестра не испугалась. Она пошла в услужение Лесной Старухе. После череды служб-испытаний девушка выведала у ведьмы волшебное исцеляющее заклинание и исцелила брата. Так вот. Я вспомнила ее и вдруг подумала: а что такое «Порождение Тьмы»?

«Порождение Тьмы...» — я почему-то подумала о Вако и усмехнулась странному сравнению. Во рту появился кислый привкус недавно выпитого вина, тошнота подкатила к горлу. Я присела, сорвала соломинку, нервным движением поднесла ко рту, сжала в зубах, и ее легкая горечь, пьянящий крепче вина аромат немного успокоили. Подул ветер, принесся привычный запах пыльных дорог и сухих трав — запах начала осени. Я поежилась:

— Порождение Тьмы? Не помню, дочка. Какое-то воплощение зла.

— И стишок-заклинание, которым сестра исцелила мальчика, я забыла...

— Потом найдем в книжке. Знаешь, пора спать.

— Красиво у меня получилось? — Антея любовно огладила кукольное платье.

— Очень. На первый бал сошьем тебе такое же.

Антея грустно усмехнулась:

— Я некрасивая.

В чем-то она была права: пухлое, неладно скроенное, как у многих подростков, тело, неопределившиеся, незапоминающиеся, мягкие, но крупные черты лица. Но я улыбнулась. Некоторые бутоны распускаются позже, но цветут дольше. Я полагала, подлинный расцвет красоты Антеи придется на семнадцать или даже двадцать лет.

— Подожди. До твоего первого бала еще два года. Многое изменится.

— Это вы всегда были красавицей, не я, — в голосе восхищение яркой матерью и нотка зависти. Я засмеялась:

— Я твоим возрасте меня дразнили "обезьянкой" за большой рот. Мы поздно зацветаем, Антея, зато как расцветаем! Я ясно вижу тебя через десять лет. Ты будешь красивее этой куклы.

Антея крепче обняла куклу, зная о моем неоднозначном отношении к этим созданиям.

— Почему ты их не любишь? Они красивее людей, — прошептала она как подруге и провокационно замолчала, ожидая ответа. Я вздохнула:

— Живое красивее неживого. Красота заключается не только в правильности черт, Антея! В мыслях, в поступках, в идеях, в творчестве. Вот твой Нарро, между прочим, замечательно красивый творец. А кукла это только копия, сегодня такая же, как вчера. Кукла навсегда останется в одном возрасте, с одним выражением лица, ничего не скажет, ничего не совершит.

Антея слушала внимательно, и это немного льстило. Мама с раннего детства и до сих пор оставалась ее кумиром. Только на последних словах она принялась подергивать плечами, нервно выражая несогласие.

— Но куклы не заболеют, не состарятся и не умрут, — выпалила она, когда я замолчала. — И, мне иногда кажется, особенно ночью, что они... думают. Разговаривают друг с другом мыслями. Может быть, они говорят о нас? -

Шепотом, вряд ли осознавая сама, она поверяла мне свое одиночество... Но я не понимала этого, и мало слушала дочь. Я застыла, прислушиваясь к звукам ночи. В отдалении разговаривали двое мужчин. Гедеон Вако собирался в обратную дорогу, Эреус провожал его. Через минуту раздался короткий гладкий свист хлыста и удаляющийся топот копыт, тонущий в плотных облаках дорожной пыли. Дочь договорила и замолчала, ожидая моих слов.

— Думаю, больше не стоит заказывать кукол со стеклянными глазами, — наконец, резюмировала я и тихо призналась для доверительности: — Они и меня пугают.

— Я не боюсь их! — неожиданно резко воспротивилась Антея, но я малодушно не стала

выяснить, что с ней такое. Большая девочка, пусть учится разбираться сама. Временами она слишком послушна...

...Тогда я стояла так близко к дочке, но не подошла, не обняла ее! "Матери пора отойти в тень", — убеждала я себя, или меня уговаривал лживый туман, не желающий покидать голову с самого собрания? А кто знает, какие незначительные наши жесты, взгляды, слова могут кардинально изменить историю? Может, обними я Антею, все пошло бы иначе. Но тогда я не знала, что не будет никакого расцвета ее красоты, я не увижу дочь ни в двадцать лет, ни даже в семнадцать... и расстояние меж нами осталось прежним.

— Когда мы вернемся в Карду, мама?

— М-м-м...

— Нарро обещал мне новую куклу к сентябрю. И он обещал научить делать им глаза и раскрашивать лица!

Я строго нахмурилась, следя за продвижением экипажа Вако. Пыльная змея, извиваясь, уползала все дальше на север. Тяжелое ощущение с отъездом Гедеона исчезло, я вновь ощущала себя за крепкими стенами родного дома, как за бастионами крепости. Но успокоения это не принесло: теперь я точно знала, виновник всех странностей вечера — Вако, точнее, то невидимое зло, что он принес на себе с частицами пыли и запахов столицы. Какова же тогда Карда? Если б не возвращаться туда... но как туда не возвращаться?

— Мы с папой скоро уедем, потом придем за тобой, если нам понравится новая Карда. Дома сейчас все непросто, Антея.

Но Нарро... — Антея надулась. — Вы не желаете, чтобы я занималась куклами, да?

— Ну что ты, малышка. Я тревожусь за тебя. Карда сейчас опасное, — я вздохнула, — ... темное место.

— Вот. Мне бабушка Янна дала, — Антея порылась в переднем кармане домашнего платья и достала маленький толстостенный пузырек с прозрачной жидкостью. — Это вода из целебного источника. Она защищает от Нечистого и исцеляет дурные мысли. Поедем домой, мама!

Ветер принес слабую струю крови — наверное, волки пировали в лесу за оградой. "Совсем обнаглели! Нужно будет устроить охоту," — возмутилась я, а вслух вздохнула и твердо сообщила дочери:

— Поедем только мы с отцом. Наберись терпения.

Черз три дня мы с Эреусом уехали. На следующий после нашего отъезда день недалеко от поместья в лесу обнаружили обескровленное тело служанки, пропавшей в ночь визита Вако...

"Карда изменилась", — начала отмечать я еще на подъезде к столице. В этом новом городе, действительно, легко можно было поверить в старые легенды. То ли тени стали сверхъестественно черны, то ли слишком яркие краски. Как во сне. Все здесь, казалось, таит какую-то угрозу, не связанную с миром живых. С ужасом и страхом я заново открывала для себя столицу — как красивую шкатулку, которую в мое отсутствие некто начинил ядовитыми пауками и змеями. И центр тьмы лежал в богатых кварталах севернее дороги Виндекса, где-то в области дворца.

Я поделилась тревогой с мужем. Но тот отговорился тем, что его ужасно клонит в сон, совсем как в вечер визита Вако. Уже в сумерках мы въехали на городскую площадь. Она была безлюдна, несмотря на теплый, ярко-синий летний вечер, очень подходящий для прогулок. Только отряд стражи вел куда-то человека в нижней рубаше и с железным

ошейником на шее. Возглавлял шествие Кауда, белоснежный, в новом золотистом плаще с ярко-алой перевязью, с острым профилем — до смешного похожий на попугая. Я не удержала улыбку, найдя это сравнение, но муж лишь мрачнел. Подобные зрелища в прежние годы в Карде были редки... Я тихонько коснулась его руки:

— Почему так мрачен мой лорд?

Он кивнул на конвоиров:

— Думаю, это тот самый "Суд по крови" Макты.

Я вздрогнула:

— Что с ним сделают? Неужели казнят?

— Разумеется, казнь, — жестко сказал Эреус и задернул шторку. Резко, чуть не оборвав ткань.

— Зверство. И никого нет вокруг — вот, что странно.

— К зверствам быстро привыкаешь. И жить в постоянном страхе скоро кажется нормальным. Карда — вечная приспособленка, это идет из дворца и до самых низов, — муж быстро глянул на меня: темный тревожный взгляд. — Нехорошим стал город. Не нужно было вам ехать со мной, леди Эмендо.

Я неуверенно улыбнулась:

— Нагнетаете?

Обычно мне удавалось гасить улыбками мрачность супруга, но его новая мрачность была какой-то особенной. Эреус готовился к действительно темным временам.

— Ничуть. Я не удивлюсь, если завтра результат казни выставят на всеобщее обозрение на главной площади, — хмуро и уверенно сказал он и заявил, окончательно испугав: — По крайней мере, я бы на месте Макты сделал так.

— Что... — меня осенила догадка, — ...что вам наговорил Гедеон без меня?! -

Но муж молчал, замолчала и я, перебирая похрустывающий под пальцами упругий бархат занавески, успокаивая себя этим прикосновением. По давнему неприятному опыту ссор, я знала, что дальнейшие расспросы лишь убедят Эреуса закрыться за тремя замками. Оставалось надеяться, доверять и не сомневаться в данной судьбой супруге.

Эреус оказался прав. Через несколько дней я увидела тело человека в ошейнике, подвешенное к крестовине на главной площади. Его сердце было вырезано из грудной клетки. Поводом к жестокой расправе послужила частица крови Арденсов, якобы найденная Мактой у него. Родословие в высших сословиях и связи семейств легко проследить, но казненный был из простых. Как Макте удалось установить, что какой-то Арденс согрешил с его матерью, осталось тайной. Я надеялась, что Семель объяснит подоплеку всех странных событий в Карде, но Королева не торопилась звать меня во дворец. Я дождалась приказа явиться лишь через три недели, когда холодные осенние дожди смыли последние воспоминания о черном лете переворота.

Дворец Арденсов забросили сразу после прихода Макты: новый правитель пожелал выстроить себе новое жилище. Клумбы с пожухшими неубранными цветами выглядели жалко, стекла в окнах запылились — подернулись пленкой, как глаза умершего. Залы производили еще более жуткое впечатление. Здесь был оставлен минимум слуг, многие коридоры вовсе пустовали. Темные потолки, гулкие холодные полы — раньше я не замечала, какое тяжелое, давящее впечатление производят они в отсутствие людей. Гобелены и статуи, изящную мебель, лепнину перевезли или сожгли, обнажив аскетичный остов здания, построенного сто лет назад при Лазаре Арденсе. Кажется, пропали даже запахи: и кухня, и

бальные залы, и коридоры, ведущие к отхожим местам, теперь пахли одинаково — ничем. Отсутствием жизни. Стали бросаться в глаза заостренные арки и разноцветные витражи, прежде терявшиеся в позолоте и лепнине — как кости скелета. Да, светлая душа покинула это жилище, и оно, как мертвое тело, медленно распадалось на части.

От пыли першило в горле, нос забивал острый запах моего пота, липкого, едкого: то через поры кожи выделялся страх. Но я все равно шла. Как любящее сердце стремится на место упокоения любимого, так меня тянуло в тронный зал, запомнивший мое последнее представление в роли Королевы. Почему-то крадучись, будто темнота вокруг была живой и голодной, я поднялась туда и остановилась у колонны в начале зала. Тронула мрамор холодной ладонью, приветствуя и запоминая это прикосновение навсегда. Я просталась.

Обострившийся в темноте слух уловил тишайший шелест одежды. Я медленно, с усилием повернула голову, будто двигалась под водой. Разум кричал: не оборачивайся, не смотри! Но взглянуть в глаза страху, дышащему холодом в спину, было нужно, чтобы получить над ним власть.

Оказалось, тронный зал не пустовал. Во тьме, поглотившей тронное возвышение, был Макта. Сидя на троне, он пусто глядел в пол и задумчиво покачивал головой в такт неизвестным мне мыслям. Я поспешно отступила за колонну, но не ушла. Не дыша, я изучала нового Владыку Карды и правителя Терратиморэ.

Эта невысокая, но широкая в плечах фигура производила впечатление скрытой огромной физической силы, грубоватые руки были удивительно ловки в движениях, но не как руки музыканта или художника. Мне пришло на ум сравнение с палачом, знающим, как точно и быстро или наоборот ювелирно долго отнимать жизнь. Простое круглое лицо с некрасивыми чертами... — нам предстоит запомнить его навсегда, отпечатать в памяти, как его профиль — на новых монетах Терратиморэ; холодные глаза из серо-зеленого сплава — сплава бездушия и тайны... "Что принесет этот правитель земле страха? О чем он думает сейчас, о благе ли для своих подданных?" — Я содрогнулась. Страшной и отвратительной казалась забота человека с руками палача и глазами убийцы.

Тихий скрип двери, шорох шагов. В тронный зал через боковую дверь влилось четыре тени. Все были в темной одежде и шли, опустив головы, скрывая лица. В царственной тишине, как идут на исповедь. Я вжалась в колонну, ругая себя, что глупо так прятаться, но в глубине души понимая: это и необходимо. Сейчас представится случай увидеть новый страх земли страха в лицо.

— Дети мои, подойдите, — раздался звучный голос Макты. Я закрыла рот и нос ладонями, смешно надеясь, что получится дышать тише. Сердце заходило в бешеном стуке, я удивлялась, как этот грохот не раскатывается громовым эхом по залу. Все опять стихло, и через минуту я осмелилась выглянуть из-за колонны.

Четверка выстроилась перед Мактой. Владыка Терратиморэ встал, раскинул руки. Алая мантия затрепыхалась окровавленным полотном.

— Я дам вам еще часть своей силы, — сказал он. — Примите ее без страха.

Живая тьма заклубилась вокруг его фигуры. Она расползалась к четверым и поочередно обнимала их, заключая человека в кокон. Она текла, менялась, переливалась, ища единственно правильную форму для последнего воплощения. Кто-то судорожно вздохнул, эхо подхватило этот звук, превратив в крик страха... удивления... бешеной радости. А Макта вновь взманул руками, и тьма повторила его движение, раскинувшись в стороны двумя широкими крыльями. Следом за ним крылья распахнула четверка.

Все тепло ушло из зала, выдыхаемый воздух белел облачками пара. Испугавшись, что по ним меня найдут существа у трона, я скользнула к выходу и по стеночке принялась пробираться к покоям Семель. Предположений, что я только что видела, не было ни одного, разум молчал. Каша из ужаса и тревоги заполняла тело, растекаясь по сосудам от сердца и льдом замерзая в голове. Одного я не чувствовала — удивления. Просто страх, что долгое время был невидим, неведом, обрел форму: черная крылатая тень.

Я расслышала шепот Макты:

— Сейчас подкрепитесь. После ведите ко мне пятую!

Семель ждала меня в своих покоях. Я толкнула тяжелую дверь, и волевым усилием оставила все чувства по поводу виденного в тронном зале, за ней. Первым мой рассказ услышит муж. А уж потом мы решим, кто еще...

Королева была одна, без служанок и фрейлин, без охраны. Комнату едва освещали две почти догоревшие свечи. Семель сидела на ковре у давно потухшего камина и бездумно глядела на черные угли. Иногда она быстрым, едва ли осознаваемым движением обхватывала и терла замерзшие плечи. Королева похудела, синие круги легли под глазами. На ней было платье любимого новым супругом алого цвета, но сейчас оно не красило тень, в которую превратилась красивая белокожая брюнетка.

— Доброго вечера, подруга, — сказала я, инстинктивно пожалев молодую женщину. Семель вскинула на меня сухие, немного воспаленные черные глаза.

— Ваше Величество, — отчеканила она.

— Простите, Ваше Величество. Вы вызвали меня...

— Да, — она опять нервным движением потерла плечи и слабо улыбнулась, наконец, заметив это свое движение. — Холодно тут. Макта разрешает зажигать камин только раз в три дня. Чтобы я привыкала к холоду.

— Он жесток с тобой, подруга? — опять не удержалась я. Меня пугал безразличный тон Семель.

— Нет, нет, нет, — в ее глазах загорелся огонек ненависти. — Тебе уже сказали, что Макта приказал мне избавиться от ребенка? Я сама это сделала. Кармель хотела спрятать меня подальше от гнева Макты, надеялась сохранить этот... плод. Но я выбрала остаться Королевой! И не отступлю, не отступлю... — тише забормотала она и опять обхватила себя за плечи.

— По крайней мере, Суд по крови тебе не грозит, подруга.

— Ваше Величество, — она холодно взглянула на меня. — Я освобождаю тебя от службы, Ариста. Мне больше не будет нужен двойник... — тут она опять из гордой правительницы превратилась в перепуганную девочку и хихикнула, совершенно безумно. Что с ней? Я вспомнила слова Вако:

"Королева беременна страхом".

— Что ж, благодарю за доверие на протяжении стольких лет, Ваше Величество, — ровно сказала я. Кармель прежде уже освобождала меня от службы, и слова Семель звучали вполнину не так больно.

— И я отблагодарю тебя золотом. Хватит на безбедную жизнь до старости, — спокойно сказала Семель. Гордая Королева расправляла плечи, но подруги в ней я более не чувствовала. После мгновения сомнения она избавилась от меня, как прежде избавилась от своего нерожденного ребенка — грубо, быстро и больно. Я поклонилась и двинулась к выходу. У двери все же остановилась. Страх властно удержал, холодными пальцами обхватив

плечи, страх заставил спросить, вопреки ледяной стене, установленной меж нами Семель:

— Верны ли слухи, которые ходят по Карде? Макта питается кровью из сердец тех, кого казнят по решению Суда Кауды?

— Верны, — помолчав недолго, прошелестела Семель за спиной.

— Простите за следующий вопрос, Ваше Величество, но я тревожусь о дочери. Не знаю, стоит ли ей теперь жить здесь... Верно ли, что Макта — не вполне человек?

Еще более долгая пауза. И ответ безумной Королевы, который я предпочла бы не слышать, но не принять после увиденного в тронном зале не могла:

— Верно...

"Что же делать?!" — к счастью, этот лишний вопрос не сорвался с моего глупого языка. "Семель будет пятой", — вдруг поняла я, но усилием воли сдержала дрожь. Не сейчас. Я поклонилась вторично, и, отворив дверь, шагнула в закупоренный сгустком тьмы коридор. Вслед донесся шепот подруги:

— Поздно бежать, Ариста: тьма уже идет впереди вас. Но, поверь, с этой тьмой можно жить, с этим страхом можно жить.

Я надеялась, что, выйдя из холодного темного дворца, вздохну с облегчением, но в саду было еще хуже. Синий сумеречный воздух загустел, точно его взбили маслобойкой, его приходилось с усилием глотать кусками. Скоро я так устала, что присела на скамью у очередного фонтанчика. Пять кокетливых мраморных рыбок с позолоченными плавниками на бортиках круглой чаши пускали струйки воды из сложенных бантиком губ. На воде покачивалась флотилия лодочек — желтых листьев. Но негромкое мелодичное урчание фонтана не успокаивало. Я снова и снова перебирала в памяти произошедшее во дворце, пока оно не потускнело от неосторожных прикосновений, не слилось с серо-синим сном вокруг. А завтрашним утром, проснувшись, я решу, что все это мне приснилось... Я закрыла глаза, бездумно внимая простой мелодии струй воды, выющихся у ног и урчащих, как довольные кошки.

Отдохнуть, прогнать слабость, не получалось. Воздух становился все тяжелее, я задыхалась и от этого делалась еще слабее. Вокруг потемнело. Вернулось ощущение незащитности, как в Донуме во время визита Гедеона. Опять мерещились голодные злые глаза из тьмы и птица-тревога кружила над головой. Больно дергая пряди клювом, она убеждала обернуться, взглянуть в кусты, окаймляющие площадку с фонтаном. Все больше нервничая, я решила ей уступить. Сжала в кармане пузырек с волшебной водой из источника Донума, подаренный дочерью, и обернулась.

На боковой дорожке чернела фигура человека. Женщина в платье с гротескно-огромными буфами и жесткой юбкой на металлических обручах — наверное, новая фрейлина Семель или Майи. Стеклобно-блестящие глаза были лишены выражения, кожа потусторонне бледна. "Эта дама могла бы быть ожившей куклой Антеи", — промелькнула дикая мысль и тут же утонула в плещущем море паники. Женщина вроде бы только что была далеко, и вот уже сидит рядом на скамье, улыбается, показывая ровные, блестящие как у Вако зубы.

— Красавица, поделись красотой, — шепнула она. Холодные пальцы тем временем ласково вели по моей шее, прослеживая ход сосудов под кожей. Я чувствовала, как холод от них проникает в кровь и с ней распространяется по телу, вымораживая эмоции и волю.

Что-то жгло правую ладонь. Нагревшийся от моего тепла пузырек! Это воспоминание привело в чувство. Я вырвала пробку и выплеснула воду женщине в лицо. Та завизжала,

будто ее ошпарили, и вскочила. Мгновение я увидела ее лицо, обезображенное гримасой ужаса, но человеческое. Затем оно... потекло, как у восковой куклы, брошенной в огонь. Женщина вцепилась в него пальцами. Наверное, она думала, что стирает капли воды, попавшие на кожу, но вместо этого сдирала кожу. Она визжала, не переставая. Потом очнулась охрана сада, послышался их топот, и тварь, избавившись с остатками лица от боли, замолчала. Она глянула страшными стеклянными шариками глаз, свистяще выдохнула, и из зияющей раны рта вырвалась черная тень, окутала всю фигуру коконом, плеснула из-за спины вверх и в стороны двумя широкими крыльями. Тварь взлетела над садом и скоро затерялась в густо-синем вечернем небе. А я только открывала и закрывала рот, как приговоренный к смерти, в последний момент вынутый из петли. Слабеющий рассудок умолял проделать одну вещь и, в конце концов, я уступила. В пузырьке оставалась еще треть воды, и я с внутренним содроганием, с ожиданием боли ожога чуть брызнула на тыльную сторону кисти. Ничего. Прозрачная тепловатая жидкость со слабым запахом серебра. Когда на площадку выбежали стражники и Эрвин, секретарь мужа, я ошалело поглядела на них и безумно, совсем как Семель, хихикнула.

— Леди Ариста, что случилось? — глупый вопрос, сказанный молодым приятным голосом, казался не таким уж глупым. Эрвин, секретарь мужа, не подозревающий, что счастливо избежал страннейшей ситуации, вежливо и немного встревоженно улыбался.

Я взглянула на пузырек, по прежнему зажатый в правой руке. На доньшке осталось немного прозрачной жидкости. Водой, увидев то, что она только что проделала с человеческим лицом, я ее назвать не могла.

— Что с вами? — настаивал Эрвин. Он аккуратно поднял меня со скамьи. — Слишком душный вечер? Дойдете до кареты?

Я закрыла глаза, встряхнулась. "Как собака, фу!" — ругала за этот дикий жест воспитательница в детстве. Но сейчас он был необходим, чтобы прийти в себя.

Что я видела только что? Неизвестная дама присела рядом на скамью, принялась гладить мне шею, аппетитно приговаривая, как над куском жареного мяса. А я так перепугалась, что зачем-то вылила на нее воду из пузырька. Глупость, если вдуматься. Нужно было отодвинуться, позвать на помощь, пристыдить или оттолкнуть странную женщину... Несусветная глупость! Именно поэтому вся сцена произошла лишь в моем воображении. Не было никакой дамы, ничье лицо не таяло от воды как снег, никто не улетал прочь на широких черных крыльях, ничего этого не было! Просто душный вечер.

— Идемте, леди Ариста.

Я с симпатией взглянула на Эрвина. Красивый юноша с мягкими чертами лица и густыми темными волосами романтической длины до плеч. Я была бы не против, если бы Антея немного влюбилась в него, разбудила силу доставшихся от матери чар, но, увы, голова дочери была занята лишь отвратительно-красивыми творениями Нарро. -

Мысли как колеса кареты возвращались в проложенные колеи. Трясти переставало. Становилось спокойно, правильно. И тем ужасней был вопрос-стрела, настигший очень скоро:

"Если не было дамы, на кого же я вылила пузырек? Он пуст. А ни на одежде, ни на площадке у фонтана не осталось мокрого пятна. Будто то, что я пометила волшебной водой, исчезло.

...Или улетело на широких черных крыльях..."

Стражники разошлись, решив, что ничего достойного их внимания и мечей, не

происходит. Эрвин опять встревоженно поглядел на меня:

— Может быть, вы хотите вернуться во дворец, леди Эмендо?

— Нет, Эрвин, поедem домой. Где лорд Эмендо?

— Он был днем, но снова уехал, — юноша задумался ненадолго. — Кажется, к лорду Гесси.

Мое лицо озадаченно вытянулось. Прежде муж не имел дел с Гесси, вечными молчаливыми и самодостаточными спутниками Арденсов.

— Интересно, — я тяжело вздохнула: густой воздух по-прежнему давил на грудь. — Зачем бы?

— Полагаю, супруг все расскажет вам, когда вернется, — пообещал дипломатичный Эрвин.

Муж возвратился ночью, еще мрачнее меня. Я ждала его в спальне, где отдыхала после случившегося. В одной сорочке я сидела у зеркала и расчесывалась. Подошел Эреус. От него разлило вином — успел перехватить в погребе бутылку. Мы обменялись взглядами:

«Мне есть, что рассказать».

«О, мне тоже!»

— Разрешите мне рассказать первой, — попросила я, не оставляя расчесывания. Я надеялась, что если руки будут заняты, муж не заметит их дрожь. А равномерные длинные движения гребня вдоль черной волны волос успокоят то и дело срывающийся голос.

— Хорошо, — кивнул Эреус и уселся на постели, потом лег на спину, заложив руки за голову. Но беззаботная поза была лишь притворством, я ясно видела в отражении, как каменно напряжено его лицо. К тому моменту, как я рассказала о видении в тронном зале и разговоре с Семель, лицо мужа приобрело землистый оттенок. Окаменела даже золотистая прядь волос надо лбом, его профиль стал профилем статуи на надгробии.

Я закончила длинный рассказ вечерним происшествием в дворцовом саду. В двухсотый раз проводя гребнем по одной и той же пряди, с затаенной надеждой на его отрицательный ответ, спросила:

— Поверите ли вы мне, мой лорд?

Статуя на постели зашевелилась, села. Воззрилась на меня холодными мраморными глазами. Винные пары окутывали мужа наподобие плаща, и я подумала, что неплохо бы и самой укрыться от невозможных фактов под таким же.

— Да, — просто сказал Эреус. — Вы видели сегодня темных тварей Макты, моя леди. И для борьбы с ними лорд Лоренс Гесси сейчас собирает отряд на основе бывшей королевской стражи.

— Что за твари? — голос оборвался противно-звонкой струной.

"Значит, все-таки, этот день я прожила, а не проспала. Все это было: и черные крылья Макты, и ответы Семель, и женщина в саду..."

— Кровные дети Макты. Большого о них пока неизвестно.

— Они же люди. Или нет? — я спросила это слишком громко, тем же незнакомым визгливым голосом. — И... — "Какая глупость! Но как спросить по-другому?" — ...откуда они взялись?

— Они были людьми, но перестали ими быть, приняв проклятие Макты, — муж криво усмехнулся. — Один Макта знает, кто они, его дети.

— Проклятие? — крохотными коготками я зацепилась за знакомое слово, которым так легко можно было оправдать призрачные видения, капризы судьбы и непонятных тварей. —

Что еще за проклятие? Божественная кара?

Я считала себя последовательницей учения Нэссморса и видела Бога разлитым в природе и безразличным к добру и худу. Но сейчас почему-то вспомнился небесный, не земной, строгий бог-судья, в которого верили родители.

— Я не знаю! — муж вспыхнул. Угрожающе-низкий тон: гудящий рой рассерженных ос. — Я могу лишь сказать, что эти твари опасны, как и существа южан. Они убивают, пьют людские жизни!

Я тряхнула головой. Собрать рассыпавшиеся мысли это, конечно, не помогло, пришлось ухватиться за ближайшую:

— Вы сказали "отряд". Гесси будет с ними бороться?

— Эти существа из такой же плоти и крови, как мы, — опять презрительная ухмылка исказила красивое лицо Эреуса. — Значит, мечи будут резать, а болты впиваться в их тела также верно, как в людские. Вы сказали, вода из источника Донума ошпаривает их? Благодарю, моя зоркая леди, это нам пригодится.

— Вы тоже видели их сегодня, — прошептала я, угадав. Муж снова лег на спину, заложив руки за голову. Видимо, эта намеренно расслабленная поза была для него тем же, чем для меня расчесывание — самоуспокоением.

— Не так близко как вы, моя храбрая воительница, но Гесси показал мне одного, — очень ровно сказал он. — Точнее, его отрубленную голову. Она была холодна как камень, но вращала глазами, открывала и закрывала рот. Только когда мы вбили серебряный гвоздь твари в темя, это прекратилось. Потом Гесси выдрал у него клыки. Они вышли легко, как у ребенка при смене зубов. А за ними росли новые, острые как у волков, я надрезал десну и видел их. И на нижней челюсти, и на верхней. Гесси сказал, лучше всего их убивать, пока острые клыки не выросли. Пока тварь не обрела полную силу.

— Вако тоже рассчитывал на ваш отряд, — заметила я. — Гесси, должно быть, заодно с ним, его фамилию Гедеон упоминал в числе претендентов на трон.

— Верно. Я служу теперь им обоим. А Асседи снабжает нас необходимыми средствами.

— Но ведь Вако... — мне вспомнился вечер визита Гедеона. Непонятные чары, дурманом заполнившие голову, и неестественно ровные зубы первого министра, такие же... ненастоящие, как у дамы в саду, — ...он не может быть тоже темной тварью?

— Темная тварь, собирающая отряд для борьбы с темными тварями?

— Для Вако это лишь начальный, примитивный уровень интриги. Вспомните, ведь это он посадил Макту на трон!

— Макта короновал себя сам. Вако лишь пытается поудобнее устроиться, как всегда, — Эреус усмехнулся.

— Все равно. Можно как-то незаметно проверить, человек перед тобой или нет? Вы можете проверить Вако? — не знаю, что на меня нашло. Но странная уверенность, что с Гедеоном все далеко не в порядке, уходит не желала и побуждала задавать новые и новые вопросы. Естественно, муж вспыхнул:

— Вако человек, как все мы! Солнце сжигает тварей, а с Гедеоном я сегодня в полдень беседовал в саду!

— И он... не укрывался от лучей под капюшоном?

— Прекрати, Ариста! В Вако я уверен.

— А Семель? — я вспомнила догадку насчет того, что Королева может быть загадочной пятой.

— Вероятно, Макта скоро обратит ее тварью, — с усилием сказал Эреус. — Ведь она теперь его жена! Им плохо существовать рядом с людьми, они слишком голодны до живой крови. Значит, если в ближайшее время не будет объявлено о смерти Семель — она тварь. Гесси обучает нас, как их выявлять, — он улыбнулся первый раз за вечер, и мраморная маска отчужденности, накрывавшая его лицо, наконец, треснула и распалась. — Он силен! И он рассказал мне об Арденсе и Макте. Знаете, что за дела были у первого Арденса с Мактой? Лазар первым решился встать у него на пути. Захват власти в Терратиморэ мог произойти сто лет назад, но Лазару удалось изгнать Макту. И сейчас он сполна отомстил его потомкам.

— Какой ужас!

— Не бойтесь, леди Эмендо. Мы уничтожим это зло, пока оно мало. Лорд Гесси говорит, это дело нескольких лет, если отринуть жалость. Они уже не люди. Мертвецы, чьими телами управляет Макта.

— Значит, Макта — некромант? Или алхимик? -

Я искала, как обозначить Макту и его странности знакомыми словами, но все было не то. Не те определения. Сердце подсказывало: слово, обозначающее Макту, нужно искать не в мире научных символов.

"Его нужно искать в мире страшных сказок, там же, где я нашла оружие от твари, напавшей на меня в саду: нежить, демон, оборотень, вампир..."

Я нахмурилась, выпустила гребень, и он упал на стол со звонким стуком. Муж вздрогнул, я тоже. Мы оба вдруг почувствовали в воздухе... нечто. Оно было здесь и прежде, им была полна новая Карда, но мы не замечали его. Как туман оно вползало в приоткрытые окна, с вдыхаемым воздухом заполняло наши тела. Становилось нами. Делало нас единым с собой.

— Оставим Макту, нужно думать о другом, — хрипло сказал Эреус, бездумно глядя на гребень. — Нужно подумать о вашей безопасности. Эти твари убивают людей. Сегодня одна чуть не убила вас! Уезжайте в Донум, к Антее.

Я грустно усмехнулась:

— Конечно, мой лорд.

— Судя по тону, вы со мной несогласны, — угроза была во взгляде мужа, как и в его голосе. — Ариста?!

— Я согласна, правда. Завтра же уеду, — от испуга поспешно заверила я. Но, отвернувшись к зеркалу, вздохнула. Туман, заполнивший комнату, нашептывал совсем другие мысли.

Я могла бы провести в Донуме неделю, месяц, лето, но не всю жизнь. Без большой охоты в этот раз поехав в Карду, прожив всего день в столице, я поняла как никогда ясно: вся моя жизнь здесь. Здесь стоял большой дом с садом, в котором часто проводились приемы и увеселения для гостей по случаю какого-либо праздника. А гости? Высший свет столицы! Кто способен заменить их в провинциальном Донуме? И чем заменить связи с правящей верхушкой, без которых статус Эмендо обратится в ничто? Каким будет будущее дочери в Донуме и каким здесь? Девочка достаточно несчастна из-за своей внешности. Не проклянет ли она меня, когда я вернусь и сообщу, что Карду и новых кукол Нарро она не увидит долгие годы, может быть, никогда? А скоро выдавать ее замуж... — за кого в тихом Донуме?

— Я согласна, просто вещи привязывают крепче цепей, — тихо сказала я. Какая-то новая тревога звенела-зудела, как крохотный кровопийца-комар. Я то тонула, то выплывала из невидимого тумана, но никак не могла вынырнуть из него достаточно надолго, чтобы

вдохнуть свежий чистый воздух и понять, что меня тревожит.

— Вы не понимаете, что это за твари! — та же угроза в голосе мужа, но уже, к счастью, обращенная не на меня. — Что за твари...

Я опустила на кровать позади Эреуса. Развязала тесьму и потянула его рубашку вверх, снимая. Муж подчинился — точь-в-точь уставший ребенок. Сняв рубашку, я принялась ласково массировать широкую напряженную спину. Опять заняв руки действием, согрившись от такого знакомого сильного тела рядом, я смогла говорить успокаивающе и мягко:

— Семель больше не нужен двойник. Оставив Карду и здешние знакомства, мы потеряем связи во дворце. Я не смогу вести дела из Донума. Но жизнь важнее благосостояния, поэтому, конечно, мы с Антеей останемся на юге.

Эреус немного обмяк, но шея осталась каменной:

— Я помню, что на Юге и на Севере люди уживаются с противоестественными соседями. Наши пока не слишком опасны и редко убивают. Но эта война будет жестокой. Не нужно ни дочери, ни вам видеть ее. Я не хочу, чтобы она коснулась вас. -

Вдруг стало страшно от его безразличного тона, от его выученных, но не прожитых фраз... И я поняла, что он, невидимый туман, проникший в комнату, замещающий наши мысли. Он — это ложь, начавшаяся с тайны между Арденсом и Мактой, опутавшая всех в Терратиморэ по рукам и ногам. Он — это страх, которому Карда боится дать имя, днем прячущийся в каждой здешней тени, а ночью заливающий улицы сплошной чернотой.

— Я буду навещать вас. Буду жить на два дома, — неуверенно сказала я, но тревога не ушла, наоборот, усилилась.

— Где вы видели, чтобы жена приезжала проведать мужа на войну? — Эреус злобно рассмеялся, но скоро оборвал смех. — Простите, моя леди. Все же лучше вам с Антеей оставаться в Донуме.

Незнакомое, не от души сказанное "простите" выдернуло из тумана. Невидимый дым уже не заполнял легкие, не заставлял произносить чужие слова. Я, наконец, поняла свою тревогу. И закричала то, что нужно было крикнуть давно:

— Так поедemте с нами! Откажитесь от этого отряда! Пусть немилость Вако и Гесси, не страшно! Пожалуйста, Эреус, поедem с нами! -

Я верно тронула струнку его души, она зазвенела. Сейчас нужно было прижаться к мужу крепче и, пролив ритуальные, сильно разбавленные водой слезы страха, скрепить общее решение уехать поцелуем. Но кто-то из тумана метнул холодную мысль — кинжал мне в затылок: "Отряд — какая-никакая связь с верхушкой". Кинжал вонзился и удержал на месте. Я замерла, кажется, даже не дышала, ожидая, чтобы решение принял муж. Эреус поднялся, легко стряхнув мои ослабевшие руки с плеч.

— Не могу, — глухо сказал он и в точности повторил пришедшую мне на ум фразу. — Отряд — какая-никакая связь с верхушкой.

Сейчас нужно было уверить, что нам не нужны связи при дворе, что мы проживем без дутого золота, но я молчала. Мы были беспечны и за годы при дворе не озаботились иными связями, а теперь расплачивались за наивность и верность. И, как прикормленные звери уже не могут вернуться обратно в дикий лес, так мы не могли отказаться от подачек высшего света.

Туман опять дурманил голову. Невидимый в ночи, он распространялся по Карде и Терратиморэ, делая всех жителей земли страха своими заложниками, превращая их в рупоры

чужой лжи. Он убеждал нас бежать и бежать, прочь от правды и неизвестного страха в уютные, теплые, будто бы безопасные дома, и здесь слабеть, и, погрязнув в тревоге и сомнениях, сдаваться тьме без боя. Бегите... Только не оглядывайтесь и не смотрите под ноги, не то еще поймете, что ваш мир уже принадлежит не вам!

— Уезжай в Донум, Ариста, — также глухо сказал Эреус. — Не беспокойся обо мне.

Я согласилась.

...И через триста лет после этих событий и разговоров мне иногда снится, что мы с Эреусом вместе уехали в Донум. Навсегда. Мы наивно пытались научиться жить трудной, но ясной и честной жизнью простого люда, но больше это было похоже на то, что мы лишь проедали нажитое в безбедные годы в ожидании редких подачек Семель. Эреус обрюзг и постарел без своей стражи. Антея не простила, что я увезла ее из столицы, годы и годы прошли в ссорах с дочерью и слезах, но я успела увидеть расцвет ее красоты и покачать внуков на руках. Я гуляла по берегу Сермы, дремала в высоких травах, а вечерами судачила с соседками о туче, все расплзающейся от северного горизонта, за которым осталась Карда. Обыденный, суетливый, полный горькой правды о своем и чужих характерах сон, после которого чувствуешь себя не отдохнувшей, а измученной, но я люблю и жду его. Потому что в нем мы вместе, мы семья. Пусть мелочные, неумные, до сих пор живые лишь потому, что хищники пока обходят их дом стороной, зато сумевшие однажды поставить жизнь родных превыше всего и вынырнуть из тумана лжи. В этом сне есть место надежде.

И в этом сне все мы живы. Нет двух могил, в которых гниют разодранные половинки меня. Нет черных крыльев вечного одиночества у моей тени.

Следующие два года растянулись в два века. Время ожидания всегда тянется невыносимо медленно! Я ждала и поддерживала себя мыслью, что скоро все успокоится, темные твари будут побеждены. А туман лжи по ночам тянулся уже и над Сермой...

Мы с Антеей оставались в Донуме, муж был в Карде. Мы жили безбедно, но четвертым членом нашей семьи стал страх. Я была послушна воле мужа и не ездила в Карду. Эреус сам изредка навещал нас, и с каждой встречей я сначала пугалась того, как он изменился, но потом привезенный им дурман начинал действовать и отпускала я Эреуса с твердой уверенностью, что все в порядке. Хотя от меня уезжал совсем незнакомый человек: жесткий и жестокий, резкий и непримиримый в решениях и суждениях. Я часто спрашивала, как идут дела в Карде, но Эреус лишь редко и лживо отвечал, что темные твари почти побеждены.

— Кто же они, эти твари? — спрашивала я. Но получала один ответ: нелюди.

— Но они же говорят? Та женщина в саду говорила со мной!

— Это иллюзия свободной речи. Телами темных тварей управляет Макта, как кукловод — марионетками.

Антея сначала страшно обиделась, и дулась, пока я не списалась с Нарро. После этого новых кукол дочери начали поставлять в Донум. Она шила им наряды и расставляла кукол по стенам своей комнаты. Иногда в отсутствие Антеи я заходила туда и вглядывалась в стеклянные глаза прекрасных бездушных чудовищ. Я искала, чем они пугают и завораживают меня, и не могла найти ответа.

В последний приезд, в ноябре третьего года правления Макты, Эреус показал небольшую карточку. Надпись в затейливой витой рамке гласила:

"Владыка Карды Макта решил почтить память первого правителя Терратиморэ, Лазара Арденса, и приглашает тридцать знатнейших фамилий Карды отметить сто сороковую годовщину основания государства великий Балом Земли Страха тринадцатого декабря сего

года".

— Тринадцатое декабря? — первое, что спросила я. — Но ведь годовщина в следующем году в октябре?

Эреус усмехнулся:

— Владыка Терратиморэ считает как-то иначе. И Вако дал понять, что избегать приглашения не следует. В декабре мы всей семьей должны прибыть на Бал Макты.

Я встрепенулась: наконец, появилась возможность прямо спросить мужа, как продвигается борьба с темными тварями, и надеяться на честный ответ.

— Вы полагаете, для нас с Антеей это будет безопасная поездка?

— Я позабочусь о вашей безопасности.

Я ясно глянула мужу в лицо, и поймала знакомый сомневающийся взгляд. Так он смотрел прежде, когда хотел попросить прощения. Меня обрадовал этот знак из прошлого. Нашего общего прошлого. Человек, за которого я выходила замуж, возвращался.

— Что еще вы хотели сказать, мой лорд? — спросила я, поощряюще сжав его руку.

— Ариста... — обрадовался и он, сжал мою ладошку между своих. — Я был дураком в эти три года. Прости. После Бала Карды мы уедем все вместе. Пусть отрядом занимаются Вако и Гесси. Мне стало неприятно это дело.

— Наконец-то! — не удержалась я, но последняя фраза Эреуса заставила похолодеть.

— Мы уедем не в Донум, жена, — с нажимом сказал он. — Вообще... из страны.

Триптих Либитины. Сцена первая

Триптих Либитины. Сцена первая

Я вынуждена отвлечься от рукописи. Отряд охотников вступает на единственную улицу людского поселения в моих владениях, и, значит, пора начать первую сцену заключительного триптиха Либитины. Я переношу большую часть внимания на крылатых соглядатаев в селении — стаю черных птиц, облюбовавшую крышу церкви в конце улицы.

Улица тиха, в окнах деревянных, одно- и двухэтажных домов вдоль нее не горит свет. Охотники идут вперед. Они не показывают удивления, не открывают своих сомнений, но я вижу и то и другое в их одеревеневшей мимике. Разумеется, они не ожидали встретить в глубине владений Либитины жилое поселение. Пока есть время, я изучаю этих старых и новых, вечных врагов.

Первые охотники на тварей, отряд Эреуса, подняли бы этих на смех. Никакой особенной униформы, внушающей вампирам страх, они одеты как простые смертные в длительном походе: теплые плащи, куртки, широкополые шляпы, разнообразных, но как на подбор тусклых расцветок. Вооружены крохотными, напоминающими игрушки, арбалетами, — это оружие стало бы предметом особых насмешек для охотников Эреуса, хотя оно шедевр в своей области. В сложенном состоянии современный арбалет умещается на ладони, раскладывается всего за два движения и заряжается без усилий. Некоторые несут большие арбалеты, приспособленные для стрельбы ловчими сетями — мои марионетки не раз путались в них и попадали врагу в плен. У всех есть мечи, револьверы и, конечно, кинжалы и пузырьки с водой из источника Донума. Арсенал, внушающий уважение, и, тем не менее, охотники Эреуса, узнав клятву последователей, отреклись бы от них, а то и записали во враги, приравняв к вампирам. Ведь современный орден не убивает новообращенных вампиров и отпускает свидетелей своих охот. Охотники, безусловно, стали гуманнее, но их мотивы вызывают у меня большее отвращение, чем мотивы их предков.

Они убивают вампиров без злости. Фанатичная ненависть не защищает их разум алмазным щитом. Они презирают тех, кто ищет в охоте утоления темных страстей. Многие из них юны — восемнадцать, двадцать лет, и юноши, и девушки — равноправные участники рейдов. И здесь кроется причина моего отвращения: охота для них игра, а орден — клуб по интересам. Уничтожение вампира сродни смерти противника в детской игре, лишь убийство себе подобных способно ненадолго вернуть современного охотника в реальность. Для тех же, кто постарше, охота на вампиров — просто работа. Ярость фанатика страшна, но равнодушные простого работника или невинные глаза детей, играющих с тобой в жестокую игру, страшнее. Ярость фанатика мне удавалось разбить правдой или большей яростью, но что делать с этими?

Почти вся улица позади, и предводитель отряда поднимает правую руку ладонью вперед. Знак остановки. Чтобы ничего не упустить, я отправляю часть стаи соглядатаев на коньки крыш всех окрестных домов. Охотники стоят перед церковью — единственным белым, сияющим во тьме зданием. В оконных витражах как в сети запутались всполохи света: кто-то зажег внутри факелы и свечи.

— Жители селения все там, — негромко говорит предводитель охотников помощнице.

— Может, оставить их в покое, свернуть дальше в леса? — осторожно предлагает та, но охотник отрицательно качает головой:

— Нет. Нужно выяснить отношение местных к нашему походу.

Он ничуть не понижает голос, когда говорит это, хотя знает, что я слышу их разговор. Мужчина лет тридцати, недурно сложенный, темноволосый и темноглазый, он выделяется из толпы охотников педантично-аккуратным нарядом и всегда безупречной прической, что в походных условиях смотрится щегольством. Глава столичного района ночной охоты, надеющийся, что победа над Либитиной выведет его на высший в ордене пост. Лишенный фанатизма предков, иллюзий юных и равнодушия пожилых, ведущий свою игру. Самоуверенный и очень сильный в своей самоуверенности... Опасный противник.

Чувствуя мое любопытство, охотник поднимает голову, подмигивает птице, устроившейся на ветви дерева над ним. Птица хрипло каркает: я ругаюсь.

Еще минута переговоров, и охотники разделяются. Небольшая группа с предводителем заходит в церковь. Основная часть остается у церковных дверей, располагаясь по их сторонам, они складывают арбалеты и достают огнестрельное оружие. Но более интересные события разворачиваются сейчас в церкви, и я обращаюсь к соглядатаям под крышей. Повинуясь приказу, те снимаются с мест и чертят круги над толпой. Небольшая группа охотников у дверей кажется камешком на берегу огромного моря — толпы селян. Море рокочет: селяне встречают птиц радостными криками, они верят в поддержку Госпожи.

В алтаре и у стен церкви заложена взрывчатка. Неумело и от души, можно было обойтись в половину меньшим количеством. Если охотники начнут побеждать, глава поселения намеревается взорвать церковь вместе со всеми жителями. Тогда охотники лишатся невидимой защиты от темных тварей, и, если не пожелают сами возвратиться в столицу ни с чем, я легко перебью их на подступах к логову. Все-таки они измельчали за триста лет! Теперь даже случайное убийство невинного смертного может полностью деморализовать жестокого охотника на вампиров. Они сами создали свою слабость, включив в клятву вступающего в орден пункт о высочайшей ценности человеческой жизни. Но что это? Почему я с жалостью гляжу на толпу, собравшуюся в церкви? "Это селение — лишь ферма живой человеческой крови", — убеждаю я себя, и сама себе не верю. Неужели записанная на бумагу первая, самая далекая, почти забытая часть истории Аристы так повлияла на меня?

Глава поселения выходит к охотникам. Этот пожилой, внушительный и жесткий человек не уступает в самоуверенности главе отряда. Я давно предвкушала их диалог, а сейчас едва слышу его. Я скольжу на крыльях черных птиц над толпой, и зоркий взгляд выхватывает то детей, то стариков, то женщин с младенцами. Все они предназначены сегодня на заклятие. Но я не заставляла их решать. Это их собственное решение.

Я коплю ненависть — черный ком в груди...

А глава поселения уже кричит охотнику, убеждавшему его отойти и освободить путь отряду:

— Вы пройдете к Госпоже только по нашим трупам! Мы видели от нее лишь добро. А что станет с нами без Либитины? Весь север под бесчеловечной властью владыки вампиров! Почему вы сражаетесь не с ним, а с нашей доброй госпожой? Не потому ли, что у владыки вампиров с покровителем ордена договор от сотрудничества?! — его крики находят поддержку у толпы, она воет, свистит и улюлюкает.

— Мы умеем заключать соглашения, — признает глава охотников, когда шум чуть стихает. — Договоримся и в этот раз... — говоря это, он не смотрит на противника в диалоге, хотя тот так и ест его глазами, он быстро оглядывает церковный зал. Острый взгляд

отмечает взрывчатку прикрепленную к стенам, прослеживает ход шнуров от нее к алтарю, где находится основная масса взрывчатого вещества. Охотник всматривается в лицо женщины с факелом — жены главы поселения, которая, согласно плану мужа, должна поджечь шнур. Потом отступает на шаг.

— Владыка вампиров последние годы правит в Карде, скоро все изменится, — негромко, но уверенно говорит он, глядя опять не на главу поселения — убеждая толпу. — Но чтобы запустить лавину перемен, нужно исключить из борьбы за власть над землей страха чудовище севера — Либитину! Это совершенно непредсказуемый союзник и сильный враг. Верю, что до сих пор вы видели от нее лишь добро: хозяйке положено заботиться о скоте вплоть до отправки его на бойню. Но где сейчас забота Либитины? Осознаете ли вы, что это значит? Где вы сейчас находитесь?

До абсолютной тишины и внимания далеко, но толпа примолкает. Некоторые шевелят губами, беззвучно отвечая на вопрос охотника:

— На бойне...

— Либитина не так уж отличается от владыки вампиров, раз в пятнадцать лет объявляющего большую охоту в северных землях, — замечает другой охотник. Главный кивает:

— Вы полагаете, что поступаете благородно: защищаете Госпожу. Так берите оружие, сражайтесь за нее! Вы думаете, охотников настолько тронут ваши смерти, что они утратят защиту? Да, убийство разумной души способно разбить защиту нашей клятвы, но здесь я ни разума, ни души ни в ком не вижу. Вы пришли сюда стадом, без собственных мыслей о происходящем. Тупое ожидание смерти от чужой руки — это по-скотски, а не по-человечески, и защита охотников не пострадает!

Я понимаю, что он блефует, но, признаю: блефует увлеченно. Толпу привлекает его увлеченность, и он уже с вызовом посматривает на главу поселения. А тот бледнеет от ярости, потом краснеет, вскипая от злости.

— Либитина хочет, чтобы мы защищали ее до последней капли крови! — кричит он. — И мы будем защищать ее! Только благодаря защите Госпожи мы до сих пор живы в краю вампиров! Я знаю страшные цифры смертей в Карде! -

Я знала эту его реплику наперед, но сейчас все-таки дергаюсь от отвращения. Я не требовала у смертных защищать себя. Фанатики, нашли божество, которому удобно вручить жизни и свободу и не думать ни о чем, следуя извечной тяге людского рода сбиваться в стада и стаи! О, поджечь бы фитиль, скрыть этот позор под грудой камней, но нужно продолжать представление.

— Разговор закончен! Убирайтесь, не то мы взорвем церковь вместе с вами! — орет глава поселения. Но предводитель отряда, кажется, забыл об опасности.

— Мы пришли сразиться с Либитиной, — напоминает он и вдруг без перехода командует своим вскинуть оружие. Видимо, он всерьез решил довести главу поселения до вспышки ярости. Увлеченная происходящим, я не сразу понимаю, куда охотники будут стрелять. Вверх! В моих птиц!

Эхо подхватывает звуки выстрелов, носит его под высокими сводами церкви, превращая в оглушающий грохот настоящей войны. Птицы падают на пол черными комьями перьев. Боли я не чувствую — отпускаю тела марионеток в момент попадания, и глаз в церкви не лишаюсь: в толпе присутствуют две человеческие куклы. Они продолжают следить за происходящим.

В толпе начинается паника, глава поселения окончательно обезумивает. С криком ярости он бросается на главу охотников, в драку вовлекаются другие охотники и селяне. Скоро охотники отступают за двери, на ступени церкви. Глава поселения, уверенный в скорой победе, неосмотрительно бросается за ними... и первым падает на ступени, крича теперь от боли. Охотники, оставшиеся вне церкви, палят в селян, поддавшихся злости и выскочивших из церкви. Разумеется, они стараются лишь ранить, не убить. Раненный глава поселения выхватывает припрятанный револьвер. Его черная злость обратилась черным отчаянием. Он успевает выстрелить дважды — ранить двоих охотников, прежде чем получает пулю в голову от главы отряда. Этим выстрелом заканчивается короткая, но жестокая битва.

В это время в церкви кто плачет, кто кричит. Но никто не готовится к смерти. Они перестали быть бессмысленным стадом: просто напуганные люди, каждый сам за себя и родных. Жена главы поселения по-прежнему держит зажженный факел, но не подносит его к шнуру. В ее глазах растерянность.

Я могу выхватить у нее факел рукой куклы и взорвать церковь. Тогда охотники задержатся на неделю, а то и больше, чтобы разобрать завалы, давая мне время на восстановление сил и даже бегство. Кому-то из них во время печальной тяжелой работы попадется белая детская ручка, которую сначала примут за руку куклы, кто-то споткнется о женскую голову с полуоткрытыми глазами и ртом... После такого, несмотря на похвальбу их главы, некоторые покинут орден, может, уйдут многие. Оставшиеся с удесытеренной яростью бросятся мстить хозяйке смертных, но их фанатичная ненависть разобьется о мое ледяное равнодушие, как было в прежние времена. Это выгодный путь, почему же я медлю, почему жду решения от этих нелепых смертных? Что я опять ищу в золотистом ореоле свечи, горящей над ворохом исписанных листов и кипой еще не начатых?

Снаружи стихает перестрелка. Еще минута ожидания, и народ бросается прочь из церкви. Вот уже в давке у дверей кому-то ломают ребра. Жена главы поселения дрожит, но не двигается с места, боясь навлечь гнев госпожи. Когда здание опустевает, я подхожу к ней и отнимаю факел:

— Беги! — рычу я.

— Любимая госпожа... -

Смертную охватывает раскаяние, она начинает рыдать. Падает на колени:

— Вместе с вами, Госпожа...

"Дура!" — непонятно, кого я ругаю, ее или себя. Нужно взорвать хотя бы пустую церковь, но я позорно тушу факел в бадье с водой для питья. Оказывается, мне жаль и одной напрасной человеческой жизни.

— Так-так, — глава охотников встает в дверях церкви. — Владычица мертвых жалеет живых? Это было самое неудачное представление кукольного театра Либитины! — он хохочет, впрочем, больше от нервов, чем от действительного веселья. Кукла кидает на него уничтожительный взгляд и, завернувшись в крылатую тень, скрывается в алтаре, где находится выход в тоннель. Она мчится подземной дорогой прочь, прочь — воплощение моего сомнения, злости и боли... Что с тобой, Владычица мертвых? Слабость рассудка, настигающая многих бессмертных, достигших трехсотлетия? Жалость сердца, размягчившегося от гниющих четвертое столетие, не находящих утolenия эмоций?

"Что с тобой, Либитина?!"

К главе отряда подходит другой охотник, его ровесник. Не без удивления я узнаю в нем

потомка рода Гесси.

— Сбежала? — спрашивает он. Главный охотник кивает и уточняет:

— В алтаре есть тоннель к ее логову. -

От этих слов веет холодом. Собирая армии кукол для новой обороны, я одновременно тихонько поддвигаю к себе очередной, почти чистый лист. На нем всего три слова — начало следующей части повествования. Я вглядываюсь в черные букашки букв, пока они не начинают расползаться, сливаясь в пятно — коридор пустоты...

— Я испугался, что оставшиеся в церкви взорвут здание, — сознается очередной Гесси. — А ты?

Глава охотников холодно глядит на него:

— Нет. Я хорошо умею различать сумасшествие обреченности на лицах. С детства, — он усмехается чему-то: очень горькая усмешка. — Здесь же никто не был готов убить себя и близких, даже эта женщина с факелом, — он мимоходом бросает взгляд на жену главы поселения, так и рыдающую на полу.

— Либитина могла сама взорвать церковь вместе с людьми, — преувеличенно спокойно говорит Гесси. — Ты был готов взвалить эту вину на себя и отряд? -

А мне нравится этот охотник — живая иллюстрация того, как изменяются за столетия самые непримиримые идеи. Его голубые глаза холодны, как у первого Гесси, но есть другое, новое, неожиданное в благородных чертах потомка Лоренса.

"Что это, через три столетия даже в Гесси проснулась совесть? Воистину, до конца нашего мира недалеко!"

Глава отряда долго молчит, глядя в пол. Наконец размыкает сухие от еще не угасшего волнения губы.

— Я был готов, — ровно, задумчиво сообщает он. — И тебе нужно быть готовым, Гесси. Мы вступаем в большую войну, и таких глупых невинных жертв будет много. И нужно будет идти вперед, несмотря ни на что. Время милосердия и жалости осталось позади. Мы вновь превращаемся в волну фанатиков, какими были первые охотники. Но наша волна будет последней.

Долгое молчание.

— Я был не прав, сравнив Либитину с кардинским владыкой вампиров. Госпоже Кукловодше, в отличие от Дэви, знакомо милосердие, — неожиданно замечает Гесси. Главный охотник жестоко усмехается:

— Если так, оно ее погубит.

Все сильнее тянет холодом. Откуда? Не из открытого ли тоннеля, соединяющего церковь с самым центром моих владений? Я ожидала, что страх гибели невинных людей в церкви остановит отряд, но охотники легко переступили его. Их предводитель готов платить чужими жизнями, что для такого моя вечность? И мне мерещится, что охотник уже видит меня, через мили и мили, пока нас разделяющие. Чудится, что, вытянув руку, он способен коснуться моего мягкого жалкого тела жгучим серебром кинжала...

Я глубоко вздыхаю и опять заключаю дышащий в лицо страх смерти в прозрачную клетку. Недостойно Владычицы мертвых. У меня еще столько дел! И есть в запасе главный страх смертных, вполне способный остановить отряд. Нужно заняться подготовкой следующего представления, а заодно продолжить свою повесть. Как раз настало время рассказать о том, какие уродливые формы принимало в прежние времена милосердие охотников. Послушная кукла вновь берет писчее перо, а темное пятно на месте первых слов

следующей части превращается в узор букв:
"Великий Бал Макты..."

ЧАСТЬ 2 ИМАГО

Великий Бал Макты проводился в новом дворце, выстроенном в конце улицы Алхимиков. Я ожидала увидеть строгие линии и белые колонны модного у северян и понемногу распространяющегося и у нас классицизма, но, оказалось, архитектурные вкусы Макты куда архаичней. Выросшее более ввысь, чем вширь массивное здание с небольшими окнами-бойницами очертаниями напоминало старинный замок-крепость. Но еще прежде аскетичной, ненарядной архитектуры меня заинтересовало его местоположение: новый дворец был выстроен в старейшей части города и фундамент для него не клали заново — использовали старые камни, оставшиеся от логова Атера.

Атера-алхимика в Карде до сих пор поминали дурными словами. Сто лет назад этот чародей держал в страхе весь город: то грозился оживить мертвых на кладбищах, то обещал отправить на кладбища живых. Говорили, он заключил договор с Нечистым или... с "Бездной"? Трактовки разнились. У меня же возникла иная интересная версия:

— Может, Макта и есть Атер? — поделилась я с Эреусом, когда мы подъезжали ко дворцу. Муж ответил резко:

— Атер был выходцем из южной империи, и по внешности типичный южанин. Не просто так его прозвали Атером, черным. А Макта — нащ, светлоглазый, светловолосый. Но довольно вопросов, моя леди!

— Я только один раз спросила.

— Впредь молчите, — опять его приобретенные в последние три года резкость, непримиримость. Я поджала губы.

— Мн будет проще молчать, если вы расскажете, что вас так тревожит, мой лорд. Нам чего-то следует опасаться на балу?

— Просто будьте на виду, среди приглашенных, и не покидайте бальную залу ни при каких посулах, — не сказал — выплюнул муж, хмуро озирая широкую подъездную аллею, на вид спокойную и неопасную. — На балу будет много темных тварей, на ваш взгляд ничем не отличающихся от людей. Макта специально закатил праздник ночью, в их время. Поэтому почаще повторяйте с дочерью Крестное знамение и не смотрите в глаза собеседникам — это даст некоторую защиту от их воздействия на разум. И, конечно, не танцуйте ни с кем, кроме людей из списка, что я вам дал, моя леди, и не отпускайте Антею танцевать ни с кем, кроме них же.

— Это будет самый веселый бал в моей жизни! Довольно тайн, мой лорд. Лучше просто научите, как отличать темных тварей от людей. Мне кажется, я пойму. Та дама в дворцовом саду... теперь я сразу подобных ей узнаю.

Муж быстро глянул на меня и вновь отвернулся к окну. Было видно, что его тяготит мое общество. "Это в последние три года он стал таким, — с грустью отметила я. — Без семьи одичал — даром, что столица!"

— Твари сделают все, чтобы их невозможно было определить среди людей, — глухо сказал Эреус. — Тварь в дворцовом саду была голодна, но большинство придет на бал сытыми, чтобы мой отряд их не различил. Сытые они ничем не отличаются от людей, их чары работают в полную силу. Только зеркала не лгут, отражая тварей такими, какие они есть — мертвыми, но все большие зеркала убраны из всех залов на время бала, так

распорядился Макта. Если б можно было не брать вас сюда! — сквозь зубы пробормотал он.

Я вздохнула и также уставилась в окно кареты на однообразный темный ряд деревьев аллеи. Избежать бала не было никакой возможности, от Эреуса, Эрвина и Майи я уже узнала подоплеку события. Макта вообразил, что неуничтоженные потомки и сторонники Лазара Арденса прячутся среди тридцати знатнейших фамилий Карды — старой аристократии, и надеялся выявить их на балу ведомым только ему способом. Несущих частицу крови Арденса ждал Суд по крови, и та же же страшная участь была уготована не явившимся на великий Бал. Эреус рассказал, что сначала планировал сбежать с нами еще до бала, но Митто отговорил его. Решив, что в бега пустились неуничтоженные Арденсы или их сторонники, Макта пожелает расправиться с беглецами лично и не успокоится, пока не переловит всех. Оставить кого-либо из членов семьи дома также не приветствовалось, Король мог расценить это как неуважение и покарать за него жестоко, как за измену.

— Я верю, что все обойдется. Подождите, мы еще обратим этот бал на пользу семье, — тихо сказала я просто чтобы подбодрить Эреуса. Но за три одиноких диких года муж стал невосприимчив к моим добрым словам. Его будто обняла за плечи какая-то мрачная тень, обняла и не отпускала. "Соперница!" — в который раз подумала я.

— Вера — это хорошо. Вера дает наилучшую защиту от тварей, — похвалил муж. Не в первый раз мне почудилась некая угроза в его тоне. — Но не будьте наивной, моя леди. Обернитесь, посмотрите на город, поймите, куда мы приехали, почувствуйте тень. Это сильная тьма.

Я сидела против хода движения, поэтому просто прислонилась лбом к окну. Взглядом я прослеживала дорогу, освещенную светом фонаря, покачивающегося у задней стенки кареты. Белые камни подъездной аллеи быстро таяли во тьме позднего зимнего вечера. Я помнила, что аллея выводит на улицу Виндекса, откуда мы повернули к новому дворцу Макты, но сейчас главной улицы Карды видно не было, лишь слабо светили сквозь ночь редкие окна далеких домов. Жадная тьма накрыла весь город. Как огромное холодное чудовище, она разлеглась на крышах и мостовых. Слепая, глухая, немая, она тянулась к теплу человеческих тел, жаждала впитать его и на мгновение почувствовать себя живой. Дорога позади кареты таяла быстрее чем снег под солнцем, будто съедаемая тьмой. Я вздрогнула от неожиданного укола холода — ледяной иглы плохого предчувствия, и отодвинулась от окна.

— Эреус... ты думаешь, на балу дойдет и до убийств? — звеняще от моментально поднявшегося волнения спросила я. Муж жестоко улыбнулся:

— Я полагаю, крови будет много, моя леди.

Антея, Эрвин и Майя, ехали в карете перед нашей. Мы вышли одновременно. Дочь была в приподнятом настроении, хотя еще накануне ходила мрачнее тучи, узнав, что нам придется уехать из страны. Но в последний день она вообразила, что на балу произойдет некое чудо, и мы останемся в Карде. Я пробовала разубедить ее, только перед выездом прекратила попытки и теперь обреченно ждала скандал после бала.

Сейчас Антея была весела, даже закружилась на ступенях дворца, повторяя па главных танцев. Я удержала мужа, собравшегося пожурить единственное чадо за недостойное поведение. Завтра нас ждет бегство из столицы, потом из страны. Пусть дочь запомнит последний момент искреннего детского легконогого счастья и хрупкую как крылья бабочки надежду на неизвестное чудо. Полы ее теплого плаща широко разлетались в стороны от кружения, открывая новое платье. Эрвин провожал ее восхищенным взглядом.

Макта велел всем явиться на Бал в цветах гербов, и тем поставил Эмендо в неловкое

положение. Цыплячий желтый цвет герба, перенесенный на бальные одежды, делал нас шутами. Поэтому для дочери я, пожалев дебютантку, заказала платье из ткани другого, более светлого оттенка. И оно шло Антее. Она казалась бледно-желтым цветком лилии. Густые брови дочери в последние годы обрели красивый изгиб, а глаза взрослую расчетливую яркость, благодаря которой даже ее большой нос не казался таким уж большим — мое предсказание позднего расцвета ее красоты начинало сбываться. Темные, чуть развившиеся локоны спускались до лопаток, но эта небрежность лишь придавала девушке очарования. С Мактой вернулась мода на скульптурные формы в одежде: жесткие корсеты и строгие закрытые платья с пышными воротниками, юбки на металлических обручах. Во время примерок я с жалостью смотрела на дочку, до самой шеи закованную в жестокий панцирь церемониального платья, и в итоге упразднила буфы, подушки на бедрах и воротник-мельничный жернов, за которым Антея не могла видеть собственный наряд. В конце концов, первый и, возможно, на долгие годы единственный бал!

Пора было подниматься. Эреус подал руки мне и Антее и изобразил горделивую улыбку. Я постаралась улыбнуться также. Эрвин остался в саду. "Он в отряде мужа, его группа будет охранять от темных тварей сад", — вспомнила я, и от плохого предчувствия заломило виски. На мгновение привиделась я сама, бьющаяся в рыданиях и от отчаяния раздирающая в кровь лицо и грудь. Над кем я рыдала? Картинка была ужасающе реальной.

Я незаметно развернула на ладони бальную книжечку. Вместо списка танцев здесь был записан перечень людей, которые не вызывали у отряда Гесси подозрения в принадлежности к темным тварям. Он был не так уж велик: Адриан Дэви с семьей, Симон Калькар с семьей Геден Вако с супругой, Алоис Митто, Ремма Алигер, Майя Лакус... — я оглянулась на подругу и поймала ее улыбку. Майя, как и в день переворота, не казалась ни испуганной, ни, хотя бы встревоженной, и я приободрилась.

Мы оставили приглашение на столике у входа в залу. Войдя туда, я на миг ослепла, так нереально ярка и роскошна была обстановка. Колонны из кроваво-красного камня терялись в высоте, тысячи свечей освещали огромный зал, люди в разноцветных одеяниях в котором казались мазками краски на холсте. Все послушались Макту и явились на праздник в цветах гербов — ярких и сочных, как зрелые плоды. В ожидании выхода Короля они выстроились вдоль стен, образовав подобие сумасшедшей радуги. Вот Вако в темно-синем, Митто в сером, Гесси в изумрудно-зеленом, Дэви в багряном...

Три удара жезла церемониймейстера, и в главных дверях показалась невысокая, но внушительная фигура в алой мантии. Макта. Я успокаивающе погладила пальцы мужа, хотя собственное сердце било о клетку груди железным молотом. Макта. Я не видела его три года, со странного священнодействия с тенями в тронной зале старого дворца.

Макта вышел в центр залы, сопровождаемый шелестом одежд придворных, приседающих в глубоком реверансе. Когда он проходил мимо, я склонилась и замерла в неудобной позе как все. А Король скоро остановился, раскинул руки, приветствуя собравшихся.

— Господа и дамы! Вернейшие из моих подданных! — едкие саркастичные слова камнями сыпались на наши склоненные в выражении покорности головы. — Почтим великого основателя Терратиморэ Лазара великим балом! Именно он создал землю страха такой, какая она есть, а я — смиренный и скромный его последователь. Я лишь иду по дороге, проложенной первым Арденсом, и где и когда будет конец этой дороге, не мне решать, — вам. — Я макушкой почувствовала его ледяной пронзительный взгляд.

— Вам, — задумчиво и немного печально повторил Макта и поклонился. Свет в зале погас — тени надвинулись из углов и потушили свечи. В темноте я нашла руку перепуганной Антеи и сжала ее, а муж обнял нас обоих. Вокруг шелестели одежды придворных и хрустели подагрические суставы сановных стариков, возвращающихся из глубоких поклонов в выпрямленное состояние.

— О чем говорил Король, мама? — шепотом спросила Антея. — Я ничего не поняла!

— Он не сказал про Суд крови, — в голосе мужа слышалось облегчение. — Может быть, это хорошо.

— А мне кажется, он сказал про суд, но другими словами, — еле слышно возразила я. — Дорога Арденса — долг Арденса... Но что можем сделать мы? Макта как будто отдал нам власть над своей судьбой. Что все это значит?

В зал через боковые двери вползли змейки маленьких живых огоньков: слуги несли свечи для первого танца. Затрещали струны, проигрывая вступление. Я притянула к себе Антею.

— Дочка, послушай. То правило, о котором я говорила тебе уже пятнадцать раз... Послушайся его. От его соблюдения возможно зависит твоя жизнь. Танцуй только с людьми из папиного списка.

— Я понимаю.

— Действительно, понимаешь? — Антея в этот момент потянулась за свечкой, которую протягивал слуга. Я остановила ее руку:

— Нет. Первый танец мы пропустим.

— Но мама!

Я была непреклонна. Танец начался, а мы остались в темноте. Мимо чинно проходили пары, держа в руках маленькие свечки, дочь мрачно наблюдала за этим. И, пользуясь тем, что нас сейчас никто не видит, я обняла Антею за плечи. Дочь была послушной, и ее стоило наградить. Я понимала, какая буря бушует в ее душе.

— Видишь? Это совсем не интересный, пустяковый танец. Следующие будут лучше, и их ты потанцуешь. Карусель бала раскрутится через час, ты еще покажешь себя во все красе, дочь. И смотри, как удачно мы стоим: нам видно всех, а нас не видит никто. Это единственный танец бала без масок — отличный шанс по-настоящему узнать собравшихся. Вот, взгляни, Алоис Митто, — граф в это время остановился рядом с нами, легким наклоном головы пригласил девушку. — На кого он похож?

Я знал, что сердце Антеи чаще бьется при виде Алоиса... Дочь смешно нахмурила бровки. Она уже забыла свое горе:

— Похож? На... м...м... на Митто?

— На волка!

Дочь хихикнула. Серый плащ Митто, белоснежный воротник вкупе с хищным выражением остроскулого, остроносого лица действительно навевали сходство с волком.

— Тогда Макта похож на льва, — серьезно заметила дочь, и я вздрогнула: к нам приближался сам Король. Освещенное светом свечи лицо было равнодушным и... целеустремленным. Другие танцоры ориентировались в темной зале на маячки огоньков в руках ждущих приглашения, а этот нечеловек искал жертву иначе.

"Может быть, по биению сердца?"

Я не успела и вздохнуть, а Макта уже стоял передо мной и протягивал руку, приглашая на танец. В другой горела свечка, освещавшая лица оказавшихся поблизости людей:

воплощенную маску спокойствия Короля, вытянувшийся от любопытства профиль Антеи, ослепительную улыбку Майи... Майя?

— Иди, Ариста, — одними губами шепнула подруга. — Я побуду с Антеей.

Я отвернулась от них с дочерью и поспешно склонилась перед Королем в глубоком реверансе, принимая приглашение.

Оглушительно загудели флейты, взвыли скрипки. Я шла рядом с партнером, не дыша, кажется, не касаясь ногами пола — черная тень Макты несла меня. Я уставилась на свечу в его руке и не смела поднять взгляд выше.

— У вас прекрасная дочь, леди Эмендо, — крохотное пламя затрепетало от холодного тона Макты. — Но смелость, готовность шагнуть в темную бездну моего зала я нашел в вас, а не в ней. Не сердитесь, Ариста. Я не разлучу вас с Антеей надолго.

— Я ничуть не сержусь, Господин.

— Я вижу в вашем взгляде... вас завораживает моя тайна, не так ли, леди Эмендо?

Я смешалась. "Мне это не снится?" — мелькнула мысль. В конце концов, я решила ответить, как ответила бы во сне:

— Тьма всегда завораживает... и страшит. Простите мои дерзкие взгляды, Господин. Я всего лишь женщина.

— Изничтожьте суету мыслей и страхов, обратитесь к главному чувству, составляющему вашу суть, и в нем вам откроется Бездна. В Ней ответы на все вопросы, — мы встали дружно напротив друга. Последний поклон. Пламя свечи затрепетало, и я впервые осмелилась поднять взгляд на партнера. И тут лицо Макты поразило меня. Глаза — черные колодцы боли, болезненная усмешка искривила рот. Всесильный Владыка Карды молил... о помощи?!

В следующий миг свеча очутилась у меня в руках, а Макта растворился в темноте. Мелодия танца оборвалась.

"Обратиться к главному чувству, к своей сути", — подумала я. Хотела черпнуть из неиссякающего источника любви к родным, но вместо этого в темной и пронизанной огнями зале вдруг ощутила свое... одиночество. Вместе со всеми, синхронно я поднесла свечу к губам, задула, и мир вокруг погрузился в полнейшую тьму. Одно ужасное и завораживающее мгновение я ощущала себя единственным человеком во Вселенной, абсолютно одиноким и совершенно свободным как Бог. Но огонек по веревочке взмыл на люстры, осветив огромный зал, и я очнулась. Муж спешил ко мне, за ним тенью следовал лорд Гесси. Антея с Майей остались там, где я их оставила.

Танец со свечами был единственным мистическим танем бала. Далее потянулась вереница бранлей и гальярд, обыкновеннейших на любом балу, и вереница представлений. Я обменялась вежливыми улыбками с Калькарами и Дэви, поприветствовала Красов и Фаберов, поговорила с Реммой Алитер — и вот уже видения и предчувствия казались нелепым сном. А когда я вспоминала, что утром мы должны покинуть столицу, а потом и страну, весь великий Бал Макты в мыслях мгновенно превращался в сон, особенно похожий на реальность перед самым пробуждением.

Первый час бала подошел к концу, когда до разговора со мной снизошел Гесси. До этого я часто ловила его взгляд, но лорд держался в тени у стены, озирая зал, будто полководец поле перед боем. Это был высокий подтянутый мужчина лет сорока с небольшим. Седой и холодноглазый, само воплощение зимы и льда. Бальный наряд жизнелюбивого весеннего сочно-зеленого цвета совсем не шел ему. Впрочем, и я в своем ярко-желтом напоминала цыпленка-переростка.

— Будьте осторожны, леди Эмендо, — предупредил Гесси. — Темной тварью Макты здесь сегодня может оказаться любой.

— Даже вы?

Он равнодушно изобразил улыбку:

— Доверяйте только себе. И... если вы все же встретите темную тварь, а потом, очнувшись, обнаружите у себя некоторые странности, не утаивайте это от мужа. Проснется жажда к человеческой крови, но знайте: пока вы не утолите ее, вас можно спасти.

— О! — я немного растерялась. За три года я не дождалась от мужа каких-либо подробностей тайной войны с тварями, а лорд Лоренс сообщил множество интересных и странных вещей в первых же трех фразах. — Можно спасти?

— Вода с серебром из источника Донума помогает исцелению души, — любезно сообщил Гесси. — Но нужен будет посредник: я или кто-либо из отряда Эреуса. Поэтому не медлите, посылайте за кем-либо из нас, как только вам захочется попробовать на вкус кровь ваших служанок. -

Теперь меня покоробил его тон. Лорд Гесси будто уже видел мое обращение темной тварью, было уверен, что ночь бала для меня закончится именно так. И ответила я резко:

— Когда мне понадобится такого рода помощь, ЕСЛИ она мне понадобится, я дам вам знать, Лоренс. Но я немного удивлена. Я полагала, твари Макты — мертвецы, телами которых он управляет. Но, выходит, они еще не мертвы, раз их можно исцелять?

Он отступил — и скрылся за прозрачной ледяной стеной отстраненности:

— Лорд Эмендо верно говорил: вы задаете много лишних вопросов, Ариста.

Карусель бала раскручивалась. Лица людей постепенно размывались — рябь на море толпы, их разговоры, смех волнами взлетали и разбивались о мол тишины зимней ночи. Черным чудовищем та разлеглась под окнами бальной залы и наблюдала. А веселье разрасталось и все отчетливее обретало наигранный характер. Лица людей срастались с разноцветными масками, голоса сливались с гомоном скрипок и гоготом флейт. Тяжело, душно! Упав в кресло, я смотрела, как дочь танцует с младшим сыном Калькаров — семнадцатилетним юношей. Антея развеселилась и раскраснелась. Огромные удивленные глаза, казалось, вознамерились вместить все картины и впечатления ночи. При определенном повороте головы можно было разглядеть в ее юном милом личике свои черты. А улыбка и немного упрямый наклон головы — лбом вперед, тыча противника воображаемыми рожками, — это от Эреуса. Как порой причудливо смешиваются, соединяются, не растворяясь, черты родителей в ребенке, в то же время создавая ни на кого не похожий, новый образ! Кто ведает этим, что этим управляет?

— Похоже, она совершенно счастлива, — сказал подошедший Эреус. Я обернулась к нему.

— Да... ненадолго. Скоро она поймет, что чуда не произойдет. Пусть веселится, пока можно.

Муж казался расслабленным и спокойным. Но правую руку держал за спиной: правый манжет рубашки превратился в лохмотья, будто кто-то рванул по нему когтями. И воротник помялся, на правом бортике куртки россыпь крохотных бурых пятнышек, высохшая кровь.

Я содрогнулась:

— Дочь счастлива, а вы? Вижу, вы ловили темную тварь?

— Уже пять, и это далеко не конец.

— Гесси сказал необычную вещь: он сказал, их можно спасти, пока они не попробовали

человеческой крови. Так, выходит, они не мертвецы?

Муж ошеломленно и как-то несчастно посмотрел на меня, сглотнул. После паузы чрезвычайно, преувеличенно ровно сказал:

— В очень редких случаях исцеление действительно возможно, душу новообращенного удается спасти. Но, обыкновенно, темные твари стараются держать своих юных в укрытых убежищах до принятия ими первой порции живой крови.

— Точно также, как поступили бы мы с детьми, — прошептала я. — Почему же охотники уверены, что они — живые мертвецы?

Он приблизился, опустил на одно колено и взял мои руки в свои. От его перчаток неприятно пахло: кровью, железом, горелой пылью.

— Я очень скоро все скажу тебе, Ариста, правда, — забормотал муж. — То, что ты сейчас сказала... Меня терзают те же вопросы, поэтому я больше не хочу продолжать дело Гесси. Мы уедем из Карды, и я все расскажу и тебе, и Антею, правда. Но не здесь, не сейчас. Этот город туманит мысли, мы все можем наделать глупостей! Понимаешь?

— Понимаю... — я нахмурилась. — Меня только пугает частота употребления вами слова "правда", мой лорд. За нею обычно скрывается ложь. -

Я боялась и ждала, что он отодвинется и начнет доказывать, что не врал, этим только убеждая в нечестности... Но Эреус сжал мне ладони — сильно и мягко, ласково:

— Милая... Любимая моя! Это были страшные три года, но все почти позади. Я не говорю ничего сейчас, потому что это долгий, тяжелый разговор. Но мы поговорим, обещаю, — он премило улыбнулся. — Пойдемте танцевать?

Я устало усмехнулась:

— О, нет, нет. Меня уже тошнит от этой карусели!

— Антею времени не теряет, и мы не будем. Идемте! -

Он все-таки вытащил меня в круг. Сначала мы покружились под веселую мелодию. Эреус немного слишком пытался быть милым, и это пугало. Но вот, ритм сменился. Я положила левую руку ему на плечо и заглянула в глаза. И он успокоился и впервые за долгие годы открыл взгляд до конца, до правды, до последней, кристально-честной искорки: в нем была тревога за нас и надежда. Муж повел меня по кругу в молчании, шутить и говорить комплименты больше не хотелось. Постаревшие, потяжелевшие, мы были сейчас тем же единым, что в день венчания, и это единое не требовало громких слов, признаний, нелепых шуток.

Музыканты поспешно завершили последнюю музыкальную фразу. Мы с сожалением вернулись на места у стены, а церемониймейстер вышел в центр зала и объявил:

— Королева Семель желает увидеть "Солнце и Луну"! Смелые дамы приглашают смелых кавалеров. Танец со сменой партнеров.

Я уже хотела пригласить Вако, но муж удержал за руку:

— Нельзя. Оставайтесь тут. Танец со сменой партнеров.

— Жаль...

— Я пойду, — он снова надел маску непримиримого борца с нежитью. — Не выпускайте дочь из виду.

Антея была поблизости. Смеялась, обсуждая с дочерью Дэви что-то. Я опять присела в кресло, поглядывая то на дочь, то в центр зала, где разворачивалось необычное зрелище.

"Солнце и Луну" — танец, написанный по мотивам показанного в начале бала короткого балета о любви-ненависти двух светил, танцевало всего с десятков пар, красивых

как на подбор. Вышли Вако, Митто, Дивелли, Майя Лакус с юным сыном Калькаров, с которым недавно танцевала Антея. Пары образовали широкий круг, поклонились Королю и друг другу, и танец начался. Красивый контраданс с гипнотическим рваным ритмом и скульптурно-изящными сложными поддержками. Макта и Семель наблюдали за танцем с балкона. Королева сидела рядом с Королем, очень прямая, гордая и бледная. Макта не убил ее в первый месяц правления, значит, Семель стала темной тварью.

Мелодия "Солнца и Луны" то ускорялась, то замедлялась, вызывая страннейшее ощущение неравномерно текущего времени. Казалось, все вокруг, не только десять пар в центре зала, начинают то двигаться быстро и дергано, как сумасшедшие марионетки, то застывают красивыми мраморными статуями в мире остановившегося времени. А что творилось в центре зала, глаза вовсе отказывались воспринимать. Танцоры двигались ловко, изящно, и совершенно не давая запомнить последовательность танцевальных па, а партнеров меняли так быстро и незаметно, что, казалось, это один человек, только со все бледнеющим и бледнеющим лицом. Они все дольше задерживали поддержки, чтобы зал мог насладиться воплощенными в живой скульптуре отражениями любви и страсти, свободы и повиновения, мечты и разочарования.

Скоро танец кончился, но иллюзия не кончалась. Макта спустился в тихий зачарованный зал и воздел руки:

— Остался последний танец бала! — возгласил он. — Но не последний танец земли страха! Танцуйте, доколе она не падет! Отныне по воле моей каждые пятнадцать лет должны проводиться большие Балы Карды, а Тридцать Домов по очереди принимать их. Пока путь, начертанный для Терратиморэ Лазаром Арденсом, не завершится!

Я подлетела к дочери, обняла за плечи. Сердце пело: ночь завершилась благополучно, вопреки всем дурным предчувствиям.

— Мама! — капризно воскликнула Антея, но сама, затрепетав, прижалась ко мне, также радуясь. Так мы стояли, пока не зазвучали первые аккорды танца и к нам не подошел Алоис Митто.

— Пусть монетка подскажет, какую из двух красавиц пригласить, — молвил он и подбросил серебряную десятину. Она упала гербовой стороной.

— Антея, — довольно проговорил Митто. — Вы позволите, Ариста?

Я не хотела отпускать дочь, но та обернулась. Глаза сияли: последний танец великого Бала она будет танцевать с красавцем Митто!

— Мама, разрешите! — зашептала она. — Ведь мы же завтра уедем...

Сердце дрогнуло: так хороша, свежа и юна была сейчас Антея, лишь глаза ее блестели от невыплаканных слез по улетевшему чуду. Трепетом по коже пробежало предчувствие краткости этой красоты... и я смилостивилась:

— Иди.

Серая и бледно-желтая бабочки вспорхнули, закружились по зале. Красивая пара! "Не будь Митто столь ветрен..." — я хмыкнула. Алоис уносил Антею все дальше, и я тихонько пошла следом, сопровождая их танец у стены. Бал почти завершен, осталось без задержек покинуть дворец, сесть в карету и уехать.

Белое пятно платка с монограммой, брошенного у двери во внутреннюю комнатку залы, почему-то привлекло внимание. "К" — и герб Калькаров. Без всякого перехода я вспомнила, что не видела младшего сына Калькаров с начала "Солнца и Луны".

Дверь в комнатку была закрыта, но не заперта, будто приглашая войти. Комнату

открыли недавно: я отчетливо помнила, что проходила у этой двери в начале бала, и она была заперта. Во времена Арденсов в кулуарах подобным образом во время балов уединялись пары, поэтому я уже хотела пройти мимо, но... На ручке двери был кровавый отпечаток. Она была сделана в виде головы льва, и красное пятно пришлось точно на его пасть.

Я подобрала платок Калькара. Он тоже был в пятнышках и полосах крови, будто кто-то вытер им руки, выходя из комнаты.

"Вот так проходит охота на темных тварей. Пять — и это не конец охоты. Они там", — поняла я. Стало страшно... и любопытно.

Я напоследок бросила внимательный взгляд в зал. Митто и Антея по-прежнему танцевали, граф сыпал галантностями, дочь звонко смеялась. Потом тихонько отворила дверь и заглянула в комнату.

Зачем я сделала это? Одно ли любопытство было тому причиной? Нет. Я хотела увидеть, чем занимается муж в Карде уже три года. Я подозревала, что зрелище меня ужаснет, но хотела представить, понять, как Эреус выглядит при этом.

В первый миг я почувствовала смущение. У девушек в креслах и на полу непристойно заголились ноги, у некоторых платья были расшнурованы и спущены до талии, и я вообразила, что попала все-таки на оргию, а не на последствия охоты. Но люди в комнате были неподвижны и слишком бледны даже для пудры. Больше пяти тел. В основном девушки, но было и двое юношей. И... это была не та охота, — поняла я, подойдя ближе. На шеях, груди убитых цвели алые цветы укусов. Аккуратные и... жестокие, как не кусает ни одно животное. Здесь пировали темные твари.

Я глянула на тело младшего Калькара в кресле, встретила с остекленевшим взглядом светлых глаз, и меня замутило. На щеке юноши алела роза укуса.

"Когда они успели убить его, я помню его в танце "Солнца и Луны"?!"

Сняв перчатку, я коснулась щеки мертвеца. Кожа была еще теплой. И вдруг с ужасающей отчетливостью я представила, как дочь танцует там, в зале, одна в окружении неизвестно сколько темных тварей...

Я ринулась к выходу, но на пороге комнатки столкнулась с Гедеоном Вако.

— Ариста, что ты, что ты, — мягко по-отечески сказал он, принимая в объятия, крепковатые для отцовских. — Тварей здесь уже нет, они насытились и ушли, успокойся.

— Там, в зале, Антея! — я рванулась, но Вако удержал за плечи.

— Бальная зала — самое безопасное место во дворце, — продолжал увещевать он. Голос первого министра вдруг обрел чрезвычайную приятность, бархатистость. — Не кричи, не поднимай панику. Начнется хаос, а в хаосе они легко заберут еще несколько жизней, понимаешь?

— Я... мы с дочерью немедленно уезжаем! — выкрикнула я и пошатнулась. Воздуха не хватало, и вдохнуть поглубже не позволял корсет, узкий воротник обратился удавкой.

— Я провожу тебя в сад. Подышишь свежим воздухом и успокоишься, — в этот миг я нашла в зале Антею: она все также танцевала с Митто и счастливо смеялась, откинув голову, чувствуя себя первой красавицей бала. Напряженное тело чуть расслабилось, и Вако, легко преодолев остатки сопротивления, повлек меня к другому выходу из комнаты. Короткий коридор — и мы в саду. От холодного воздуха легкие сначала спазматически сжались, но скоро дыхание выровнялось. Сад по контрасту со дворцом был тих и безлюден, только в кронах деревьев нахохлилась стая больших черных птиц. В этой обстановке разум

прояснился.

— Спасибо, Гедеон, — искренне сказала я Вако, по-прежнему держащему меня в кольце сильных рук. — Я пойду за Антеей.

— Хорошо, только... — обруч его рук стал теснее. — Обещай, что никому не расскажешь, что видела в комнате. Там уже прибираются.

— Обещаю... — я попробовала осторожно выбраться из цепких объятий. Не получилось. Я недоуменно взглянула в бледное в лунном свете лицо мужчины и внезапно вспомнила старую догадку, что Вако может быть одной из темных тварей Макты.

— Гедеон,пусти! Я обещаю! Завтра мы уедем и не вернемся. Никогда-никогда! И никому не скажем, что видели в Карде!

— Мне не хочется тебя отпускать, — глухо признался он, уткнувшись в завитки волос на шее сзади. От интимности этого прикосновения внезапно прошла сладкая судорога по телу.

— Гедеон!

— Ты стареешь, Ариста, это уже заметно. Но я знаю средство от некрасоты и смерти. И я хочу поделиться им с тобой, — шею сзади царапнуло что-то холодное, острое. Коготь или... клык?

О, Господи! Я забормотала Крестное знамение. Громко и старательно, будто этим можно было оправдать такое запоздание защитной молитвы. Вако засмеялся. Удерживая меня одной железно-сильной рукой, другой достал из потайных ножен у пояса небольшой кинжальчик. Я забилась отчаянно и бессмысленно, как птица, попавшая в силоч, и в этот миг тишину сада разорвали крики, демонический смех, свист и вой. Огромная летучая тварь, очертаниями напоминающая человека, с перепончатыми крыльями летучей мыши или дракона за спиной, неслась низко над землей по главной подъездной аллее. За ней клочковатая туча таких же тварей, летящих единым массивом. По дороге следовал отряд Эрвина, они стреляли в черных существ из арбалетов, возглавлял охоту мой муж.

Никто уже не удерживал меня. Вако убрался обратно во дворец, только на снегу выброшенной из проруби рыбкой блестел оброненный им кинжальчик. Я подняла его. Увы, он был без опознавательных знаков владельца. Кто мне теперь поверит?

Погоня ушла в сторону, скрылась на боковой аллее. Ко мне бросился только один охотник на тварей, Эрвин.

— Леди Эмендо, что случилось? — задал он до боли знакомый вопрос. Я искренне расхохоталась, но от нервов получилось очень похоже на рыдание.

Нас еще не оставили в покое. Откуда-то сверху, из темных крон деревьев спикировала еще одна черная крылатая тварь. Я закричала. Эрвин обернулся, успел выстрелить, но она отшвырнула его в сторону. Юноша лишился чувств. А тварь опустилась, встряхнула крыльями, и они рассыпались клочьями черного шелка. Туман вокруг человеческой фигуры растаял, и я вскрикнула. К ужасу теперь примешивалось удивление:

— Майя?!

Подруга улыбнулась, показав ровные, блестящие... ненастоящие зубы:

— Да, я.

— Темная тварь Макты? — я задохнулась. — Как и Вако! Что вам надо от меня?! — я перехватила покрепче кинжал Гедеона. Хоть какое-то оружие.

— Я ее спасаю, а она кричит, — обиженно заметила Майя и, скользнув ближе, зашептала. — Мало времени! У Вако план: обратить сегодня даму Эмендо. Лучше тебя, чем дочь, юные плохо справляются с новым существованием. Тебя пасли весь бал, но я помешала

Вако, — она горделиво хохотнула. — Вывела на вас охотников, и он струхнул. Бегите отсюда! Где Антея?

— Антея? В зале... с Митто.

— С Алоисом?! — казалось, побледнеть при столь белой коже невозможно, но Майя побледнела. — Все пропало. Он ее уже, наверное, увел... — забормотала она. Я похолодела:

— Алоис тоже тварь?!

— Беги за дочерью! — зазвенел в ушах крик подруги, а я уже неслась в зал.

Антея будто дремала в кресле в глубине зала, склонив голову на грудь. Подбегая, я только молился, чтобы на ее шее и груди не было укусов, как у Калькара... Наверное, почувствовав мой страх, дочь открыла глаза, сонно тряхнула головой — и резко села:

— Ой, я что, заснула?!

Я остановилась в шаге, не в силах шевельнуться. Счастье помилования в последний момент переполняло тело.

— Ты что же, уснула, дочка? Как же твой кавалер? — я постаралась, чтобы голос не задрожал. Зато задрожали руки, пришлось скрестить их на груди.

— Он привел меня сюда после танца и ушел, — Антея поморщилась, скрывая зевок.

— Он... не напугал тебя?

— Граф Митто? Не-ет.

Я с облегчением выдохнула:

— Поедем домой!

Чары над залом потихоньку рассеивались. Госпожа Калькар начинала тревожиться, что давно не видела сына, но подойти к ней и рассказать, что видела в комнатке за залом, у меня не хватило духу. Подхватив свое спасенное дитя, я бежала из страшного дворца.

В этот раз я села в карету к дочери и всю дорогу нервно шутила и делилась впечатлениями о прошедшем бале, естественно, выпуская последние. Антея тоже заметно нервничала, капризничала, но я списала это на усталость. Дома она рухнула в постель и тут же заснула тяжелым неподвижным мертвым сном, пришлось самой раздевать ее. Укусов на теле не было, но на спине под левой лопаткой я нашла глубокий порез. Он выглядел так, будто его нанесли дней пять назад, уже заживал... но еще вчера его тут не было. Я помогала дочери одеваться на бал и отметила б его, если б он там был.

Почему-то не оставляла мысль о кинжале Вако, лежащем в снегу неподвижной плоской мертвой рыбкой. И к ней привязывался вопрос:

"Как обращают темными тварями?"

Ни мужа, ни Эрвина, которых можно было б спросить, дома еще не было: с балом охота на темных тварей не завершилась — продолжилась в городе. До утра я собирала вещи в дальнюю дорогу, одновременно сочиняя легенды о нашем отъезде, которые нужно будет распространить среди соседей, и поминутно поглядывая... нет, не на дорогу, в ожидании мужа, а в небо, ища крылатых тварей, спешащих закончить то, что Гедеон не успел в саду. Но за мутным стеклом в оправе металлической решетки темнел все тот же тихий город. Только после рассвета я смогла прилечь, но не заснуть. Темные твари бесновались в Карде, а меня разбирала злость на Эреуса:

"Интересно, в твоём списке безопасных людей был хоть один человек?!" — беспрестанно крутилась в голове первая язвительная реплика нашей будущей беседы. Иногда я перескакивала с нее на размышления, когда темной тварью стал каждый из тройки старых знакомых, иногда на вопрос: знает ли лорд Гесси, что сооснователь его отряда — темная

тварь?! А больше всего пугало, что Гедону для какой-то новой интриги понадобилась обращенная тварью леди Эмендо.

"Хотят направить меня против мужа? Зачем? Ох, скорее бы уехать прочь отсюда!"

Усталость тела постепенно брала верх над брожением мозга, получившим слишком много пищи-вопросов на ужин. Я задремала. Но и во сне муравьиная возня мыслей продолжилась. Десятки в разные годы услышанных обрывков фраз запели хором:

"Макта не успокоится..."

"Заставлю заплатить вас!"

"Посадили на трон чудовище... чудовище... чудовище..." — эхо этой фразы еще долго звенело, будто отражалось от стен огромного гулкого зала.

"Его нельзя убить, можно лишь прогнать..."

"Что нужно Макте? — А знает ли это он сам?.." -

В сон влился какой-то ритм — звонкие постукивания. Капель водяных часов, щелканье четок. Стук задавал счет времени и будил страх: что произойдет, когда это отпущенное неизвестно кем и на что время закончится?

"Эти твари — не люди. Мертвецы, покорные воле Макты..."

"Все же мертвецы — или их можно исцелить?.."

"Вы задаете много лишних вопросов, леди Эмендо..."

"Беги за дочерью!" — крик Майи заглушил все прочие голоса. Один стук остался, и теперь я поняла: он идет из реальности!

Я села на постели, разлепила глаза. В спальне я была не одна. Тоненькая фигурка дочери в длинной ночной рубашке с кружевами склонилась над туалетным столиком. Ловкие пальчики перебирали драгоценности в раскрытой шкатулке, которую я позабыла убрать в багаж. Антея нерничала, роняла нитки бус, броши и кольца с громким стуком, который пробрался в мой сон. Она не заметила пробуждения матери.

— Антея, — тихо, ровно сказала я. — Что ты делаешь? -

Вопрос был задан машинально, ответ на него я уже знала: дочь не хочет ехать с нами. Она подчинилась на словах, поплакала об улетевшем чуде для вида, а сама решила бежать тайком. Конечно, на жизнь нужны средства, поэтому придется позаимствовать у мамы деньгемки и небольшие драгоценности. Разумеется, позже она все вернет... — думать о дочери худо не хотелось.

Антея вздрогнула, обернулась. Нитка жемчуга выпала из ее рук, бусины заклацали о звонкий холодный пол.

— Мама... Я...

— Ты собралась бежать? Почему?

Вопрос "почему" был верной ниточкой. Дочь оставила шкатулку, в глазах заблестели необременительные, имеющие истоком избыточную эмоциональность слезы.

— Я хочу жить в Карде, мама! В Донуме за три года я чуть с ума не сошла! Вы уезжайте, а я уже взрослая и сама решу!

— Воровство родительских драгоценностей — это взрослый поступок? — побоявшись, что реплика покажется Антее обидной, я поторопилась снабдить ее дружеской, чуть грустной улыбкой. Дочь выпрямилась. Она выглядела как-то иначе, чем обычно. Лицо милое и светлое, недостатки внешности приглушены, а достоинства просто светятся, как на парадном портрете. Такой неземной красотой она не сияла даже на недавнем балу.

— Я взяла только те драгоценности, которые вы все равно обещали подарить на мою

свадьбу, — отчеканила дочь. — Не уговаривайте меня, мама. Пожалуйста.

Я глубоко вдохнула и выдохнула, ставя границы эмоциям. Ее "пожалуйста" — холодное и взрослое: "Мама, мне не нужны сцены", от которого хотелось запричитывать, и ее такая детская упрямая поза, худые сжатые кулачки, от которой хотелось подойти, прижать к себе малышку, убаюкать. Что делать со всем этим?

— Антея, — я соскользнула с кровати, стараясь не шуметь, будто могла спугнуть дочь. — Я не останавливаю и не удерживаю тебя. Но расскажи, куда ты хочешь бежать? Где ты будешь жить?

Смесь самых разных чувств отразилась на ее лице: смущение, сомнение, радость... и злость.

— Карда — опасное место, — напомнила я. — Одну я тебя здесь не оставлю. Не могу оставить, понимаешь?

Было видно, что она поняла, потупилась. Я полагала, победа близка, тем страшнее показались глаза дочери, когда она вновь подняла голову. Ледяные и бездушные, как у кукол. Черты лица заострились. Все чувства теперь проступали на нем ярче, но с оттенком злости.

— Здесь опасно жить только людям, — прошептала Антея, — смертным.

— Что-о!? — один ужасный болезненный вдох — ледяной кинжал в горло. И, уже зная ее страшный ответ: — А ты — ты кто?!

Антея хотела сказать — и не смогла: открыла — и закрыла рот. Я подскочила к ней, затрясла за плечи:

— Митто обещал обратить тебя? Или уже обратил?! Что за порез у тебя на спине? Отвечай!

— Обратил, — тихо сказала Антея, глядя мимо меня, и вдруг злое, тихо засмеялась. — Обратил... Я уже не человек, мама. Пожалуйста, дайте мне уйти.

Она подалась назад и вырвалась из моих ослабевших рук.

"План Вако осуществился: одну из Эмендо все-таки обратили темной тварью! Но что это значит, Антея мертва? Моя Антея — марионетка Макты?! Нет, нет! — Преодолею суеверный страх, я взглядела в лицо дочери: — Это же она, она, моя Антея?"

Она... и не она, ненависть, источаемая Мактой ко всему вокруг, прорезала на милом личике иные черты — хищные, голодные, злые. Я поняла: если Антея накинёт сейчас крылатый плащ, как Майя, я даже не вскрикну. Такая одежда подходила существу передо мной больше, чем кружевная рубашка.

— Дочь, — звеняще сказала я. — Дочь, ты уже пила человеческую кровь или нет?

Она усмехнулась. Чем слабее делалась я, тем увереннее становилась тварь в ней:

— Нет, но это... дело поправимое.

— Спасибо, Господи! — выдохнула я.

"Не все еще потеряно. Гесси говорил, вода из источника Донума исцеляет это, пока они не попробуют человеческой крови. Вода сожжет тварь, а мою дочь оставит. Запереть ее и найти мужа! Скорее, Ариста!"

Антея глядела удивленно, видимо, она ожидала иную реакцию на свои жестокие слова.

— Вы не боитесь меня? — огорченно спросила она. Я улыбнулась:

— Ни капельки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Минута молчания. Я вдруг успокоилась, также резко, как перед этим разволновалась.

Дочь заболела, но ее скоро вылечат. Она не совершила греха убийства, значит, ее можно исцелить. И это она сама, а не отражение Макты. Ее слова, ее жесты, я чувствую ход ее мыслей. Наверное, душа обращенного погибает, когда убивает, и ее место занимает Макта. Да, определенно, так. Дочь вылечат, и все будет хорошо.

— Может, ты сейчас вернешься в свою комнату, Антея? — спросила я, сообразив, где тварь будет лучше запереть. — Я провожу тебя.

Дочь повела мутным взглядом — она опять погружалась в странный сон, — тряхнула головой... но подчинилась:

— Хорошо.

Ее тон говорил: "Сейчас я уступаю, но это не конец". Я фальшиво улыбнулась, подхватила ее под руку — кожа дочери оказалась холодной и липкой, будто у нее только что спала лихорадка, — и повела прочь из спальни. По пути попадались слуги, я прогоняла их злыми взглядами. Мою кровь Антея пить не станет, а вот их — легко, подсказывало сердце.

В спальне дочери я первым делом заперла ставни на окне, Антея наблюдала за этим с ехидцей.

— Я не улечу, не беспокойтесь, — заявила она, когда я наконец справилась с тяжелым засовом. — Крыльями Алоис со мной еще не поделился. Он сказал, после первой жертвы.

Я содрогнулась. "Нет, она не понимает, что говорит, — тут же пришла спасительная мысль. — Для нее это игра... Жестокая игра".

— То есть, Митто сказал, что ты должна убить человека, — я бросала нерешительные взгляды на мокрое полотенце, которым обтирала спящую дочь после бала и которым теперь собиралась связать. — И ты согласилась?

Антея стояла у кровати, держась за столб полога. Глаза были пусты, тело расслабленно — сомнамбула.

— Да, я согласилась. Это часть нашего мира, мама. Мира отрекшихся от смерти, — равнодушно сказала она. Ее оцепенение вновь проходило. Взгляд прояснялся, но делался все более чуждым. — Простите, но я... просто не знаю, о чем с вами говорить, — она сумасшедше хихикнула. — Вот вы стоите передо мной, выпучив глаза, говорите что-то, взываете к морали, наверное... А я слышу вашу кровь, только вашу кровь. Шшшшурррх по сосудам и снова: шшшшурррх через мгновение, пока тебя еще предыдущая волна качает... Это с ума сводит!

— Держись. Тебя вылечат, — пробормотала я, смаргивая ненужные сейчас слезы. Взгляд Антеи поблуждал под потолком и остановился на полотенце в моих руках.

— Вы меня не удержите, — ясно, ровно сказала она. — Бесполезно, мама! Вы меня не знаете, совсем не знаете! — ее голос перешел в визг. — Я все выбрала сама! В последнюю минуту бала нашелся выход, да такой, о котором и не мечталось! Не мешайте мне!

Она схватила с кровати наполовину собранную дорожную сумку, не глядя смахнула в нее несколько небольших нарядных кукол с полки.

— Он сказал, что любит меня, что будет моим учителем, — забормотала она, перейдя от кукол к безделушкам. — Я знаю, что вы скажете, мама: "Митто врет!" Но я потому и сказала сразу: "Он сказал", — она резко засмеялась. — Если не встретит меня, если скоро прогонит — пусть. Буду одна, буду сама выбирать любовников, как Майя! То, чего вы себе, может, и хотели, да не могли позволить. Буду королевой ночного мира! А что придется убивать, чтобы жить — плевать! Я всегда чувствовала, что люди некрасивые, и что я... не то, я другое. Отрекшиеся от смерти — вот это идеал! Красивые, как куклы! Я и не верила, что

мечты так сбываются! Столько лет наряжала кукол и тихонько плакала, что самой не стать как они, а теперь я еще краше их! -

Она сдернула через голову ночную рубашку, принялась натягивать бальное платье прямо на голое тело. Удивительно, но оно теперь село по фигуре и без корсета. Неужели возможно похудеть так за одну ночь?

— Стану еще красивее, когда полакомлюсь кровью, — неестественно спокойно заметила Антея и вновь принялась за сумку. Я понимала, это намеренный удар, и все-таки прижала руки к груди, забыв скрыть свою боль. Десятки кукол смотрели с полок на странную драматическую сцену яркими и пустыми стеклянными глазами. Как я заблуждалась, полагая, что моей девочке довольно их аккуратного неподвижного тесного мирка, что она увлечена приближением кукол к людскому облику! А, оказалось, все было наоборот. Антея не кукол мечтала одушевить, а себя низвести до куклы. И темные мрачные демоны, которых я вовсе не знала ни в лицо, ни по именам, роились в ее головке, пока она заносила тонкую швейную иглу над очередным кукольным платьем.

Дочь положила наверх сумки дневник в красной кожаной обложке и выпрямилась. "Интересно, что за запись стоит там последней? — пришла ненужная мысль: "Дорогой дневник, сегодня я обратилась темной тварью Макты?"

— Вот и все, мама, — глухо, знакомым тоном Эреуса сказала Антея. Смело, как мальш, решивший впервые заявить право на "я хочу", поглядела в глаза. — Чем вы одарите дочь на прощание, благословением или проклятием?

Пришло время решительных действий. Я перехватила полотенце покрепче.

— Ты же знаешь, что я никуда тебя не пущу. Пока остается возможность спасти твою душу.

— Мама! — она возвела глаза к потолку. Я скользнула к двери, перекрывая выход, но Антея заметила это движение.

— Вы меня не остановите, — она злобно усмехнулась, помогая сама себе. — Никто не остановит! Отойдите или я...

— Я не верю твоей злости, Антея. Это просто... туман, его много в Карде и он путает мысли. Вода из источника Донума исцелит тебя.

— Не верите, что я — отрекшаяся от смерти?

— Не верю, что ты — тварь.

Мгновение Антея осмысленно смотрела на меня — последняя фраза разбудила что-то прежнее, живое в ее душе. Затем ее глаза вновь стали пусты.

— Не верите в мою силу, мама? Так смотрите! — она легко подхватила огромную куклу, одного с собой роста и веса. Нарро сделал ее на последний день рожденья Антеи, и перевозка ее из Карды в Донум, а потом обратно обошлась недешево... Дочь покрутила ее за руку и швырнула в меня. Тяжелое тело куклы ударило в грудь, голова больно ударила по переносице. Я упала у двери под злорадное шипение Антеи:

— Можете наряжать ее вместо меня, целовать вместо меня, поскорее выдать замуж и забыть — вместо меня! Ну признайтесь же, я не нужна вам! Вам нужна тихая вечная девочка, которая без конца будет наряжать кукол, сначала игрушки, потом детишек. А я не такая, мама! Я... я дикарка, какой вы были когда-то, да уже забыли, как быть!"

Я наконец спихнула с себя куклу с перепутавшимися руками и ногами. Вскочить не успевала, поэтому просто волчьей хваткой вцепилась в ноги бросившейся к двери девушки. Антея упала рядом, запутавшись в длинной юбке, я перехватила ее руки, попыталась

приладить полотенце, но дочь вывернулась и толкнула так, что на мгновение свет померк в глазах.

— Вы меня не запрете! — зазвенел в ушах ее вопль. — Я не ребенок, не кукла! Никаких больше лет и лет в Донуме! Я сама решу, где опасно, а где нет!

— Так решай. Лети, — выдохнула я, и стало чуть легче. — Разве я удержу тебя? Только решай свободно, без тумана в голове! Ты еще такой ребенок, Антея! Эта твоя выходка с обращением знаешь, что напоминает? Как ты в шесть лет наелась грязи, чтобы живот заболел, и не пришлось ехать с нами к нелюбимым теткам...

Она завизжала от негодования, вскочила, распахнула дверь и очутилась нос к носу к подошедшим на шум отцом. Эреус был бледен от ярости и не выпускал взведенный арбалет. Желтая бальная куртка была перепачкана кровью, глаза странно, сумасшедше посветлели из-за суженных до точек зрачков. "Он только что с охоты на тварей, — пронеслось в голове, — сообщает еще меньше меня!"

— Что тут происходит? — по лицу мужа я поняла, что он догадался о произошедшем, не знает только, кто из нас обращен. Его арбалет дергался, нацеливая стрелу то на меня, то на Антею. Я осторожно потянулась, следя, чтобы муж следил за этим движением, — и коснулась серебряного наконечника:

— Эреус, убери это. Одну из нас обратили темной тварью на балу, но кровь она пока не пила. Можно исцелить. Убери арбалет, и я скажу, кто!

Светлый острый наконечник медленно повернулся, уставился в пол.

— Антея? — чужим хриплым голосом спросил Эреус.

— Да, но... Ее можно спасти!

Он молча шагнул в комнату, а Антея будто уменьшалась и бледнела от его пронзительного взгляда. Ловко потянул кинжал из ножен у пояса и полоснул дочери плечо. Я с криком бросилась между ними, но муж уже отступил. Он поворачивал лезвие, так, чтобы капля крови Антеи стекала по нему. Кровь дочери оставляла на серебре ярко-черный след.

— Тварь!!! — выдохнул Эреус. Долгая, как последний вздох умирающего пауза, в течение которой он глядел Антее в лицо, как и я, ища черты потерявшейся дочки... и звонкий удар — он отвесил девушке оплеуху.

Я всхлипнула. Плечи затрясло так, что не получалось даже зажать рот. А Эреус быстро схватил шею дочери серебряным обручем с цепью и такое же кольцо на другом ее конце защелкнул вокруг столба кровати.

— Я скоро вернусь, сторожи ее, — резко приказал он и быстро вышел. "За Гесси", — подумала я и задохнулась от ужаса и надежды.

— Эреус, подожди! — я рванулась за ним, остановилась на пороге, ухватившись за дверь. — Ее, правда, можно исцелить? Гесси говорил, что можно, но как-то странно: будто это у вас если не запрещено, то не поощряется... Исцеление тварей противоречит тому определению, которое вы дали им, так? Ведь они не живые мертвецы, так? Но Гесси сделает исключение для нас, правда?! Уговори его! Напомни, что на балу он сам советовал обращаться к нему! Или дай, я пойду, упаду ему в ноги. Он не посмеет мне отказать!

Муж остановился, но не обернулся.

— Гесси придет, не волнуйтесь, — тихо сказал он. — Но... как же вы пропустили обращение собственной дочери, леди Эмендо?

Меня опять затрясло, теперь от обиды:

— Я не отходила от нее! Отпускала только с теми, кого вы указали, как безопасных! Но

и Вако, и Митто, и Майя... все они твари! Алоис обратил нашу дочь! Во время последнего танца бала!

Теперь он обернулся. Во взгляде была мука:

— Что... вы... сказали?

Тяжелый нарыв обиды в груди наконец прорвался слезами.

— Вако — темная тварь, он увел меня в сад и пытался убить, пока Митто танцевал с Антеей! — прорыдала я. — Но Гедеону помешала Майя! Она другая, чем они, она защищала нас...

— Значит, так вы решили оправдаться? -

Я затихла под буравящим взглядом мужа, пронзенная жуткое обвинением Эреуса. "Я невиновна", — хотелось закричать, но горечь на языке подсказывала, это будет ложью. Виновна. Виновна в том, что три года закрывала глаза на ужасы, творившиеся вокруг, и слабо пыталась доискаться до правды.

— Поговорим об этом потом, — вдруг смилостивился муж. — Ждите, я вернусь с лордом Гесси.

Он спустился вниз, я слышала, как он раздает указания слугам сторожить все выходы и окна, потом хлопнула дверь, и все стихло. На второй этаж поднялось двое крепких парней-конюхов с взведенными арбалетами. Я задрожала и возвратилась в спальню.

Притихшая Антея скорчилась на полу у кровати. На витом столбе белели глубокие царапины: дочь пыталась сначала переломить дерево, посильнее дернув цепь, потом, отчаявшись, просто скребла его ногтями, а сейчас силы окончательно оставили ее. Я опустила на колени рядом. Антея подняла голову, отбросив две черные шторки волос назад, и у меня комок в горле встал от ее испуганного и отчаянного, живого и родного взгляда.

— Мама, он же охотится на таких, как я! — простонала дочь. — Они же меня убьют, мама!

— Нет, тебя исцелят, — я подвинулась ближе к ней. Промелькнула мысль, что испуг Антеи может быть просто притворством твари, но я с негодованием оттринула ее. Согревая в груди цветок доверия, прижалась к дочери, обняла. Серебряная цепь, тянущаяся от ее тонкой шейки, холодом ожгла кожу предплечья.

— Алоис говорил, у них главное испытание веры — убийство кого-то из обращенных родных! Нам нельзя показываться им на глаза! Я бы успела уйти до прихода папы. Зачем вы задержали меня?!

— Алоис, Алоис... — мне он говорил, что потанцует и вернет тебя! — ненависть оформилась в совершенно змеиное шипение. — А он что вернул?!

— Я... я сейчас думаю, что не смогла бы убить, жить так, питаясь людьми, — глухо, скованно призналась дочь. — Или это была бы уже не я...

— Я сразу это поняла, поэтому остановила тебя! — Антея тихонько заплакала, и я не выдержала, присоединилась к ней. — Не бойся папы и его охотников. Если б я не была уверена, что они могут исцелить тебя, я бы сбежала вместе с тобой. Но лорд Гесси еще на балу сказал, что не попробовавших человеческой крови можно спасти водой из источника Донума... -

Я осеклась, вспомнив, какое действие эта вода произвела на тварь в дворцовом саду. Она исцелит, оставив девочку без кожи?! О, какой ужас!

— Я сейчас. Хочу окончательно убедить и тебя, и себя, — пробормотала я и вскочила,

но дочь и не слышала. Я бросилась в свою спальню, отыскала среди разбросанных по столу флаконов пузырек с водой из источника Донума, который брала на бал, и возвратилась к Антее. Стража из слуг у окон проводила меня арбалетами. Весь дом поднялся на нас, будто мы обе были тварями, и я впервые ясно подумала: если опыт не удастся, нам с дочерью придется пробиваться сквозь ливень их стрел.

Антея все также сидела у кровати, скорчившись, и тихо и безнадежно плакала. Я опять обняла ее.

— Протяни ладонь, дочка, — прошептала я, боясь, что от более громких слов голос сорвется. Антея отчаянно взглянула сквозь слезы, но руку вытянула. Я открыла пузырек зубами — руки слишком дрожали, и плеснула чуть-чуть девушке на кисть.

— Больно! — вскрикнула дочь и отдернула руку. На коже там, куда попала вода, осталось красное пятно небольшого ожога... и все.

— О-ох! — выдохнула я и впервые за страшную ночь почувствовала, что губы растягивает по-настоящему радостная улыбка. Внутри все запело от счастья, я затормошила Антею:

— Видишь: вода пока не сжигает тебя! Мы успели! Только небольшой ожог, но папа, наверное, знает заклинание, от которого не останется даже ожога! Скоро, скоро тебя исцелят!

Антея неуверенно улыбнулась:

— Да?

— Да! И мы... забудем эту ночь как страшный сон.

— О, мама! — она опять заплакала, теперь от облегчения и стыда. — Прости, прости... Я не понимаю, что на меня нашло. Я говорила такие ужасные вещи!

— Лучше сказать, чем носить это в себе, — прошептала я и на мгновение прикрыла глаза, вспомнив, что мне кричала дочь. Теперь придется долгие годы, до смерти жить с отравленными стрелами в сердце, но главное, что от яда избавилась Антея.

— Мы поговорим обо всем, все обсудим, все разберем: обиды, непонимания и случайные раны, — довольно твердо сумела сказать я. — Поедем к истоку Несса, там очень красиво и тихо. Только вдвоем. И там мы простим друг друга.

Мы так и сидели, обнявшись, дожидаясь мужа и папы — нашего спасителя. Антея дремала у меня на плече, а я молчала, мысленно то благодаря бога за второй шанс установить с дочерью подлинную дружбу, то проклиная его же за всех неблагодарных и жестоких детей. А в полдень, когда слабое зимнее солнце добралось и до верхних ставень, дверь скрипнула. Я тихонько, чтобы не потревожить дочь, повернула голову. Эреус. Долго, наверное, несколько минут он просто смотрел на нас, ласково и осторожно, будто боясь нарушить наш покой хоть взглядом. Потом разомкнул губы:

— Как она?

Я опять чуть не расплакалась от этого вопроса, беспокойного и родного:

— Ждет тебя. Я проверила, плеснула на ее руку водой из источника Донума. Кожа только покраснела как от горячего, и все. Эреус, ее ведь можно спасти?

Он кивнул. Хмурая складка у бровей разгладилась:

— Конечно.

Мне понравилось его спокойствие. Небольшую тревогу вызывали только его глаза, лишённые какого бы то ни было выражения, стеклянные как у куклы. Будто Эреус закрылся от меня, от всех. В стеклянный кокон заключил свою душу и там, вдали от мира,

совершается сейчас ее загадочное превращение. Во что — в свет или тьму? Кто в назначенный час выйдет из кокона, герой или монстр?

Дальше все завертелось. Показался лорд Гесси, отозвал мужа в коридор. Антея проснулась и опять испугалась и расплакалась, пришлось утешать ее. Потом Гесси с мужем зашли в комнату, за ними еще трое незнакомых мужчин. Гесси аккуратно, в одну линию разложил на столике Антеи воду в пузырьках, распятия, последним лег серебряный кинжал, как тот, который был у мужа в ножнах. Я вскрикнула, указала на него:

— Это зачем?!

— Серебро для проверки, — коротко ответил муж и поднял меня на ноги. Один из мужчин в это же время помог подняться Антее, опять странно ослабевшей в присутствии охотников на тварей. Дочка с надеждой взглянула на меня:

— А мама останется?

— Эреус, я хочу остаться, — встрепелась я, дернулась в руках мужа, столь же нечеловечески сильных, как у Вако.

— Подожди в коридоре, Ариста, — неживой голос... стеклянный, под стать его глазам.

— Нет, я останусь...

Звякнула цепь. Двое подняли дочь, уложили на кровать на спину. Один встал в ее изголовье, удерживая руки, другой держал ноги. Антея дрожала от страха, но не дергалась, не сопротивлялась им. Послушная девочка!

— Эреус...

— Потом ты все поймешь. Так нужно.

— Эреус! — я задохнулась от ужаса. А муж меж тем непреклонно отеснял меня к двери. Я вцепилась в его плечо:

— Пожалуйста! Я буду молчать! Я могу не дышать! Но я должна видеть исцеление!

— Нет! — коротко, грозно рыкнул он и теперь потащил к двери. Я уперлась руками в раму:

— Нет, нет!

— Это единственный выход, Ариста! — то ли крик, то ли рыдание. Меня или себя он уговаривает?! И тут я все поняла. Там, в комнате, с дочерью остались враги. И моего мужа уже не было, была беда, угроза, препятствие на пути к Антее. Я ухитрилась развернуться к этой холодной и каменно-твердой стене, вцепилась маленькими, но острыми коготками в вырезанное на ней надменно-равнодушное, чужое лицо.

— Пустите меня! Антея! Антея!

— Мама? — она повернула ко мне голову, во взгляде надежда мешалась со страхом. Но Гесси встал возле девушки, заслонив ее. В одной руке он держал пузырек с водой, в другой был кинжал. Я заорала и кинулась на стену, не пускающую к дочери, ударились о каменные руки мужа выставленные вперед, и поняла, что падаю навзничь. Муж толкнул меня, вложив в удар всю силу. Я упала на спину, ударились о пол затылком. "Диос, ко мне!" — загремел над миром, сжавшимся до размеров темного холодного коридора, голос лорда Гесси, позвавшего мужа его прозвищем в отряде, и наступила тишина бессознательности, тишина кошмарного сна.

Сначала вернулось зрение: надо мной, то приближаясь, то удаляясь, качался закопченный потолок. Потом звуки. Всхлипывания. Кто-то рыдал. Срывающийся хриплый незнакомый голос. Я пошевелила руками, села. На шее сзади было мокро, я потрогала затылок — он был в крови.

Оранжевый полуoval открытого входа в спальню дочери близко, в трех шагах. Рыдания доносились оттуда.

"Так мог бы рыдать мужчина. Кто-то вроде Эреуса".

Препятствия на пути к Антее больше не было, распахнутая дверь приглашала. Я поднялась, шатаясь, добрела до спальни и замерла, вцепившись в дверную раму.

Эреус рыдал, упав на колени у изголовья дочери. Антея неподвижно лежала в постели, ее больше не держали. На щеках слезинками рассыпались капли воды из источника Донума, совсем не оставив ожогов, как я и обещала. Удивленно приподнятые брови, испуганный взгляд, полуоткрытые губы — она испугалась, почувствовав внезапный укол серебряной иглы кинжала в сердце. К счастью, быстрый. Без боли, почти без крови. А теперь, должно быть, она уже очнулась там — так далеко от меня! — в другом, светлом мире, и воспоминание о нашем кошмарном тает, тает, как страшный сон...

Я издала какой-то звук, похожий на стон. И снова, и снова. Ничего не могла с собой поделаться: теперь каждый выдох был стоном. Эреус, кажется, окончательно окаменел, замкнулся, я точно не помню... потому что сцену в спальне опять заслонил лорд Гесси. Он показывал мне какой-то кинжал, блестящий болезненно для глаз, как молния, как солнце. Кинжал был в крови дочери, без черных следов крови твари, и лорда Гесси это почему-то очень радовало:

— Мы бессильны исцелить тело, но можем освободить душу, леди Эмендо. Пусть вас утешит, что душа Антеи спасена. Она ушла в лучший мир, осталась человеком, а не тварью.

"Что он говорит? Это он мне говорит?" — я завизжала, неожиданно даже для себя. Выхватила кинжал и с мстительным удовольствием всадила его лорду-охотнику в грудь.

Гесси скончался на третий день после ранения, в ужасных мучениях. Эрвин принес мне эту весть на могилу дочери.

— Лорд Эмендо теперь будет главой охотников, — закончил Эрвин. — А я уйду от них, леди Эмендо.

Я не повернулась к нему, не кивнула. Обратившись в коленапреклонную статую, я сидела у свежего холмика земли с полудня, а сейчас солнце уже садилось. Розовой искрящейся дорожкой скользил к горизонту скованный льдом и заметенный снегом Несс. Я не выполнила обещание, не привезла Антею к самому истоку северной реки — дороги дальше не было, но я поняла также: это и не важно. Вовсе никому не нужно.

— Я сожалею, — после долгого молчания тихо сказал Эрвин. — Всегда готов прийти вам на помощь, леди Эмендо. Ищите меня в Карде, если понадобится.

Его слова катились гладкими одинаковыми бессмысленными камушками. Я поймала лишь один, хоть как-то тронувший, угловатый:

— Ты уверен, что охотники отпустят тебя, Эрвин? Боюсь, это клуб с пожизненным членством.

— Уйти от них можно единственным способом: встав на сторону тварей, обретя равную им силу, — он вздохнул, хотел сказать еще что-то угловатое и чуть царапающее мою оледеневшую душу, но не решился. Опять пустил горстку гладких, ничего не значащих камушков:

— Я сожалею, леди Эмендо. Я привел вам лошадь, уезжайте, когда захотите.

Опять пришлось чуть шевельнуть замерзшими губами:

— Спасибо за помощь.

Немногих оставшихся верными слуг, принявших участие в похоронах Антеи, я

отпустила раньше, как и нанятого возницу. Они уехали в повозке, в которой сюда привезли гроб. Я сказала увести и мою лошадь, было жаль оставлять животное на холоде на долгие часы: я не собиралась покидать могилу дочери. Слуги послушались, но через пару часов тактично отправили ко мне Эрвина с новой лошадкой.

Эрвин ушел. Через несколько минут послышался удаляющийся стук копыт его лошади. Оставленная для меня пока стояла тихо, и я не стала подниматься с колен. Сейчас нужно было прочесть молитвы, которым учили родители, но святые слова не шли на язык. Воспоминание о распятиях, которые Гесси раскладывал на столике Антеи, мешало их произнести. Я закрыла глаза, начавшие слезиться от ветра, и неожиданно для себя тихонько пропела:

— Пройди по тонкому лучу, — голос, в последние три дня ставший воплощением моей боли, мой верный инструмент, вспомнил начало старинного стиха прежде разума и сердца. Так пальцы помнят, как сыграть песню или танец на лютне и флейте, даже когда бальный зал пуст, дом обветшал, а друзья, которых можно было бы порадовать мелодией, давно гниют в могилах. Но откуда я помню этот стих? Ах да, он из сказки о колодце Лесной Старухи. Заклинание, которым сестра исцелила побывавшего в темном мире брата. Когда Антея просила меня вспомнить его, я не сумела, а сейчас слова так и бегут с языка.

— Потом — по светлому мечу...

Зачем мне рассказали эту сказку? Зачем я рассказала ее дочке? Ведь нужно было рассказать совсем другую сказку нам обеим, страшную и правдивую. О проклятиях, которые нельзя исцелить никакими заклинаниями. О беспомощности любви, иллюзорности надежды, слепоте и жестокости веры. О равнодушии родных, о лжи учителей, о предательстве любимых. -

Картинка ритуала в спальне дочки опять встала перед глазами. Вернее, она была перед ними последние три дня. Она отпечаталась на внутренней стороне век, она бледным, но постоянным фоном накладывалась на реальность, некоторые мысли и случайные слова лишь делали ее безжалостно яркой. Я затрясла головой, как припадочная, но отогнать видение окровавленного кинжала и неподвижного тела на постели не смогла. Осталось сжать зубы и при себя повторять слова старинного заклинания, хоть как-то держащие на поверхности зыбкого, затянутого призрачным маревом болота реальности. Эти фразы были узелками на нити, отмечающими вехи пройденного многими, а теперь легшего передо мной пути.

— Умойся звездным дождем...

Один раз мы с Антеей видели звездопад. Дочери тогда было восемь лет. Я специально разбудила ее глубокой ночью, чтобы показать удивительное зрелище. "Небо ожило!" — закричала она спросонья. Но так и не проснулась совсем, потому что наутро призналась: "мне сегодня приснилось, будто мы катались на звездах. Смешно, правда, мама?"

"Мама?" — и ее лицо на постели, повернутое ко мне... И я протягивала к ней руки через три черных дня и три залитых сиянием безумия ночи, через границу между миром живых и миром мертвых, и верила, что дотянусь, коснусь. Пустите! Антея! Антея! Не верится, что там, под черным холмиком земли — все, что осталось от нее в этом мире. Она была юной и красивой. Упрямой и капризной, скрытной и молчаливой, так не похожей на мать, готовую принести весь мир ей в жертву, и так похожей на отца, положившего ее на алтарь для жертвоприношения. Она была талантливейшей и чуткой к красоте мира. Безжалостная и ранимая, умная и доверчивая, послушная бунтарка... — Но к чему все эти слова? Хватит и четырех, тех, что написаны на валуне, отмечающем изголовье могилы: "Она была моим

ребенком". Кусочек моей плоти, эхо моих мыслей, легкокрылая птица моих мечтаний... — она была моим ребенком.

— Оденся грозным огнем...

"А в Карде в семейном склепе Эмендо сегодня похоронили большую восковую куклу..." — "Что за мешанина мыслей? Действительно, достойно сумасшедшей!" — Похоронами Антеи ведал муж, меня он всем представлял помешавшейся и держал взаперти. Но я сумела через Эрвина связаться с Нарро и убедила помочь нескольких старых слуг. В день похорон моя темница была отперта. Нарро подновил лицо кукле, которую в меня швырнула Антея, ее обрядили в платье дочери. Куклу я оставила Эреусу: пусть просит у нее прощения, пусть целует ее в гладкий холодный лоб, пусть хоронит ее в семейном склепе. А я с настоящей Антеей поехала к истоку Несса.

— Там, на мосту, над рекой, текущей вспять..

Если б пустить время вспять! Выхватить у Гесси кинжал до ритуала, и из-под льда пробьется один тонкий ручей, отпустить Антею до прихода Эреуса, и ручей пробьет во льду основательную дыру, вместо танца с Митто, вместо разглядывания последствий трапезы тварей схватить дочь в охапку, в экипаж и домой, домой, домой... — и лед вокруг ручья пойдет трещинами. Река времени сбросит сковывающий панцирь и вся потечет за ручьем, пробивая новое русло, унося нас в счастливую жизнь...

Из белого неба повалил снег. Он ложился на черное пятно земли, скрывая место последнего упокоения Антеи Эмендо. Ветер вил узоры по льду по-прежнему плененного зимой Несса. Нет, не пойдет лед трещинами, не потечет река вспять, в безумный мир сгоревшей надежды, могила дочери затеряется в бескрайнем снежном поле...

Невдалеке заржала лошадь, испугавшаяся, что хозяйка решила заморозить ее заживо заодно с собой. Жалобный зов разбудил во мне инстинктивный отклик. Я с трудом разогнула окаменевшие, нечувствительные от холода ноги, поднялась. Добрела до лошади, укрытой теплой попоной, погладила по шее:

— Сейчас поедем.

Снег валил все сильнее. Я обернулась на реку и могилу на берегу, пока их еще можно было разглядеть в белой мути, и за мельтешением снежных хлопьев вдруг привиделся весенний Несс. Остатки ледяного панциря сталкивались и таяли в его черно-синих волнах. Еще сонная, река пробовала свою силу, напоенную смирением многомесячного заточения в темнице зимы. Разлившиеся воды питали окрестные поля, чтобы на них зазеленела новая славящая солнце жизнь. А река катилась: сначала медленно, а потом все быстрее, увереннее, единственным возможным, предначертанным и правильным путем — в будущее.

Я вздрогнула, вдруг найдя среди дум эту, о будущем. За три черных дня я успела забыть, что будущее по-прежнему существует. Исчезла та, с кем я прежде связывала это слово в своей жизни, но будущее осталось. Ему, конечно, безразлично, буду я в нем или нет, но я... пожалуй, я все еще хотела в нем быть.

"Обязательно вернусь сюда весной, когда начнется ледоход", — подумала я, и последний узелок заклинания — веха пути, проскользил в пальцах:

— Я буду тебя ждать...

Я возвратилась в Карду к вечеру. Дневное бдение на продуваемом всеми ветрами поле не прошло даром: меня колотил озноб, начинался жар. Несчастное тело, обидевшееся за такое обращение с ним в последние три дня, взбунтовалось. И как бы ни хотелось мне чувствовать себя бесплотной тенью, жестоко утверждало, что еще живое, и ему нужно

горячее питье, теплая постель и крепкий сон. Пришлось искать ночлег.

Увы, Эрвина я дома не застала. А жар меж тем усиливался, руки ослабели и едва удерживали поводья. Горячая кровь, проросшая семенами лихорадки, бурлила в голове как в большом тяжелом котле, почти непосильном для слабых плеч. Я склонилась к шее лошади и уже впадала в забытие, когда животное встало у знакомых ворот. Дом Эмендо.

Я тяжело повернула голову. Вот дом, куда мне никогда бы не хотелось возвращаться! Дом родителей Эреуса, ушедших друг за другом вскоре после нашей свадьбы. Здесь родились и умерли моя любовь и моя дочь.

Сейчас свет не горел ни в одном окне, была пуста и лампадка у главных дверей. Похоже, в доме никого не было.

"Куда теперь? В Донум? Или прочь из страны? Так или иначе, нужно забрать кое-какие бумаги и драгоценности. Да и отдохнуть не помешает, не то в Донум приедет лишь мой труп. Но — Боже, только не этот дом!"

Пока я металась в сомнениях, лошадь приняла решение. Ветер приотворил створку незапертых ворот, и животное решительно сунуло туда морду, плечи, и скоро зацокало по подъездной дорожке к темным конюшням. Да, она права: сначала следует поблагодарить, устроив в тепле и сытости, того, кто вывез меня из ледяного мира зимней реки, а уж потом решать, куда податься самой.

Простая работа конюшего удалась мне плохо, но на время вытащила из пропасти черных дум. А выходя из конюшни я неожиданно столкнулась... с Эреусом!

Я невольно отступила на шаг. Руки сжались в кулаки. Соблазнительно блестел в желтом свете свечи в руке мужа кинжал у его пояса. Выхватить и вонзить, в него, в себя — не знаю. Что-нибудь, чтобы убить боль!

Муж будто прочитал эти мысли. Его ладонь накрыла ножны, пряча от моих глаз блеск серебра рукояти.

— На похоронах шептались, что в гробу кукла, — мрачно сообщил он. — Где ты похоронила Антею? Я должен знать, Ариста, —

Выговорить "моя леди" он, наверное, больше не мог, также как и я — "мой лорд". Исчезли вечные шоры этикета, осталась близость, только не друзей — врагов, пронзивших друг друга кинжалами, хрипящих в агонии, но так и не выпускающих рукоятей. Эреус за эти три дня постарел и будто вырос — огромная грузная фигура. От его рубашки несло кровью, от рук железом, изо рта — травяной наркотической настойкой. Давно немые волосы свисали сальными сосульками. Глаза почти скрылись под набрякшими веками, но я разглядела, что они такие же, как в день убийства Антеи — сумасшедше светлые, с черными точками зрачков.

— А ты думал, я оставлю тебе дочку после того, что ты позволил... позволил сделать с ней? — очень сухо спросила я, осторожно балансируя на грани истерики, но не удержалась, сорвалась на крик. — Ты никогда не узнаешь, где она лежит, никогда! Она не твоя больше — моя, только моя! Ходи на могилу к Гесси! Убийцы!

Испуганно заржали лошади, и я замолчала. Стараясь случайно не коснуться мужа, вышла из конюшни и решительно зашагала к дому. "Раз уж я здесь, заберу все, что нужно, и уйду!" — решила я. Муж пошел в отдалении.

— Я сделал то, что должен был сделать, — глухо пробормотал он. Я обернулась:

— Чего ты ждешь от меня? Признания твоей правоты? Прощения?

— Ты должна понять, — знакомая угроза в тоне. На его лице заживающие царапины,

которые оставила я три дня назад. Если б также могла затянуться и забыться рана у Антеи в сердце!

— Я ничего не должна, — тело затряс нервный смех. — Я три дня назад потеряла ребенка. Я ничего никому не должна! Мне ничего не надо объяснять! Меня нет... да и тебя нет, Эреус, так будем вести себя, как полагается пустоте — молчать.

Он действительно замолчал ненадолго, и я смогла подняться по ступеням, пройти в дом. Спасительный мрак поглотил первый этаж, скрыл все, могущее напомнить о безоблачном прошлом. Я спокойно поднялась по лестнице и сразу прошла в свою спальню. Не зажигая свечей, в темноте принялась собирать бумаги и драгоценности. Голова наливалась горячим свинцом, я то и дело клонилась вперед, не выдерживая ее веса. Лихорадочный жар окружил защитной оболочкой, позволяющей не бояться ничего и не стыдиться ничего. Собрав вещи, я скинула мокрое платье, переделалась. Эреус неподвижно, как часовой, стоял в дверях. Когда я обернулась к нему, с сумкой, в сухом платье и теплом плаще, он разомкнул губы:

— Я не могу тебя отпустить. Видевшие наш ритуал становятся охотниками на тварей или...

— Их убивают?

Он кивнул.

— Вы хуже, чем твари.

Эреус упрямо нагнул голову, — "Дочь взяла этот жест у него..." — зачем-то вспомнила я, — резко спросил:

— Ты присоединишься к нам, Ариста?

— Я скорее стану тварью! — голос осип, горло будто протерли алмазной крошкой. Я закашлялась до спазмов рвоты, согнувшись, упала на пол, а он все смотрел... Равнодушно, как на вещь, как смотрел на Антею. Давно ли он вычеркнул нас с дочерью из своей жизни? "Еще перед балом Эреус просил прощения, клялся оставить дела охотников и увезти нас из страны, — вдруг вспомнила я. — Так почему произошла такая резкая перемена?"

— Ты мне ответишь? — он насупился. Рука опять скользнула к кинжалу у пояса. Я с трудом поднялась, встала, держась за тот самый столик, у которого три дня назад, проснувшись, увидела обращенную дочь.

— Что с тобой, Эреус? Когда мы ехали на бал, ты говорил, что бросишь отряд Гесси, что сомневаешься в правильности того, что лорд велит делать охотникам. Ты хотел уехать с нами из Карды, из страны! Почему, когда ты так изменился, что смог отдать родную дочь на расправу охотникам? Что произошло за те пять часов бала? Скажи!

Его рука на рукояти кинжала дрогнула и опустилась, повисла как у неживого.

— Произошло? Обращение Антеи, — глухо сказал муж. — Как ты допустила это, Ариста?!

Болезненный удар в грудь, как тот, что отбросил меня во тьму коридора три дня назад. "Ты еще винишь меня?!" — хотелось закричать, но я позволила раствориться этому крику черным ядом в горле. Я знала, что виновна. Я покинула бальную залу, я выпустила дочь из внимания на пять проклятых минут. И, кроме того, виновна в преступном бездействии на протяжении целых трех лет, когда катящуюся под горку к пропасти повозку с семьей Эмендо можно было спасти, остановив, в любой момент!

— Я три года каждый день молился, чтобы беда Карды обошла вас! Чтобы мне не пришлось делать страшный выбор! Но это случилось и со мной, то, чего я больше всего

боялся, со мной и случилось... — голос мужа упал до шепота.

— Ты мог дать Антее сбежать! Мог не сообщать Гесси! Я... Да если б я знала то же, что и ты про ваш ритуал, я бы постаралась спрятать обращенную дочку! А ты... У меня до сих пор в голове не укладывается, что ты стоял там, все видел и не помешал Гесси!

Эреус хотел что-то сказать, но не смог, только в горле заклохтало подавленное рыдание. И — глаза... Вернулся его прежний взгляд, вернулся тот человек, который признавался в любви мне и обожал единственную дочку. И этому человеку я смогла сказать ровно и даже немного дружески:

— В твоём бальном списке были две ошибки: Вако и Митто — темные твари, — про Майю я решила не напоминать, чувствуя в ней прежнюю подругу, несмотря на ее черные крылья. — Они весь бал охотились за мной, сейчас я понимаю, это была охота, но обратили в конце концов дочь. Зачем? И, ты говорил, твари заботятся о своих юных. Так почему Алоис не позаботился об Антее? Почему не пришел ей на помощь? Зачем Гедеону Вако твой отряд? Оборвите ниточки, лорд Эмендо! Не отвлекают ли вас охотой на невинных, юных, еще никого не убивших тварей, чтобы вы не распознали сильных и хитрых тварей у трона? Подумай об этом, глава охотников.

Муж не отвечал. Я быстрым шагом прошла мимо него в коридор. Ждала удар кинжалом в спину, но Эреус не пошевелился. Я прошла коридором до лестницы и остановилась. Дверь в спальню дочери была открыта, оранжевый длинный полуовал света протянулся по полу коридора. И жар тому был причиной, усталость или воспаленные нервы, но мне померещилось, что там, в комнате, Антея, живая. Она расчесывает волосы перед сном и удивленно вскинет голову, когда я зайду: "Мама, что с тобой? Плохой сон? Да ты вся горишь! Ну не плачь, это все бред. Только сон, ты расскажи мне — и он не сбудется!"

Как зачарованная, я сделала шаг, другой. Прошла мимо лестницы и остановилась в дверях спальни Антеи.

Лампадка горела у кровати, но спальня была пуста, и моя кукольная радость исчезла без следа. У порога темнело плохо замытое пятно крови смертельно раненного мной лорда Гесси. Пожалуй, я начинала испытывать некоторое сожаление по поводу его смерти. Жалость касалась не личных качеств охотника, а его утраченных знаний. Дорого бы я дала сейчас, чтобы узнать о связи Вако и Гесси! Вако — тварь, Гесси — охотник на тварей, и при этом они дружат. Что это все значит? "Временный союз против Макты... или истина лежит глубже, зарыта на самом дне грязной лужи, в которую превратилась новая земля страха?" -

Эта неожиданная мысль была как поток свежего воздуха. На мгновение она даже отвлекла от ощущения боли — боль вдруг отодвинулась на второй план.

Еще в комнате Антеи повсюду валялись куклы. В разорванной одежде, без рук, без ног — те лежали отдельно, со смятыми грубой мужской рукой лицами. Эреус бушевал тут без меня. Стеклообразные глаза кукол были разбиты, и я почувствовала слабую приязнь к мужу: я бы сделала с творениями Антеи то же, чувствуя при их виде после смерти дочери какой-то мистический ужас.

Знакомые сильные тяжелые руки, столько раз ласковыми поглаживаниями доводившие меня до экстаза, обняли за талию, знакомое сильное горячее тело, которое я совсем недавно покрывала поцелуями, прижалось к моему. Я закрыла глаза, отрешившись от картинке спальни. И, хотя забыть, как эти же руки грубо, злобно толкали меня во тьму коридора, как это же тело стеной преграждало путь в спальню Антеи, не могла, впервые за три дня я почувствовала печаль расставания с любимым, а не ненависть к бездушному предателю.

Впервые я чувствовала вторую рану, где-то внизу живота, там, куда муж целовал меня бесчисленное число раз, там, где части наших тел, соприкасаясь в акте любви, теряли оболочки и растворялись друг в друге, там где в темной колыбельке материнского тела пятнадцать лет назад спал наш единственный ребенок.

— Как проходит ваш ритуал? — словно со стороны услышала я свой глухой, в последние три дня огрубевший от крика голос. — Расскажи.

— Зачем?

— Хочу представить, как... это происходит.

— Двое охотников держат тварь, пока глава читает защитную молитву. Он же следит за лицом твари, глазами. Как только он замечает в твари отклик на молитву — отклик последней человеческой частицы, он брызгает ей в лицо водой из источника Донума. И это сигнал для последнего, четвертого участника — охотника, что держит наготове кинжал. Он вонзает кинжал твари в сердце и тотчас же извлекает. Если серебро лезвия не почернело от крови твари, значит, ритуал удался. Душа обращенного освобождена от уз проклятия.

— Но... если Гесси только читал молитву, когда вы "освобождали" Антею, у кого был кинжал?

— У меня, — муж трудно сглотнул. — Пусть, ты должна это знать... Удар кинжалом Антее нанес я, Ариста.

Я приняла его откровение удивительно равнодушно. Просто чаша моего ужаса давно была переполнена, так что этот новый пролил мимо. Отец убил родную дочь, ставшую тварью — что ж, таков новый мир кошмара, в котором я живу.

— Они твари, неисцелимые, проклятые, — хрипло сказал Эреус. — Я похоронил Антею, когда шел от нее, прикованной на цепь, за Гесси. Тот, кто обратил ее — ее убийца, а я освободил ее душу. Их нельзя исцелить! И каждая сильна, прожорлива, убивает по человеку в три дня, и каждая, как сумасшедшая, делится своим проклятием с юными, наивными, такими как Антея! Они наводнили Термину! Только мы стоим у них на пути, и нужно забыть о жалости! Как при чуме сжигать весь дом, если там есть хоть один заболевший!

— Вы нелюди, — я содрогнулась, и он разжал объятия.

— Да, нелюди! — фанатичная страсть появилась в голосе Эреуса... нет, Диоса: себя прошлого он убил вместе с Антеей. — И их, и наша сила многократно превосходят человеческие, и приходят они ниоткуда, из единой Бездны! Охотники тоже твари, только светлые, но, как и темные, мы должны оставить человеческие привязанности. Забыть жалость, отсечь боль. Гесси был прав: настоящий охотник лишь тот, кто убил родного, любимого, ставшего темной тварью! Я сомневался, проявил слабость, и судьба меня наказала. Но теперь я настоящий охотник!

— Я прощаю тебе, Диос, все, кроме одного. Я не прощаю, что ты так быстро утратил надежду, — голос совсем сел, оставалось молчать или скулить, но я выбрала третье — шептать как ведьма. — Антея не была марионеткой Макты, она была живая, просто... запутавшаяся. Ее можно было исцелить. Их всех можно исцелить. И я жизнь потрачу на то, чтобы доказать это, а если жизни окажется мало, возьму еще вечность. -

Эта клятва вдруг явилась из ниоткуда: незаписанная, необдуманная. Просто душа моя, бродя по тропам горестных дум, случайно свернула на неприметную тропинку. "Мама?" — позвала из темноты Антея, живая, просто... запутавшаяся. Я пошла на зов, и тут же истина заполыхала огненными буквами.

Я опять прошла мимо охотника в коридор, и он не препятствовал. Пропасть темной

лестницы закачалась перед глазами. Я крепко ухватилась за перила и глухо заметила:

— Я уйду сейчас, Диос, и ты не остановишь меня. Ты не убьешь меня, что бы ни говорила тебе твоя новая вера. Я — последний тонкий лучик твоей гаснущей, но еще живой надежды.

Его молчание и стук моих каблучков — вниз, вниз, во тьму, во тьму, во тьму... С момента в спальне я больше не посмотрела бывшему мужу в глаза. Я не узнала, какие они у него были, когда я приносила клятву, да это и не было важно. Я оставила себе его последний родной взгляд.

Я остановилась в гостинице на выезде из Карды. Ее три дня провалялась в жару и бреду. Мне являлась Антея, то совсем крохой, сосущей мою грудь или спящей у меня на животе, то большой девочкой, шьющей любимой кукле платье, в то время как я расчесывала ее волосы. Заканчивались сны одинаково: вместо пола внезапно разверзалась пропасть, и мы с дочерью падали в черную бездну. Я прижимала Антею к себе, чтобы и в смерти быть с ней, и просыпалась.

Смерть миловала меня. Выздоровев, я уехала в Донум. Спешно продала тамошнее поместье и купила домик на границе владений Переннисов. Я боялась, что охотники или твари будут меня искать, но ни те, ни другие не являлись. Будто со смертью Антеи Эмендо интрига Вако была завершена. К весне я осмелела. Разбила вокруг дома садик и засадила почти всю площадь цветами, прежде чем вспомнила, что выращиванием еды тоже неплохо бы озаботиться. Соседи приходили поглазеть на мои земледельческие потуги, как в цирк. В конце концов, не выдержав, я наняла работников. Но продолжала учиться и сама: голову нужно было заполнять, чтобы как можно меньше места оставалось для горестных дум. А забота о растениях и домашних животных стала необходимой ниточкой в будущее, держась за которую можно было тихо, мелкими шажочками, но идти вперед.

Я жадно ждала вестей из Карды, но в Донум они приходили с двухнедельным опозданием, то ли искаженными от долгой дороги, то ли в столице действительно творились страшные дела. Шептались, что безумный Макта ночами бродит по городу и пожирает сердца тех, кому не повезло оказаться вне дома в поздний час. Но я понимала, это не Макта: это его темные твари и охотники Диоса, способные убить любого за взгляд в сторону темных тварей. Вако и Митто по-прежнему занимали места по правую и левую руку Короля. Недалеко были Семель и Майя. Кардой владели темные твари и грызлись между собой за большой кусок власти.

Майя явилась на исходе лета, приблизительно в те дни, когда четыре года назад в Карду входил Макта. Поздним вечером крылатая гостья постучалась в дверь. Я ждала ее за скромным столом в единственной комнате дома. В одной руке был открытый пузырек с водой из Источника, в другой — серебряный нож из столового набора, захваченного из Донумского поместья.

Майя не подурнела, не постарела, казалась такой же юной и цветущей, как в год нашего знакомства: прелестная розовокожая блондинка в небесно-голубом платье с пышным декольте, прикрытым лишь тончайшим газом. Но теперь я знала, это лишь чары. В углу комнаты было спрятано маленькое зеркало. Я ждала, когда Майя подойдет на достаточное расстояние, чтобы отразиться в нем.

Темная тварь принялась и улыбнулась.

— Донумская вода с серебром? Убери это, Ариста. Я пришла с добрыми намерениями.

— Чем докажешь добрые намерения?

— Ты почувствовала нарушение естественной защиты своего жилища?

Я прислушалась к ощущениям. Действительно, неосознанной тревоги и ожидания беды, как в вечер давнего визита Вако, не было. Значит, это они называют нарушением естественной защиты дома?

— Я пришла, чтобы ответить на твои вопросы, подруга, — сообщила Майя, резко посерьезнев. — Думаю, у тебя накопилось много вопросов по поводу того, что творится в Карде. Ты зорче чем те, кто сейчас живет там. Можешь представить, что там до сих пор никто не верит в нас? Герцогиня Калькар до сих пор не верит, что ее сын мертв и ждет, что однажды он вернется...

Я промолчала, чувствуя, что темнею лицом. Все герцогиня Калькар знает, но все равно ждет сына, как я Антею... Уже больше полугода я старалась жить правильно и без жалоб, и нет-нет, да и возникала мечта, что кто-то добрый, мудрый и всеильный вверху увидит мое смирение и вернет дочку.

— Я знала, что ты подумаешь об Антее. Прости. Я специально проверяла, что ты чувствуешь, — тихо сказала Майя.

— Вам всем нравится мучить свои жертвы?

— Бездна любит сильные эмоции и сильную боль, и мы даем Ей их, чтобы она не мучила нас, — загадочно сказала темная тварь. Прошла через комнату и села напротив. Я тихонько отвела глаза, взглянула на профиль Майи в зеркальце на стене.

Он был таким же прекрасным, как реальный. Изящный носик, пухлые губы, розовые щеки. Но вот Майя проследила мой взгляд. Она глянула на свое отражение, мягко усмехнулась, и на миг мне привиделось совсем другое отражение: спутанные тусклые волосы, впалые щеки, желто-серая кожа мумии, огромные волчьи клыки. В следующий момент зеркало лопнуло. Я не двинулась с места, удивленно вперившись в пустую раму.

— Кто вы? — прошептала я. — У вас будто два облика: неправдоподобно прекрасный и неправдоподобно страшный.

— Мы — дети ненависти Макты.

— Эреус говорил, вы — марионетки Макты. Но, если судить по тому, как вы двигаетесь, ведете разговор, или Король — великолепный подражатель, умеющий волшебным образом раскалывать разум на множество тел, или вы свободные разумные существа. Я склоняюсь ко второму, хотя ваш страшный облик скорее подтверждает, что вы — живые мертвецы.

— Ты не боишься?

— Чего?

— На этой неделе мой голод убил двух таких, как ты, а ты разговариваешь со мной, как прежде. И вообще, не слишком страшным кажется мир, где свободные разумные твари пьют людскую кровь, подерживая свою странную жизнь? И это не остановится, не прекратится, даже если уничтожить прародителя, как было бы в варианте марионеток...

— Значит, мир таков. Не стану же я закрывать глаза на правду!

— На самом деле истина посередине, — Майя чуть струхнула. — Мы не мертвые и не живые. Мы пока не свободные, но можем стать ими, если Макта пожелает нас отпустить. Мы дети его ненависти, но мыслим и чувствуем самостоятельно. А Макта контролирует наш голод и силу. Удерживает, как зверя на цепи, и пытается дрессировать для выполнения части своей работы. Но мы-то понимаем: когда эта работа будет завершена, мы исчезнем, потому что станем не нужны. Поэтому пора рвать цепь и бежать.

— Что за работа?

— Макта ищет потомков крови Арденса, и мы с ним. Их кровь больше не сияет, но можно прочесть родословие по ее вкусу. Когда Макта найдет всех Арденсов, убьет их всех, его ненависть иссякнет, и темные твари ослабнут и исчезнут. Ты меня слушаешь, Ариста?

Я вздохнула:

— Слушаю, но не понимаю. Начни-ка сначала, Майя! С самого начала.

— Макту создали Лазар Арденс и Атер, алхимик. Лазар мечтал о бессмертии, а алхимик пообещал помочь ему. Но обрести бессмертие по его расчетам оказалось возможно лишь, забрав жизнь другого. Этой жертвой стал Макта, слуга Арденсов. Правда, бессмертия Лазар не получил: Атер ошибся или у него был свой тайный план, но Арденс только помолодел лет на двадцать и обзавелся железным здоровьем. Бессмертие досталось лишившемуся жизни Макте. Представляешь? Ни жизни, ни смерти, лишь всепоглощающая ненависть к тому, кто случайно или нарочно наделил тебя таким существованием... Ненависть Макты обратилась на Арденса, живущего дополнительную жизнь благодаря ритуалу Атера. Он потребовал у Арденса вернуть ему его жизнь, Лазар воспротивился: побоялся, что обратный ритуал убьет его. Жизнь Макты от Лазара передалась его потомкам. Их кровь была так насыщена ею, что Макта различал ее сияние. По сиянию он искал потомков Арденса и убивал их, пока это истребление не остановила Кармель. Ари, большой поклонник алхимии, согласился помочь ей. Конечно, до мастерства Атера ему было далеко, но он сумел оторвать жизнь Макты от крови Арденсов. Больше Макта не мог видеть потомков Лазара. А родословное древо Первого Короля за столетие раскинулось куда шире, чем записано в генеалогических картах.

— Подожди, — голос охрип. Я подняла ладонь, останавливая подругу. — Ритуал Ари был перед самоубийством Кармель? Прежде отравы она выпила зелье алхимика?

— Да, — после паузы, согласно склонила голову Майя. — А ты сообразительная... — прошептала она.

— Я — дура! — с чувством объявила я. Детали головоломки укладывались в мозг с потрясающей воображением скоростью.

Вот значит, каким образом Кармель спасла свой род! Ритуал... Макта ушел бы, получив с Арденсов долг Лазара, а он порвала долговую расписку! Обозленный Макта решил задержаться. Сел на трон Терратиморэ, наплодил темных тварей, пьющих жизни всех без разбору вместо жизней одних Арденсов...

— Старая ведьма! — прошипела я. — Макта ушел бы, забрав долг! А Кармель оставила нас этим чудовищем в едином болоте лжи!

— Поле смерти старшего сына Кармель думала лишь о защите других детей от Макты. Она надеялась спасти нерожденного ребенка Семель — прямое продолжение сына-Короля. Семель в итоге не пожелала подчиниться: уехать в глушь, родить, но это уже другая история.

Я притихла. Возможно, на месте Кармель я поступила бы также... Но у каждой из нас свой путь. Я откинулась на спинку стула, картинно вылила воду из пузырька на пол.

— Продолжим беседу. Какие вы, темные твари? Как вы рождаетесь, как питаетесь? Есть у вас лидер?

— Чтобы сделать человека темной тварью, нужно смешать кровь человека и твари. Я говорю, как удобно тебе, но имей в виду, мы предпочитаем называться отрекшимися от смерти, — Майя фыркнула. — Твари! Это охотники придумали, так им, конечно же, легче нас убивать. Человеческая пища для нас безвкусна, мы пьем живую кровь. Людей, в основном, хотя можно и животных. Мы охотимся ночью: солнце отнимает силы у первого поколения и вовсе сжигает более отдаленных потомков Макты. Мы не старимся, не бодем,

как люди, но и не способны зачинать детей, как вы.

— Вы отличаетесь друг от друга способностями, это я давно поняла. А что такое первое поколение?

— Это те, кто получил кровь Макты. Нас всего пять, — Майя чуть помедлила. — Ладно скажу! Это Гедеон Вако, Алоис Митто, Хонор Дивелли, Семель Тенер и я. Точнее, мое имя должно стоять первым в списке. Мне уже сто лет.

— Сто?! — я взяла себя в руки, вспомнив, что Макте по словам Гедеона — сто сорок. — Но как же... я помню твоих родителей, ты так хорошо рассказывала о своем детстве...

— Ложь, игра... чары. Отрекшиеся от смерти первого поколения очень искусны в чарах.

— Гм, чары Вако я почувствовала сразу, — фыркнула я. — Если б еще знала тогда, откуда тянется этот дурман!

— Юные обращенные не сразу учатся ими пользоваться. А Вако и Митто сравнительно юны, Макта обратил их, когда те приехали к нему в свите Арденса-Четвертого. Днем у юных чары часто вовсе пропадают, зато в вечерние часы бьют смертных так, что они порой действительно валяются без сознания, — Майя хихикнула. — Не забуду, как Гедеон отбивался от толпы поклонниц на балу! Там, в комнатке, куда тебя угораздило забрести...

— Кусай других, — я опять помрачнела.

— Извини, — тварь примирительно подняла ладони.

— А остальные твари слабее первой пятерки?

— Гораздо слабее. Их сжигает солнце и вода из источника Донума. Они чаще голодны и не искусны в чарах. Это получившие не кровь Макты, а кровь кого-либо из первой пятерки. Они плодятся уже и без нас, и третье-четвертое-пятое поколения аналогичны второму по способностям.

— А крылья?

— О! Крылья! — Майя мечтательно закрыла глаза. — Макта подарил их нам в первую же осень. Прекрасный подарок! Мы поделились крыльями со вторым поколением, а те передают черную тень Макты дальше.

— Зачем Макте крылатая армия? Только ли для охоты за уцелевшими Арденсами? — я нахмурилась. Смутные видения, одно другого страшнее, листались как страницы книги в серебристой глубине осколков зеркала на полу. Мне виделось, что черная туча тварей пожирает Термину и идет на юг, в Донум. Вспомнились слова Эреуса: "И каждая убивает одного человека в три дня, и каждая, как сумасшедшая, делится своим проклятием с юными и наивными..."

— А ты представляешь, что это за поиск? Макта хочет проверить каждого смертного в земле страха на принадлежность к Арденсам. Ему нужно много проверяющих. Но дело не только в этом, — подруга опять посерьезнела. — Мы наконец-то подобрались к той части истории отрекшихся от смерти, которая касается семьи Эмендо. Ты готова ее услышать, подруга?

— Да, — ни на секунду не задумавшись, сказала я. Майя минуту побуравила меня глазами, но опять уступила:

— Хорошо, я расскажу. Какой у тебя тяжелый взгляд стал, Ариста! А эмоций столько, что будучи темной тварью, ты могла бы жить только за счет них... какое-то время.

— А ты за сто лет никого не теряла?

— Никого, кто был бы столь же дорог, — Майя вздохнула. — Ладно, вернемся к нашим тварям! Макта создал нас с одной целью: чтобы мы нашли всех потомков Арденсов и

уничтожили их, убив тем самым и себя. Наше существование зависит от существования Арденсов, так задал Макта. Мы живем и плодимся, пока живут и плодятся они. Макта не учел одного: мы — не покорные куклы. Отрекшиеся от смерти не отрекаются ни от разума, ни от души. Поэтому для нас естественно желать свободы и бояться смерти. Но воспротивиться прямо мы не можем — Макта способен убить непокорных одним взглядом. Убить его также нельзя. Говорят, есть какой-то Голос Бездны, направляющий Макту, уничтожение которого сильно ослабит и Макту, но пока нам не удалось хотя бы выяснить точно, кто или что такое этот Голос Бездны. Может быть, Нонус знал это... но он исчез И Вако придумал пустить в бой против ненависти Макты ненависть народа. Мы создаем десятки темных тварей, будто бы для поисков Арденсов, а на самом деле, чтобы они терзали людей. Мы не контролируем их голод, контролируем только слухи, обращающие бесчинства тварей бесчинствами Макты.

— А охотники лорда Гесси?

— Вако и Гесси создали отряд, чтобы можно было управлять численностью тварей низших поколений. Полный хаос нам не нужен. О том, что пятерка у трона Макты относится к тем же тварям, рядовые охотники не знают.

— Но Гесси знал?

— Разумеется.

— Какая низость. Знать — и не развернуть свой отряд против вас! — кулаки конвульсивно сжаись. Будь сейчас передо мной Гесси, я убила бы его еще раз.

— Он никогда бы этого не сделал, — тихо сказала Майя. — Он ведь тоже Арденс, значит, в одной связке с отрекшимися от смерти. Вот твой муж мог бы. Он о многом догадался, высказывал догадки в обществе охотников. Даже начал сомневаться, что темные твари — марионетки Макты. Нужно было привязать Эмендо покрепче или дискредитировать его образ в глазах охотников. Конечно, все хотели бы первого варианта. Эреус — отличный организатор, такого жаль потерять. В конце концов, Вако и Гесси решили устроить ему главное испытание лучших охотников.

— Убийство кого-либо из родных, — еще тише закончила я.

— Вако хотел обратить тебя. Антею нам всем было жаль. Да и из таких юных получают слишком прожорливые и совершенно неуправляемые твари. Но Митто — ты же его знаешь! — решил пошутить за спиной Вако, он подумал, что будет любопытно обратить дочь, а не жену, — Майя смешалась, замолчала. Я закрыла глаза, глупо надеясь, что этим удастся удержать слезы, но те уже просочились под занавесь ресниц, зачертили дорожки по щекам. Какая нелепая глупая история! Боже, почему, почему она случилась с нами?

— Эреус вовсе не собирался поднимать восстание. Он надеялся сбежать из Терратиморэ и увезти нас. Можно было просто позволить ему это!

Майя вцепилась пальцами в волосы. Она всегда так делала, когда не знала, что сказать.

— Понимаешь, — начала она через минуту, — это было такое скоропалительное решение с нашей стороны...

— Как и все в вашей нелепой войне! Вы косите жизни направо и налево, вовсе ни о чем не задумываясь!

— Я задумалась, — ровно сказала Майя. — И я, в конце концов, помешала Вако обратить тебя.

Я молчала, и она повела дальше, осторожно:

— Я как раз хотела посоветовать вам с Эреусом и Антеей бежать. Увидела этот выход.

Но не получилось, к сожалению...

Я упрямо молчала, и она вздохнула. Опять вцепилась пальцами в волосы:

— Прости меня. Я теперь понимаю, нужно было давно рассказать все тебе. Но ты казалась такой счастливой, беззаботной... Я малодушно ждала, когда ты сама увидишь изнанку нашего мира. Я не знала, что она откроется тебе так!

Я разомкнула холодные и тяжелые, будто вытесанные из камня губы:

— Что же сейчас? Я рассказала мужу, что Вако и Митто твари, но он до сих пор так и не направил охотников против них. Почему?... После всего?!

— Я думала, ты все еще знаешь его лучше всех, — заметила подруга. — Когда ты убила Гесси — хвалю за это! — встал вопрос, кому быть главой охотников. Вако не отдает им приказы напрямую, это за него делает Асседи. Последний также снабжает охотников деньгами, но сам слишком труслив, чтобы лезть в бой. Так вот, вскоре после смерти Гесси к Асседи пришел Эреус и сказал, что готов возглавить охотников, ни словом не обмолвившись, что ему известно о дружеских связях Гесси и Асседи с Вако. Асседи ничего не оставалось, как согласиться. Теперь Вако все ждет от Эреуса... то-есть, Диоса, кинжала в спину. Но Диос абсолютно предан уцелевшим Арденсам и Асседи, а на друзей своего покровителя просто не обращает внимания, будто их нет. Смерть дочери повлияла на него так, как Вако с Гесси и рассчитывали. Он стал ревностным охотником, лучшим из охотников.

— Убийство дочери, — поправила я. — Скажи... — я поперхнулась. Слезы опять текли по щекам. Я стирала их, но они не кончались.

— Не стыдись, пусть текут, — тихо заметила Майя. — Что мне еще рассказать, Ариста?

— Ты сказала, вода из источника Донума сжигает тварей младших поколений, — выдавила я. — Аристу обратил Митто, значит, вода должна была сжечь ее, но она не оставила и следа. Что это значит?

— У недавно обращенных тварей, пока они не попробуют человеческой крови, немного иные способности и возможности. Они будто еще балансируют на грани между смертным и отречьшимся от смерти.

— Их еще можно исцелить, вернуть в жизнь? — выдохнула я. Нет, я не надеялась, что ответ на этот вопрос так быстро и без усилий будет мною получен. Просто нужно было выдохнуть скопившуюся за прошедшие с зимнего бала месяцы боль.

— Я не знаю... — Майя грустно взглянула на меня. Покров чар спал с нее, но открыл не мертвеца: передо мной был измученная борьбой с темной силой, но живая женщина. — Никто не знает! Возможно... Мы знаем лишь то, что делает тварью. Это кровь, убийства служение проклятию. Но мы не знаем, что делает человеком.

Я судорожно сжала руки и встала. Почему-то я чувствовала: эту беседу пора заканчивать. Сказано уже слишком много горьких слов, еще немного, и горечь притупится, а вместе с ней и остальные ощущения. К счастью, Майя была вполне со мной согласна.

— Я уйду, подруга, не то пропущу рассвет, — сказала она, поднимаясь. Я проводила ее до двери. Там Майя остановилась, взявшись за ручку, вскинула прозрачные голубые глаза, лживые для всех, искренние для меня:

— Я хотела бы пожелать тебе, Ариста, оставаться здесь и доживать век в покое и мире. Но я знаю... уже вижу: беда Терратиморэ зовет тебя. Не стану отговаривать, от этого огня твои глаза становятся ярче, живее. Знаешь, в начале лета я принесла цветы на могилу Антеи, Эрвин сказал, где искать. Я нашла там ворох цветов: дорогих и дешевых, заморских и местных полевых, увядших и сорванных накануне...

— Эреус? — прошептала я. Весной я на один день проезжала в Карду, выполняя обещание посмотреть ледоход, и тогда не заметила признаков того, что могилу Антеи кто-то посещает. Но, может быть, охотник Диос вспомнил о своей прошлой жизни?

Майя отрицательно тряхнула головой:

— Нет, не он. Это Карда! Надпись на валуне стала очень близка многим на севере, Ариста, — тут, глядя в мое ошеломленное лицо, она добро улыбнулась. — Надеюсь, мы скоро встретимся в столице, подруга...

В начале зимы я приехала в Карду. В единственной смене одежды, с несколькими золотыми монетами — хватит на месяц проживания в скромной гостинице. Четкого плана действий не было, но домик в Донуме я заперла на огромный замок и выбросила ключ в Серму, а животных раздарила соседям: точно знала, что в южные земли уже не вернусь.

Я остановилась в той же гостинице, где отлеживалась, зализывая раны, перед бегством из столицы. Но приснившийся в первую же ночь сон прогнал на улицу. Во сне я неслышно подходила к Антее, безмятежно спящей в постели. "Тварь или нет? Как можно это узнать?" — звенели вопросы в голове. Я вглядывалась в лицо дочери, и мне мерещилась то тень проклятия на нем, то ангельский свет.

"Не тварь", — в конце концов, с облегчением решила я. Коснулась щеки Антеи, чтобы разбудить, и отдернула руку. Кожа дочери была ледяной. И веки неподвижны не как у спящих людей — как у брошенных кукол. Антея не уснула, она...

"...Умерла", — вспомнила я во сне. Слез больше не было, только какой-то тяжелый ком рос и рос в груди. Потом он прорвался как нарыв, а внутри осталась пустота. Голодная и чего-то ждущая. Со свистом всасывающая все тепло из окружающего воздуха — тепло дыхания, тепло жизни. Она была холодна как звездная вечность ночного неба, и все в мире хотела сделать таким же холодным и безжизненным.

"Тварь — не Антея, тварь — я!" — с ужасом поняла я, прижала ладонь ко рту и почувствовала новые, острые как у хищников клыки...

В воздухе кружились редкие снежинки. Накрытый темной безлунной ночью город выглядел ненастоящим — макетом или декорацией. Казалось, за тонкой стеной фасадов нет ничего. Да, там та же голодная пустота — ждущая, зовущая... родная.

Я шла, потом бежала вдоль улицы Виндекса наугад, без цели. Остановилась только у узорчатых железных ворот, ведущих на территорию старого дворца Арденсов. Створка была приотворена, и я не удивилась. Я приехала в Карду без четкого плана и позволила ночи и пустоте вести себя. А те не уставали кидать знаки.

Я ступила на территорию заросшего сада. Стены живого лабиринта разрослись, кое-где ветки кустарника вовсе перекрыли проход. Фигуры зверей из того же живого материала на большой площадке превратились в сказочных чудовищ. В них лишь смутно угадывался изначальный облик, как в крылатых тварях — тень человека.

Дважды пришлось продираться сквозь кустарник, но я, наконец, очутилась у дворца. Жалкие остатки теплого плаща болтались на едва прикрытых платьем плечах — половину одежды я оставила цепким крючкам веток лабиринта. Я стала странно легкомысленна, шла, совсем не задумываясь об обратном пути. Будто уже знала, что его не будет. И это не страшило. Я перестала испытывать страх, как и холод.

Дворец, как и лабиринт, разросся ввысь и вширь. Или это была иллюзия ночного освещения, так похожая на иллюзию внешнего облика отрекшихся от смерти? Темнота стрельчатых сводов переходила в темноту ночного неба и ночного города. Дворец стал

единым с ночью и Кардой — и с голодной, ждущей, безмолвно зовущей пустотой.

"Зачем я пришла сюда?" — Вопрос, последний крик слабеющего сопротивления, пробудил затихшее сердце. Оно больно стукнуло о клетку груди, подсказывая, что пустота вокруг — лишь мое иллюзорное ощущение, остаток сна. Я встрепенулась, потеряла внезапно почувствовавшие холод зимней ночи плечи.

"Чего я хочу? Зачем приехала в Карду — центр неузнаваемого, бесчеловечно-жестокоего мира? В Донуме я могла бы спокойно дожить до старости. Майя говорила, беда Терратиморэ зовет меня, но пока я не чувствую боль родной земли, чувствую лишь свою: сильную как в первый день, неугасимую, голодную до моих страданий. Или эти две боли — одно?" -

"Ворох цветов на могиле дочери — срезанных и сорванных, садовых и полевых... "Она была моим ребенком", — эти слова тронули всю Карду. Многие здесь потеряли родных в нелепой войне светлых и темных тварей, многие воют в тоске от несправедливости приговора охотников: неисцелим!"

Скрипнула, приотворившись, дверь главного входа. Пустота звала...

"Эта глупая и жестокая война началась здесь!" — вспомнила я. Сжала плохо гнущиеся от холода пальцы в кулаки. — "Здесь, в этом дворце, когда Кармель не вернула Макте долг Арденсов, и он решил наказать весь край!" Опять поток если бы: "если бы я отказалась играть роль Королевы", "если бы отправила Макту сразу в покои Кармель", "если бы я знала, что истинное жестокое, равнодушное к судьбе целого народа чудовище — не Макта, а моя названная мать!" Судьба наказала меня, ни наивность, ни невинность не стали оправданием и поводом к снисхождению.

Дверь опять скрипнула. За ней чернела гнилая внутренность дворца. Хрипло закаркала незамеченная прежде ворона на портике входа. Пустота звала... А я молчала, не двигаясь с места.

"Какие еще тайны хранит история Арденса и Макты? Что дает сверхъестественные способности и темным тварями, и их противникам? И главный вопрос: возможно ли... нет, не повернуть реку времени вспять, но поставить крепкую плотину на пути разогнавшегося бурного грязного потока, влекущего Терратиморэ в совсем не светлое будущее? Как остановить темных тварей? Кровь, убийства, служение проклятию превращает людей в чудовищ на земле, лишенной надежды. Может быть, надежда на исцеление станет тем камнем, который преградит путь смертоносному черному потоку?"

Но хватит ли одной человеческой жизни на поиск неизвестной надежды? Способна ли я вполне понять, где искать ее, будучи смертной, далекой от реалий темного мира тварей?" -

Я решительно шагнула вперед — и на одном вдохе взлетела по ступеням до двери главного входа. Побродив неузнаваемыми без мебелировки и украшений коридорами, вышла на балкон бальной залы.

Отсюда открывался великолепный вид на спящую Карду. С высоты город уже не казался огромным плоским макетом, сдавливающим тебя с двух сторон узкой, наполовину поглощенной тьмой улицы. Выдвинулись прежде скрытые ряды зданий, дав Карде объемность. Сквозь ночь мерцали огоньки свечей в окнах, которые кардинцы зажигали в слепой надежде отогнать тьму и ее голодные порождения. Карда спала и тяжело вздыхала во сне, пытаясь сбросить душное, но не греющее одеяло ночи, вместе с которой в последние три года в город по-хозяйски входила Бездна. Я вглядывалась в ночь, чувствуя странное успокоение, сковывающее как дурманное зелье. Сердце опять затихало, из груди по телу расплзалась пустота, а Карда все спала... и вздрагивала во сне от страха. Я думала, что

спасусь от этого страха за крепкими дверьми родного дома, но он нашел момент, и забрал моих родных — и дочь, и мужа.

"Был ли ритуал охотников единственным средством? Разве марионеткой Макты была Антея? Охотники уверяли, что спасли душу дочери, но раз так, неужели, исцеляя, нельзя спасти и жизнь новообращенного? Охотники считают, что нельзя, но они люди... А как считают твари? Увы, нельзя узнать, что творится с человеком, ставшим тварью, будучи человеком. Только став тварью, я узнаю все..."

Я падала, падала... — как мальчик в сказке про колодец Лесной Старухи, и постепенно понимала, что лечу: в раскрытые объятия тьмы.

Я скинула остатки плаща, открыв сильную белую длинную шею. Я ждала... И скоро темнота лабиринта дрогнула и разорвалась, выплюнув крылатую тварь. В три взмаха широких крыльев тварь достигла балкона и, опустившись на перила, скинула черную тень. Передо мной стоял отрекшийся от смерти. Невысокий худой мужчина в рубашке с богатым кружевным воротником, куртке с вышитой серебром перевязью, длинных панталонах — позабытая и такая любимая мной свободная мода времен Арденса-Четвертого. Я узнала его кривой, будто прорезанный острым лезвием рот и белые волосы до плеч.

— Нонус? — слабо удивилась я и... тихо засмеялась. Оказывается, я была окружена темными тварями с самого представления во дворце!

— Вы желаете почувствовать величие или юмор момента, леди Эмендо? — ухмыльнулся он. Соскочил с перил и скользяще быстро приблизился. От него пахло холодом и... кровью.

— Мне смешно!

— Тогда можете продолжать смеяться, — разрешил Нонус. — Мне это не мешает. Я услышал ваш зов издалека, Ариста. Но готовы ли вы отречься от смерти?

— Я готова стать тварью, — прошептала я. Нонус искал мой взгляд, но я не достаивала его этой милости. Я опять следила за дрожащими огоньками свечей надежды в далеких окнах.

— Это был формальный вопрос, — Нонус ничуть не утратил уверенности. В его руке заблестел кинжал. — Подойди, — велел отрекшийся, но я оборвала:

— Сначала покажитесь мне без чар.

Нонус отступил на шаг. На мгновение показалось, он обиделся, оскорбился. Но отрекшийся от смерти не уходил. Он странно склонил голову набок, изучая меня.

— Пожалуйста! — прошептала я... и поняла, что вижу и его, и город за его спиной без чар. Чудовищная черная тень разлеглась на улицах, разбросала отростки в переулки и дома, забросила нити с крючками к сердцам людей. А те не видели ее, лишь чувствовали иррациональный страх — то самое нарушение естественной защиты родного дома. Только домом был весь мир, а незванным гостем — Бездна.

Частица Бездны была прямо передо мной. Черным пауком она охватывала сердце преждевременно состарившегося, изможденного человека, нитями-сосудами тянулась от фигуры в стороны и вверх, образуя подобие крыльев. А я была такой маленькой и слабой перед огромным черным чудовищем! Чуждая ему — теплая, дышащая, суетливая... живая, я могла быть только его пищей...

Нет, не только. Я стояла на границе, проходя которую гусеницы превращаются в бабочек, меняя тело и суть в глубине кокона. Звонкая от неугасающей боли пустота в груди рвалась на волю, рвалась взметнуться широкими черными крыльями и унести

преображенную владелицу.

Я шагнула к отрекшемуся от смерти, и его тень обняла меня. Блеск лезвия кинжала, быстрый росчерк боли по шее, сверкание лезвия его улыбки:

— *Carere morte*, — прошепел вкрадчивый, холодным змеем заползающий в душу голос белого вампира. Было это слово необходимым для завершения ритуала заклинанием или моим новым именем? Я не успевала спросить. Горло издавало бульканье вместо слов, дыхание кончалось. Я уплывала, качаемая ледяными водами северного моря. Жизнь быстро покидала тело, платье спереди стало мокрым, горячим и липким от крови. Я тихо возила по ней руками, но поднять их, чтобы зажать рану на шее, не хватало сил. Я повалилась на пол, во мрак, и худые руки отрекшегося от смерти подхватили ставшее почти невесомым тело. Черная тень влилась в рану, замещая вытекшую кровь, ее холодные щупальца схватили в кольцо шею, потянулись в голову и к сердцу. Задыхаясь от страха, чувствуя, что становлюсь частью этого страха, я потеряла сознание.

Триптих Либитины. Сцена вторая

Триптих Либитины. Сцена вторая

В серых осенних сумерках отряд охотников пересек последнюю полосу мертвого леса и подходит к заброшенной шахте. Пятьдесят лет назад ее нижние этажи оказались затоплены прорвавшейся из недалекого горного озера водой. С тех пор тут не бывало людей, только мои куклы.

Небо сегодня за меня: обрушивается на головы смертных ледяным прозрачным дождем. Будто тающие под его струями силуэты погибших, но не упавших деревьев леса чернеют совсем близко, смыкая южный горизонт с линией северных гор, сокращая сцену, где развернется одна из последних драм Либитины, до небольшой площадки. Люди, пришедшие меня убить, перебрасываются шуточками, и их голоса неестественно громки. То ли они перекрикивают мерный грохот дождя, то ли заглушают тревожные мысли об исходе долгой кампании. Они спорят обо мне. О Либитине, таинственной, невидимой и вездесущей, как и должно богине. Они гадают, какая я, ведь уже очень давно никто не видел моего лица. Даже от собственных кукол я прячу свою главную израненную оболочку в тени, боясь ненароком их глазами увидеть ЭТО. Лишившееся лица, кожи, признаков пола, неподвижное и разбухшее от чужой крови — бурдюк, а не тело.

Даже для себя самой я стала легендой. Страшной сказкой.

— Я все-таки думаю, Либитина — это мужчина, — заявляет один охотник, опять приглашая спутников поспорить. Те немедленно отзываются:

— Чушь! Либитина — женщина! Эта загадочность, эти игры, полное отсутствие логики в поступках!

— Женские эмоции, — подсказывает кто-то. — Обиженная владыкой вампиров когда-то, сейчас она мстит ему.

— И как она ему мстит? Убегая от нас? — вступает первый, не желая сдавать позиций. — Неужели вы не видите: вампирша, мстящая обидчику-владыке, — это только маска. А свои истинные цели она... он...

— Оно, — громко подсказывает кто-то. Звенит девичий смехок.

— Оно... это существо прячет свои истинные цели. И сейчас оно не в страхе бежит от нас, а заманивает!

Скоро отряд встает. Серая гряда гор впереди распахивает пасти штолен. Эти черные дыры сверкают даже за плотным покрывалом ледяного дождя. Глазами десятков маленьких марионеток-зверьков предгорья я вглядываюсь в лица смертных. Они устали от сырости, холода, от неумолчного грохота дождя, но полны решимости завершить поход поскорее, приложив все силы.

Я ждала, что охотники будут продвигаться вперед днем, когда мои марионетки прячутся в густой тени чащобы и под землей. Но они выбрали ночь для сражений за куски моего края — моего огромного тела, а днем отдыхают на завоеванной территории, давая время для отдыха и мне. Они совсем не боятся ночи. Иногда кажется, их предводитель выбрал для битвы ночь из вежливости, чтобы дать мне возможность показать силу своих клыков и когтей. И чтобы я воочию увидела, как даже в зените силы слаба моя черная тень против их света.

Но пока они разворачивают большой шатер и собирают военный совет.

— Шахта — вероятное логово Либитины, — сообщает предводитель отряда. — Нижние этажи затоплены, но верхний этаж штреков по-прежнемуходим, — он отмечает на карте на столе уровень воды в шахте и обозначает предполагаемый путь отряда. Кукловод, с большой долей вероятности, прячется либо здесь... либо здесь, — он крестиками отмечает на карте шахты два слепых недорубленных горизонтальных тоннеля. — Итак, друзья... Мы близки к цели нашего похода. Следует быть готовыми к тому, что кампания может завершиться уже завтра утром.

— Не верю, что мы все-таки увидим Либитину, — вздыхает его молодая помощница, желая развеселить охотника. Предводитель отряда чуть улыбается, но пресекает сомнение девушки резко:

— Думайте о том, как мы ее убьем, а не увидим. Либитина морочит нам головы своими представлениями, но мы не в театре.

Дальше охотники обсуждают, как разделятся на группы, очерчивают круг задач каждой. С моей точки наблюдения — я крохотным мышонком проскользнула в их шатер — они кажутся великанами. Их плащи из плохо гнущейся непромокаемой ткани влажно блестят, широкополые шляпы скрывают в тени лица, громоздкие сапоги выше колен, облепленные грязью, кажутся страшными лапами чудовищ. Эхо их смелых слов звенит в моих маленьких круглых ушках. Кажется, они сейчас раздавят меня и уничтожат полностью... Страх вампирши перед охотниками смешивается со следом страха крохотного зверька перед огромными людьми, и вспенивается волной, захватывая все тельце мышонка и без остатка бросая меня в этот дрожащий от бешеной пульсации сердечка комочек.

— Я боюсь, что шахта может оказаться ловушкой, — заявляет тот, что в недавнем споре счел меня мужчиной. — Мы слишком легко прошли предгорье. Нас будто заманивают. Очень скоро лес позади оскалится сотнями звериных масок Либитины!

— Пусть скалится. Главное, чтобы штольня не обрушилась нам на головы, — главный ничуть не утратил присутствия духа, ободряющая улыбка так и приклеилась к его устам. — Мы должны работать слаженно и четко, как единый механизм. Или как марионетки нашего врага, если за два года подобное сравнение стало вам ближе.

— Нет, вы не понимаете меня. Весь наш поход — ее игра! — упорствует охотник. — Либитина делает с нами то же самое, что прежде делала с посетителями своего Лабиринта. Сначала заманивает вглубь представлениями... — в воцарившейся тишине он увлекается рассказом. — Пьесы о прежних днях, пьесы о жизни посетителя, символические, абстрактные представления... И все — поразительно точные даже в мелких деталях, и все — трогающие глубинные струнки души. Вот только ее актеры — куклы, созданные из мертвецов. Она пугает, завлекает и снова пугает. Она приоткрывает частицу некоего Великого Смысла, который должен открыться посетителю полностью, когда он достигнет центра Лабиринта. Но когда герой добирается до центра, Либитина лишь показывает ему какую-либо особенно отвратительную сценку из его или чужой жизни или вовсе давит на примитивные, инстинктивные человеческие страхи. Эффект неизменен: посетитель бежит прочь из Лабиринта, вопя от ужаса. Нет никакого Великого Смысла, Либитина просто издевается над любознательной человеческой природой.

— И какое отношение этот рассказ имеет к нашему походу? — внезапный холод тона делает голос предводителя отряда надтреснутым и глухим. Ему очень не нравится этот поворот разговора, наверное, он будит и его подспудный, тайный даже для самого себя страх.

— Самое прямое! Мы два года бежим по следам неуловимой Либитины в надежде догнать и убить ее. Освободить север от Кукловодши — вот наш Великий Смысл. И она пожертвовала Лабиринтом и селением, позволила зайти вглубь своих земель, чтобы мы поверили, что побеждаем. Чтобы Великий Смысл засиял перед нашими глазами как солнце и окончательно нас ослепил. А в шахте она посмеется над нами. Подсунет очередную куклу вместо себя или покажет пустое логово. И мы вернемся в столицу ни с чем. Если, конечно, она не захочет изменить обычному милосердию и не замурует нас в шахте навеки!

Его слова производят разное действие на собравшихся. Одни горят желанием поспорить, другие кивают в знак поддержки. "И правда, слишком легко мы дошли до самого логова Либитины", — тихо, потерянно говорит один, "Все равно, игра это или нет... но Либитина проиграет!" — уверенно заявляет другая. А предводитель отряда зачем-то рыскает взглядом по шатру, но смотрит не в лица охотников, а им под ноги. Сначала мне кажется, он прячет потускневший, неуверенный взгляд, но нет: он что-то ищет. Что?

"Меня!" — понимаю я и тут же встречаюсь с ним взглядом. Охотник криво усмехается, делает угрожающий громкий шаг в мою сторону, и страх опять бросает целиком в тело боящегося громадин-людей мышонка. Я не выдерживаю долгий взгляд охотника, холодный, уверенный и смертоносный, как серебро его меча. И я брызгаю в сторону, скольжу между ногами удивленно или брезгливо восклицаящих великанов и подныриваю под стену шатра. Прячусь. Но слышу завершающие собрание громкие, уверенные слова предводителя отряда:

— Неважно, как видит и что думает о нашем походе Либитина! Важно, что она боится нас, — веселый и властный тон, подбадривающий отряд и обессиливающий меня. — Ее куклы не притворяются, когда отворачиваются от взгляда любого из нас. Поединок вампира и охотника — это всегда поединок двух частиц Бездны: проклятия вампира и защиты охотника, и изменить, скрыть, заместить эту суть чем-либо иным невозможно. Я чувствую, моя защита сильнее всей ее черной тени, и то же самое, уверен, чувствуете вы. Мы сильнее Либитины. Сколько бы паутин новых игр она ни плела, прячься от самой себя в них, она знает, что мы способны дойти до настоящего центра Лабиринта, до конца, чтобы убить ее, — и боится...

Дождь все не кончается. Льет и льет, и весь мир словно обращает водой. Облака — плавающая в холодном небесном океане разбухшая серая вата, земля — черная жидкая грязь. Но я все равно бросаюсь по этой грязи к отряду — лавина моих зверей катится из леса на шатры охотников. Зоркая марионетка-мышка запомнила тех, кто кивал, соглашаясь с гипотезой игры Либитины с отрядом. Их защита теперь проседает под моим напором, подпитанным остатками звериной ярости когда-то живых кукол Изредка даже удается коснуться краев их одежды, клацнуть зубами совсем близко к телу. В следующее мгновение куклу пронзают мечом насквозь или лишают головы, но краткое терпкое ощущение их неуверенности, их страха стоит того. Защиту одного вовсе удастся разрушить, я валю его на землю и в обличье огромного волка встаю над ним, упираясь в грудь грязными лапами. На помощь спешит высокая охотница, на собрании уверявшая, что я проиграю, и я соскакиваю с поверженного, отшатываюсь в сторону. Уклоняясь от удара ее меча, щерю клыки и рычу, а мякиши лап еще горят от прикосновения к живому телу. Как я отвыкла от этого тепла — не жаркого, как костер, но не слабого как пламя свечи, огромного и вечного, как солнце в небе, тепла жизни!

Из зевов штолен выкатывается встречная волна кукол: здесь и птицы, и волки, и люди под плащами крылатых теней. Я окружаю отряд охотников, неожиданно уменьшившийся

перед моей единой и многоликой черной тенью. Окружаю, но не могу уничтожить. Их защита — чистойшей воды бриллиант, я лишь ломаю об него зубы и когти. Остается изматывать врага. Куклы продолжают нападать и лишившись конечностей, и оставшись без глаз. Даже лишившиеся головы, они еще некоторое время шевелятся, ползают под ногами сражающихся, обрастая панцирем грязи. Долго длится этот бой. Но чаша моей боли от разрушаемых на части кукол наполняется быстрее, чем чаша усталости смертных. И я отступаю. Как, обжегшись, отдергивается рука от пламени, так единая крылатая тень тварей споро всасывается в отверстую пропасть ближайшей штольни. Охотники бросаются за ней. Они уже увлеклись. Они ловят своего мотылька Великого Смысла.

Глава отряда командует двум группам остаться снаружи. Остальные наскоро проверяют стены, пол, потолок, убеждаются в отсутствии сюрпризов в виде взрывчатки и двигаются дальше по штрекам верхнего, незатопленного этажа шахты. Отряд понемногу растягивается в цепочку. Они шарят по стенам жгучими факелами, опять ищут взрывчатку и маленьких марионеток. Но пусто. В каждом боковом ответвлении идущего под уклон главного штрека, глава отряда выставляет стражу, и цепь охотников вытягивается, редет... тает. До цели доберется только один.

Тревожных сигналов от оставшихся позади предводителю отряда не поступает, он уверенно идет вперед. Его нервозность чувствуется только в том, как резко и быстро он водит факелом вправо-влево, освещая путь группе. Черная тень ловко уходит от света, но нарочно распускает шлейф, чтобы охотники могли следить за ее перемещением, чтобы им хотелось схватить меня за хвост. Шлейф рвется об острые камни дна тоннеля, клочья тумана путаются под ногами охотников. Коридор идет под уклон вниз, стены сжимаются.

Еще двоих глава отряда оставляет в очередном боковом ответвлении штрека, и теперь с ним остается всего одна девушка-помощница. Я слежу за изменениями ее лица, на котором уверенность в победе потихоньку съедается сомнением и образовавшуюся пустоту занимает страх.

Из очередного бокового хода на охотников набрасываются три марионетки. Предводитель отряда легко отражает их удары. Сносит голову одной, другой... Последняя обращается в бегство. Охотник наскоро освещает факелом узкий тоннель, которым она ушла.

— Останься здесь, — командует он помощнице. Но охотница, до этого быстро и точно исполнявшая его приказы, вдруг меняется в лице — оно искажается страхом:

— Не ходи! Это ловушка, точно ловушка!

— Стены на всем протяжении шахты чисты. Взрывчатки тут нет, — бросает он и уже дергается за мной. Охотница успевает ухватить его за рукав:

— Пожалуйста! Это ловушка! Либитины здесь нет! Она специально заманивает тебя, не ее логово окажется пусто! Я только сейчас поняла: кукловодша далеко отсюда, она давно сбежала за границу, а нас всех погубит тут!

— Ты видела, как двигались эти трое? Уверенные, быстрые движения, будто свободный вампир, а не кукла. Хозяйка совсем недалеко от этих марионеток, в конце хода!

— Она заманивает тебя! — кричит охотница. — Не ходи! — Но предводитель отряда уже бежит за моей тенью. Оранжевая звездочка факела в руке девушки, отчаянно выкликающей его по имени, все отдаляется, пока не пропадает совсем за поворотом коридора.

Оставшись один, охотник уже не поддерживает на лице маску уверенности. На миг я вижу его усталость, оцепенело-мертвую, равнодушную ко всему в мире живых, и пугаюсь

этого лица, вдруг напомнившего отражение темной твари в зеркале. Но в следующее мгновение усталость сменяется злым весельем.

— Ну что, Либитина? — кричит он моей тени. — Сейчас, когда мы наедине, когда до конца твоей вечности недалеко, может, откроешь, наконец, что тебе было нужно от меня этой игрой? Вкруг чего ты водила меня, к чему вела два года, два проклятых года?!

Тишина ответом. И тонкий, звенящий, завлекающий смешок впереди...

— Да, ты боишься, очень боишься меня, но это не все. Если ты так слаба, как хочешь, чтобы я думал, почему я до сих пор не убил тебя? Если ты так сильна, как хочешь, чтобы я думал, почему я до сих пор жив? Что тебе нужно? -

Он трезв, а говорит и ведет себя как пьяный. Одурманенный ритмом бега, оглушенный грохотом боя, замороженный рваным ускользящим краем тени впереди — близостью и неуловимостью своей цели. Еще не утихло эхо его крика, как я шепчу:

— Я только что получила все, что мне нужно: твое почтение к Владычице мертвых.

Впереди вспыхивает свет, освещая большой подземный зал — центр моего последнего Лабиринта. В центре зала стоит высокая темноволосая скульптурно-красивая дама в старинном платье эпохи Макты. Этой кукле я часто доверяла играть роль хозяйки Лабиринта.

Охотник останавливается в месте перехода тоннеля в зал. Измазанный грязью и кровью кукол, он совсем не похож на лощеного щеголя, каким ухитрялся быть почти все время похода, мокрые волосы слиплись сосульками. Шляпу и плащ он оставил в преддверии шахты, чтобы не стеснять движений в битве, и его темная рубашка и брюки в той же грязи и крови. Бледное лицо искажено смесью злости и страха неизвестности. Он вздергивает заряженный арбалет, но не нажимает на курок, взглядевшись в лицо дамы.

— Это не Либитина, — шепчет он. — Опять кукла! Все-таки ловушка...

Дама улыбается, и поднимает факел, освещая сырой потолок пещерного зала.

— Ты далеко забрался и давно вышел за пределы людской шахты. Вспомни свой путь по подземелью и вспомни карту. Куда ты вышел? Что у тебя над головой, за камнем подземелья? Земля? А если... вода?

Я с удовольствием слежу за ходом мыслей охотника, так ясно отражающимся на его лице. В последних пяти коридорах охотники сворачивали только направо, и последний коридор, которым шел он один, закруглялся вправо. Что там было по карте, справа от шахты? Озеро?! Он сейчас стоит под озером?! Нет, не может быть, оно далеко, они бы не дошли...

Дама касается факелом стены у самого потолка. Пламя освещает короткий фитилек, торчащий из связки взрывчатки.

— Каково умирать в шаге от победы? — шепчу я губами высокой дамы. — Что вы, смертные, чувствуете перед смертью: ту же пустоту, что вампиры, или нечто иное? Скоро я это узнаю... когда прочитаю тебя!

Охотник бледнеет. Правая рука тянется к какому-то предмету, висящему на шнурке на груди. Крестик? Нет, деревянный свисток. Ровным, медленным и в то же время экономным движением он подносит его к губам. Подземелье заливают пронзительная трель. Значит, выбрал предупредить своих.

Огонек пробегает по фитильку и гремит взрыв. Эхо превращает его в канонаду взрывов, кажется, мир рушится. Камни и камешки снарядами и пулями разлетаются по подземелью, прошивают тело куклы, но я едва чувствую незначительные укусы этой боли, меня

захватывает величие последнего акта драмы. Потом мир летящих камней превращается в мир пыли, облако которой едва втискивается в подземелье, а затем — серебристые нити протягиваются в зал сквозь дыру в потолке, слышится шелест капель. Пыль постепенно оседает, прибиваемая дождем, льющимся из низко повисшего над подземельем неба.

По задумке в этом месте должно было быть черное ясное небо и чистый свет тысяч звезд. Но природа внесла свои коррективы в мою пьесу с одним героем...

Пыль осела, и я вижу охотника. Перед взрывом он успел отскочить в тоннель. Лежит на животе, прикрыв голову руками, пыль посеребрила его волосы как седина. А по кротовым ходам шахты до сих пор разносятся трели свистков. Последние группы бегут к выходу. Только у входа в последний на пути к подземному залу коридор осталась девушка, помощница главы. Еще не утихло эхо взрыва, как она бросается в тоннель.

Охотник поднимается. Его ноги дрожат, и приходится держаться за стену, чтобы не упасть опять. Он не верит, что жив, в глазах мутная пленка тумана. Моя кукла лежит там, где упала, изрешеченная осколками. Обращенное к небу лицо омывает дождь — я бы хотела себе такую смерть, но меня ждет другая... А глаза охотника постепенно проясняются. Он отрывается от стены, бредет в центр пещеры. Когда в его макушку и плечи ударяют струи воды, он вздрагивает и поднимает лицо к небу. Ледяная вода смывает с его кожи грязь и кровь, и он чуть улыбается. О чем он думает: переживает второе рождение или пытается примириться с только что по-настоящему открывшейся ему громадой страха смерти, конечности собственного существования? Капли дождя разбиваются о кожу и разбивают напряжение, много дней сковывавшее мышцы его лица. Теперь он будто спит.

Скоро прибегает рыдающая от облегчения девушка, хлопчет, наконец, уводит охотника прочь. Сейчас он подчиняется ей без слов.

Остаток ночи я молчу. Мои звери и птицы ничем не выдают своего присутствия. Охотники устраиваются на отдых в самом широком и высоком зеве шахты. Под защитой каменного потолка они снимают громоздкие тяжелые плащи и шляпы, и теперь видно, какие эти смертные тонкие, молодые... разные. Найдя пару старых тележек, они разжигают из них большой костер. Они не упали духом после очередной неудачи и убеждают друг друга, что логово Либитины все равно совсем близко. Они громко и весело, чуть более громко и весело, чем принято в моем тихом краю, переговариваются. Потерь в отряде по вине кукол нет, и это позволяет охотникам чувствовать себя уверенно. За веселыми разговорами они даже пропускают момент, когда, точно по чьему-то приказу, прекращается дождь. Шелест струй стихает до нуля моментально, будто невидимый дирижер собрал голоса хора капель одним быстрым движением и запечатал в кулаке.

Костер разгорается, а вместе с ним и аппетит смертных. Вот двое, отправленные к ближайшей речке, где вчера были установлены сети, возвращаются с уловом: в основном мелкая рыбешка, но есть и огромная речная хищница с крокодильей пастью и пятнами на боках — щука.

— Опять рыба... — огорчается кто-то из юных.

— В лесах Либитины живого зверья не бегают! — осаживают его. На костер водружается большой закопченный котел из арсенала, подошедшего бы ведьме, — это для ухи, и котелок поменьше, для гарнира на второе. Кучу углей отгребают в сторону. Поставив на нее сковородку, двое охотников начинают священнодействие разделки рыбы для жарки.

Мои крохотные марионетки, невидимые в ночной тьме, перебираются поближе к костру. Его тепло, как и симфония вкусных запахов, далеких от режущего железа крови, все

еще способны тронуть меня. Я заворожено смотрю, как выпотрошенную щуку режут на куски, натирают перцем, солью из драгоценного запаса приправ и, обваляв в муке, кладут в раскаленное масло на сковородке. В смертной жизни я была равнодушна к рыбе, а речную и вовсе не любила за запах и привкус тины, а сейчас вечность бы отдала за маленький ее кусочек. Интересно вспомнить, как это: создавать произведение искусства не для глаз или ушей, а для языка. Умело сочетая продукты из разных царств живого мира: мясо, овощу, крупы, добиваться неповторимого вкуса, раскрывающего лучшие стороны каждого ингредиента и всю его историю, под какими дождями оно росло, каким солнцем согревалось. Как жаль, что человеческая еда для меня пресна, я помню ее вкус, но вновь ощутить не могу, и даже если решусь проглотить кусочек, следующие несколько дней буду чувствовать лишь привкус гнили во рту. Тело вампира бессмертно, но человеческая пища в нем не обретает свойства бессмертия — она банально гниет. Единственное, что мы чувствуем — вкус крови, и он для нас распадается на множество вкусов — от кипящего сахара юной жизни до выдержанного терпкого вина старой. Вампиры любят восторгаться богатством вкусов человеческой крови и рассуждают о ней после обильного обеда так горделиво и высокопарно, будто лично создали это произведение вкусового искусства. Хотя вампиры не умеют создавать, как люди, они только присваивают себе шедевры природы... и тут же сжигают их в своей пустоте.

Рыба пожарена, и из масла, оставшегося на сковородке, охотники задумали приготовить соус. Лук, чеснок, грибы, остатки сливок и сливочного масла, взятых в недавно пройденном ими селении — первой мой ловушке, щепотка тимьяна, горстка ягод брусники... А в стороне в большом котле кипит и дышит уха — другая симфония запахов и вкусов.

Это уже слишком для меня. Я отступаю от костра и скрываюсь в тени. Также в стороне от людей до сих пор остается предводитель отряда, и я останавливаюсь понаблюдать за ним. Он устроился на расстеленном плаще, надвинул на глаза шляпу, но не спит. Его лицо опять помрачнело, нижняя челюсть каменно напряжена, а в темных равнодушных глазах отражается пламя далекого костра.

— Почему ты не идешь к отряду? — к охотнику подходит другой, уже замеченный мной прежде потомок Гесси. — Не желаешь принять участие в увлекательном споре, кто же все-таки, Либитина: мужчина или женщина?

— Пол не важен, — кратко, хмуро говорит глава отряда, но Гесси не отступает:

— Обсуждение пола Либитины, как всегда, перетечет в обсуждение, каковы ее или его цели...

— Это тоже не важно.

— Она заманивает нас в ловушку или действительно бежит в страхе? — Гесси начинает размышление вслух. — Она могла бы, в конце концов, объединиться с владыкой вампиров против нас... Неужели это, действительно, старая обида?

— Для нас должна быть важна лишь одна цель: уничтожение Северной Кукловодши, — медленно, чеканно разъясняет предводитель отряда, его глаза горят сдерживаемой яростью. — А Либитина может играть сама с собой в любую игру, нас это не должно трогать.

— Что она показала тебе сегодня в центре Лабиринта? — быстро спрашивает Гесси. Глава отряда усмехается:

— Свои прелестные ножки, — шутка не удается из-за злости в его голосе.

— Я не расположен шутить, — говорит Гесси после паузы. — Но мне важно знать, что

за игру ведет Либитина, чтобы понять ее. Может быть, ее уничтожение не необходимо?

— Уничтожение Либитины необходимо, чтобы вывести меня на пост главы ордена. Вот это для тебя сейчас должно быть важно, Гесси, — прямо сообщает главный охотник и, не желая продолжать разговор, встает, уходит к костру. Ужин готов, уху разливают по жестяным тарелкам, а жареную щуку, возлежащую на горе картофеля, поливают ароматным соусом.

Значит, там, в тоннеле, сегодня играла не только я, но и со мной? Охотник лишь отвлекал мое внимание вопросами о целях, а на самом деле мотивы Либитины ему совершенно безразличны... Что ж, хороший игрок и достойный соперник! Я усмехаюсь. Страх собственной смерти он оставил позади, также как и страх гибели невинных жертв в селении, но мы еще поиграем.

Костер людей пышет, как целый пожар. Он разыгрался и взметывает языки пламени выше человеческого роста, а в его сердцевине полыхают белым светом угли. Кто-то швыряет туда полешко и оно сгорает как спичка. Насытившиеся смертные развеселились. Вот уже один берет флейту, другой отбивает ритм, а третий присоединяет к наигрышу мотив на губной гармонике. Три пары сразу выскакивают танцевать, постепенно к ним присоединяются и другие. Слышны хлопки бутылочных пробок, терпко ипряно пахнет вином.

Их пир удался, как и мое сегодняшнее, предпоследнее представление. Впереди последнее, но не ждите, охотники, что на нем вам откроется истина обо мне.

Я Либитина, Владычица мертвых, отвратительная для смертных. Старейшая из ныне живущих дочерей Макты, хозяйка Лабиринта. Я пугаю, завлекаю и снова пугаю, но я не покажу вам ничего, чего вы уже не знаете в глубине души о себе и мире. Я не укажу вам Великий Смысл, я только немного поиграю с отражениями ваших страхов — и вдруг случайно разобью их. Но сами думайте, что сложить из этих осколков...

А что же сложится из осколков зеркала, когда-то отражавшего леди Аристу Эмендо? Кукла-писарь тянется к свечке, осторожно очерчивает кончиками пальцев золотистый ореол пламени. Что в нем прячется от меня? По-прежнему не могу вспомнить ясно. Одно теперь вижу: это не тепло и нежность поцелуев дочки, не горячие ласки мужа. Может быть, пламя, что жжет сейчас мои пальцы, также безжалостно, упрямо, бесчувственно, как жажда мести потерявшей все?

Часть 3 Тварь

ЧАСТЬ 3. ТВАРЬ

По ощущениям я провалялась в забытии пару столетий. Даже представлялось, что, открыв глаза, увижу совершенно новый мир: удивительные летательные аппараты в небе, стеклянные дома и зеленые сады, где на грушах растут яблоки, на яблонях апельсины, а люди гуляют вовсе без одежды, принимая солнечные ванны. Но, увы, когда я открыла глаза, перед ними оказалась все та же темная Карда. Похоже, это была даже та же самая ночь нежданной встречи с Нонусом: в ночном пейзаже не доставало серебристых мазков Луны. Новолуние...

Я пошевелилась, возвращая ощущение тела. Оказалось, я лежу на спине в неловкой позе: голова уперлась во вздутые колонны балюстрады балкона, правая рука подвернута под тело. Я тихонько приподнялась, села. В левой руке зашуршала какая-то бумажка, сложенная вдвое. Я развернула ее. Записка от Нонуса.

"Моя великолепная Королева!

Знаю, как тебя возмутит собственническое обращение: "моя". Но смерть роднит, привязывает друг к другу сильнее всего на свете. Ты еще не убила никого без меня? Убей, тогда поймешь. Тот, у кого отнимаешь жизнь, становится твоим до конца твоей вечности, хотите вы оба того или нет. Поняв это, ты примешь и мое панибратское отношение. К леди, которой собственноручно вскрывал горло, лишая жизни, чьи последние мгновения видел, уже невозможно обращаться на вы. Это интимнее, чем близость.

Я разболтался, моя Королева. Умолкаю. Отдыхай, охоться. Избегай солнца и охотников. Я покажусь, когда увижу, что ты готова к первому разговору.

Нонус"

Я поспешно разорвала записку, почему-то застыдившись. Будто хотела спрятать ее содержание не только от чужих глаз, но и от себя.

"Да он сумасшедший!" — я попробовала возмутиться, но обнаружила, что улыбаюсь. "Покажусь..." — значит, он и сейчас следит за мной? Я поднялась, держась за перила, огляделась. Территория дворца казалась пустой. Только крону большого дерева слева облюбовала стая ворон. Черные шарики перьев казались нанизанными на ветки — странное ночное украшение. И я зачем-то вспомнила, как играла с маленькой Антеей в зимнем саду, лепя из снега шарики и прицепляя их на голые ветки молодой яблони.

"Антея!" — лицо окаменело. Почему воспоминания о дочери всегда являются так, без предупреждения, в любое, и не отведенное для скорби время? Обычно я тут же погружалась в них с головой, не в силах противостоять напору горестного потока, но сейчас захотелось сопротивляться. Наверное, в глубине души я понимала: в моем новом состоянии скорбь и тоска могут полностью заполнить пустое тело и толкнуть тварь, которой я стала, на страшные дела.

"Мое новое состояние..." Я дотронулась до шеи, и пальцы нащупали гладкую кожу. Рана полностью затянулась, только покрывшийся панцирем засохшей крови лиф платья напоминал о недавней почти-смерти. Об изменениях цвета кожи сложно было судить в ночной тьме, но, кажется, руки стали бледнее. Если приглядеться, под кожей можно было различить синий узор сосудов.

"Постой, Ариста! Ты видишь тонкие нити сосудов, ты только что прочитала записку... в

почти абсолютной темноте?!"

Ого! Значит, твари видят в темноте не хуже кошек! Я с энтузиазмом уставилась вдаль, и скоро обнаружила, что могу различить мелкие детали и даже размытые фигуры людей за стенами далеких домов. Фигуры были не тенями, наоборот, они словно светились. Этот свет мелко, ритмично подрагивал, также часто, как бьется сердце.

"А мое сердце теперь бьется?" — Я приложила ладонь к вене на шее, проверяя. Одна вялая волна пульса, через полминуты вторая. И все. Сердце затихало. Наверное, после первой жертвы остановится совсем.

Тем не менее, я не могла назвать себя мертвой, нежитью. Какая-то странная работа внутренних органов в теле велась. Жгло в правом подвздохе, печень как губка переполнилась очень горячей жидкостью и, будто взяв на себя роль сердца, периодически выжимала ее из себя, наполняя теплом все тело. Желудок молчал. Я со страхом ждала, что проснется голод твари, но он или еще спал, или вообще не был близок человеческому. Десны в области верхних и нижних клыков набухли и чесались. Превращение в тварь шло полным ходом.

"Интересно, можно ли еще остановить его?" — Я чувствовала положительный ответ на этот вопрос. Все можно изменить, кроме смерти. А я, что бы Нонус ни писал в записке, чувствовала себя до сих пор живой. Просто живой немного иначе.

Я простояла на балконе до утра, прислушиваясь к новым ощущениям, пытаюсь увязать их со знакомыми понятиями, и чем дальше заходило превращение, тем знакомых понятий становилось меньше. Утром же ушла во внутренние помещения старого дворца.

Оказалось, Нонус напрасно пугал меня солнцем. Для новообращенных тварей оно не было жгучим, только тянуло силы. Оно делалось все ярче и сильнее, в то время как я слабела, превращаясь в тень. К полудню я задремала, улегшись прямо на пол. Сначала иногда приоткрывала один глаз: разбирало любопытство, как же Нонус следит за мной, и я надеялась поймать взглядом его или его соглядатая, потом уснула совсем.

...Снилось, что солнце, обратившись сияющей тварью южан, запустило горячие зубы, длинные и плоские как у крыс, мне в шею и тянет остатки драгоценной жизни... Я проснулась с криком. Солнечный луч, проникший через щель в створке высокого окна, действительно, проедал шею. На коже появилось отчетливое красное пятно ожога. Превращение в тварь завершалось, закрывая передо мной дверь в дневную жизнь.

Солнце было тому виной или неостановимое безжалостное время, но силы иссякали. Я кружила по пустым залам брошенного дворца почти в беспамятстве. А сияние солнца лишь разрасталось, хотя близился вечер. Оно жгло немилосердно и как тень резко обозначало новую черную пустоту в моем теле. Голодную, очень голодную пустоту. Превращение замедлялось. Внутренним органам для работы требовалось топливо — живая кровь. Без него они останавливались. Холодная кровь замерзала в сосудах, обжигая изнутри. Сердце то отчаянно трепыхалось, то тоскливо замирало в немом ожидании. Это ожидание было хуже всего. Я чувствовала себя висящей над бездной, и от взгляда вниз все мертвело внутри. Осмелеть бы, расцепить пальцы и раскинуть руки в последнем полете-падении!

Я вздрогнула и открыла глаза. Оказалось, я опять забылась, прислонившись к колонне бальной залы, за которой когда-то пряталась от Макты и его тварей. Солнце давно ушло, щели в створках окон чернели дырами в зимнюю ночь. Но я по-прежнему ощущала сводящий с ума неведомый свет вокруг, он все также жег кожу и обозначал дыру внутри, голодную и тяжелую. Что же он?

Я рискнула выйти на балкон и теперь поняла: свет был чужими жизнями. Как его много

в Карде, вместе люди сияют ярче солнца! Жаль, что сами они никогда не узнают об этом вдохновляющем эффекте... -

"Ариста, что за голодная философия?" — упрекнула я себя и беззвучно засмеялась. Еще днем я заметила, что дыхание становится легким и вовсе пропадает. Теперь, чтобы громко сказать что-то, требовалось набрать полную грудь воздуха, иначе звука не получалось.

Собратья-твари уже охотились. Обострившееся зрение улавливало быстрые передвижения крылатых теней высоко в небе. Иногда они пикировали на улицы города, поодиночке или группой, и через мгновение вновь ныряли в тучи с сияющей добычей. Наверное, и мне пора присоединиться к ним?

Я представила, как нагоню на улице прохожего, как вцеплюсь зубами ему в шею. Хорошо, что можно не дышать и не узнавать запах немытого тела, незнакомого ни с мылом, ни с духами. Потом буду долго тянуть его кровь — его жизнь, пока она не кончится и сияние не угаснет. Тело задрожит, потом обмякнет в моих руках. И ничего нельзя будет вернуть. Пустота напитается светом украденной жизни, а через день сожжет его и потребует снова. Еще, еще!

Нет, пока эта картина вызывала тошноту, а не голодную слюну. Я возвратилась в тронный зал. К счастью, отвращение пока сильнее голода, но что будет завтра? И я опять кружила по огромному залу:

"Может, все-таки лучше выйти на охоту сейчас? Голод пока слаб, я обойдусь каплями жизни. Остановлюсь вовремя, не убью. А завтра... Кто знает, что будет завтра? Может, завтра жажда крови разрастется до размеров вселенной, мне и города будет мало?"

А тихий расудительный голосок вещал:

"Сегодня или завтра твой голод сравняется с бездной Вселенной, не так уж важно. Главное, однажды он поставит перед выбором: чужая жизнь или твоя вечность. Можешь оттягивать этот момент, можешь приближать — он все равно настанет..."

Нельзя сказать, что до обращения в тварь я была невинным ягненком. Я познала смерть — такую смерть, которая была итогом какого-то принятого мной же решения, или, напротив, невмешательства. Я дважды выносила смертный приговор, прилежно играя роль Королевы. Также я представляла, к каким последствиям приведут некоторые решения моего высокого придворного окружения, но не пробовала ни препятствовать им, ни бороться с ними. Впрочем, за годы в образе Королевы я также и спасла нескольких от не в меру жестокого приговора, пойдя на поводу сиюминутной жалости... Знала я и что мой муж еще в бытность начальником королевской стражи участвовал во многих делах, приведших к смерти кого-либо, а также убивал своими руками людей, угрожавших Королю Арденсу. Но такова была его и моя служба. Все это казалось нормальным.

"Так может, и убийства людей тварями — это нормально? Таков их способ питания. В темные времена на заре человечества нормальным считалось пожирать трупы убитых врагов. Еще полтора-два столетия назад в голодные годы на рынках вместо говядины продавалось человеческое мясо. Границы нормальности меняют сами люди... Чего же ты все еще боишься, Ариста?"

Пока я танцевала безумный танец под руку с сомнением, другие твари охотились. И скоро с оставленного мною балкона послышались звуки их трапезы. Трое совсем юных, абсолютно нагих тварей-дикарей, на год-два старше Антеи, затащили во дворец добычу — пожилую женщину. Очевидно они похитили ее из спальни или с порога дома: кроме обрывков ночной сорочки на несчастной не было ничего. Я следила за трапезой тварей,

встав в тени колонны. Я не вмешивалась и не отворачивалась, только до крови закусывала костяшки пальцев. Одной жизни мало для троих, каждая тварь торопилась урвать большую долю, пока жертва жива. Самая старшая и, наверное, главная в тройке разодрала женщине руки от запястья до локтя, единственный парень кусал грудь, а младшая девушка слизывала за ними потеки крови с кожи. Скоро последнюю вовсе прогнали лизать кровь с пола, чтобы не мешалась. А мне странно и страшно было слышать человеческую речь, лившуюся из звериных окровавленных пастьей.

Женщина не могла крикнуть — парень сжимал ей горло. Он не перекрыл ей доступ воздуха совсем, но так, чтобы она ощущала себя плавающей на границе обморока — я догадывалась о ее состоянии по затуманенным глазам. Может, это было в какой-то мере милосердно: она не понимала, какой кошмар творят с ее несчастным телом. Я ждала, что зрение твари скроет реальность, ждала, что увижу угасающее сияние жизни и три темные фигуры, а не белое дебелое тело не то свиньи, не то человека, раскинувшееся в нелепой, неприличной позе, и трех перепачканных кровью подростков с волчьими оскалами возле него, но реальность не желала уходить. Наверное, если б женщина закричала: "Помогите!", если б встретилась со мной умоляющим взглядом, я бы бросилась ей на помощь. Но она только хрипела и закатывала глаза, превращая меня в любопытного наблюдателя затянувшейся агонии. Впрочем, честна ли я сама с собой? Возможно, я до сих пор остаюсь здесь, потому что какую-то маленькую темную частицу меня завораживает это зрелище? Она ждет его финала, как сладчайшего наслаждения. Маленькая темная частица, сплетенная тонкими, но крепкими нитями с черной тенью проклятия, подаренного Нонусом...

Ветер принес железный запах крови. Рот, вопреки ужасу, наполнился голодной слюной, и я бросилась прочь от жуткого зрелища, уже не дожидаясь его окончания, не заботясь, заметят ли меня твари. Питаться вот так? А если жертва взмолится пощадить ее?!

"Нет, я не о том думаю, не того боюсь. Я уже приняла положение дел, просто трепыхаюсь, и лишь по инерции сложившихся представлений, а не из-за эмоций. Боже, когда я потеряла человечность? Неужели превращение сразу же губит душу?"

Я опустила на корточки у стены какого-то коридора. Меня трясло.

"Если б год назад я отпустила Антею, стала бы она питаться так же?" — мысль была ударом под дых, но ударом спасительным. Я поняла: если стану питаться, как твари на балконе, значит, на такое была бы способна и Антея, мое дитя. А если сохраню здравый ум и человечность, и образ дочери останется в памяти светлым.

Следующим вечером я все-таки вышла на охоту, вернее, меня выгнал из дворца отряд охотников. Я заметила их, когда они шли садом. Эреуса тут не было, но я узнавала резкие застывшие черты охотника Диоса в незнакомых лицах: агрессивно выдвинутую вперед нижнюю челюсть, плотно сомкнутые губы и сумасшедше светлые глаза с черными точками зрачков. Скоро охотники остановились у тела женщины, которое твари, насытившись, сбросили с балкона. Тогда я проскользнула мимо них по другим путям лабиринта и очутилась на улице Виндекса.

"Пора начать свою охоту", — крутилось в голове. Охотники раздражили мою ненависть, сильную и подвижную, как годовалый пес. Я искала, на что бы направить проснувшуюся ярость.

"Главное, обозначить сразу, зачем это. Все это только для того, чтобы завершить превращение. Чтобы можно было получить крылья, чтобы узнать уровень своих чар. Чтобы, наконец, отрезать все сомнения, высветить единственную прямую дорогу перед собой. И

конечная цель этой дороги — доказательство возможности исцеления темных тварей. Вот, зачем мне нужна чужая жизнь. Прости меня, моя несчастная жертва. И я себя прощу, когда моя цель будет достигнута".

Я добралась до лабиринта узких улочек нижней части города. Несмотря на поздний вечер, тут было многолюдно. Скоро я вспомнила, почему: последний предновогодний вечер.

"Странный город, окутанный невидимым туманом. Когда, в какую из страшных ночей правления Макты, он сделал свой выбор, превратившись в вечную жертву темных тварей? Или он не жертва, а радушный хозяин, приготовивший для гостей из Бездны лучшее угощение?" -

На мгновение я даже почувствовала холод, подумав так.

"Я не стану пить кровь у детей и беременных женщин. Еще у юношей и девушек, у тех, у кого нет своих детей".

— А про беременность и наличие детей ты собираешься предварительно спрашивать? — протянул знакомый рассудительный и сегодня вдвойне ехидный голосок. Но я упорствовала:

"Я буду пить кровь только у мужчин в возрасте за тридцать лет, те уже наплодили детей".

— А если жена этого несчастного с горя покончит с собой, а дети умрут от голода?

"Это будет ее слабость, не моя. Я бы никогда не оставила детей".

— Может, и денег бедной семье дашь по потере единственного кормильца?

"Хорошо! Смертельно больные и зажившиеся на свете старики. Преступники. Те, от кого уже отступился бог".

— Бог отступился? Значит, возьмешь на себя роль бога? Не много для темной твари?

Я вздохнула, огляделась. На куче мусора, вываленного у кухонной двери трактира, большая собака глодала кость.

"Животные! Я буду пить кровь животных!" — с триумфом заявила я ехидному голосу.

— Если б темным тварям было довольно крови животных, в Карде не пропадало бы по десятку человек еженощно. Твари разводили бы свиней и коров и существовали припеваючи. Не будь ребенком, Ариста! Не торгуйся, как бы уменьшить свою вину. Иди. Убей. Первого, кто попадется по дороге. Свои сомнения. Вот и все.

Я сдалась. Когда перевалило за полночь я, сбежав от двух патрулей охотников, притаилась на углу улицы и ждала первого прохожего, который повернет в мою сторону.

"Цокот копыт. Всадник. Едет сюда. Нет, лошадь — многовато для новообращенной. Проезжай, счастливцев! Пусть это будет какой-нибудь бродяга. Больной, грязный, дурно пахнущий. Я не выпью много у такого..."

"Кто еще? Ноги заплетаются: пьяный. Что... Женщина? Одна? До дому она сегодня точно не дойдет, почему нет, Ариста? Потому что тошнит от вчерашнего зрелища? Ладно, достаточный аргумент".

Новорожденный месяц ехидно скалился с неба. Тонкая острая улыбка напоминала улыбку Нонуса. Где-то он сейчас? Наверняка следит за подопечной, хихикает в тени.

"Ты тут так до утра достоинь, а завтра с голоду набросишься на первых встречных — беременную женщину с выводком детей... Стук копыт, скрип колес опять. Экипаж. Пропускаем".

Мимо пронеслась карета, запряженная двойкой, Из окна выглядывали девчушки-двойняшки лет двенадцати, в глубине кареты дремала их мать. Девочки с любопытством

установились на меня — бледную оборванку с распущенными по плечам нечесанными черными волосами. Наверное, я показалась им призраком, также как они мне показались видением. Видением из светлого мира, сосуществующего с нашим жестоким, проклятым в одном времени и месте, но в разных ценностных категориях. Я сама жила в нем, пока смертью дочери не вышвырнуло в искаженный мир темных тварей. Ведь это только в темном извращенном мире не странно, что леди Эмендо, любимица старой Королевы и подруга молодой, владельница земель в западу от Карды и супруга начальника королевской стражи, бредет в ночи в окровавленном платье и ищет, кого бы съесть. Лишь в нем не странно отцу убить родную дочь, а всем друзьям семьи не странно забыть эту трагедию на следующий день. В этом мире не странно жить, ходить, дышать, рассуждать и мечтать о чем-то после смерти надежды. В этом мире не странно быть живым мертвецом...

Экипаж унесся куда-то в верхние кварталы. Я опустила голову, сжала зубы, будто могла этим скрыть черты чудовища, все ярче проявляющиеся в лице. Воспоминание годичной давности, как в подобной же карете мы с Антеей ехали с бала, обрушило края черной голодной бездны в груди на месте сердца. Пустота росла, ширилась, захватывая тело, расшатывая разум, трещинами испещряя душу.

"Кто там еще идет? Шаркающие медленные шаги, стук когтей по камням мостовой. Старый бродяга с собакой? В самый раз! Я готова".

Я так распалилась от злости и тоски, что сама выскочила навстречу жертве. Человек опешил. Он встал посреди тротуара, ошеломленно моргая старческими слезящимися глазами. Наверное, и ему я показалась призраком.

Вблизи живого человека меня замутило. Зрение твари опять покинуло в самый неподходящий момент, вдобавок я вспомнила, что у меня нет с собой кинжала. Раздирать кожу зубами? Нет. Никогда.

Я собиралась позорно ретироваться в тень, но старик некстати сбросил оцепенение.

— Вампир! — заорал он. Я поморщилась. Если охотники поблизости, они сообразят, что "вампир" означает темную тварь? Вероятно, да, похожих черт много.

Я кинулась на старика, прижала к стене дома, зажимая холодный волосатый рот.

— Тихо! — шикнула я. — Я тебя не трону.

Заливающаяся лаем собака подскочила сзади, вцепилась в юбку. Я отшвырнула ее сильным ударом ноги на противоположный тротуар. Тряхнула старика, и он лишился чувств. Я опустила обмякшее тело на тротуар и отступила.

Отличная охота! Пора было удирать: крик старика могли услышать охотники. Но я не двигалась с места, глядя на бесчувственное тело на тротуаре. Сердце мертвого сияло звездой, теплый яркий свет растекался от нее по лучикам-сосудам. Пустота в груди молила насытить ее им, и я уступила. Опустившись на корточки, подползла к старику, откинула его голову вбок и впилась в шею пока смешными клыками. Быстро поняв, что этого недостаточно, разодрала кожу зубами. Он пришел в себя, забился, но сила твари несравнима с человеческой силенкой — я легко удержала его и начала пить кровь. Не было ни противно, ни страшно. Волнение и сомнения исчезли. Как при первой близости с мужчиной, как во время родов и в мгновения умирания. Ритуал, сначала пугающий неизвестностью, а потом успокаивающий естественностью происходящего с тобой. В новой жизни, или, как это называл Нонус, вечности твари было естественно питаться так.

Крови из кожной раны было немного, и скоро она вовсе иссякла. "Нужно добраться до сосуда", — подумала я. Вгрызлась глубже, языком подцепила что-то скользкое, гладкое и

почувствовала, что по нему катятся волны горячей крови, раздувая стенки.

О-оо! Это было так вкусно, что я даже застонала от наслаждения. Представила, как эти волны потекут в мою пустоту, замещая боль, которой она полнится, светом, и перекусила вену. Кровь хлынула потоком, и я жадно присосалась к шее старика, как гигантская пиявка. Еще, еще! Пустота почти сыта, еще немного!

Потом поток крови стал ослабевать. Досадуя, я тянула и тянула ее, пока не сообразила, что это означает близкую смерть жертвы. Это неожиданно отрезвило:

"Значит, довольно. Не хочу, чтобы он стал холодным и пустым, как я. Не хочу, чтобы звезда-сердце погасла".

Я оторвалась от шеи смертного и еще пять минут просидела рядом, зажимая его рану. Иногда я оборачивалась к черно-белому пятну — дворняжке, неподвижно лежащей на дальнем тротуаре. Жаль. Кажется, я нечаянно убила собачку.

Удостоверившись, что старик жив и смерть от потери крови ему не грозит, я отнесла его к ближайшему трактиру, где были люди, и вернулась к собаке. Бедная разбила голову о камни тротуара. Действительно, жаль. Нонус заживил мою рану, дав своей крови, может, и я смогу спасти ее?

Я порезала палец об острый камень, провела им по окровавленной пасти животного. Подождала. Вроде бы ничего не происходило. Нонус вливал свою кровь мне в рану на шее, наверное, нужно проделать то же самое?

На голове собаки ран не было, но я нашла царапину на десне и еще раз провела по ней кровящим пальцем.

Теперь что-то началось. Необычное ощущение! Неужели Нонус испытывал то же?! "Боже, но это же так интимно..." — я почувствовала, что краснею. Видимо, кровь твари обладала собственным сознанием. Как иначе объяснить, что я начала ощущать себя будто бы в теле собаки? Да, я была ею — мохнатой, поджарой, быстрой. Вместе с ней я поднялась, почесала за ухом задней лапой, промчалась по улице, а, воротившись, радостно вывалила язык и завиляла хвостом.

— Поздравляю, ты сразу нашла самое извращенное из увлечений *carere morte*, — знакомый вкрадчивый голос за спиной, похожий на моего внутреннего ехидного комментатора. Голос Нонуса.

— Что такое каререморте? — спросила я, не оборачиваясь.

— *Carere morte*. Так был озаглавлен трактат Атера, посвященный созданию существа Бездны — Макты. Я его использую как синоним отрекшегося от смерти. Милая собачка. Что ты теперь будешь с ней делать?

Я пожала плечами:

— Отпущу.

— Ты правда решила, что воскресила ее? — Нонус неприятно засмеялся. — Ты просто сделала куклу — живого мертвеца. Марионетку. Она будет слушаться тебя также, как твои руки и ноги, но собственной воли у нее нет. Она не двинется без твоего приказа.

Теперь я обернулась. Отрекшийся от смерти стоял в трех шагах от меня, прислонившись к фонарному столбу. Он успел переодеться в нарядный белый кафтан, волосы убрал на спину. Белый-белый, будто обсыпанный мукой.

— Прости, что оставил тебя на первой охоте одну. Я наблюдал. Первая охота способна показать всю суть нового *carere morte*, если правильно ее организовать. А посмотри, что творят юные дикари вокруг, — он кивнул на пронсящихся по небу собратьев. — Берут

только что созданного за ручку, ведут, подначивают, убеждают сразу же удовлетворять самый слабый зов Бездны, и новообращенный не замечает, как попадает в зависимость от голода! К тому же первую жертву, как правило, режут старшие, так что младший не чувствует себя убийцей, а потом чувство голода уничтожает остатки разума. А твоя охота была правильной.

— Значит, они голые, потому что действительно лишились разума, стали зверьми? — догадалась я. Нонус поморщился:

— Не лови меня на слове, неудачно выразился. Вампиры-дикари все же достаточно умны и хитры. Просто некоторые из них раздеваются перед охотой, чтобы не замарать одежду. Наверное... — хитро прищурившись, заметил он, — ...тебе тоже стоило бы снимать платье перед обедом. Пьешь ты неаккуратно.

— Благодарю за совет.

Нонус улыбнулся.

— Давай, прикажи собачке сесть, — велел он. Я посадила собаку и отошла к нему. Разочарованно вздохнула. Действительно, ни дать ни взять, чучело!

— Но я ведь не твое чучело? — голос стал хриплым от тревоги. — Я не марионетка?

— Я не дал тебе умереть до конца, так что нет, нет. Марионетки получают из мертвых, — теперь Нонус был задумчив. Его рот, когда не произносил слов, превращался в грустную тонкую щель, как у маски. — Забавно. Макта хотел создать *carere morte* марионетками, но подавить стремление жизни к свободе не смог. Думал наделать рабов, а сам наплодил детей! — он засмеялся, грустно и как-то принужденно.

— Я слышала, что он управляет нашим голодом и силой, — заметила я.

Нонус взглянул с интересом:

— Даже так? Несчастливого Макту они готовы обвинить во всех своих грехах! Нет, твой голод только на твоей совести, как и границы твоей силы. Сколько Бездны ты осмелишься взять, как распорядишься ей зависит от тебя и череды внешних случайностей, но не от Макты. Значит, Макту сейчас отождествляют с Бездной, забавно... Кто тебе рассказал о *carere morte*?

— Одна из первого поколения, — я усмехнулась. — А ты чей, Нонус? Кто из пятерки тебя обратил?

— По крови я сын Макты, хотя по времени создания, скорее, брат, — скупно сообщил тот. — Ну, ты сыта? Поздравляю с началом вечности. Идем.

Я подбоченилась, прищурилась. Внезапная сухость Нонуса после милой и творческой записки удивила меня.

— Это приглашение или приказ?

— Констатация факта, — по тонким губам пробежала змеиная усмешка. — Тебе же интересно узнать про Бездну, про первого лишённого смерти, Макту. Я современник Лазара Арденса и Макты, я был подручным у Атера, и я *carere morte* вот уже сто сорок лет. Кладёшь ценных сведений. Поэтому, моя любопытная Королева, поднимай собачку и идем.

И я, и животное остались неподвижными. Я была расслабленно-спокойна, а вот собака насторожила уши. Я научилась скрывать свое состояние от окружающих, но марионетку пока не научила.

— Что взамен сведений, Нонус? — ровно заметила я. — Не поверю, что такой как ты обратит такую как я просто потому, что ему не с кем разделить одиночество.

— Может, мне действительно хочется излить душу? — тут же принялся паясничать он.

Я промолчала, но позволила собаке оскалиться и негромко зарычать. Нонус удивленно покосился на нее:

— Ого, похоже у тебя талант кукловодши! Размеется, причина есть. Мне нужен *carere morte*, который сыграл бы роль моего посланника. Один раз. Не завтра, лет через пять — десять. Я долго искал подходящего, а сегодня, услышав твой зов, остановил выбор на тебе. У нас уже сейчас много общего, и это отлично. Потому что к моменту отправления посланника для успешного выполнения поставленной задачи мы с ним должны слиться воедино.

Я переступила с ноги на ногу, и это движение довольно нелепо повторила собака. "Нужно как-то изолировать эту часть себя", — с досадой отметила я. Вслух же призналась:

— Я не совсем понимаю...

— Поймешь, когда получишь необходимые знания о новом предмете под названием *carere morte*, — опять эта острая улыбка, похожая на улыбку месяца. — Ну, идем. Я, как в некотором роде твой родитель, несу за тебя ответственность. Готов предоставить кров, пищу и защиту. С тебя послушание и прилежание во время обучения и подготовки к заданию. А после его выполнения получишь крылья и можешь выметаться хоть в вечность, хоть в Бездну. Хотя в нашем случае между последними должен стоять знак равенства. -

На последних фразах в тоне Нонуса вновь появилось раздражение. Похоже, ему не нравились долгие разговоры. Я поторопилась согласиться:

— По рукам.

Он кивнул и первым пошел вдоль улицы. Я с собакой последовала за ним в отдалении.

— Давай я расскажу, что я услышала от одной отрекшейся от смерти, а ты отметишь, что правда, а что ложь. Макту создал алхимик Атер по приказу Лазара Арденса. К Арденсу перешла жизнь Макты. Теперь Макта мстит, убивая всех потомков Арденса. И он создал темных тварей, чтобы те помогли ему в поисках Арденсов, так? -

— Почти. До ритуала Кармель жизнью Макты владели в равной степени все потомки Лазара Арденса, но, собравшись в час прихода Макты во дворец, Арденсы отреклись от родства с Основателем. Кармель выпила зелье, уничтожающее память крови, а без нее жизнь Макты растворилась в мире и потеряна теперь навсегда. Но Макта из чувства мести решил отыскать всех потомков Арденса и убить их. Он придумал, как определять родословие по крови и обучил этому тварей. Они находят случайных потомков Арденса, и Макта судит их судом крови... -

Дорога оказалась долгой, и скоро я, не утерпев, возобновила разговор. Нонус отвечал довольно холодно и без приязни, но вежливо. "И пусть привыкает вежливо разговаривать с леди!" — про себя усмеялась я. Разговор оборвался, когда мы подошли к жилищу Нонуса на восточной окраине Карды.

Довольно скучного вида дом внутри оказался настоящей алхимической лабораторией из старых времен. Так могло выглядеть логово Атера сто лет назад. Оба этажа занимали склады с пряно пахнущими травами, банками порошков и жидкостей, стеклянной и глиняной посудой для опытов и еще разнородным хламом, в котором угадывались детали механизмов, медицинские приборы и анатомические инструменты. Само Великое Деяние совершалось в большом подземном зале, где на обшитых деревом стенах были вырезаны руны и символы планет и металлов и были приклеены крохотные зеркала, многократно умножающие единственную зажженную свечу. Лаборатория не производила впечатление заброшенной, здесь кипела работа. В башня алхимической печи догорало пламя, дальний стол был завален анатомическими рисунками и неясными схемами, обильно украшенными рунами и

символами со стен. Средневековой дикости, вроде сушеных гадов, голов и человеческих рук, не наблюдалось. Наоборот, несколько полок было отведено под новейшие научные труды и измерительные приборы, и тишину нарушало частое щелканье самых настоящих механических часов. А обязательный для уважающего себя алхимика человеческий череп был разрисован уже не рунами, а линиями, обозначающими ход кровеносных сосудов и нервных волокон.

— Совмещаешь колдовство с наукой? — я улыбнулась. Подойдя к столу с приборами, взяла один — стеклянную трубку с шариком на конце и нанесенной на стенки шкалой. — Это все как-то связано с *carere morte*, верно?

— Положи термоскоп на место. Да. Алхимия, конечно, единственная дает ответы на вопросы о Бездне и ее детях, но царица наук — абсолютнейшая женщина, интуитивно чувствующая все верно, но не знающая слова "точность". Поэтому, на правах мужчины, я добавил в наш союз научной точности, — определенно рисуясь, сообщил Нонус. Я послушно положила трубку на место.

— Дети Бездны — кто это?

— Позже расскажу. Сейчас, как новорожденную *carere morte*, тебя больше должно интересовать другое, — он поманил вновь подняться на первый этаж и там распахнул дверь одного склада. Помещение напоминало винный погреб. Только в бутылках темного стекла было не вино, а кровь — обостренный нюх твари уловил знакомый запах.

— Разве кровь не испортится? — любопытствовала я, от удивления при виде этого зрелища даже позабыв новые вопросы о Макте, Лазаре и неизвестных детях Бездны.

— Еще Атер нашел средство, предупреждающее загустение крови ненадолго. А я продлил его действие до недель, — Нонус прошел в центр погребка, раскинул руки, гордясь собой. — Человеческая направо, коровья со свиной налево. Вон в том бочонке — собачья, для любителей. Ладно, с этим все, идем вверх.

Теперь его беззаботный приглашающий жест смутил меня. Кураж свободной прогулки по улицам уходил, я понемногу осознавала, что нахожусь в чужом доме на непонятных правах. А все-таки пользоваться гостеприимством чужого мужчины, даже видевшего твою смерть, что интимнее близости, не следует ни при каких обстоятельствах.

— Твоя спальня на втором этаже. Располагайся, моя робкая Королева, — опять широкий жест, сопровождаемый широкой улыбкой. Нонус сполна наслаждался моим смятением, а потом заметил:

— Ты меня не стеснишь. А если уже размечталась, что я захочу силой взять тебя, разочарую: влечение полов *carere morte* оставляют в первом пятидесятилетии.

— Благодарю за честность.

— Предлагая обращение, я предполагал, что после придется терпеть твое соседство несколько лет, — процедил он, и тут не оставшись в долгу, и отвернулся, показывая, что разговор закончен. Посмеиваясь про себя, я отправилась в свою новую спальню.

"Старая уловка, Нонус! Игра в угрюмость, интересность. Но что это со мной? Неужели, изголодавшаяся по общению, я рада и столь примитивной наживке?" Едкие комментарии Нонуса, саркастичное, но и ласковое: "моя Королева" дразнили и заставляли выбираться из ледяного панциря одиночества, не причиняя попутно боли. И я помимо воли снова училась улыбаться, даже мимические мышцы болели от позабытой нагрузки.

В итоге я задержалась. Идти было некуда, и вопросы остались. А Нонус следующим вечером был сама любезность. Кажется, я разгадала и причину приступов его грубости, и она

была безыскусно проста: он, также как я, слишком привык к одиночеству. Общество, собеседник, одинаково то раздражали, то притягивали нас.

Жилые комнаты, не в пример лаборатории, были обставлены скудно, но в шкафу в спальне я обнаружила несколько дорогих, со вкусом подобранных и очень шедших мне нарядных платьев свободного покроя, с изящными драпировками. Были тут и нижние платья, рубашки, юбки с кружевами и вышивкой: похоже, пока я решалась на первую охоту, мой создатель посетил портных, чтобы приодеть новую ученицу. Все легко надевалось без корсета и почти не стесняло движений. "Должно быть, удобно для охоты", — подумала я и отметила, что не боюсь этой мысли.

Нонус и сам любил одеваться по прошлой моде, явно предпочитая белый цвет. Связав его внешний вид с запущенностью дома, я предположила, что мой создатель редко принимает гостей и давно один. Действительно, здесь изредка бывали только продавцы ингредиентов или покупатели странных зелий Нонуса. Осторожно спросив, является ли продажа лекарственных снадобий единственным источником его доходов, я получила насмешливый ответ: "Еще воровство. Все *carere morte* немного мародеры. Допивая жизнь, думаешь: зачем мертвецу украшения и деньги?" Доспрашивать, где он раздобыл наряды для меня, я после этого малодушно не стала. Но, одеваясь, иногда холодела. Мерещилось, что они сделаны не из ткани, а из человеческой кожи.

— Значит, жизнь Макты потеряна? И теперь его месть успокоит только смерть всех Арденсов? -

Новая беседа началась на складе препаратов. Нонус перебирал малоприятного вида тушки мелкой живности. Быстрым движением острого ножа он вскрывал им животы и извлекал внутренности. Я занялась семенами: отделяла гнилые от хороших. Монотонная работа успокаивала. Гладкие твердые холодные зерна приятно скользили в пальцах.

— Да, жизнь Макты потеряна. Я ждал и готовил его встречу с Кармель сто лет — и не дождался, — Нонус вздохнул и добавил непечатное ругательство в адрес моей названной матери. "Вот и открылся еще кусочек из ненужного, но как всякая тайна интересного прошлого белого вампира, — отметила я. — Похоже, история Арденса и Макты сильно задела его когда-то. Может быть, также как меня выкинула в извращенный проклятый мир".

— А как темные твари определяют по крови уцелевших Арденсов? — осторожно вдохнув воздух ртом, чтобы не узнавать запах тушек, наполняющий комнату, спросила я.

— Он наделил их своей способностью распознавать вкус этой крови.

— Другой вкус?

— Не знаю. Я был создан как *carere morte* до того, как Макта решил искать Арденсов. У меня этой способности нет, как и у тебя, мое дитя.

— Жаль, — обронила я и замолчала. В голове уже начинал складываться план: я нахожу всех Арденсов и передаю их Макте, а он снимает проклятие со всех обращенных в тварей, и оставляет Терратиморэ... Но собеседник разрушил хрупкую утопию одним ударом. Да, этот путь будет долгим.

— Пятерка старших должна знать вкус крови Арденса. Спроси у Вако, — с расчетливой наивностью посоветовал Нонус, невозмутимо испарывая очередное брюшко. Почувствовавший болезненную трещину в своей броне в начале беседы, он спешил вернуть мне ее. Я бросила перебирать семена, сжала руки между коленями. Руки, запросившие кинжал, чтобы опять направить его в сердце врага. Убийство Гесси не утолило мою боль. Став тварью, нечеловечески сильной и неподвластной внушению *carere morte*, я

все чаще думала о других, погубивших Антею: о Вако, Митто, охотниках — о тех, с кем не справилась бы, будучи человеком. Но было одно "но": я клялась потратить вечность на исцеление тварей от проклятия. А для этого нужна ясная, не затуманенная яростью мести голова.

— К Вако я не пойду, — кратко сказала я. — Найду тварь второго-пятого поколения и спрошу ее.

— То есть, у тебя нет в планах нанести визит вежливости убийцам дочери? — фальшиво удивился Нонус.

— Оставим эту тему, — беззвучно попросила я, позабыв вдохнуть воздух для слов.

— Что?

— Когда я захочу поговорить на эту тему, я начну ее сама, ясно?!

— Ясно, — легко отступил он, решив не держать эту позицию. Я дрожаще выдохнула и опять занялась семенами. Только теперь получалось хуже. Пальцы стали нечувствительными, неловкими, занятие уже не успокаивало — раздражало. И установившаяся в комнате тишина резала слух также безжалостно, как наточенный нож Нонуса — мертвых тварей.

— Зачем тебе семена и потроха несчастных зверушек? — грубовато спросила я, чтобы нарушить тишину.

— Сделаю вытяжки из того и другого. Однажды они мне понадобятся.

— Для чего?

— Для приготовления одного зелья, способного разделить Макту и его ненависть.

— Гм. Это ты надеешься проделать через пять-десять лет? А я тебе нужна как посланник, чтобы привести Макту?

— Не Макту. Ты должна будешь привести пятерку старших, — Нонус развел руками. — Прости, не я начал — ты спросила. У тебя есть еще время, чтобы определиться в своем отношении к компании Вако. В целом, через пять-десять лет я надеюсь на твою яркую ненависть.

Я сжала зернышко между пальцев — и растерла в крошку.

— Яркая ненависть есть уже сейчас. Ты ждешь, что я убью их? Или тебе нужны живые твари?

— Приведи их, куда я укажу, а дальше делай, что хочешь, — изучающий взгляд Нонуса следил не за моим каменным лицом, а за нервно подергивающимися, выдающими все истинные эмоции руками. — А как справиться с любой тварью, моя жестокая Королева, я научу тебя и за год, — закончил он. Холодно и резко, как ножом полоснул.

Я опять сжала руки на коленях и за день не проронила больше ни слова. Ночь я провалялась кверху лицом на жесткой узкой постели в маленькой аскетичной комнатке, которую мне отвел создатель. Сквозь пелену слез глядела в белый потолок и грезила, что лежу в мягких травах огромного поля под одеялом тумана. Это видение с юности придавало сил. К счастью, холод проклятия Макты пока не сделал меня нечувствительной к нему.

"Кто он, Нонус? Несдержанный на язык и грубовато-циничный как мальчишка, но в то же время проникательный и мудрый, как старик. На вид он не слишком молод, но почему-то не покидает ощущение, что он был едва старше Антеи на момент обращения в тварь. Грязные слова простолоудина и сложные термины ученого-алхимика одинаково близки ему. Он подчеркнуто равнодушен, и при этом знает меня до капли, как не знал муж, самый близкий человек. Удивительно легко и... приятно общаться с ним. И очень похоже, что

конечная цель Нонуса подобна моей. Жаль, что нам обоим пока слишком больно, чтобы хотя бы вслух проговорить другому свои тайные планы!" -

Я не препятствовала этим быстрым ярким мыслям-звездам, неслышно скользящим по затянутому черным туманом тоски небосводу дум. Они вспышками высвечивали длинную дорогу в будущее — путь со дна пропасти.

— В ночь обращения ты показал мне Карду без чар. На городе будто лежала огромная тень. Что она?

Пятый вечер вечности. Десны чесались немилосердно, голодная пустота в груди вновь набирала силу. Мы с Нонусом расположились для беседы в библиотеке — единственном помещении в доме, не заставленном стеклянной посудой с резко пахнущими смесями. Отрекшийся от смерти восседал в кресле напротив меня с бокалом крови в руке. Дом он до сих пор не покидал, не охотился. Видимо, довольствовался запасами.

— Ты же уже знаешь, моя зоркая Королева, — заверил он. Я нахмурилась, задумавшись, и Нонус улыбнулся, подбадривая: — Ну же?

— Тень над городом — это то, что ты называешь Бездной, да? Что она такое?

— Сил, текущая сквозь наш мир, но не касающаяся его, — Нонус заговорил необычайно тихо. Кажется, мы опять нечаянно близко подобралась к ледяной корке, под которой пряталось его мрачное прошлое. — Впрочем, иногда она находит проходы в мир, и тогда на свет рождаются удивительные создания. Кристаллы северян, сияющие существа южан...

— Слышала про них. А темные твари — тоже порождения Бездны?

— Да... Нет! — он вдруг вспыхнул. Рука с бокалом дернулась, кровь кляксой пометила деревянный выскобленный пол. Кривой рот искривился еще больше. — *Carere morte* — неправильные порождения Бездны! Все должно было быть не так! Атер обманул меня!

Я потрясенно молчала. Что-то знакомое почудилось в крике Нонуса. Не так ли я сама оправдывалась перед Эреусом за то, что выпустила дочку из внимания на балу?

Опять на мгновение стало очень больно. Но я заставила себя думать не о прошлом, а о будущем, сидящим передо мной с бокалом крови в тонких пальцах.

— А как должно было быть? — осторожно спросила я.

— Нет. Делиться с кем-либо этой мечтой я зарекся с тех пор, как оказался обращенным тварью.

— Тебя обратили против воли?

Нонус молчал, и я осторожно сделала новый шаг вперед:

— Кажется, я понимаю, что ты имел в виду, когда говорил, что у нас много общего...

— Не гадай. Когда придет время, ты узнаешь все мои мысли.

Тогда я оставила вопросы метафизические. Голод твари при виде впустую пролитой крови властно заявил права на мою погрязшую в высоких рассуждениях персону, и пришлось вернуться к насущным вопросам:

— Я пойду на охоту. -

Я ожидала, что Нонус опять спрячется за стеной грубости, и была готова к этому. Но отрекшемся от смерти, кажется, понравилось, что юная не посягает на его запасы крови, все темные твари жадны до нее. Он допил бокал и поставил на столик, на разбухший от времени и влаги фолиант. Поднялся:

— Идем. Преподам тебе наглядный урок, что такое Бездна.

Во дворе, как продолжение странного сна, не кончающегося пятую ночь, стояли два черных коня. Где Нонус прятал их, чем кормил? Удивление начало пропадать, только когда

я пригляделась к ним. Животные не дышали и, как ни старалась я просветить их взглядом твари, сияющих сердец-звезд не находила.

— Они твои... марионетки? — недоверчиво протянула я. Нонус довольно кивнул:

— Это очень удобно. Потом за городом покажу еще одну ошеломляющую вещь.

— Мне хватит ошеломляющего знания, что я поеду верхом на тебе.

— Просто ты никогда не выступала в подобной роли. Попробуй. Когда несешь любимого человека прочь от опасности или когда грациозной кошкой выгибешься под его рукой... когда летишь по залитым луной полям стаей волков, загоня врага в ловушку, или когда выклевываешь ему глаза в обличьи стаи птиц, ощущения вдохновляющие.

Я заметила сначала только намек на любимого человека. А потом окончание его монолога вдруг стрелой пронзило грудь: стаей... птиц?

Нонус не заметил, как изменилось мое лицо. Он запрыгнул в седло и крикнув: "За мной", умчался вниз по улице. Я последовала за ним, стараясь лишней раз не прикасаться к коже своего коня руками или ногами. Холодный ветер поймал единственную слезинку в ледяную клетку и унес ее прочь, царапнув щеку.

— Птиц, наверное, удобно использовать как наблюдателей! — крикнула я. Нонус с охотой отозвался:

— Да. Великолепнейшие зрение, ориентация в пространстве и координация движений!

"Значит, он использует стаи птиц", — я сглотнула, но больше ничего говорить пока не стала. Закрыла замерзшие от ветра глаза, и отдалась ровной и бешено быстрой скачке не знающего усталости послушного коня.

Зимняя ночь ведром черной липкой краски пролилась на город. Месяц улыбался шире, открыв ряд серых гнилых зубов. Мы тенями неслись через город, ровно, удивительно бесшумно, так, что иногда казалось, мы не скачем, а летим. Я вздрогнула один раз, когда из-за домов на мгновение выдвинулся далекий дворец Макты — темная громада с редкими огоньками окон, так непохожая на прежний сияющий, полный света дворец Арденсов. Где-то там темными коридорами гуляет бессмертный Владыка Карды, и непотопляемый Вако плетет очередную сеть интриг, пока его вампиры пируют... Я вздохнула. На мгновение представила как вместе с десятком кукол, таких же как у Нонуса, поджигаю проклятое логово *carere morte*, и почувствовала, как вздох обозначил в груди черное пятно тоски. Нет, я не имею права губить себя так глупо! Я продолжу выбранный путь... -

Нонус заметил мое состояние — я поняла это по краткому взгляду. Но вампир ничего не сказал, только пустил наших коней еще быстрее, чтобы дворец Макты поскорее пропал из виду. Интересно, о чем думает он, глядя на это здание, вспоминая Макту, позорно прогнавшего его? Очень хотелось расспросить Нонуса о его прошлом, но очень не хотелось опять натолкнуться на грубость. "Ничего, я придумаю, как разговорить тебя", — усмехнулась я, глядя в спину белого вампира.

Мы остановились только у церкви Микаэля на западной окраине нижней Карды. Столетнее белое здание на вершине холма покоилось на широком толстом основании, к главным дверям вели широкие ступени, сбегаящие до самого подножья холма. "С ее колокольни должна быть видна вся Карда", — подумала я. Удивительно, но в этом красивом месте мне до сих пор не доводилось бывать. Моя жизнь протекала в богатой верхней Карде, и улица Виндекса была своеобразной границей, за которой простиралась terra incognita.

— Мы можем входить в церкви? — спросила я.

— Не вижу причин, почему нет.

— Ну, как нежить...

— Ты считаешь себя нежитью?

— Как служительница Бездны, — поправилась я. — Если Бездна служит Нечистому значит, и я...

— Оставь эту ерунду! — рассердился Нонус, спешился и подал руку, помогая слезть с коня. — Впрочем, я сам виноват: затянул с твоим обучением. Идем.

Мы спустились на бедную грязную улочку нижней Карды и, немного поплутав, вышли к серому дому в два этажа. На первом этаже располагалась аптека.

— Совместим обучение с мародерством, — улыбнулся Нонус. — Тебе нужна кровь, мне нужны кое-какие аптекарские порошки. Итак. Я уже говорил, Бездна — это сила, пронизывающая наш мир. Сама по себе она безразлична к материи и духу, к чистому и нечистому. Но ее можно направить, можно слепить из нее то, что нужно тебе, и многие этим пользуются, даже не сознавая того. Стремление к добру или злу — благодатная почва для семян Бездны. Они прорастает в человеческих душах, помогая творить добрые или злые дела. Также с помощью силы Бездны любой владелец создает защитную преграду вокруг своего дома. Эта преграда распознает угрозу извне и предупреждает владельца. -

Он шагнул ближе к дому, и, вытянув руку, принялся ощупывать что-то невидимое в воздухе.

— Вот, нашел! Против *carere morte* защита дома действует с удесятенной силой. То ли из-за того, что голодные твари приходят с определенно злыми намерениями, то ли потому, что наша частица Бездны настолько искажена, что сама по себе чужда, враждебна той, что создает защиту дома. Она так уплотняется при нашем приближении, что ее можно даже пощупать. Да что я говорю! Подойди. Коснись и поймешь.

Чувствуя себя довольно глупо, я шагнула вперед и также вытянула руку. Пальцы тотчас же уперлись в холодную, гладкую как стекло стену.

— Ого! — не удержалась я.

— Да, в частных домах защита довольно сильна. Вот в гостиницах, общественных зданиях, за исключением церквей, она гораздо слабее, но ты же большая, умная девочка, поэтому я решил, что легкое мы пропустим. Идем дальше.

Он прищурился и шагнул к самой двери. Ссутулив плечи, вжав голову в плечи, будто против ветра. Маневр удался, он прошел защиту. Махнул мне:

— Вперед и побыстрее. Здесь частенько бывают патрули охотников.

— Как? Прямо сквозь стену? — рассердилась я, но шагнула вперед, как он указывал. Стена рассыпалась ледяным колючим ветром, толкнула в грудь, но я устояла. Что еще?

Все. Я стояла рядом с Нонусом. Защита дома осталась позади, только кожа лица горела от ее прикосновения. Впереди была запертая крепкая дверь.

— И дальше что? — я не отказала себе подпустить издевательскую нотку в вопрос. Нонус не распознал ее. Став чрезвычайно серьезным, он подошел к окну, также запертому ставнями.

— Сейчас будет немного волшебства, — шепнул он и сосредоточил взгляд на щели между ставнями. Через мгновение с той стороны послышался скрип отодвигаемого засова. Я почувствовала, что рот глупо округляется от удивления:

— Как это?

— Перераспределение собственной частицы Бездны, — тихо молвил Нонус. — Очень сильный *carere morte* отодвинет и тяжелый засов ворот, я довольствуюсь ставнями на окнах,

а большинство юных дикарей по старинке вламываются в дома как грабители. Они совсем не умеют пользоваться силой Бездны, ну, да нам с тобой это только выгодно. За мной!

Он распахнул створки и, легко подтянувшись, скользнул внутрь. Помучавшись с длинным платьем, я все-таки пролезла за ним и оказалась в помещении аптеки. Нонус уже перебирал какие-то баночки из темного стекла на полке.

— Скоро появится хозяин. Будь готова, он твой.

Сердце совсем по-человечески испуганно стукнуло. Голод набирал силу, в груди опять закручивалась невидимая воронка, ищущая живое тепло. Кажется я уже и видела его сквозь стены и пол — теплый свет жизни. Но, несмотря на голод, мысль о питье крови вызывала отвращение. К тому же выяснилось, что я снова забыла кинжал. Нонус будто прочитал мои сомнения.

— Ты очень рассеянна! — отругал он, подавая свое оружие. — Я ждал совсем другого от хитроумной леди Эмендо! -

В тоне было искреннее разочарование, оно подхлестнуло. Я приготовила кинжал и шагнула к двери из аптеки. Едва аптекарь с взведенным арбалетом показался на пороге, бросилась к нему. Перехватила руку с оружием и повалила человека на пол. Это опять оказался старик. Он слабо вскрикнул, и я торопливо зажала ему рот ладонью.

— Быстрее, что ты копаешься! — нетерпеливо крикнул Нонус. — Бей!

Как бить, если рукой с кинжалом я зажимаю смертному рот, а другой держу его руку с оружием?! Я чертыхнулась. Тело подо мной елозило, ноги старика путались в широкой юбке. Голод жадным ртом присосался изнутри к груди, но я боялась отпустить его на волю. Нельзя переставать контролировать ситуацию. Если можно считать это контролем...

"До чего нелепая ситуация! Нет, я не создана питаться так".

— Чем бить?! — прошипела я Нонусу.

— Неумеха! Сразу соображать надо было! — помогать создатель по-прежнему не намеревался и распалялся от моей глупости все больше. Что делать! Опять пришлось пустить в ход зубы. Заперев все мысли о том, что творит благородная леди Эмендо, я рванула жилистую шею старика. И первый же глоток крови как по волшебству убрал сомнения и метания. Я все делала правильно. Моей новой пустоте естественно насыщаться так.

— Не стесняйся. Не думай, правильно это или не правильно. Отпусти свою частицу Бездны, — вещал где-то позади Нонус. Восхитительное тепло текло по горлу к сердцу и печени, распространялось по телу. И тело оттаивало, согревалось. Покалывало кончики пальцев, будто до того они были отморожены. Неужели я была такой холодной, такой... мертвой? Я могла вовсе замерзнуть, застыть без чужой горячей крови.

Я перекусила вену и с наслаждением медленно тянула кровь, копила ее во рту, а потом глотала. Купающиеся в крови десны перестали зудеть, тело наполнялось светом чужой жизни. Только черную пустоту в груди этот свет все не мог просветить до конца. Его было недостаточно, чтобы сжечь неприятно тянущую старую боль.

— Отпусти тоску. Насыть ее, иначе она будет есть тебя. Перенаправь ее, преврати в ненависть и ярость, — неожиданно посоветовал Нонус. — Тебе же хочется этого? Ты еще не оглохла от ее крика? Убей смертного и заткни ей рот на неделю.

Этот негодяй воспользовался тем, что я занята трапезой и разом поддел мою ледяную скорлупу, обнажив кровоточащую рану! Я застонала, но шею смертного не выпустила.

— Чувствуешь покалывание? Тело словно оттаивает. Больно, правда? — голос Нонуса снизился до шепота. Завораживающего, какого-то мечтательного, будто он говорил сейчас

сам с собой. — Но тепло лишь иллюзия жизни, и пустота в груди подсказывает это. Забудь наивную цель, вспомни месть и убей! Представь, что перед тобой враг, выпей его жизнь! Тело снова замерзнет, пустота в груди перестанет ощущаться. Чужая жизнь станет твоей яростью и убьет еще. И не будет больно! Больно будет другим, тем кто заслужил твою боль! Убей же! Представь, что перед тобой Вако или Диос — и убей!

Слишком больно! Я протестующее замычала и отпустила старика, лишившегося чувств. Не выдержав нагрузки, правый верхний клык выпал, да так и остался в шее жертвы. Я провела языком по углублению в десне и нащупала растущий острый кончик настоящего хищного зуба.

— Что ты делаешь? — свистяще спросила я Нонуса, не оборачиваясь.

— А что я делаю?

— Я сказала не обсуждать со мной тему мести! Если тебе нужен фанатик, яростью которого легко управлять, то ты ошибся. Я не превращусь в... в... то же, что мой муж!

— Я проверяю, каково твое чудовище, — миролюбиво сказал Нонус. Подойдя, он забрал не пригодившийся кинжал и, отодвинув меня в сторону, повернул бесчувственного смертного набок. Вонзив лезвие ему над ключицей, он наполнил излившейся из узкой раны алой кровью склянку. Все движения были уверенными, отточенными, расчетливыми и лишеными дрожи эмоций. Называя меня неумехой, создатель не рисовался.

Звезда-сердце человека погасла. Но мне было не до этого. Руки сжались в кулаки, ногти впились в переполнившиеся чужой жизнью чувствительные ладони:

— Прекрати это! Ты мой учитель, но это не значит, что тебе дозволено совать любопытный нос везде, где вздумается!

— Ты держишь свое чудовище на коротком поводке шипами внутрь и моришь голодом. Но даже в таком виде его размеры и сила впечатляют, — Нонус закупорил склянку и поднялся. — Мне не нужен фанатик, но нужно примерно представлять масштабы разрушений, если ты сорвешься.

— Я не сорвусь!

— Почему? Твой муж сорвался, и это было вполне естественно. Кстати, он по-своему любил Антею, верил, что спасает ее душу. Сейчас он мстит тварям за нее, убивая их.

— При этом он служит другу Вако!

— ...А ты никому не мстишь, никому не желаешь смерти. Почему? Ты не настолько любила дочь? — Пронзительный холодный взгляд, высвечивающий всю ложь. Взгляд божественного судии. Но он не испугал меня.

— Я обещала Антее, что ее исцелят! — прорыдала я и закрыла лицо руками. Судия замолчал, сжал тонкие губы. Он терпеливо ждал, когда стихнет мой горестный плач.

— Разве любовь обязательно должна превращаться в ненависть? — спросила я тишину, успокоившись. — Пусть моя любовь останется любовью. Я не могу исцелить дочь, но я хочу исцелить других. Приход в Терратиморэ темных тварей был и моей ошибкой. Я была беспечна очень долго. И сейчас не хочу усыплять данные мне разум и силу местию, ненавистью! С Вако и Митто мы все равно встретимся, ведь они защищают то, что я хочу разрушить. Тогда и поквитаемся! Я не сорвусь, я уверена! -

Опять собственный яростный крик эхом зазвенел в ушах. Нонус пожал плечами.

— А я вот до сих пор в себе не уверен, — грустно признался он.

Что-то дрогнуло внутри, потянулось к нему. Что-то, чувствующее родственную душу, ту же боль, так же разбитые на осколки наивную мечту и приятную жизнь.

— Поэтому ты пьешь кровь отделенной от тела, из склянок? — хрипло, грубым от недавних рыданий голосом спросила я.

— Да.

— Думаю, мне стоит питаться также.

— Нет, — неожиданно резко. Нонус подчеркнутым движением обтер склянку платком и убрал в карман с моих глаз долой. — Такой уровень контроля голода доступен очень немногим, и срывы с него страшны. Они разрушают разум сорвавшегося быстрее, чем регулярные убийства людей. Впрочем, можешь пить жизнь хоть из пробирок, хоть напрямую в вену вводить, только прежде узнай свое чудовище в ярости и укроти его, как я.

— Что, убийство — обязательный элемент посвящения в твари?

— Обязательное условие обретения тобой определенной силы и знания.

— Я не хочу совсем перестать быть человеком, — голос так и остался грубым, грудным, в любой момент готовым сорваться на крик или стон. Узкие губы вампира разошлись в наизыводительнейшей усмешке.

— А разве люди не убивают? — риторически спросил он.

Из аптеки мы возвратились к церкви Микаэля. Оттуда Нонус направил коней в поля Патенса к западу от Карды. Мы скакали прочь от разгорающейся на востоке полосы восхода. Отрекшийся от смерти теперь меньше контролировал марионеток, они бежали как-то рвано, нервно, будто бы бесцельно. Хотя нет, цель была одна — скорость. Ледяной зимний ветер разбивался о разгоряченную чужой жизнью кожу, в груди я чувствовала огромную горячую пульсирующую звезду. Раздуваясь, она заливала теплом все тело, сжимаясь, светила ярко, как настоящее солнце. Было тепло и хорошо, только знакомый холод начинал леденить кончики пальцев и немного тревожил.

Над головой черной кометой пронеслась птица. И еще, еще. Они сопровождали бег коней по воздуху, нервно и быстро маша крыльями. Знакомые движения.

— Твои соглядатаи, Нонус?

Первая птица подтверждающе каркнула.

"Стая птиц..." -

Это напоминание оставило горечь во рту. А Нонус не замечал изменения моего состояния. Обернулся, повеселевший от бешеной скачки и ощущения свободы, которое она дарила:

— Держись крепче. Обещанная ошеломляющая вещь...

Тень заклубилась туманом вокруг моего коня, она струилась как шелковое покрывало, окутывая силуэт животного, не касаясь, но приятно холодя бедра. С конем Нонуса происходило то же самое. Вот тьма, собравшаяся вокруг него, плеснула от спины в стороны и вверх и развернулась двумя широкими перепончатыми крыльями, и в этот же миг такие же черные разворачивающиеся крылья моего коня толкнули меня, прижали к шее животного. Дробный стук копыт прекратился, земля скачками, как на качелях, стала удаляться. У себя за спиной я ощущала махи громадных крыльев, ощущала так близко, так чутко, словно крылья были моими собственными. Конь Нонуса летел впереди. Белое пятно одежды вампира мелькало, когда крылья коня расходились в стороны. Они были воистину огромны, острые концы их терялись где-то среди звезд.

Постепенно я сумела устроиться с комфортом и, осмелев, глянула вниз. К сожалению, раздуваемая ветром юбка закрывала большую часть картинку, но я разглядела черную крупу домиков, кое-где горстями раскиданную по бескрайним снежным полям. Вдали, уродливым

пятном плесени у подножия островерхих, льдисто блестящих гор, расположилась Карда с предместьями. Луч дороги Виндекса был виден даже отсюда, он завершался клыком вздымающейся к небу церкви Микаэля.

Бег по полям дарил лишь слабую тень того ошеломляющего ощущения свободы, которое охватило меня в полете. Хотелось закричать во все горло, расхохотаться. Так долго и ярко я никогда не летала во сне. Птицы сопровождали наш полет и выделяли диковинные пируэты в облаках. Но солнце уже очерчивало белым мелом край гор, и, как ни упивалась я ощущением полета, скоро пришлось закричать:

— Нонус, не пора ли возвращаться?

— День проведем в селении... — донес ветер ответ создателя. — И можешь не орать: твой конь и все птицы вокруг прекрасно услышат и шепот, а с ними и я.

Через пять минут мы снизились в темном и кажущемся совершенно нежилым селении. Кони остановились у большого дома в конце улицы, единственного, где в окнах горел свет и мельтешили людские тени, а в загонах мычала чующая наступление нового дня скотина.

— Это моя маленькая ферма, — сообщил Нонус, спешиваясь. Он совсем сбил меня с толку:

— Люди в доме, они... твои слуги? А животные — марионетки, как те...

— Наоборот! — разозлился создатель. После быстрого полета его белые волосы торчали во все стороны, как на нечесанном парике, хотя и моя грива, должно быть, выглядела не лучше. — Люди — мои марионетки, работают тут. А животные живые. Откуда у меня, по-твоему, полный погреб животной крови?

Я застыла в изумлении, и создатель, неправильно это расценив, рассердился еще больше:

— Что, подруга Королевы брезгует учителем, который трудится на ферме, как простой работник? — он подбоченился. — По-твоему, достойнее по потребности ловить на улицах города бедняков и раздирать их, как стая одичавших собак? Наверное, это больше похоже на вашу прежнюю беззаботную ленивую жизнь, благородная леди Эмендо?

— Нет, я совсем не об этом думаю. Я сама год жила в деревне, разбила садик и разводила кур и кроликов. Я не могу представить, как это: марионетки из людей. Они должны быть в полной мере ходячими мертвецами, так? И ты ощущаешь их как самого себя, твоими дополнительными руками...

— Я предпочитаю звать их отражениями. Сейчас все увидишь, — довольно зловеще пообещал вампир, тем не менее, остыв.

Селение, кроме его дома, действительно, было пустым. Нонус утверждал, что всех жителей перебили темные твари вскоре после печально знаменитого Бала Карды и, по его словам, это было не единственное селение Термины, опустошенное непомерным аппетитом созданий Макты. Отражения же оказались до отвращения похожи на кукол Антеи. Безмысленные, но внимательные, словно стеклянные глаза, бледные гладкие холодные руки, лица, будто вылепленные из воска. Десять марионеток были заняты уходом за большим домом и животными. Их движения напоминали Нонуса, когда он собирал кровь в склянку: четкие, точные, механистичные. Я диву давалась, как создатель управляется со всеми своими человеческими помощниками, зверями и птицами. Это умение казалось куда более сказочным и ошеломляющим, чем крылатые кони. Мне же и одной нечаянно созданной собаки было достаточно. Я ощущала ее как отщепленную от себя часть — неболезненную, но неприятную. Иногда по приказу Нонуса я выводила ее в Карде погулять, пока сама была в

селении, и странность происходящего выходила вовсе за всякие рамки, ведь я одновременно чувствовала себя и в столице и вдали от нее. Звуки, запахи, картинки накладывались одна на другую, и разобраться в них было непросто. Нонус подлил масла в огонь, заявив, что пока я не научусь легко вести хотя бы трех марионеток, в Карду мы не вернемся.

— А как ты управляешься со столькими марионетками одновременно? — полюбопытствовала я.

— Я брал их постепенно. Начиная с трех. А чтобы сохранялась возможность тонкого управления, брал только что умерших. В этом случае прижизненные знания, навыки и умения у марионеток сохраняются, и кукловод может пользоваться ими. Таким куклам достаточно дать определенный набор команд, и они будут выполнять работу точно, как часовой механизм.

— Подожди... То есть, можно читать память мертвого человека как книгу? Невероятно!

— Да. И можешь сравнить моих кукол и кукол пятерки Вако. Видела этих неуклюжих идолов в городе? Вампиры Вако не пытаются читать память мертвых, они просто подчиняют себе тела. А без подпитки прежней памятью те действуют неуклюже.

— И сколько у тебя всего марионеток?

— Вместе со зверями и птицами — около сотни, — Нонус скорчил смешную гримасу, передразнив мое изумление. — У меня был целый век на изучение способностей *carere morte*. За сто лет разум способен и не на такое! Знаешь, почему Создатель дал нам короткую жизнь? Чтобы мы не сравнились с Ним, — непонятно, то ли в шутку, то ли серьезно закончил он.

Вампир продолжал оставаться загадкой для меня. Чудилось что-то родное, знакомые очертания выдавались из-под непроглядного покрывала тайны. Кого принесла в жертву его ошибка? Родителей? Любимую? Детей? Или он не знал этих слов в своей смертной жизни и его разбитая мечта была хрупким воздушным замком, идеей? Я склонялась ко второму: любовь, привязанность, душевная близость вряд ли были ведомы Нонусу, он рассуждал о них столь же холодно, как обо всем в мире. Что он сделал с обманувшим его Атером: выпустил на волю свое чудовище и убил алхимика или оставил месть ради великой цели — спасти мир от Макты? И зачем он сопровождал Макту, какой путь ему предлагал?.. — Сам Нонус не давал ответа ни на один вопрос, отговариваясь тем, что когда нам придет время объединиться по-настоящему, я и так все узнаю, и ужасно напоминая этим Эреуса перед балом. Но в этот раз я собиралась все разузнать прежде, чем судьба подведет к очередной пропасти.

Представляя уровень закрытости собеседника, готовиться я начала заранее. Сама первой надломила свою скорлупу и, пусть сначала было больно, начала рассказ о прошлой жизни. О том, как родители устроили наш брак с мужем, как чувство долга медленно превращалось в любовь. О дитя нашего долга — Антее и о более поздних детях нашей любви, которые умерли, не родившись: после единственной дочери было три беременности, прервавшиеся на разных сроках. Рассказывала о начале службы Семель, как избегала участия в интригах двора, как вела свои, позволяющие избегать этого участия, воспоминала Кармель, то добрым, а то и худым словом. Я добралась до годов правления Макты и безжалостно, как гнойные нарывы, вскрывала свои ошибки: беспечность, наивность, страх, эгоизм, отстраненность от дел Антеи и Эреуса. Постепенно говорить становилось все легче, я уже не чувствовала боль в том месте, где сама надломила скорлупу. А Нонус слушал, и в его глазах все чаще мелькала тревога и неудовольствие. Он понимал, что останавливать мой поток слов нельзя: можно

сделать слишком больно, но понимал также, что на такую откровенность придется отвечать подобной. Наконец, почва была достаточно подготовлена, и я приступила к вытягиванию сведений из загадочного создателя.

— Ты обмолвился, что целый век сопровождал Макту. А где вы путешествовали? — Увы, Нонус не выказал приязни к этому вопросу. Пришлось надавить сильнее:

— И почему вы не попытались уничтожить самого Лазара? Зачем ждали, пока его потомство расплодится, сольется с народом Терратиморэ? Это же глупо.

Был день. Уставшие, ослабевшие от бесплотной борьбы с разгорающимся ярче с приближением весны солнцем, мы расположились в погребке, переделанном под комнату отдыха для *carere morte*. Все щели, сквозь которые сюда мог проникнуть слабейший лучик, были заткнуты. Свечи, освещавшие искусственно созданную вечную ночь, быстро уничтожали невеликий запас пригодного для дыхания воздуха, но нас с собеседником это не пугало.

— Лазар должен был добровольно вернуть Макте его жизнь, — Нонус даже неосознанно подался вперед, естественно раздраженный замечанием о глупости. — Он не захотел добровольно. А другого способа нет. Этот ритуал — тончайшее переплетение химического чужодействия и воли, эмоций его участников. Уничтожение всех Арденсов не вернет Макте жизнь, хоть, возможно, и потушит его ненависть. Темные твари, дети этой ненависти, исчезнут, но Макта останется. И кто знает, какое его новое чувство явится в мир? Может быть, тоска?

Я содрогнулась, представив детей тоски в виде клочковатого серого тумана, отнимающего у всех в Терратиморэ волю к жизни.

— Значит, все, что мы можем после злодеяния Кармель, это убрать темных тварей? А Макта вечен?

— Макта — это дверь для Бездны в наш мир. Ее можно запереть только тем же ключом, которым она была отперта. А до тех пор она будет стоять открытой. Вечны и твари, пока Макта поддерживает их своей ненавистью.

— И ключ от двери — растворившаяся в мире жизнь Арденса?! — настал мой черед шипеть сквозь зубы страшные ругательства в адрес Кармель. Нонус усмехнулся в темноте:

— Вот так, моя наивная Королева. И ты сама помогла Кармель уничтожить этот ключ!

— Я легко закрывала глаза на чужую ложь и принимала недоговоренности, наивно думая, что этим защищу любимых людей и наш спокойный мирок, — ровно и, благодаря давешней откровенности, почти без боли признала я. — Но теперь у меня никого нет. Я больше ничего не боюсь. Все страшное уже случилось. -

Тут я замолчала, мысленно ругая себя, что разговор опять свернул не туда. Я надеялась выспросить у Нонуса его историю, но первый же вопрос вновь увел на историю Арденса и Макты, а о своем создателе я так ничего и не узнала.

"Кто ты, Нонус? Я ждала подобного ответа от мужа три года, но больше ждать не буду. В чем состоит план, который ты с моей помощью хочешь воплотить в жизнь?"

— Все-таки непонятно, что вы делали с Мактой целых сто лет? Упрашивали каждое следующее поколение Арденсов выполнить свой долг? — тихо заметила я, опять намеренно взяв чуть презрительный тон. Нонус даже поперхнулся от оскорбления:

— Ты думаешь, после опыта Атера Макта поднялся, отряхнулся и пошел к Арденсу требовать жизнь обратно? Да он сначала и на человека не был похож! Пришлось лепить ему оболочку, можно сказать, из того, что попало под руку. Я закончил его восстановление

всего тридцать лет назад, и он тут же отправился на поиски Арденсов, уже похожий на человека, но управляемый не более, чем каменная глыба, катящаяся с горы.

— Ты не шутить? — прошептала я. Сто лет кропотливого труда, серьезнейшей подготовки, черных мыслей о лжи гергов и слепоте народа земли страха — и все для исправления чужого зла. Я испытывала к белому вампиру одновременно жалость и глубочайшее уважение. Нонус опять усмехнулся, блеснули острые зубы. Но рука на полочкотнике дивана нервно подрагивала.

— Все-таки разговорила меня... Что ж, получай теперь. Атер был необычным человеком. Ему от рождения была дана способность ощущать Бездну в нашем мире. Такие люди рождаются редко. Голос Бездны — так зовут их, — очень ровно начал он рассказ, будто эта история не имела к нему ни малейшего отношения. — Повзрослев, Атер задумался, как бы выпустить Бездну в наш мир и здесь пленить, заставить служить себе. Вскоре его осенила идея обратиться к алхимии Юга — тамошние алхимики издавна вместо философского камня пытались самостоятельно создать "сияющих существ" из легенд. Атер верно рассудил, что сияющие существа южан есть не что иное, как воплощение Бездны, и, благодаря сверхчувствительности Голоса Бездны, смог достроить начатые ими теории. Он бывал и на Севере, изучал кристаллы. Долгие годы он потратил на изучение всевозможных воплощений Бездны и, в конце концов, пришел к выводу, что идеальной клеткой для нового воплощения станет человеческое тело. Он придумал и как укротить эту силу: заложить в тело-болванку особую чувствительность к каким-либо веществам, материалам. Атер тут выбрал солнце и свой любимый металл — серебро. Оставалось найти главное.

— Жертву?

— Средства! — оскалился Нонус. — Кстати алхимику подвернулся богатый клиент — Лазар Арденс, возжелавший жить вечно. Вроде бы даже, он полагал потратить свою вечность на благую цель: создание утопически счастливого государства — земли страха. Смешно, но он вовсе не замечал иронии самого названия новой страны... В жертву было решено принести Макту — телохранителя Лазара. Атер пообещал Арденсу, что ему отойдет жизненная энергия Макты, место которой в результате опыта алхимика займет Бездна, и они ударили по рукам. Опыт совершился. -

Нонус откинулся на спинку дивана, вдыхая воздух для новых слов. Дрожащая рука рисовала странные замысловатые узоры на подлокотнике:

— В результате опыта Лазар не обессмертился, но излечился от всех болезней и прожил двадцать лет сверх отпущенного ему срока. А Макта... После извлечения жизни он был так полон пустотой и не похож на желаемый итог: разумное существо, владеющее силой Бездны, что Атер посчитал его браком. Он обездвижил его, накрыв знаменем Лазара Арденса — в опыте-ритуале эта белая тряпка обрела особые свойства, зеркальные Бездне, закрепившейся в крови Макты. Что до Макты — алхимик решил перенести часть его крови в другое существо. Он надеялся, что новый опыт наконец даст ему разумное и управляемое воплощение Бездны. Кого же сделать новой жертвой? Выбор пал на юного подручного алхимика. Безвестного сироту, никому не нужного в целом мире, служащего великой идее — направить силу Бездны на благие дела и при этом оставить ее свободной. Идее, которая пришла ему после прочтения рукописей Атера и которую сам алхимик никак не мог принять.

Он рассказывал кратко, сухо, но перед моими глазами так и проносились картинки далекого прошлого. Черноволосый смуглый Атер — очерченный тьмой силуэт отмеченного

Бездной, властный, с брезгливо поджатыми губами владетель Термины — Лазар Арденс, и корчащаяся от боли фигура человека на земле перед ними. Макта. В глазах будущего Владыки Терратиморэ — та же боль и просьба о помощи, которую я заметила в ночь бала Карды.

И тощий мальчишка — подручный алхимика. Еще не поседевшие темные волосы, не колючие, не замерзшие льдом серые глаза. Нонус. Я верно почувствовала: он и много моложе, и много старше меня одновременно. И, так же как я, он был предан тем, кому верил, кого считал своим учителем.

— Твой Учитель обошелся жестоко с тобой... Из-за твоей идеи?

— О, так ты узнала меня? — Нонус, не ожидавший прямых вопросов так быстро, нервно хохотнул. — Атеру не нравилось, когда я называл его Учителем. Он говорил, что я недостойн звания его ученика. Но все равно давал мне читать свои рукописи и мог по несколько часов рассказывать о Бездне. Частичка ученого, стремящегося узнать и поделиться знанием, всегда оставалась в нем, хотя с годами все больше брал верх обиженный на мир человек. Он хотел стать сильнее всех, поработив Бездну. Конечно, я не пришел к нему ко двору со своей "наивной" мечтой. Он всячески пытался мне доказать, что я не прав. В конце концов, сделал меня частицей Бездны ненависти, чтобы только я забыл эту мечту... которая и ему как ученому, бывшему мечтателю, будоражила кровь, — он вздохнул и замолчал.

— Что дальше? — хрипло спросила я, очнувшись и услышав тишину вокруг. Беловолосый вампир поморщился:

— Новое создание крови Макты оказалось более управляемым и сохранило внешнюю оболочку человека, — Нонус опять заговорил отстраненно: видно, не любил листать эту страницу своего прошлого. — Но оно владело лишь крохотной частицей Бездны. Частицей, не показывающей особенной силы, не способной двигать горы и управлять чужими мыслями, зато чрезвычайно голодной до живой крови и сверхъестественно прожорливой. И Атер окончательно разочаровался. В комнате для опытов, там, где заново родился Макта как создание Бездны, старый алхимик повесился.

Тело вздрогнуло от неожиданного окончания рассказа — будто судорога, выдергивающая тебя в реальность из кошмарного сна:

— Повесился? — глупо повторила я.

— Я успел вынуть его из петли до того, как он умер. Дал ему своей крови, чтобы восстановить повреждения. Он спит теперь, накрытый знаменем Лазара Арденса, в фундаменте церкви Микаэля, он — залог успеха моего предприятия. А про Макту я уже рассказал. Освободив от покрова знамени, я восстанавливал его долгие годы, сначала наугад... наощупь в полной темноте... Но постепенно я понял, какое чувство питает его частицу Бездны — ненависть. Я начал давать его ненависти пищу, подогревать ее, и дело пошло на лад. Тридцать лет назад Макта пришел в разум и наилучшую телесную форму. Я за век также научился многому. Научился контролировать голод, пусть и расплатился за это внешностью: состарился, не возмужав. Зато теперь, увидев меня, Атер уже не был бы разочарован моими способностями! А бывший телохранитель Лазара нашел себя в военном деле. Я не препятствовал. Я полагал, героя, спасшего их край, Арденсы просто обязаны будут отблагодарить, вернув долг, от которого отрекся их предок.

— Значит, таков был твой план: мирный путь раскаяния?

— Да. Но Кармель сделала то, чего я не предвидел, то, что каким-то образом прошло

мимо глаз моих марионеток — связалась с мерзким Ари! Этот алхимик прежде немного помогал мне с Мактой и додумался до того, как окончательно избавить Арденсов от их долга!

— Вако хвастался, что соблазнил Макту королевским путем, и тогда он прогнал тебя, отказавшись от твоего пути. И ты просто ушел?... Сбежал?

— Я ушел, но я и остался, — загадочно сказал Нонус. — Да, Вако с самого начала хорошо кормил ненависть Макты. Лучше, чем я! Эти двое безусловно, нашли друг друга, — с ядовитой злобой выдохнул он. Сейчас я не узнавала наставника. Вечная кривая усмешка отражала уже не иронию, а волнение и злость, глаза помутились от обиды, руки стиснули подлокотники, как рукояти двух мечей — для битвы. — Макта не смог сдержать себя и убил Арденса-Четвертого, а его министров обратил. Я долго не замечал этих новеньких тварей, а они тем временем от капли проклятия Макты возомнили себя бессмертными богами и принялись переделывать мир по своему вкусу. Они убедили Кармель отречься от родства с Лазаром и зельем оторвать жизнь Макты от крови Арденсов, чтобы их новому лишенному смерти существованию ничто не угрожало. Правда, вскоре выяснилось, что ему угрожает сам Макта... Тот вздумал поставить пятерку Вако во главе армии тварей, которые будут искать потомков Лазара — фактически искать свою погибель. Разумеется, Вако тотчас же объединился с уцелевшими Арденсами... против Макты.

— Мне это как тайну рассказала одна из пятерки. Откуда ты все знаешь?

Нонус снисходительно улыбнулся:

— "Знать все, что творится в Терратиморэ", — это я поставил целью давно. Мне помогают куклы. Птицы и собаки для слежки вне дома, мыши — в доме. Кроме того, есть еще Дигнус и Кауда — мои правая и левая руки во дворце.

— Вот, значит, как ты "остался во дворце"?! — я прижала платок ко рту. Поднималось отвращение, сильное до тошноты, как в смертной жизни. Выходит, во время представления в образе Королевы в тронном зале совсем рядом со мной были... ходячие мертвецы?!

— Морщишься... А кукол в селении ты приняла легко.

Я помотала головой, все еще чувствуя тошноту:

— Просто Дигнуса и Кауду я видела еще в той жизни. Смертной жизни. И воспринимается то, что они куклы, иначе. Я странно говорю, да?

— Ничего, привыкнешь, моя чувствительная Королева. Через Дигнуса и Кауду я наблюдаю за пятеркой и Мактой, — Нонус вернулся к рассказу и я понемногу убрала платок от губ: интерес вновь разгорался. — Я жду, когда для меня откроется возможность нового хода, и она откроется, не сомневайся! Вако и его вампиры выбрали войну злобы Макты со злобой народа, ждут, когда Правителя свергнет обозленная толпа... Но это не поможет уничтожить Макту и его Бездну ненависти, в лучшем случае они просто заиклят историю, выиграют столетие, чтобы потом проиграть все. Я же прощупываю сейчас другой путь: попробовать избавить Макту от его ненависти.

— А зачем тебе все это? — я нахмурилась, все же не вполне веря странным словам собеседника. — С такими знаниями, возможностями... неужели ты не задумываешься о власти над Терратиморэ?

— Зачем мне власть? — Нонус удивленно поднял брови. — Это скучно. Лишняя обременительная ответственность. Головокружение от иллюзии собственной значимости. И страх, что все это у тебя однажды отнимут... Нет, позволь мне просто мечтать — о чуде.

— Чуде? — голос задрожал. Кажется, я опять расчувствовалась, пришлось перейти на

шепот. — Ты думаешь, еще возможны чудеса в Терратиморэ?

— Именно здесь они и возможны! — глаза создателя засверкали, увлеченное лицо на мгновение показалось совсем живым, чистым от проклятия *carere morte*. — У меня все еще есть мечта... Та, которой хотел лишить Атер... Это хорошая мечта, тебе она понравится, Ариста! Но пока Макта и его Бездна ненависти находятся в нашем мире, она не может быть осуществлена в полной мере.

Нонус сильно, наверное, больно стукнул еще несколько раз костяшками пальцев по подлокотнику и очень тихо закончил:

— Меня, должно быть, непросто слушать, моя терпеливая Королева. В сущности, скучная, злая и мало говорящая лично обо мне история.

— Я узнала достаточно, — вымолвила я. — Мы действительно похожи с тобой, Нонус. Нас предали те, кому мы верили, и мы оба идеалисты, мечтающие о лучшем мире, в то время как туман ненависти заполняет настоящий мир за окнами, навсегда искажая его.

Нонус улыбнулся, недоверчиво, но с приязнью, и мне на его месте на миг привиделся мальчишка-подручный Атера:

— Может быть.

— Расскажи подробнее, в чем заключается твой план? Я искренне хочу помочь тебе.

— Вот этого я не могу сказать сейчас, — устало и как-то тускло. — Расспросы относительно наших грядущих дел можешь даже не начинать, моя пронырливая Королева. Успех будущему предприятию может обеспечить только полная секретность этих сведений. Надеюсь, ты понимаешь, почему я осторожничаю? Мне уже подпаливали крылья. Ну да не мне тебе рассказывать, как это неприятно.

— Но что там будет за ритуал, сливающий нас воедино, ты можешь сказать?! — мгновенно вскипела я, чувствуя, что перед любопытным носом только что захлопнули очень интересную дверь.

— Обмен кровью — обмен мыслями. То, чем мы с тобой с успехом занимаемся и сейчас, только на более тонком уровне, — невозмутимо сообщил Нонус и вдруг потянулся ко мне через комнатушку. Может быть, заметил разочарование от такого окончания разговора на моем лице? Оранжевый свет свечи залил его костюм, в живые тона окрасил бледную кожу. Вампир взял мои холодные руки в свои, спокойно и ласково взглянул в глаза:

— Я знаю, зачем ты пожелала стать *carere morte*, Ариста, — сказал он. — Поэтому и захотел стать твоим создателем. Ты, как и я, вздумала бороться с Бездной ненависти, и я не разобью твою мечту о лучшем мире, не бойся. Я не предаю тебя, никогда, и для нашей вечности это не громкое и не пустое слово.

Я поспешно отвела глаза, судорожно дернулось горло, загоняя вглубь комок слез. "Стаи птиц..." Как глупо, Ариста, зачем опять вспоминать об этом? -

— Я больше ничего не боюсь, — я даже смогла хрипло засмеяться и с вызовом повторила, неясно, Нонусу или судьбе: — Все страшное уже случилось.

Тонкий белый палец вампира уперся мне в грудь:

— Ничего не бояться только мертвые. Ты мертва? Тогда почему тут до сих пор болит? — серьезно и тихо спросил Нонус. — Но я не причиню тебе новой боли, Ариста. Никогда.

Так закончилась эта беседа, и сблизившая, и разъединившая нас, ведь, почувствовав сближение, мы поторопились разбежаться по разные стороны дома и ночи. Мы лелеяли свое одиночество и, хоть тяготились его ноши, боялись боли освобождения. И все же так ясно видели друг друга даже сквозь прозрачную стенку недоговоренности, что хотелось сплести

руки, несмотря на весь нелепый, намороженный вокруг лед.

К счастью, скоро я вспомнила о главной цели своего обращения, и думать о непростых взаимоотношениях с Нонусом стало некогда. Я изучала библиотеку алхимика и пыталась самостоятельно разобраться в хитроумных выводах Атера. Насколько глубоко проникает проклятие в душу обращенного, можно ли извлечь его, отделить от крови, не убив при этом обращенного... — ответы Атера тут были туманны. Но, возможно, это был просто туман тоски, окутавший алхимика в последние месяцы жизни? Став тварью, я смогла делать какие-то выводы и на основе собственного бытия, и пока мне казалось, что возвращение к людям вполне возможно. Сердце после снов про Антею и Эреуса билось совсем как у смертной, а в зеркале являлся прежний мой образ, миловидный и вполне здоровый. Впрочем, Нонус скучно говорил, что отражение в зеркале — часть чар *carere morte*, действующих и на того, кто их творит.

Выходя на охоту, я каждый раз следила за собратями-вампирами, пыталась понять, как и чем они живут. Иногда, когда я видела, как какая-нибудь юная *carere morte* уговаривает своих собратьев не убивать жертву, во мне поднималась волна радостной уверенности, что я иду правильным путем: вампиры исцелимы. Но той же ночью натыкаясь на последствия другой трапезы тварей, я с горечью признавала, что, как и в смертной жизни, живу очередной иллюзией.

Одно время я увлеклась испытаниями Донумской воды: не могла забыть, как она скользнула по коже новообращенной дочери, не оставив следов. Но на крылатых, не раз убивших тварей эта вода действовала как сильная кислота, а единственный новообращенный, которого мне удалось отбить у стаи дикарей, поднял на смех мои нелепые попытки избавить его от проклятия Макты. Он еще не понимал, что очень скоро безвредная вода, начнет уродовать его, и объяснить ему это я не смогла. Не были пока убедительны ни мои речи, ни я сама: мечущаяся и сомневающаяся между человеком и чудовищем, между голодом и контролем.

Тоска не проходила, лишь усиливаясь от моей замкнутости. С каждой новой не допитой до конца жизнью я ощущала ее все сильнее. Призыв Нонуса превратить боль в ненависть не пропал втуне, семя упало в благодатную почву и чужая кровь удобряла ее. Все чаще я останавливалась в самый последний момент, когда крохотные капли отделяли мою жертву от смерти. А вокруг в ночи пировали собратья-вампиры...

"Вампиры" — я, как и вся Карда, все чаще звала их так, а название "темные твари" растворялось в небытии прошедшего. Страх земли страха обрел определенность: туманные твари, сотканые из теней и молчания масок, обзавелись твердыми и острыми клыками и бледными, но реальными ликами нежити из сказок. Охотники контролировали Карду, но был еще покрытый мраком север, где за долгую зиму исчезало с карты дорог по два-три селения. Бездна расползлась по Терратиморэ — гигантский паук, сердце которого было сердцем Макты. Вечно голодная и сверхъестественно прожорливая, она хваталась за то, что было ей близко в мире людей: сомнения, страхи, эгоизм и затягивала весь мир туманом чар, в котором подменялись понятия, эмоции и цели. В котором вращивались новые сомнения, страхи, эгоизм и рвались связи между людьми. Обессиленные бесплотной борьбой, те становились легкой добычей Бездны. И моя боль рвалась из груди — присоединиться к общему туману, преобразиться под лунным светом, распахнуть серебристые и острые как кинжальный клинок крылья ненависти. Я больше не могла сдерживать ее.

Это случилось летней светлой ночью, в тот краткий период безусловного могущества

солнца над миром темных тварей, когда над западом большой равнины Патенса еще догорают последние угольки вечерней зари, а над восточным уже вытягиваются жгучие плети лучей рассвета. Вампиры обезумевали в пору светлых летних ночей, от голода и страха перед солнцем их жестокость и бесчувствие к чужой боли умножались. Не миновало это и меня.

... Чужая жизнь сияла в моем теле так ярко, так четко и быстро билось разбуженное ею сердце, что я не замечала, как эти сияние и трепет угасают в источнике. Не помня ничего, я пила жизнь, вот уже черное пятно тоски в груди распалось на части и растворилось, свет разъел его, как кислота ткани. Стало спокойно и хорошо. Только кровь приходилось тянуть теперь с усилием, пульс смертной исчезал. Она уже не помогала мне пить ее жизнь, не хотела ею делиться, сейчас заберет свой свет, и черное пятно вернется! Ну нет, не хочу!

Я оторвалась от запястий жертвы, яростно разорвала ей одежду на груди, вырвала кусок плоти над сердцем. Но достать до пульсирующей светом звезды в черной клетке ребер не получалось, и я ненавидела смертную за это. Что ж, раз так, придется ломать клетку! Торопясь, совсем не рассчитывая силу, я надавила на сочленение ребер с грудиной. Кости сломались с чмокающим звуком, в котором потерялся последний вздох жертвы. Обломок ребра проткнул ее сердце, и я припала губами к потоку крови, излившемуся из дрожащего теплого комочка, а когда он иссяк, лакала кровь из раны, вместе с пузырьками воздуха и мякотью плоти. Осознание происходящего приходило медленно, так же медленно, как холодела кровь в моей импровизированной чаше. Свет угас в источнике, а тело твари плохо его поддерживало, вот уже и голова прояснела от золотистого тумана, и я с ужасом отодвинулась.

"Что со мной? Что я делаю? Что это... передо мной?"

Женское тело в нарядном платье напоминало кукольное, а обилие красного вокруг — как лоскуты из ее тряпичного нутра... — но утешительная иллюзия длилась лишь миг. Скоро ужасающая реальность обрушилась, буквально вдавив меня в плиты тротуара аллеи городского парка. Я могла обходиться без дыхания, но сейчас задыхалась, обезволено тело, будто я сама умерла вместе с жертвой. Издалека, возможно, из другого мира — мой сузился до размеров уголка парка, занимаемого телом убитой, — донесся знакомый голос:

— На следующую такую охоту я все-таки настоятельно рекомендую взять кинжал, — саркастично, как всегда, посоветовал Нонус. — Все хищники едят неаккуратно, но мы-то — разумные хищники!

Я чуть повернула голову, клацая зубами. Нонус стоял в трех шагах от меня. А с ветки ближнего дерева снялась большая черная птица, полетела прочь, упруго шурша крыльями... Разумеется. Соглядатай вампира следил за мной все это время. А когда я пришла в разум, явился и создатель, поглумиться.

— Ты не остановил меня... — грубым, почти мужским голосом заметила я. Тело покачивалось из стороны в сторону как у помешанной, и прекратить это не получалось. — Ты мог остановить меня... десять раз. По какому праву что-то говоришь, советуешь сейчас?! Вон! Убирайся!

— Я мог остановить тебя. Но ты хочешь быть свободной и сильной *carere morte* или моей тенью, вечной деточкой, боящейся самостоятельно ступить шаг? Я не из тех отцов, которые будут подтирать выросшим детишкам носы, Ариста.

— Ты никогда не был отцом, — я поднялась, но покачивание из сторону в сторону никуда не делось. Для полноты образа сумасшедшей осталось только затянуть гнусавым

голосом звуковую белиберду. Кожа *carere morte* быстро впитывала чужую кровь, руки и лицо были уже чисты, пятна крови на черном платье почти незаметны. Если б и из памяти они могли также стереться!

— Мне нужна разумная союзница. Знающая свою силу и слабость, также как я! Мне некогда носиться за тобой по городу и ждать, когда твое чудовище порвет оковы! — Нонус распалился. Незамеченный прежде второй его ворон хрипло закаркал на меня, но я не готова была уступать.

— Ты не остановил меня! Ты... ты воспрепятствовал моей конечной цели, моей мечте, хотя обещал. Я клялась исцелять, а не убивать!

— Моя не-желающая-принимать-правду Королева, — несмотря на взвинченное состояние, я почувствовала холодную угрозу нового тона Нонуса. — Прости, но ты еще скажешь мне "спасибо"... — договаривая это, он с силой схватил меня за ворот платья, как кошку ткнул носом в содеянное — в уже холодную, все так же полную загустевшей кровью рану. Противостоять обозленному вампиру я не могла, только всхлипнула и попыталась отвернуться от жуткого зрелища.

— Это сделала ты, а не я! — жестко, громко, будто докладывал не мне, а всему городу. — И не пробуй перекидывать на других свою вину! Это сделала ты! Почему?.. — Ей, — он притиснул мое лицо к холодному лицу мертвой, — уже неважно! А мне было важно, чтобы ты узнала свое чудовище, поэтому я стоял и наблюдал и ничего не делал! И ты узнала его, не отворачивайся. Не смей теперь опускать глазки и воротить нос от слов ненависть и месть! Сегодня они победили тебя. Да, первый раз, да, единственный пока раз, но победили! А ты даже не заметила, как оказалась побежденной, погребенной под ними...

Я всхлипнула опять, но теперь сумела выставить вперед руки, отталкивая тело жертвы. Хватка ворота в это же мгновение ослабла, Нонус отступил. Утираться не было необходимости — чужая кровь вновь впиталась в кожу. Я закрыла чистое кукольное лицо руками. Кажется, только теперь я вполне поняла, в чем заключается способ питания тварей. Вампиры кормят не живое тело, а свои мертвые злые чувства, воскресшая их в новой горячей ярости. Через них Бездна ненависти входит в наш мир, чтобы пожрать его.

— Что же теперь делать? — всхлипывая и икая прошептала я.

Нонус молчал, впрочем, я не ждала от него ответа. Вампир получил все, что ему было нужно, и спокойно мог уйти.

— Сама выбирай, что дальше: честная перед собой ярость или строжайший пост. Да, можешь прибраться, если хочешь, патрулей охотников поблизости нет, — бросил он напоследок.

— Время есть? Тогда я успею узнать, как она умерла... — вдруг прошептала я. Нонус, уже отошедший на несколько шагов, остановился:

— Что?

— Ты говорил, *carere morte* может управлять умениями и памятью жертв. Я проплыву назад по реке ее воспоминаний. Хочу узнать, кого я убила.

— Хочешь сделать из нее марионетку?

— Не то, чтобы марионетку, но... — я замолчала, подбирая слова.

Сделать марионетку. Без прежнего ужаса, с какой-то печальной задумчивостью я взгляделась в распластанное на тротуаре девичье тело. Кукла, такая же, как собака, но из человека? Стекланные глаза и желтоватая холодная кожа. Навеки застывшая в одном возрасте, с одним выражением лица. Нет, это отвратительно. Нонусу обязательно нужно

было испортить мое благое намерение!

"Иногда мне кажется, ночью куклы думают, общаются мыслями между собой", — прошептал тоненький голосок из недавно такого близкого, а за последние полчаса вдруг убежавшего за сотню миль прошлого. -

"О ком они думают? Может быть, они думают о нас?"

"Мучилась ли она перед смертью? Или я оборвала эту жизнь милосердно быстро, как Эреус — жизнь Антеи? Пожалуй, ей столько же лет, сколько б исполнилось дочери этим летом. Проплыть назад по реке ее памяти, узнать, кем она была, куда бежала летней ночью, кто ее родители. И, может быть, вернуть им дочку еще на день или два, пусть скажут друг другу, что не успели сказать, пусть они отпустят ее легко и неболезненно. Если умение создавать иллюзию одушевленности неживого Антея взяла от меня — все получится".

— Я... я хочу... — я вздохнула, так и не сумев оформить мысли словами.

— Не нужно так казнить. Ты собираешься переживать смерть вместе с каждой жертвой? Кому и что это даст? Ты только потопишь свою вечность в море слез раскаяния, и более ничего. Просто впредь рассчитывай, сколько жизни берешь и с какой целью. Если это ради поддержания приемлемого уровня твоей силы, а не ради мести, ненависти ко всему живому, не из желания поиграть или рассеять скуку — почему нет? Кстати, не думаю, что жизнь этой смертной дорожке твоей вечности. Ведь ты стала *carere morte* ради благой цели, — голос Нонуса утешал, но я тряхнула головой, прогоняя успокоительный дурман:

— А как собиралась прожить жизнь она, конечно же, не важно рядом с моей великой целью? Также, как жизнь старого аптекаря не стоила твоей вечности? Если я начну подсчитывать, что дороже: моя вечность или жизнь любого смертного, я продешевлю со своей вечностью, Нонус.

Я ждала гневного ответа, но вместо этого вдруг застучали каблуки Нонуса — сбивчивый быстрый шаг, прочь, прочь от меня. Вампир чего-то испугался и торопился сбежать?

Утром нового дня я стояла у запертого окна, взглядом прослеживая путь невидимого солнца и изредка попивая прямо из горла бутылки свиную кровь. Нонус подошел, остановился в шаге. Я холодно кивнула ему, здороваясь, и вновь отвернулась.

— О чем задумалась моя грустная Королева? — сегодня он не хотел принимать моего холода. Я усмехнулась.

— Так... Я немного не поняла: Макта умер во время опыта Атера или он раньше стал вампиром, как мы с тобой? Ты знаешь его лучше всех, скажи, у Макты осталась душа?

— Я ничего не знаю о его душе, — Нонус замялся, — как и о своей, о любой. В мою схему Вселенной не укладывается этот наивный символ. Макта сейчас — кукла, управляемая Бездной. Бездна уцепилась за его последнее сильное чувство — ненависть к Арденсам, и питаясь им, разрослась. Ненависть так глубоко вошла в Ее структуру, что они стали нераздельны. Ненависть — материя Бездны в нашем мире. А Макта... Его оболочка осталась, но самого Макты давно нет. Он — это маска Бездны ненависти. И Вако понял это, также как я, поэтому сражается сейчас с воплощенной ненавистью — Мактой другой ненавистью — народной. Неглупый путь. Но мой мне, все же, нравится больше.

— Ясно.

Вампир молчал, но я чувствовала, он пришел, чтобы выговориться. Вот он шагнул ближе и — чудеса! — осторожно, нерешительно обнял со спины.

— Ты меня... меняешь, — глухо сказал Нонус. — Я знаю тебя всю, давно, но каждый день открываю в себе что-то новое благодаря твоим словам. И этот новый я понимает, что

ничего-ничего не знает... ни о чем. Я думал, что создаю свою галатею, а, оказалось, оба мы резчики, и ты работаешь еще быстрее меня по какой-то дьявольской схеме, в которой разум плотно переплетен с сердцем и еще неизвестно чем, возможно, с этой твоей... душой. Не зови меня создателем: ты не меньший мой создатель, чем я твой.

Я усмехнулась. Следовало бы сразу же убрать его руки со своей талии. Но тело, забыв как дышать, не забыло истому близости с мужчиной и рвалось с цепи духа. Не напомнить себе о ласках мужа, наоборот, стереть эту память, заместив новой... На один дразнящий миг почувствовать, как близко порочное сходится с возвышенным в танце двух обнаженных тел! Поэтому я малодушно дождалась окончания монолога Нонуса, и лишь потом, призвав на помощь всю волю, освободилась.

— Я хочу побыть одна, — ровно сказала я. — Прости, Нонус. Скоро я перестану тебя... менять. Я выполню, что скажешь, получу крылья и сметусь отсюда. В вечность, а хотя бы и в Бездну.

Не проронив больше ни слова, он ушел, я опять слышала быстрый стук его каблучков. Нонус удирал от своей странной галатеи, а та закрыла глаза и нырнула в тело первой человеческой куклы, надежно спрятанное за городом. Растрачивая полученную жизнь, я восстанавливала разрушенный храм тела. Я сращивала ребра и заклеивала раны в легких, накладывала и сшивала пласты мышц и кожу, как лоскуты ткани. Вновь мерно билось сердце девушки, разгоняя по венам почерневшую от капли моего проклятия кровь. Скоро разбитая кукла будет восстановлена. Тогда я сама приду к ней, смою с тела засохшую кровь, причешу и обряжу в новое красивое платье. Никто не узнает, как она была разбита, но эта кукла никогда не оживет. Душа через трещину смерти уже вылетела прочь. Я потрачу всю украденную у нее жизнь на восстановление ее же тела, но что мне отдать, чтобы вернуть ее душу?

Я слышно вздохнула, стиснула пальцы в замок, прячась от тоскливых мыслей в ощущениях от новой куклы, но не могла спрятаться, скрыться совсем. Толстое и узкое зеркало на противоположной от закрытого окна стене оплетала паутина трещин. Проходя мимо него сегодня, я впервые заметила в серебряно-ртутных глубинах незнакомое чудовище: истощенную носатую ведьму с желтой пергаментной кожей и поредевшими волосами. Острые клыки выдавались из высушенных десен так, что отчетливо просматривались под тонкой пленкой кожи, а огромные глаза были полны тьмы и огня ада. Таков был мой облик без чар. Я видела его миг, а потом зеркало пошло паутиной трещин. Но мига было достаточно, чтобы понять: эта тварь там, за стеклом, неисцелима...

Так уже во второе бессмертное лето я узнала специфическую радость кукловода от новых игрушек и наркотическое забвение в них. Первая же человеческая кукла, созданная из убитой девушки, удалась настолько, что в ее облике я даже сумела попрощаться с друзьями убитой и наказать им передать легенду для родителей. Также я исполнила главную мечту смертной — дала ей вволю потанцевать на настоящем королевском балу во дворце. И после кукла подчинялась идеально и верно служила мне долгие годы. Временами, когда я позволяла ей нестись на волне какого-либо ее собственного старого чувства, даже казалось, что искорка-душа вернулась в это тело. По аналогии с ней я сделала крылатых и четвероногих разведчиков, подобных нонусовым птицам и волкам, и с головой окунулась в управление ими. Я взяла за правило изучать все сведения о прежней жизни куклы, прежде чем поднять ее, и старалась следовать им в путешествиях новой марионетки. Я раздувала угасшее пламя ее эмоций и желаний, и следуя ему, завершала ее дела в мире живых,

навещала прежних знакомцев, брала реванши в битвах с прежними врагами. И даже поставив все точки, не подчиняла марионетку полностью — такое отвращение до сих пор вызывало воспоминание о стеклянноглазых неподвижных куклах Антеи. Я оставляла кукле ее характер и страхи, приручала ее, тренировала на выполнение своих целей, будто она была живым и свободным созданием. И мои куклы выходили ловкими и сильными, зоркими и чуткими. Я позволяла им толику самостоятельности, и, благодарные за подобие жизни, они всегда приносили нужные сведения и исправно несли стражу на границах моих владений.

Я облюбовала домик в заброшенном селении близ истока Несса, чтобы быть поближе к Антее, и ночи напролет гоняла стаи марионеток в полях Патенса и лесах Сальтуса. Нонус оставался в Карде. Мы встречались редко и общались сухо. Но это была не сухость холодной зимы — духота грозового летнего полудня. Гроза вот-вот должна была разразиться — и он, и я понимали это. Поединок молний — двух мнений, ворчание грома — его и моей воли, и смывающий все лишнее, все наносное холодный ливень, или стеной разделяющий нас или навеки сливающий в один поток.

Я неслась по равнине в обличьи собаки. Бешено стучало сердце в такт отталкивающимся от теплой земли лапам. Нос наслаждался весенней симфонией запахов — грубых как рокот барабанов и тонких как переливы флейт, глаза следили за отражением полной луны на водной глади Несса — широкой, вкусно блестящей дорожкой. Она дразнила, то скрываясь за очередным извивом реки, то сияя на всю равнину не хуже серо-пепельного светильника в небе. Кажется, я уже чувствовала ее вкус на языке — забытый вкус свежего сливочного масла.

Чуткой слух издалека уловил шорох скольжения: меня преследовала птица... нет, шорох распадается на десяток шумов... — стая птиц! Я взяла круто вправо, надеясь укрыться от соглядатаев Нонуса в лесочке, но вороны снизились, черные крылья замельтешили перед самой мордой, в нос ударил отвратительный застарелый запах кукол — запах пыли и сухого пера с едва уловимой даже собачьему нюху сладковатой гнильцой.

Я чихнула, повернула резко влево, бросилась к берегу реки, на бегу чувствуя острые как шила клювы, колющие спину и дергающие шерсть, не так уж больно, скорее, дразняще: Нонус забавлялся. Прыгнула — и тут же, скакнув под берег, прижалась к земле, притаилась в тени под обрывом. Птицы закружились над рекой, хрипло ругаясь и зовя меня, а я, настоящая я, засмеялась в далеком логове и... перевоплотилась. Лошадь, застывшая над рекой в отдалении, подняла голову от воды и призывно заржала. Вороны Нонуса черным лезвием метнулись на зов, а большое животное уже прынуло прочь. Я бежала по краю реки, теплая вода, теплее моего тела, приятно грела сильные неутомимые ноги, тугое брюхо. Ветер пел в длинной гриве, хвост-помело сметал с неба звезды. Птицы летели следом, заходили слева, стараясь прижать к краю высокого берега. У очередной излучины я по тропке взлетела на берег, понеслась по равнине, взяв смертельную для живого животного скорость, и птицы скоро отстали, растаяли в ночном небе. Или Нонус также решил сменить маску?

Да, точно. Впереди на берег языком высунулся лес, и между однообразного рельефного узора черных деревьев мелькали быстро движущиеся серые пятна — стая волков. Когда я, топоча копытами, отфыркиваясь, влетела в лес, они шейфом потянулись за мной, догнали. Ноги запутались в их мохнатой волне, бока зачесались от неболезненных, дразнящих покусов. Я опять заржала, негодуя, и остановилась.

— Что тебе нужно, Нонус? — настоящая я поднялась с замшелого стола мертвого

упавшего дерева, откуда наблюдала за игрой в догонялки, скрестила руки на груди: — Зачем пожаловал?

Большая крылатая тень на миг закрыла бисер звезд над лесом, метнулась вниз, на лесной полог, и скинула крылья, тут же растаявшие клочьями черного тумана. Беловолосый вампир, не изменивший белому цвету в одежде, вежливо наклонил голову в качестве приветствия:

— Лесная Королева, по слухам, любит гостей. Настолько, что не отпускает, превращает в чучела... Я решил проверить эти слухи и свои силы.

— Глупые слухи.

— Почему ты ушла из Карды, Ариста?

Я вздохнула:

— Там слишком много соблазнов... в виде людей.

Опять зашуршали крыльями птицы в небе. Я слышала этот шум десятикратно усиленным ушами марионеток. И мои куклы, и куклы Нонуса рассыпались по равнине, как крупа звезд по небу. Этот кусок ночного мира принадлежал нам двоим, всецело нам.

— Когда ты вернешься?

Я опять тяжело вздохнула. "Сейчас? Пусть, сейчас! Отличная ночь для грозы!"

— Когда ты решишь покинуть Карду. Нам лучше меньше встречаться, Нонус. Голод моего одиночества... не слабее вампирского.

— Моего тоже, — глухо признался он. — И этому голоду я впервые за сто сорок лет не прочь уступить.

— Нет, Нонус. Не надо... — он шагнул ко мне, и я отступила. Мягкий от мха трухлявый ствол уперся в лодыжки: даже природа толкала меня в объятия белого вампира. Что же ты упрямисься, Ариста?

Я вскинула голову. Над лесом чертила круги стая птиц.

"Стая птиц..."

— Ты же давно следил за мной, Нонус, верно? Еще с тех пор, когда я была смертной. Я помню твоих птиц. В ночь бала, когда Вако вывел меня в сад и хотел обратить, на ветвях дремала стая птиц. Твоих птиц.

— Да. Ну и что? — вампир непонимающе хмурился. Губы напряглись, сжались: он уже чуял резкий, больно ударяющий по самолюбию отказ.

— Ты видел нашу с Антеей историю с самого бала, верно? Ты наверняка видел и как Митто обращал мою дочь тварью. Не поверю, что ты оставил бы без внимания хоть один уголок дворца в ту ночь, верно?

— Верно, я все видел. Ну и что?

— Ты не помешал Алоису обратить Антею тварью.

— А должен был? — Нонус вскипел. — Ты мать, нужно было лучше смотреть за дочерью! Что за глупые препятствия ты выдумываешь?!

— Ты тогда прошел мимо...

— Знаешь, скольких обратили в ту ночь? Почему я должен был бросаться спасать хоть кого-то из этих дурочек и дурачков?!

— Я бы бросилась, — прошептала я и закрыла глаза. — Все равно, к кому из них. Если б тогда знала то же, что и ты. Тут мы не похожи, Нонус — прими эту причину моего отказа, если она кажется тебе более логичной.

— Что?! Я не понимаю... — его птицы закружились черной стремительной воронкой

над лесом, лицо потемнело. — Что за глупости ты себе надумала, Ариста?

— Глупости, да, — снова прошептала я, боясь что более громкий голос выдаст слезы. — Я все понимаю. Многие... проходят мимо. Так всегда было и будет, и я не вправе судить никого. Наверное, если б я не знала, просто не знала, что ты тогда... прошел, я бы была сейчас с тобой, давно с тобой. Но я знаю, и отместить это факт не могу, поэтому бегу от тебя, чтобы не искушать. Ты нравишься мне. Ты силен, умен, хитер, интересный ироничный собеседник, и не озлобился, в отличие от многих тварей и людей, переживших предательство. Я готова любоваться каждой твоей неправильной черточкой часами. Я старалась, правда, старалась остаться с тобой... но — нет.

Тишина. Птицы опустились в кроны деревьев, замерли, молчал принадлежащий нам двоим мир. Я наконец осмелилась взглянуть в лицо Нонусу. Оно было бледно и замкнуто, красные тонкие губы дрожали, но усмехались, а тело было напряжено — хищник перед прыжком. И я вдруг поняла: игра в догонялки сегодня еще не кончена!

— Лесная Королева... — насмешливо произнес вампир. — Ты всегда будешь моя, какую бы стену очередной ложной вины не вздумала возвести меж нами!

"Беги, Ариста!"

Я перескочила через упавшее дерево, бросилась бежать: в чащу, подальше от птиц и черных крыльев тени! Туфли на гладкой подошве оскальзывались в такой же гладкой траве, каблуки завязали во мхе и иголках, сухие сучки на пути со звоном откалывались от ветвей, застревали в платье, в волосах, оставляли красные метки на коже. И очень скоро сильные мужские руки, одетые черным туманом тени подхватили меня и рванули вверх, сквозь сети паутины, сквозь колючие, грустно повисшие еловые лапы — в чистое пустое небо.

Взлохмаченные волосы пополам с паутиной опутали голову. Я ничего не видела, только чувствовала, как холодные пальцы тьмы гладят плечи, грудь, спину под платьем. Поглаживания были изучающими и ласковыми. Да, ласки тьмы в темноте и тиши были единственным ощущением. Умер даже страх, так всепоглощающая была тень, чернее ночи, окутавшая коконом, подвесившая меня между небом и землей. Ноги вязли, утопали в ней — бездонной, руки, раскинутые, как на кресте, были перетянуты ее черными лентами, устремленными в бесконечность. Я совсем растворилась бы в ней, если б не сердце, забившееся от дразнящих прикосновений тьмы, как дикая птица в клетке, и давшее вновь почувствовать тело своим и... живым? Волны крови становились горячее с каждым кругом по телу, согревая не только меня, но и черную, тесную и бесконечную вселенную тени вокруг. Зашумело в голове. Дыхание... — "Дыхание?!" — стало влажным, глубоким. А холодные пальцы тьмы уже скользили вверх по бедрам. Они коснулись чаши живота, надавили, дав ощутить, как полна она сладкой боли, и забылось собственное я, забылось, что тенью вокруг управляет не кто иной, как Нонус. Нас двоих больше не было. Страсть, жажда близости и тьма — вот все, что осталось в мире.

Почувствовав отклик моего тела, тень стала грубее, настойчивее. Ее пальцы по-хозяйски обосновались под юбкой, не стыдясь добираться до самых потаенных мест. Ее ленты змеями скользили по телу — ласкающие и холодящие одновременно, дразнящие прикосновения. Одна, тяжелая, гладкая, поднялась между грудей до шеи, обвилась вокруг, на миг придушив, и, пощекотав затылок, соскользнула вниз по спине.

В какой-то момент, почувствовав приближение последней, главной вспышки наслаждения, я застонала, и тьма влилась в открытый рот, наполнила горло, легкие. Я выдохнула ее вместе с криком — избавлением от сладкой боли, и объятия тени тут же

ослабли. Ее ленты укорачивались, черный туман уплотнился, оформившись в человеческую фигуру с огромными перепончатыми крыльями. Вампир уже не держал... он вовсе не касался меня, меня удерживала в воздухе пара таких же черных, сотканых из тьмы крыльев!

— Ого! — выдохнула я, глупо хлопая крыльями. "А вдруг упаду? Наверное, стоит махать еще быстрее!" Нонус засмеялся, глядя на мои нелепые усилия. Тень, окутывающая фигуру превратила его смех, как и мой крик, в вой. Вампир развернулся и махнул: "За мной!"

Через пять минут полета я окончательно уверилась, что крылья легко удерживают тело в воздухе. Тренировки птиц-кукол помогли: я быстро находила ветер и скоро плыла в потоках холодного и теплого воздуха наравне с Нонусом, хотя вряд ли так же ловко. Громадность драконьих крыльев после маленьких и удобных птичьих казалась совершенно излишней.

Мы пролетели над рекой, перед рассветом зябко кутающейся в серую тонкую мягкую шаль тумана, пронеслись через весь Патенс, концами крыльев касаясь узорчатых шапок-лесов. Быстрый свободный полет, полет человека, а не куклы-птицы. Как в детском сне. Постепенно ушло ощущение громоздкости крыльев, я купалась в своей новой силе. Сердце все не успокаивалось после странной близости с тьмой, внизу живота притаился теплый, мурлыкающий от удовольствия котенок.

Мы опустились близ истока Несса — Нонус помогал, и я ступила на земля плавно, хоть пока и неизящно. Вампир первым скинул крылатую тень и, едва обретя возможность членораздельно говорить, тут же велел:

— Выдохни резко! Вытолкни тень!

Я послушалась. Холодное нечто ушло из легких все, полностью, как кусок шелка, и мои крылья и чудовищный облик рассыпались знакомыми по превращениям других тварей ключьями черного тумана.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты же хотел подарить мне крылья после выполнения задания? — тихо, боясь, что горло опять выдаст вой вместо слов, спросила я.

— Во-первых, надо сказать...

— Спасибо, — я улыбнулась.

— Засчитаю это "спасибо" за удовольствие. И теперь еще одно, пожалуйста, за крылья...

— Нонус, — я подошла к вампиру, ласково коснулась угловатого по-мальчишески плеча, обтянутого белым шелком. — Зачем сейчас? Чтобы я чувствовала себя должной? Нет в этом необходимости: я и так тебе помогу, сделаю свою часть работы, когда скажешь. Я доверяю тебе.

Отворачивающийся от моего взгляда прежде, сейчас он обернулся, посмотрел прямо в глаза:

— И я доверяю тебе. Поэтому и подарил крылья... просто так. Чтобы ты почувствовала эту свободу.

— Ты что-то делаешь просто так? — не удержалась я и получила холодный острый взгляд:

— Сначала я глупо хотел заключить тебя в клетку бескрылости, но быстро понял, что принуждать тебя к чему-то, Королева диких кошек, смешно и нелепо. Если ты захочешь сбежать, все равно сбежишь. А сегодня понял другое: ты уже не улетишь от меня и на драконьих крыльях, моя покорная Королева...

Он засмеялся, и смех вновь превратился в вой, когда фигуру вампира окутала крылатая тень. Взмах крыльев: он взмыл над лесом и скоро растворился в небе. Марионетки Нонуса в это же время покинули мои леса и поля. Остались я, луна и тихая черная река.

Вскоре после того разговора с Нонусом я задумала путешествие на север — подальше от людей, их городов и селений, их шумной жизни, создающей ненужный хаос в мыслях. Чтобы не скучать, я взяла себе в спутницы речку и направилась ее берегом к истоку. Неглубокая и нешумливая простушка днем, ночью моя новая подруга превращалась в загадочную и печальную королеву, и плеск невидимых рыб в ее бездонных, наполненных тьмой глубинах, казался слезными вздохами. Я утешала ее, как могла. Пела ей песни, ласково поглаживала ее холодную спину, спускаясь к самой воде и окуная в нее ладони. А иногда я оставляла речку и уходила гулять в леса вокруг. Я ложилась на теплую, нагретую солнцем землю. Растирала ее в пальцах, смешно надеясь напитаться ее добротой, дающей жизнь всему, что есть вокруг. Я устраивала в кронах высоких деревьев лежанки и засыпала, качаясь в зеленой колыбели и слушая, как близкий-близкий ветер в оба уха гудит свои жестоко-честные сказки. Так, незаметно для себя, через несколько дней я дошла до истока речки — тривиального болотца. Что дальше?

"Что дальше?" — этот же вопрос можно задать моей вечности. Погруженная в очередную иллюзию — слитости с природой, я продираюсь сквозь живой лес, оставляя кровавый след из убитого зверья, а трава и листья съеживаются и чернеют там, где их касается моя крылатая тень. Марионетки-волки и птицы волной следуют за хозяйкой, и вся живность разбегается в сверхъестественном ужасе с их пути — оттого-то так тихо вокруг..."

— Но моя мечта об исцелении для вампиров вовсе не иллюзорна, — заспорила я с апатией, опускающейся шалью на плечи вместе с тихим синим вечером. — Я еще докажу Эреусу... им всем. Пока не знаю, как, но докажу!

"...Докажешь ли? Теперь ты сама тварь, ты узнала их внутреннюю пустоту, постоянно требующую пищи — крови. Одни, как дикари, бездумно следуют ей и убивают по первому ее зову, другие, как Вако, пытаются управлять, развивать свои волшебные способности через нее, и совершают уже расчетливые, хладнокровные зверства. Которых из них ты хочешь исцелить? И нужно ли это делать? Захочет ли мир, чтобы они были исцелены? Ты бы хотела увидеть живым и счастливым, например, Алоиса Митто, погубившего твою дочь? А ты, ты сама, погубившая похожую юную девушку, заслуживаешь ли быть исцеленной?"

Я вздернула голову — и вынырнула из синего тумана апатии. На небе загорались первые, самые яркие звезды — маячки для странницы-ночи.

"Чего ты хочешь, Ариста? Только в одно слово!"

— Я хочу... понять, — прошептала я. Звезды согласно мигнули и расплылись перед напряженными уставшими глазами. В голове зашумело, может быть, от неудобной позы, а, может быть, опять от голода.

"Хочу понять? Да, действительно, я прежде всего хочу понять. Потерявшая все, ставшая тварью, видевшая немислимые в прежней жизни злодейства, в глубине загрязненной проклятием *carere morte* души я все еще остаюсь наивной и милой леди Эмендо, которая до сих пор не может ПОНЯТЬ, что же с ней произошло, как так получилось, что она лишилась семьи и устроенной жизни в одну только ночь? И она хочет понять, почему до сих пор жив мир, равнодушно прошедший мимо ее трагедии! Где спрятано сердце его надежды? Или оно давно замолчало под горой страха?"

"Я победила свое внутреннее чудовище, и больше не боюсь смотреть вперед. Я вышла

израненной из этого боя, но живой, не мертвой душевно тварью. И я поняла, чего хочу: я хочу, чтобы моя пустота была заполнена не ненавистью, как у многих тварей, а любовью, — подумала я и почувствовала горячую приязнь к Нонусу, тактично и в то же время безжалостно четко направлявшему и вовремя отводившему мою разящую руку. — Что ж, разобравшись с собой, я вполне могу заняться выяснением того, что нужно миру".

Триптих Либитины. Перед последней сценой

Триптих Либитины. Перед последней сценой.

Я остаюсь сегодня посмотреть рассвет. Возможно, последний рассвет в своей долгой, странной вечности. Я выбираю поврежденную человеческую куклу, уставшую от вековой службы, и ставлю ее на уступе скалы недалеко от входа в главное логово. Ее глазам открывается предгорье: скалистые островки в серебрящемся инеем море травы и далекая речка на горизонте. Гряда тяжелых туч уползла ниже, на развалины старой Карды. Тот же дождь, что омывал неподвижные лица кукол в сражении с отрядом охотников, теперь поливает камни, когда-то бывшие дворцом Макты и крепостной стеной города. А перед глазами марионетки сейчас чистое синеватое небо. Угольки восхода тлеют на восточном горизонте. "Этот осенний рассвет будет яростен, как лесной пожар..." — думаю я и тут же кошусь на охотников, расположившихся на подступах к моему логову. Смертные еще не чувствуют слабого тепла солнца, они ежатся от холода у остатков костра. Десяток белых шатров, расставленные полукругом, издали напоминают камни, обозначающие место какого-то древнего капища. Двое дозорных негромко переговариваются у почти потухшего костра. Конечно, главная тема их беседы — я, таинственная Северная Кукловодша... Или Кукловод.

— Все-таки Либитина играет с нами, — уверяет один охотник, разумеется, тот самый упрямый спорщик с собрания. — Вспомни, что было в селении. Она легко уступила нам, а ведь могла бы убить на подступах к той церкви руками смертных.

— Жители селения не убили бы нас. Они не были армией. Не вооруженные, даже не зачарованные, — нерешительно возражает юный собеседник, но этим лишь дает новый козырь в руки спорщика:

— Да! Даже не зачарованные! А ведь Либитина могла бы направить их на нас, внушить цель убить. Мы бы победили, разумеется, но остались без защиты. Что ни говори, а Хортор блефовал в церкви: пострадала бы наша защита от убийства смертных, и еще как! А без защиты как сражаться с вампиром, трехсотлетним кукловодом?

— Почему трехсотлетним, Либитине всего полтора ста, — робко поправляет собеседник, но спорщик его не слышит:

— Даже если не брать для рассмотрения смертных, остается заминированная церковь. Либитина могла взорвать ее вместе с людьми, выставив виновными охотников и также лишив нас защиты, но не сделала этого. А последняя шахта? От конечной камеры дальнего хода оставалось всего ничего до озера. Прорыв тоннель чуть дальше, Либитина могла бы затопить нас в шахте, а она ограничилась небольшим взрывом. Хортор, бывший к ней ближе всех, даже не пострадал. И, главное, этот взрыв открыл тайный проход в горах, прежде заваленный, который ведет на совершенно неизвестную, не отмеченную ни на одной карте пустошь... — вот эту! — он обводит рукой вокруг себя. — И мы опять бросаемся по заботливо указанному нам самой Либитиной пути. Это все ее игра, причем не скрытая, явная. Она просто издевается над нами! Путаает, водит, а в конце хорошо, если посмеется и отпустит, а если убьет?! Думаешь, она на это не способна? При том же уровне риска за два года можно было Карду очистить от вампиров, а мы все пьесы Кукловода смотрим!

— Владыка вампиров не отдаст Карду, нам ее не очистить ни за два года ни за двадцать. Тут, Хортор правильно говорит, мир нужно менять, — тихо замечает собеседник. — И

неважно, играет Либитина с нами, или нет, он прав: она проиграет, потому что боится нас. Ее страх не игра, с этим ты не сможешь спорить, -

Они болтают, перескакивая с мысли на мысль, не продолжая, не развивая ни одну, так что завтра вряд ли вспомнят этот разговор. Поделились тревогой, сомнением, идеей — и ладно. Моя кукла чуть улыбается, глядя на них.

— Ты сомневаешься в том, что мы способны победить Либитину, а я... я тревожусь о другом, — говорит охотник помоложе и вздыхает.

— О чем?

— Зачем нам убивать ее? Либитина может стать нашим союзником, я верю. Она пожалела смертных в церкви, даже не зачаровала их, значит, ценит свободную волю. И пусть играет в свои сумасшедшие игры, при ее судьбе неудивительно, что она свихнулась. Но если б нам не войной на нее идти, а попробовать поговорить? Думаю, она приняла бы нашу сторону. Как для того, чтобы уменьшить число кровожадных собратьев в Карде, которых она ненавидит, так и затем, чтобы отомстить владыке вампиров.

— А ты, значит, веришь в легенду, что это нынешний владыка изуродовал Либитину так, что она боится показаться кому-либо на глаза?

— Вполне верю, — собеседник немного озадачивается. — Есть же подтверждения свидетелей! Сто пятьдесят лет тому назад на службу владыке вампиров пришла кукловодша, красивая темноволосая дама благородной наружности — это определено точно известно. Скоро он понял, что она работает против него. Он пытал ее, чтобы узнать, кому она служит, у владыки вампиров тогда было много сильных врагов, но так ничего и не выяснил. Выжившая после пыток Кукловодша основала на севере свой Лабиринт и замкнулась в играх с куклами. Печальная и страшная история, -

Он умолкает. Вдруг весь передергивается, будто чувствует тот же неживой холод, что я, но встряхивается и с надеждой глядит на заплылавший горизонт. Солнце идет! Солнце идет! Еще шаг из-за горизонта, и оно явится миру во всей красе, и не все твари в Терратиморэ выдержат его пылающий взор. Занимается заревом большого пожара предгорье, пылают былинки травинки, как головни факелов.

— Возможно, полтора столетия назад к владыке вампиров действительно устраивалась на службу Либитина. Но почему дату начала службы объявляют датой ее рождения? К моменту прихода к владыке эта вампирша уже была опытной кукловодшей. Я полагаю, она гораздо старше, чем принято считать. И ее Лабиринту никак не меньше двухсот лет, а, может, и больше.

— Ты недавно объявил ее трехсотлетней, отправил к самому началу вампиризма... — юный охотник усмехается.

— Да. А почему нет? И, вполне вероятно, что владыке так и не удалось выяснить, кому она служит, потому что она не служила никому, кроме себя. У старейших вампиров свои цели, как правило, очень расходящиеся с примитивными мечтами о господстве над миром смертных, которыми себя тешат вампиры младших поколений, в том числе и владыка.

— А Гесси недавно упоминал, что у Либитины может быть помощник, — вспоминает собеседник. — Или коллега! Это не один *carere morte*, это тандем кукловодов, мужчины и женщины, отсюда, кстати, и наше постоянное ощущение раздвоенности Либитины. Мы все гадаем: мужчина это или женщина, а на самом деле и мужчина, и женщина, их двое! А ты считаешь, Либитина работает одна?

— Два Кукловода разгромили бы нас еще на подступах к Лабиринту, — мрачно говорит

спорщик. — Я не понимаю ее цель, вот что мучительно! — признается он и расплывается. Хватает веточку из кучи хвороста, гнет в пальцах, пока не переламывает надвое, а после бросает в задыхающиеся под серой горой пепла угли костра. — Это просто бездумная игра ради процесса игры? Но ведь целых два года, с полусотней охотников одновременно — и для чего? Чтобы расхотаться в конце нам в лицо? Да, она боится нас, тут Хортор прав, но она боится... и играет! Не боится и бежит, как хочется думать нашему предводителю, нет, она боится — и играет!

— Как мотылек с пламенем... — замечает собеседник. — Так, может, это все же не игра? Может, это ее способ дать нам что-то понять? Ее тело истерзано, как мы и представить себе не можем, разум помутился под пытками. Возможно, она перешла на язык символов, потому что забыла или не хочет больше употреблять человеческий, и рассказывает им, что поняла о мире. Или же... — он в волнении хватается спорщика за руку, — Если она одинока, очень одинока целых триста лет, может, разыгрывая представления, она просто хочет, чтобы ее хоть кто-нибудь понял? Ее и ее цель? Только мы не знаем, как расшифровываются ее послания! -

Неистребимый огонь романтизма юности горит в его глазах. Он уже готов отыскать на краю света несчастную свихнувшуюся принцессу и освободить ее от ее безумия... Я смеюсь, и охотники вздрагивают, будто услышав этот смех — угробное гоготание откуда-то из недр мерзлой северной земли.

— Мы опять ловим несуществующего мотылька Великого Смысла, — усмехается спорщик и плотно сжимает губы, чтобы из них больше не сыпались идеи и догадки. Юный вздыхает, снова бросает взгляд на восточный горизонт и заслоняет глаза козырьком ладони: солнце встает.

Лишь край солнца выполз из-за горизонта, но мир уже преобразуется под его лучами. Он меняется, также, как расцветает лицо девушки, когда она слышит признание от любимого, также, как сияют глаза детей, когда они встречают мать после разлуки. В мгновения рассвета, когда солнце проникает в каждую пылинку и светит изнутри, как сквозь чистейший бриллиант, мне кажется, что у всего в мире единая живая душа. Только *carere morte* отречением от смерти отрезали себя и от жизни, и от души... Солнце жжет глаза куклы, скоро придется отпустить ее, чтобы не утонуть в боли. Жаль, за триста лет, я так и не сумела посмотреть рассвет до конца, не смогла дожидаться, когда солнечный лик полностью выплывет из-за горизонта. Мои куклы всегда сторают раньше.

Я так ждала этого рассвета, а встречаю его странно рассеянно. И губы, повторяя за юным охотником, снова и снова шепчут: "Я одинока, очень одинока..." Где ты, Нонус? Охотники говорят о тандеме кукловодов, но я-то знаю, что давно одна. Я многолика и одинока, разделена на тысячи масок-отражений и потеряна где-то между ними...

"Владыка вампиров пытал Кукловодшу", — сказал тот охотник. Да, я отлично знаю эту распространенную версию истории Либитины. Может быть, она верна. Я помню немного: слезающую с пальцев кожу и расплывающееся, распадающееся на части лицо, помню мокрое платье, обратившееся костром боли. Кто-то облил меня водой из источника Донума. Быть может, это был владыка вампиров? Не знаю, не хочу вспоминать. Ни его черные безжалостные глаза, ни холодное бледное лицо... Он молчит сейчас, не встречается в войну охотников со мной, ждет, чтобы они победили его многолетнего врага. Он думает, после моей смерти Карда будет всецело его. Засмеяться бы, да зубы плотно сжаты — я терплю боль рассветного солнца.

Скоро все-таки приходится отпустить куклу: свет жжет немилосердно. Пусть догорит одна — иссушенная временем оболочка с выпитыми до последнего дна эмоциями, памятью и волей. Последнее, что я успеваю увидеть ее глазами, это половину красного солнечного диска и шатры охотников, запылявшие его отсветами — валуны капища окрасились кровью. Море заиндевевшей травы полыхет, пожар охватывает предгорье. Огонь солнца подбирается к моему логову.

Кукла-писарь в подземелье выбрасывает оплывшую, растекшуюся по столу свечу, ставит и зажигает новую, и я опять гляжу на золотистый ореол вокруг маленького огонька. Нельзя разобрать, где кончается свет свечки и начинается тьма. Они переходят друг в друга нерезко. "Они сливаются, образуя единое... нет, они растут из этого единого!" — понимаю я и почему-то опять вспоминаю Нонуса.

Вдруг является видение широкого спокойного моря, позлащенного закатным солнцем. Какая умиротворяющая и в то же время сильная картина! Совсем, как та, что я видела в Карде, в доме в конце Карнавальной улицы.

Я часто бываю в том доме, давно покинутом хозяевами. Некоторое время назад здесь жил странный вампир-художник, любивший рисовать ночь. Потом и он пропал, но в пустой, без мебели огромной как бальный зал гостиной остались его картины, по-простому прислоненные к стенам. Здесь ночные пейзажи окрестностей Карды, бледные лики кардинских *carere morte* и жутковатые сценки из их вечности. Немало действительно интересных работ, но я прохожу их все, не глядя. Меня интересует одна картина, оставшаяся на мольберте в середине комнаты: единственное светлое пятно среди квадратов и прямоугольников мрака. На ней изображен рассвет над Кардой.

Золотое сияние, в котором проступают очертания Карды, реки Несса и северных гор. Солнечного диска в белом от света небе не видно, но оно отражается в городе, как в зеркале, сияет из каждого окна, с камней мостовых, склеенных жидким золотом, складывается, как мозаика, из ряби повеселевшего и будто ожившего Несса. Солнце и есть Карда, сбросившая вечное одеяние проклятия Макты... но, в то же время, источник света находится вне картины. Когда смотришь на нее, появляется ощущение, что свет, подобный солнечному, преобразивший вампирскую Карду, исходит из твоих собственных глаз.

В обличье куклы я иногда часами простаиваю перед этой картиной, ни о чем не думая, просто представляя, что светлый мир, изображенный на ней — реальность. Он существует в нашем времени, не в далеком будущем и не в сказке. Надо лишь посмотреть на Карду правильно, солнечными глазами, и город сбросит мрачный покров и станет таким, как на картине.

Дом стоит пустым много лет. Лишь однажды, в один из первых визитов я встретила там другую гостью, женщину-вампиришу. Белокурая, маленькая и худая как девчонка, она спала прямо на полу у картины, ничем не укрывшись от солнца, лишь легкомысленно задернув штору, и ту не до конца. Не думаю, что она желала себе смерти от полуденного солнца, хотя на ее щеке застыла слезинка и губы были скорбно сжаты. Она будто ждала кого-то. Без уверенности, что он жив, что он когда-либо вернется к ней, но с упрямством и... надеждой, той самой, глупой и святой, знакомой мне.

Тогда я уже знала ее историю и догадалась: она ждет художника, что нарисовал Рассвет.

Я задернула штору, чтобы вампиришу не потревожили лучи, подбирающиеся к ряду окон. Потом по непонятному наитию склонилась над спящей, коснулась губами щеки, попробовала на вкус ее слезинку. Какая горькая! Совсем как человеческая на вкус. "Слезы

тварей не отличаются от слез людей", — почему-то в тот момент банальное замечание очень утешило меня. Даже подумалось: пока это так, твари могут исцелиться.

Прячась в быстро тающей с восхождением солнца на престол тени, мои мелкие крылатые и хвостатые марионетки ведут наблюдение за лагерем охотников, и я не пропускаю момент, когда из одного шатра выходит глава отряда. Затягивая ремешки снаряжения на поясе и груди, он окидывает долгим взглядом предгорье, уже готовясь к вечернему сражению. Холод — предчувствие смерти пробегает по коже, когда моя птица ловит взгляд охотника. То же равнодушное бледное лицо, тот же сосредоточенный и безжалостный взгляд, что у владыки вампиров. Скоро эти враги столкнутся в первой битве, но сейчас оба ждут, когда паду я. Моя смерть — необходимое условие их боя, оба боятся, что я в нем могу принять сторону соперника. Поэтому я должна перестать быть.

Накануне заключительной сцены триптиха страх смерти снова приходит ко мне, на этот раз влекомый за руку другом — одиночеством. "Я одинока, одинока", — шепчу я фразу-заклятие опять и опять, все больше погружаясь в холодный и пустынный океан тоски. Где ты, Нонус? Придешь ли посмотреть, как меня убьют? Да, ты не обещал всегда быть рядом, обещал только не причинять боли. Но откуда нам тогда было знать, что мне будет адски больно... без тебя? Неужели, навсегда разошлись наши дороги?

Я упрямо обмакиваю перо в чернильницу. Проще всего убежать от сложных вопросов в мир витиеватых строчек.

Часть 4. Богиня

ЧАСТЬ 4 БОГИНЯ

Второе десятилетие правления Макты утонуло в народных волнениях: слишком тяжела стала разросшаяся тень ненависти Первого вампира даже для терпеливой и холодной Карде. Бунт умело управлялся сверху: Асседи при поддержке первой пятерки вампиров надеялся занять трон Терратиморэ. Но Макта не торопился отдавать власть... А люд меж тем вновь славил Лазара Арденса, чье дело клялся продолжить Асседи, и проклинал Макту, спасшего землю страха от разделения.

Пятерка старших вампиров ушла в тень, набирал силу другой бессмертный, объявивший себя владыкой *carere morte* — Улисс Алитер. Карда расползлась в Патенс и Сальтус. Церковь Микаэля, ранее отмечавшая западный край города, оказалась почти в центре столицы. Знать переселялась за церковь, строила особняки на продолжении улицы Виндекса. Эти роскошные белые дома, полукружьем расположившиеся у подножия северных гор, с высоты полета птиц и *carere morte* казались жемчужным ожерельем или бриллиантовым венцом, и неудивительно, что новый район скоро прозвали Коронай.

Впрочем, среди охотников бытовало иное сравнение. Они говорили, что с высоты колокольни церкви Микаэля новый район знати напоминает оскаленные в усмешке зубы вампира...

Я совершенствовала свои умения, как кукловода. Мои птицы и звери оккупировали северные леса, вовремя предупреждая о гостях, человеческие куклы собирали слухи в Карде. Главное же логово находилось в северных лесах, и в людских сказках оно все чаще упоминалось, как логово Лесной Старухи. Что до моего создателя... Мои куклы порой встречали кукол Нонуса, изредка мы помогали другу другу увести марионеток из-под носа охотников, но — и только. А в последние три года вампир удивил меня, отозвав большинство кукол из Карды и окрестностей. Оставленные им в качестве наблюдателей двигались вяло и неточно, как бывает, когда их хозяин находится очень далеко. Похоже, Нонус покинул пределы Терратиморэ.

Признаться, в эти три года без Нонуса я даже чересчур увлеклась созданием именно человеческих кукол. Я брала тела тех, кто погиб, чтобы утолить голод других *carere morte*, и делала из них марионеток. Я читала их мысли и чувства как книгу, каждый раз недописанную, и дописывала конец сама, как умела. Это было увлекательное занятие! Я проживала их жизни, так, как прожили бы они, если б на беду не столкнулись с *carere morte*. Вампиры, видевшие эти сценки на улицах города, считали меня сошедшей с ума кукловодшей, играющей в театр. Но на улицах Карды не игрались пьесы, там шла настоящая жизнь моих кукол. Жизнь, которая у них могла бы быть, не будь наш край искажен проклятием Макты.

По памяти погибших я также выстраивала подробную карту страхов Терратиморэ, узнавала подробности связей между людьми, семейные тайны, симпатии и антипатии. Мне открывалось то, что во Вселенной может быть открыто одному Господу Богу — внутренняя, скрытая сеть жизни, связывающая всех людей, живущих и умерших, но я все не могла придумать, как использовать то, что мне открылось. Да и к исходу третьего года кукольных безумств кое-что начало тревожить. Голод, возрастающий кратно числу занятых в работе кукол, требовал огромных объемов крови, и моя маленькая ферма переставала справляться с

запросами. Кроме того, столь здоровое питание начало сказываться на фигуре. Нет, я не пополнила, но живот чуть выпятился, как в начале беременности. До этого я полагала, что *carere morte* не подвержены изменениям внешнего облика, и теперь видимое проявление таинственной работы Бездны в моем теле вселило подзабытый сверхъестественный ужас.

В этот год должен был состояться второй Великий Бал Макты: с момента первого бала и смерти дочери прошло пятнадцать лет. Но в Карде все шло к тому, что никакого бала не будет. Народ взбунтовался. В середине лета людское море вновь заплескалось под стенами дворца, только теперь жители Карды требовали низложения Макты.

Я спешила ко дворцу, захотев понаблюдать за Первым вампиром лично, не через кукол. Летела, легко опережая огромную тяжелую тучу, ворчащую от переполнения влагой, но жадничающую пролить свою воду на город. Я забралась высоко: весь освещенный центр Карды помещался между концами распахнутых крыльев. Как мала моя столица! Но как цепка: крючьями цеплется за душу и не отпускает веки...

Город бурлил от волнения жителей, но с высоты мелкие людские дрызги не замечались. Я мало вслушивалась в разговоры смертных и через кукол — устала от людского шума, во времена народных тревог теряющего всякую осмысленность. Думы занимал Макта. С выходом народного бунта на улицы прежде жестокий тиран распустил стражу и отдал армии приказ не вмешиваться, а сам заперся во дворце. Но вряд ли Король, повергший в прах пять государств — соперников Терратиморэ сдался б так просто. Я полагала, Макта решил перейти на следующую ступень лестницы могущества. В кого собрался обратиться Владыка Карды и прародитель вампиров, я пока не могла угадать, но то и дело вспоминала старые слова Нонуса: "Макта — лишь оболочка Бездны ненависти" и внутренне холодела. Какие зловещие идеи, после злейшей, породившей *carere morte*, могут прийти на ум мрачной Госпоже земли страха?

Подлетая ко дворцу, я снизилась, и внимание тут же привлекла светлая фигура у небольшого пруда с фонтанами в центре дворцового сада. Абсолютно белой одеждой этот мужчина напоминал Нонуса... или то была новая дворцовая статуя? Он стоял на мостике, надвое перерезавшем идеально круглый пруд. Раньше на всем протяжении пруд сверху покрывала арка из струй воды — этаким водяной коридор, но сейчас система фонтана была отключена. Гладь воды блестела загадочно, как большое зеркало на стене темной пустой комнаты. Дворцовая площадь была полна людей, сквозь листву деревьев сада пестрели огоньки факелов, слышались возбужденные голоса, но близ пруда, не считая белой фигуры, не было никого — этот участок остался в стороне от муравьиных троп людских толп.

"Нонус?"

Будто услышав мой мысленный вопрос, мужчина поднял голову. Мгновенно распознав крылатую тень среди ключев тучи, он улыбнулся, резковато, болезненно, и в то же время весело. У него был большой кривой рот.

"Да, точно Нонус!"

Я сначала радостно, стрелой бросилась к нему, затем, осознав и опешив от своего порыва, перешла на круг над прудом. Я и радовалась возвращению вампира и боялась встречи с ним. Слишком уж много многоточий вместо точек поставил наш последний разговор, и куда может завести следующая беседа с Нонусом, я опасалась даже представлять. Те мгновения, когда он дарил мне крылья... Они выжгли из памяти годы, когда у моего тела был собственник — муж, они стерли с кожи все отпечатки его отвратительных после смерти Антеи ласк. Но они дали вопросы без ответов, ведь Нонус прятался от меня тогда под маской

тени. А какой он без маски? Холодность, отстраненность — свойство маски или его самого? Это была совсем другая, незнакомая мне прежде сила, не сокрушающая, как Эреус, а... изучающая. Каким может быть наш союз? Как в начале всякого пути, мне было страшно, тревожно и... любопытно.

Еще круг по парку. Хорошо, что люди на площади отвлеклись на какого-то министра Макты, вышедшего к ним из дворца. Но пора было решать: подхватить порыв ветра и взлететь на нем или спуститься к Нонусу. Тень моих крыльев трепетала, но все не могла поймать восходящий — возносящий прочь от страхов и сомнений поток воздуха. Пришлось спуститься. Я опустила на краю мостика, резко выдохнула, отпуская крылатую тень. Нонус приветливо махнул рукой и нарочито медленно пошел навстречу, — чтобы вдоволь насладиться замешательством на моем лице, и при этом дать мне время подготовиться к беседе. Как всегда, одновременно ухитрялся и испытать, и ободрить ученицу. За годы, что я не видела его, он совсем не изменился. Невысокий, одного со мной роста, тонкий как юноша, одетый со всегдашним изяществом, издали он казался красивой гипсовой статуэткой, но по мере того, как вампир приближался, сходство исчезало, будто покров чар спадал. И резко бросалось в глаза его лицо — лицо зрелого мужчины с протравленными морщинками хищными сухими чертами. Я опустила голову, пряча смятенный взгляд от серых глаз Нонуса, холодных и быстрых, как его мысль.

— Я ждал, что ты здесь появишься, Ариста, — тепло сказал он, подойдя. — Свержение власти в Терратиморэ пока происходит недостаточно часто, чтобы это зрелище могло наскучить.

— Давно ты вернулся?

— Три дня назад. Как только узнал о начале бунта, поспешил в столицу.

Он поставил меня в тупик. Еще даже не вся земля страха знала о волнениях в столице. Окрестные земли больше волновало, как вырастить урожай: это лето обещало стать самым холодным за десять лет. А уж до Севера или Юга новости дойдут в лучшем случае к концу недели.

— Я полагала, ты где-то за границей. Давно не встречала твоих кукол в Карде. А ты, значит, все это эти время был поблизости?

— Я был в Южной Империи, по делам. Но во дворце остались мои помощники.

— Дигнус и Кауда? Странно, что пятерка до сих пор не поняла, что они твои куклы!

— Пятерка предпочитает проводить время в изучении вкусов человеческой крови и того, как они изменяются в зависимости от возраста, пола или эмоции. Им не до чужих кукол, — Нонус усмехнулся. — Тем более, что вампирские куклы в их представлении — это нечто столь же малоподвижное и бесполезное, как деревянные болванчики. Они так и не научились использовать память тела... -

Взгляд вампира сделался отстраненным, будто при упоминании о пятерке старейших его мысль побежала по иному направлению, чем слова. "Какой, все же, странный разговор после десяти лет разлуки!" — отметила я. Мы будто шли по канату с разных концов к середине, осторожно балансируя. А стоило, наверное, обоим сорваться в пропасть и в полете-падении сплести, наконец, руки!

— На Юге до сих пор сильна алхимия. Ты учился них?

— Я б и сам мог их многому научить, — оскорбился вампир. — Я сверял их данные со своими и попутно восстанавливал одно старое знакомство. А ты, я вижу, все играешь в куклы?

Я оскорбленно оскалилась:

— Я узнаю границы своих возможностей!

— Вижу, у тебя появился животик. Нет, это не беременность, это расплата за чрезмерное увлечение куклами: печень не вмещает всю потребляемую тобой кровь и начинает разрастаться. Прекращай это.

Я машинально скрестила руки на животе:

— А у тебя такого нет, хотя марионеток у тебя больше. Почему?

— Я экономлю силу и тщательно распределяю ее между куклами. Все вместе они никогда не включены в работу. А ты всю свою без остатка бросаешь в каждую новую, истощая себя, и одновременно водишь большие стаи. Еще раз говорю: прекращай это, не то перестанешь мне нравиться.

— Учту. А почему ты так резко сорвался в Карду, раз обменивался полезным опытом? -

Оба немного вспыхнули, и вот уже канат закачался. Сейчас упадем! Я инстинктивно вцепилась в перила мостика. Мостик был невысок, почти касался брюхом поверхности пруда, и мы с Нонусом будто стояли над пропастью. Пропастью близкой черной воды, отражающей мое слегка испуганное лицо.

— Ты не сразу ко мне спустилась, — заметил Нонус. Почувствовав мой страх и в то же время желание упасть, этот негодяй принялся нарочно раскачивать канат!

— Я рада, что ты вернулся. Правда, рада. Но, все-таки, почему ты возвратился незамедлительно, едва узнал о начале бунта? Настало время воплотить твой план избавления земли страха от Макты в жизнь? — тише спросила я, возвращая канат в спокойное состояние.

— Да, моя догадливая Королева. Старый знакомый, на отклик которого я давно рассчитывал, согласился помочь в любое время, так зачем медлить? Макта сейчас раздумывает, какую еще казнь придумать для Терратиморэ, но мне вполне хватило его *carere morte*. Полагаю, и тебе тоже. Надеюсь, ты не откажешься поучаствовать в избавлении земли страха от ее главного страха?

— М-м, хорошее предложение, — отметила я.

А вокруг было уже не так безмятежно! Пришлось немного отвлечься, обратиться к картинкам от кукол. Министра освистали и прогнали палками. От главных дверей дворца Макты доносились призывы к штурму. Огоньки факелов в парке замельтешили, зазмеились переплетающимися и рассыпающимися цепочками, заворчала-заворочалась и туча в небе. Одна темная громада дворца была прежней — незыблемой. Глянув на нее от пруда, я заметила одинокое, подсвеченное оранжевым окно наверху. Наверное, там засел добровольный затворник — Макта. Я представила кряжистую фигуру, прячущуюся в тени трона, и содрогнулась.

— Что будет, если Макта уничтожит всех Арденсов? — тихо спросила я Нонуса. — Если цель Бездны ненависти в нашем мире будет исполнена, Она уйдет? И что тогда будет с Мактой, он тоже исчезнет?

— Полагаю, Макта исчезнет. Путь в наш мир для искаженной ненавистью частички Бездны будет закрыт.

— То есть, ты совсем отказываешь Макте в свободной воле? Без этой частицы Бездны его нет? — я опять передернулась, вспомнив нашу с Мактой краткую встречу на Балу Карды. — А с кем же говорят министры и послы, с кем говорила я в тронной зале? С Бездной?

— Да. Бездна ненависти ищет в нашем мире нити и коридоры, по которым может расползтись дальше от источника. Такими коридорами и нитями являются человеческий гнев, ярость, ненависть, страх. Рожденная ярким злым чувством, Бездна любит все подобное, даже простые разговоры она стремится повернуть так, чтобы собеседник почувствовал такие же чувства. Подобное тянется к подобному. А то, что ты и вся свободная Карда принимает за собственные волю и силу Макты, есть лишь реакция Бездны ненависти по поиску пищи. Она не думает, не рассуждает, просто ищет пищу и стремится распространиться по наибольшей площади для этого, подобно растению. -

Он увлеченно говорил, а я вспоминала Бал. Тогда Макта советовал обратиться к главному чувству, составляющему мою суть, чтобы найти путь к Бездне. Он не пестовал мой страх, не разжигал гнев. А тот его взгляд, молящий о помощи? Нет, Макта — не воплощенная ненависть, частичка человеческой души осталась в этом теле, как у любого *carere morte!*

— Возможно, ты не прав, Нонус... — начала я, по-прежнему глядя на пустой оранжевый квадрат окна, но вампир резко и в то же время шутливо оборвал меня:

— Не спорь со мной, девчонка! Что ты знаешь о Макте? Ты видела его близко пару раз во время больших празднеств, и все. А я сто лет создавал эту оболочку, которую все в Карде принимают за человека. Оболочку для Бездны ненависти!

— Лучше бы ты этого не делал, — я вздохнула. — Ведь эта "оболочка" позже породила *carere morte!*

Нонус отвернулся. Пропасть близкой черной воды отразила его печальное лицо:

— Когда я восстанавливал Макту, я не задумывался, как разрушительна может быть ненависть, не находящая объекта удовлетворения. Я создавал ей приятную для человеческих глаз оболочку, потому что в первоначальном виде она напугала бы любого. Многим ли захочется понять и пожалеть чудовище, для которого в нашем мире и слова не подобрать? Я приводил Лазара Арденса к Макте в первые годы, но он бежал в страхе. И я знаю, как заденет тебя это замечание, моя самокритичная Королева, но все же скажу: если б вместо зловещего ритуала уничтожения памяти крови и самоубийства Кармель честно отдала бы Макте долг Арденсов, никаких *carere morte* не было бы.

— Я это помню, — выдавила я. — Помню, Нонус!

— Прости, я иногда бываю несправедливо зол, — тихо и ровно. — Не мы одни выпустили в Терратиморэ это чудовище, но мы одни задумались о том, как загнать его обратно. Так уж получилось, — Нонус мягко улыбнулся. — Давай оставим злость на других и себя и обратимся к плану наших действий.

— Сейчас?! — удивилась я для вида, чувствуя, что внутри разгорается пламя признательности. Как мне все-таки повезло встретить *carere morte*, живущего одной со мной идеей! Судьба свела нас, или мы отыскиали друг друга по знакомому голосу одинаковой для обоих боли?

— Я как раз думал слетать, навестить тебя, а ты сама меня нашла. Что тянуть? Я готов, по глазам вижу, готова и ты, — игривые нотки появились в тоне Нонуса, будто он обсуждал со мной не кампанию по уничтожению Макты, а... наши отношения. Или мне уже мерещится это? Я почувствовала, что краснею.

— Я... готова.

Вдруг хлынул дождь. Скрыл Нонуса за прозрачной текучей стеной, и я рванулась к нему, еще не разумом, скорым на тревогу сердцем испугавшись, что сейчас он исчезнет за ней

навсегда. И прежде чем снова испугалась, теперь своего порыва, вампир уже обнимал меня. Глаза Нонуса оказались на уровне моих глаз, я видела свое отражение в них: худое лицо с огромными глазами, сведенными густыми бровями и морщинками сомнения у губ — маску смятения.

— Я люблю тебя, Ариста, — просто и неожиданно сказал Нонус — пустил кинжал, перерезавший канат, и мы рухнули в черную пропасть, рассекаемую тонкими прерывистыми серебристыми линиями воды. Я моргнула, стряхивая с ресниц дождь, и теперь увидела не свое отражение, а просто глаза Нонуса, светлые, прозрачной струй, льющихся с неба, но уже не холодные. В этот раз он не прятался от меня под маской тени, ярко, как днем, я видела его лицо, спокойное и ясное. Капли застревали в уголках его губ, сглаживая вечную усмешку вампира, делая ее не такой уж резкой. Его скорое дыхание обжигало мне щеку. А когда я крепче прижалась к нему, я услышала биение его сердца.

— Ведь это наилучший вариант любви, когда двое просто смотрят в одном направлении, верно? — добавил он, а я следила за движениями его губ, как зачарованная, а потом прижалась к ним своими, чтобы прекратить все слова. Не нужно пока вспоминать Бал Карды и стаи птиц, потом придет время разобраться, чего больше в моем чувстве — любопытства или благодарности, сейчас время ощущений, а не мыслей. В конце концов, всегда можно обвинить во всем дождь.

Намокшая одежда стянула тело ледяной коркой, тем чувствительней и слаще казались прикосновения его горячих сильных пальцев, изучающе поглаживающих мою шею и грудь, а, даря ласки сама, я прислушивалась к ускорившемуся биению его сердца и затаенно улыбалась. Он чувствовал эту улыбку на моих губах своими, тут же возвращал ее мне, и это ощущение казалось едва ли не сильнее другого, куда более интимного соприкосновения двух тел. Шум дождя отдалился и угас совсем, только вода все лилась и лилась с небес, очерчивая в темноте холодными мазками силуэты наших разгоряченных тел. Смертные разбежались от дворца под защиту деревьев парка, они боялись замерзнуть под черным ночным дождем, а двух *carere morte* этот дождь наоборот заключил в прозрачный кокон, дав согреться в обоюдных ласках, дав вспомнить наши все еще живые и умеющие больно, сильно и сладко чувствовать тела. Ласки становились все жарче. Я дразнила, то отдаляясь, то приближаясь, угадывая его желания и медля их исполнять, распаяя... пока Нонус не прижал меня к перилам мостика, не оставляя выходов, — без капли его привычной разумной отстраненности самозабвенное движение. Он вздернул мне платье до талии, а я за плечи привлекла его к себе еще ближе, так, чтобы выходов не осталось совсем.

— Все-таки не все вампиры оставляют влечение в первом пятидесятилетии, — лукаво заметила я, и теперь пришла очередь Нонуса прервать меня поцелуем.

Все можно, пока идет дождь — это стало нашим негласным правилом. Но вот, серебристые нити, сшивавшие небо и землю, разредились и пропали, разбитое ударами капель зеркало пруда вновь чернело гладкой глазурью. И вампир отступил от меня. Белая, не потемневшая от влаги куртка нелепо встопорщилась на мальчишески узких плечах, когда он скрестил на груди руки, спрятав облепленные намокшими кружевами изящные запястья. Он смотрел мне в лицо, взгляд бегал от губ к глазам, будто Нонус ожидал от меня каких-то слов или хотя бы знака. Но я молчала — осторожно. Игривость, с которой я только что проверяла границы холодности партнера, исчезла, вернулись все старые сомнения и обиды. И, наконец, вампир отвел взгляд.

— Это не мы, — сказал он то же, что недавно думала я. — Это дождь виноват. Давай

для общего спокойствия пока думать так, моя мокрая-до-нитки Королева. Очень скоро ритуал обмена кровью — обмена мыслями все равно сольет нас воедино, и все истинные чувства вскроются, как реки весной.

Я встрепенулась, выказав фальшивую деловитость:

— Когда?

Вампир оглядел опустевшую, потемневшую и засветившуюся зеркалами луж дворцовую площадь.

— На сегодня кураж толпы уже потерян. Я слышал клики призвать Асседи на трон, думаю, эта идея возобладает в народе на ближайшие сутки. Но это не значит, что можно отложить нашу эскападу. Я приведу своих кукол в рабочее состояние, и ты собери своих из окрестностей. Встретимся в старом дворце через два часа.

Я, не удержавшись, улыбнулась:

— Чтобы привести кукол в рабочее состояние, мне достаточно получаса, полагаю, тебе и того меньше. Остальное время ты, видимо, собираешься потратить на переодевание и прихорашивание? -

Голос, все-таки, звучал еще неуверенно: от неугасшего дыхания дрожало горло. Нонус шутливо развел руками:

— Не люблю вершить историю в потерявшей вид одежде.

Через два часа мы встретились на том же балконе старого дворца Асседи, где четырнадцать лет назад я стала *carere morte*.

Нонус полностью переоделся: в точной такие же белый плащ-куртку, расшитую кружевом рубашку и панталоны, только сухие. Я напрягала губы чтобы не засмеяться. Сама же просто просушила платье, покружившись в танце вокруг костра, разожженного на главной площади Карды. Таких безумных танцоров там было много... как и голодных вампиров вокруг. Не удержавшись, я обессилила в танце четверых или пятерых, вспоминая при этом гипнотические "Солнце и Луну" Бала Карды. Нонус тоже подкрепился по дороге: на кружевом манжете осталось пятно крови.

"Странная неаккуратность! Должно быть, он очень сильно волнуется..."

— А где старый знакомый из южной империи? — удивилась я. — Я думала, ты нас познакомишь.

— В этом нет необходимости: вы с ним будете заниматься разными частями моего плана. — Нонус облокотился о перила балкона, повернувшись в профиль. Заметно было, что он не хочет встречаться со мной взглядом. Я мельком подумала: из-за волнения или из-за недавнего дождя? — но вампир не дал углубиться в разбор догадок.

— Перейдем к делу, — сухо вато сообщил Нонус. — Ты, надеюсь, помнишь, что в моем плане избавления Терратиморэ от Макты я собираюсь поручить тебе пятерку старших вампиров. Вако может помешать моему опыту с Мактой, поэтому он и его компания должны быть устранены. Полагаю, ты не изменила отношения к ним за прошедшие годы?

— Я приведу их, куда скажешь. И втайне надеюсь, что ты прикажешь вывести их на солнце.

— Не совсем. После обмена кровью со мной ты должна будешь привести их в церковь Микаэля. Точнее, они сами побегут туда, едва узнав от тебя о Голосе Бездны — Атере, чья гробница находится под церковью... Уничтожить Атера — и Макту некому будет направлять, он уйдет в сон до рождения следующего Голоса Бездны.

— А дальше что? Разумеется, найдя Атера, пятерка захочет его уничтожить. Я должна

буду помешать им сделать это?

— Больше я не могу сказать тебе ничего сейчас. Видишь ли, пятерка вряд ли поверит твоим словам, но вот твоей памяти — поверит. Сведения об Атере они получают, когда один из них обменивается с тобой кровью. Они давно мечтают получить доступ к моей памяти и, конечно же, захотят сделать это через тебя, узнав, что мы — партнеры по мыслям. Не препятствуй им в этом.

— Ты собираешься открыть нашу память и мысли пятерке?! — возмутилась я. План Нонуса не казался пока хоть капельку ясным.

— Далеко не всю память и ненадолго, только до церкви Микаэля, моя скаредная Королева... Понимаешь меня?

— Наша память нужна, чтобы привести их в церковь, а оттуда они уже не выйдут живыми...

— Молчи! Не думай об этом! Никто не должен прочитать это в твоих мыслях.

— Хорошо. Но расскажи побольше про обмен мыслями. На что из того, что мне известно, это похоже?

Нонус задумался:

— Пожалуй, на управление куклой, сделанной из недавно умершего человека сохранившей его память и следы эмоций. Только это не управление, а партнерство, и твой сосед по крови не мертв.

— То есть, это совсем не похоже на управление куклой!

— Пожалуй. Еще представление о тени близости обменявшихся кровью может дать близость любовников. Но лишь о тени.

— А все обменявшиеся кровью *carere morte* чувствуют друг друга одинаково? Или в этих союзах есть более сильные и более слабые?

— Как и везде, в них могут быть сильнейшие и слабейшие. А могут быть равные партнеры, какими, уверен, будем мы с тобой. Если же в паре один явно сильнее другого, он может оттеснить соперника, отвести ему лишь крохотный уголок в общем мысленном море и заправлять его телом почти как телом куклы. Впрочем, даже в этом случае слабейший способен скрыть часть себя от соседа по мыслям. То, что не хочешь сообщать никому, можно спрятать под яркими воспоминаниями или утопить в реках сильных чувств. Но довольно разговоров, практика научит лучше теории... — резво и будто принужденно закончил он и незнакомым нервным жестом потер руки. Недовольная слишком скорым окончанием введения, я нахмурилась:

— И ты полагаешь, после такого объяснения я дам тебе залезть в свои мысли?

— Я точно также дам тебе залезть в свои. Если б был другой способ собрать пятерку в одной ловушке, я бы воспользовался им. Но способа нет: я перебрал все возможные варианты, и все они хуже церкви Микаэля. Выше нос, обмен кровью это совсем не так обременительно, как написано сейчас на твоем лице. А для похоже мыслящих и чувствующих *carere morte*, как мы с тобой, он вовсе станет интересным развлечением.

— Но если наша кровь бессмертна, мы будем читать друг у друга мысли всю вечность? Убрать другого из своей головы потом как-нибудь можно?

— Я за сто сорок лет не нашел средства, кроме смерти одного из партнеров. Можно заслонить свои мысли стеной, так что партнер не будет знать почти ничего. Какие-то сильные эмоции долетать до тебя даже сквозь барьер, но постоянного шума чужих мыслей не будет. На самом деле, чтение мыслей между идеально чувствующими друг друга

партнерами похоже на чтение книги: захотел — открыл и прочел, а не захотел — пусть пылится дальше.

Я скептически усмехнулась, хотя сравнение воодушевило:

— А вырывать страницы из этой книги можно? А писать между строк свое?

— То есть лишить партнера части его воспоминаний или заместить его мысли своими? Нонус улыбнулся. — Нет. Представим, что эта книга сделана из некоей неповреждаемой бумаги, на которой кроме того, что написано, ничего своего надписать нельзя — свободную волю партнера обмен кровью не отменяет. Впрочем, можно сделать больно, можно заставить повиноваться болью... но не думаю, что это твой метод, моя добрая Королева. Да и строптивцы редки, гораздо чаще партнер по мыслям бывает рад дать тебе решать все за него, присасывается как пиявка.

— Ты с кем-то уже общался столь близко, да?

— Да, много лет, — Нонус упрямо смотрел вдаль, сцепив пальцы в замок так, что они побелели от усилия.

— Кто же он? Или это она?

— Это был Атер, — Нонус резковато усмехнулся. — Не бойся, он давно в забвении, накрытый знаменем Арденса. Он не ворвется в твои мысли ужасным видением.

"Какой неожиданный и в то же время предсказуемый кусок прошлого белого вампира! Очередная темная тайна Нонуса раскрылась, какие еще впереди? Он так много говорит с родстве наших душ, но чем больше говорит, тем меньше я его чувствую..." Я содрогнулась:

— Но если это знамя убрать...

— Ни я, ни кто-либо в Терратиморэ этого делать не собирается. Я воспользовался знаниями алхимика, чтобы приготовить зелье, и, надеюсь, более он мне не понадобится.

— Гм...

— Ты что, все еще боишься, моя бесстрашная Королева? — Нонус впервые за беседу взглянул на меня с интересом. — Нет, это не страх, ты трепещешь от любопытства, когда я приоткрываю хоть кусочек своего прошлого! Хочешь получить все? Подойди.

Я молчала. Очень странный Нонус и очень странный разговор, втроене странный после поцелуя под дождем! Я ожидала большего. Более теплой встречи, более подробных объяснений. А сейчас складывалось впечатление, что Нонус задвинул меня на дальний край своей игровой доски и обращался соответственно, не как с другом, а как с игровой фигуркой. Почему? Что это, месть обиженного? Но он же сам согласился считать дождь во всем виноватым... Или Нонус спрятался в этой фразе, как обычно прячется за защитным обращением "Королева", а сам втайне ждал решительного шага от меня? Бездна, что я могла бы сказать ему: что на одних благодарности и уважении не вырастить цветок любви? Что стаю птиц в ночь Бала Карды забыть не получится? -

И еще: я боялась, очень боялась. Пусть мои любовники не были похожи, но я чувствовала в Нонусе ту же скрытность и упрямство, что в Эреусе... и слишком помнила, какой болью закончилась та моя любовь.

Вдали, на площади дворца Макты, снова волновалось людское море, искры от зажженных костров уносились в небо, рисуя по черной глади новый звездный узор. Карда ждала, когда Асседи примет решение и явится во дворец, поборов страх перед Мактой, но претендент на корону медлил. Не медлили только *carere morte*, хаос в мире смертных стал для них праздником с великим пиршеством. Так и я молчу. И медлю, а мой новый страх крылатой клочковатой тенью расползается все дальше, поглощая верные мысли и усыпляя,

как дурманная трава... -

Нонус опять отвернулся, он глядел на город. Изящная тонкая фигура, совсем не похожий на Эреуса и точно такой же. "Не рассказывает ничего, а после спрашивает строго!" — с досадой подумала я, но при взгляде на вампира в душе поднялась не волна ненависти, а что-то совсем другое, беспокойное и светлое. Может, эта встреча дана мне, чтобы исправить старую ошибку, жертвой которой пали мы с супругом? Тогда я бежала от страха, который возбуждали во мне странные умолчания Эреуса, не пыталась ни поговорить с мужем по душам, ни разузнать о делах охотников на стороне, и дорого пришлось платить за мнимый покой! Я заплатила тремя жизнями: Антеи, Эреуса и своей — после смерти дочери нас обоих нельзя уже считать живыми.

"Но сейчас тебе нечего терять, Ариста, и нечего бояться. Что же ты?!"

Я глубоко, дрожаще выдохнула и шагнула к Нонусу. Он развернулся ко мне, веселый и насмешливый как обычно:

— Ну что, ты все-таки готова, Ариста?

— Что нужно делать? — тихо спросила я, подавая ему руку ладонью вверх. Дружеский, доверительный жест. Нонус достал кинжал и порезал протянутую ладонь, затем также порезал свою и, глядя мне в глаза, шагнул навстречу. Я отпустила все мысли, догадки и страх и почувствовала позабытый еще со времен правления Арденсов покой. И мы пожали друг другу пораненные руки, смешав холодную кровь.

— Лучше закрой глаза. Представь, что осваиваешь новую куклу, — шепнул Нонус. Я зажмурилась как дети, загадывающие желание, и стиснула руку вампира.

...Теперь все было готово для завершения моего плана, и завершиться он должен был быстро, за пару ночей. От мысли о том, что до начала новой эры остались не тысячелетия, а часы, кружилась голова. Новый мир, каким он будет? Дети ненависти Бездны создали ад на земле, дети любви должны создать рай. Утопическую мечту поэтов и сказочников: край чудес, землю волшебства...

"Что это? Это мои мысли... или не мои? Я могла бы мечтать так, но..."

— Нонус... — лепечет кто-то. Перед мысленным взором встает знакомое, будто уже виденное в яви, а не на картинках лицо. Алхимик Атер. Вечность изменила его: смуглая кожа стала землистой, щеки ввалились, как у мертвеца. — Я выбрал тебя не потому, что ты был слаб, а потому, что ты был достаточно силен, чтобы выдержать. Поверь... -

Но его глаза в глубоких глазницах, все такие же живые, пронзительные и полные злой змеиной мудрости, убеждают не верить. Видно, что его растерянность, смирение — лишь притворство.

Это подземелье церкви Микаэля, а старик — мой пленник. Я держу узкий как плетень серебряный кинжал у его горла, и моя рука — это рука Нонуса.

— Я... Нонус... Не держи зла, — бормочет Атер. — Ты на моем месте... любой на моем месте поступил бы также.

— Не также! Я исправлю то, что ты сделал! Я дам Макте то, что он ищет: жизнь! Тогда он уйдет, а я получу возможность создать новое воплощение Бездны, воплощение доброго, а не злого чувства. Создам — и не стану заключать его в клетку, как ты!

— Ты все упустил, бездарный мальчишка. Это уже невозможно! — вот, Атер и скинул маску беспомощности. Но за злостью в глазах старика мелькает страх, и я чувствую прилив злобной радости: это все еще возможно... Возможно!

Шутливо, изысканно кланяюсь:

— Спасибо вам за знания и... цель, Учитель.

Где-то на границе ощущений осталось пожатие руки Нонуса — там, в старом дворце Арденсов. Остальное все поменялось: понятия, мысли, чувства... направления. Картинки прошлого листались, как страницы книги. Грязный маленький город, солдаты в синих, подбитых мехом плащах и массивных панцирях северян шли дорогой Виндекса. Сердитое лицо Атера, еще до превращения в карере морте, выговаривающего что-то, стыдящего за беспочвенные мечты о силе всей Бездны и довольно улыбающегося в ответ на мое покорное: "Я был не прав, мастер..." Покорное лишь внешне, внутри себя я знаю, любые мечты в мире, пронизанном Бездной, однажды станут реальностью. Только это знание и поддерживает холодными вечерами над очередной рукописью, когда один ореол свечи отделяет маленький кусочек моего мира от окружающей пустоты одиночества и безнадежности. Той пустоты бессмысленности, разлагающей все на атомы и дальше — до ничто и никогда, той, в которую падаешь каждую ночь в кошмарном сне... Потом — краткое видение Лазара Арденса, не такого гладкого, как на монетах, и будто больного, усталого и старого, с тихим низким голосом:

— Создание Бездны, но не свободное, как существа южан, уязвимое? Ты безумец, Атер. Но если твой ритуал подарит мне еще чуть-чуть жизни, я согласен и на создание Бездны...

А дальше — земляная лестница, укрепленная скользкими досками, ведущая в глубокий подвал. И тяжелая дверь в конце. Я осторожно, чтобы не оскользнуться на ступенях, спускаюсь, но кто-то все торопит, подталкивает, понуждает идти быстрее и ни о чем не думать. Наверху сейчас позднее утро, солнце, гомон людей, торопящихся на рынок в базарный день, а тут — все еще ночь и, кажется кошмарный сон притаился совсем недалеко, за той дверью.

— Учитель, вы так и не посвятили меня в свой план...

Атер что-то ворчит за спиной. После того ритуала для Лазара Арденса он стал иным, словно слегка сошел с ума. Но я все еще зол на него за ритуал, лишь исказивший частицу Бездны, не давший Ей раскрыть силу в полной мере, и ничуть не жалею безумца:

— Может, в клетке солнца это неудачное создание само издохнет, Учитель?

Атер ворчит, что нет, что мы будем кормить его жизнью, содержащейся в крови... а я все еще не понимаю, что это про меня, не догадываюсь, зачем меня сюда ведут. Недоверчивый к другим, Атеру я все еще доверяю. Как не доверять человеку, открывшему тебе великое знание о Бездне, знание, ставшее смыслом твоего существования?

Мы вдвоем тянем тяжелую дверь. Тускло блестит в свете свечи в моей руке серебро, сплошным листом которого она обита изнутри. За дверью — тьма, но Атер резким движением опускает вниз рычаг на стене, открывая тоннели-окна в стенах. Бледно-голубые лучи настоящего солнца освещают мрачное помещение перекрестьями лучей наподобие клетки. А в клетке — сгусток тьмы, выбрасывающий в стороны протуберанцы тени. Похожий на звезду, испускающую какой-то небывалый черный свет.

"Что это? Макта?"

Я вроде бы понимала, что это — лишь видение далекого прошлого, и в реальности мне ничто не угрожает, но страх был силен — и мой, и того, в чьей памяти я находилась, силен также, как в кошмарном сне, от которого можно и не пробудиться... Постепенно становилась различима неоднородность сгустка. Он расслаивался, распадался. Скоро я поняла, что смотрю на фигуру человека, черную-черную, лишенную каких бы то ни было индивидуальных черт, похожую на набросок. Она казалась слабой, очень слабой тенью, но я

знала: это не тень. И абсолютная реальность черного существа вызывала стон отворачивания. Да, оно было. В этом мире. Не видение, не мираж, не подделка. Оно не дышало, но не было мертво. Оно что-то мыслило и чувствовало там, под лишенной индивидуальности оболочкой. Оно — воплощение Бездны в нашем мире.

...Меня пугает это существо. Ободряет только одно: для его силы в этом мире есть ограничения — серебро и солнце. Я делаю шаг в комнату, и что-то вдруг с силой толкает в спину. Я пошатываюсь, с удивлением оборачиваюсь к Атеру, но на половине поворота внимание привлекает другое: торчащее из моей груди тонкое лезвие серебряного кинжала алхимика.

— Учитель?..

Я еще не успеваю осознать, что это значит, как лезвие ныряет обратно, оставляя каплю крови на рубашке. Подкашиваются ноги, но я не падаю — Атер укладывает меня, будет подопытное животное, на каменную плиту пола с еще не стершимися после ритуала следами символов, начертанных где углем, а где кровью. Боли нет, но я не чувствую тела от места удара и ниже. Я вижу, как моя кровь узким ручейком сбегает по плите к черной фигуре. Разум вопит: "Беги!", но я едва могу пошевелиться, и вернее паралича тело сковывает ужас.

Существо вдруг приходит в движение. Она ползет ко мне, огибая лучи света, ползет... по частям, стремясь к жизни, заключенной в крови, каждым протруберанцем, ощупывает поверхность перед собой каждым лучом. Мороз проходит по коже от неестественности этих движений. И сердце будто наливается холодной водой от страха, бессмысленного и безнадежного, ведь я осознаю, что обречен.

— Так. Так. Так, — довольный голос Атера, как удары погребального колокола, отдается звоном в ушах.

— За что?.. — шепчу я, но он не слышит. Не отвечает, как никогда не отвечал на стоны подопытных животных.

Фигура поворачивает ко мне то, что раньше было лицом. Черный овал, сияющие белые звезды — глаза, зияющая рана раскрытого рта — воронка в Бездну. Щупальца тьмы подползают все ближе. Я дергаюсь из последних сил, и Атер перехватывает мою всплеснувшую руку за запястье, режет кинжалом ладонь. Потом быстрым взмахом рассекает серебром самый близкий отросток тьмы и дает ему, содрогающемуся от боли, но все такому же голодному, оплести мою пораненную руку...

— Не бойся, — шепчет он, задыхаясь от восторга любопытства, ведомого и мне, но все тем же безумием сверкают его глаза. — Из тебя не выйдет мудреца, но ты умеешь быстро соображать, Нонус. Соображай! От страха теряют разум. А разум — еще одна клетка для Бездны. Думай. Думай, а не бойся!

Я тщетно пытаюсь вырвать руку, но уже слишком слаб, и Атер приближает, и приближает ее к черному существу, протягивает ему мою ладонь, оплетенную черными лентами тени, как дар. Я напрасно ищу в глазах алхимика сожаление, я так и не слышу его "Прости". Белые глаза-звезды и пасть — воронка Бездны все ближе, ближе...

"Нонус, где ты?" — позвала я мысленно, от ужаса перед Мактой полностью вспомнив и себя, и что происходит... на самом деле. Глубоко же нырнула в его память! Как теперь выбраться, прийти в себя — в буквальном смысле?

"Нонус!"

Я рванулась прочь от Макты. Тот потянулся, показалось, уже за моим, не жертвы алхимика, движением, и ужас подхлестнул, я выскочила из видения в черноту, только эхо

последних ощущений жертвы Макты еще сопровождало меня: ледяной огонь, по сосудам распространяющийся от раны на ладони до самого сердца.

"Не бояться... Думать... Думать! Отгородить сияющей клеткой хотя бы разум, когда тьма уже пожирает тело! Это не кошмарный сон, это реальность. И здесь нет чудовища, полного Пустоты, есть несчастное, искаженное частицей Бездны создание... Что оно? Зачем оно осталось в этом мире? Придется стать таким же, чтобы понять это полностью, но, кажется, суть его уже ясна..."

Жгучий яд поднимается по венам к голове. Он так похож на тот, которым переполнилось собственное сердце от одного последнего взгляда на невозмутимого Учителя, ставшего предателем... "Этот яд — ненависть, и единственным противоядие к нему — месть!" -

Ярко вспыхнув напоследок, и эта эмоция угасла — первый из детей Макты погрузился в беспмятство. Осталась только темнота... И я, Ариста.

"Тогда, почему темно? Ах, Нонус же говорил закрыть глаза!"

Я открыла глаза, но увидела перед собой не его, а свое лицо: будто отражение в зеркале, только у отражения глаза были по-прежнему закрыты. Отвыкшая от чистоты картинки, не разламывающейся на части трещинами, не осыпающейся осколками очередного зеркала, я замерла, вглядываясь в себя. Глазами кукол я много раз видела себя со стороны, но ни разу не приближалась, чтобы не запутаться в ощущениях. Вот какое оно сейчас, мое лицо: угловатое, похудевшее с резкими гранями скул и провалившихся щек. Напоминанием о былой красоте остались длинные черные ресницы, густые, красивой формы брови. Нос заострился, губы побледнели — и мое и чужое лицо, больше чем тень, но меньше чем человек. Удивительно разглядывать его теперь, когда история этой женщины проходит перед взором собственной памяти: и морщинки и неточности вдруг обретают смысл — и новую прелесть... -

"О, но последнее — уже не мое впечатление!" Я будто на волнах качалась в море общих мыслей, то чужая волна меня подымала, то своя. И гул этого моря нарастал, постепенно переходя границы безболезненности... -

Будто каменная стена рухнула в только что осознанное мной мысленное море, разделив его пополам. Перед глазами опять была чернота, но ни голосов, ни толкущихся на границе зрения видений.

— Открывай глаза, Ариста, — позвал Нонус.

Я подчинилась. Мы с Нонусом по-прежнему стояли на балконе, взявшись за руки. Вампир иронично улыбался:

— Руки можно уже расцепить... Вот так. Ну что, понравилась новая "книга"?

— Я запуталась, — я вздохнула, машинально потирая зудящий заживающий порез на ладони о платье, — запуталась совершенно! Голоса, твой и чужие, картинка Карды сто лет назад, Лазар Арденс, Атер... Макта. То, последнее, в подземелье... это был Макта?

— Именно так. Ты попала прямоком в мою ловушку, — Нонус довольно хлопнул ладонью по перилам балкона. — А когда выбралась, открыла глаза в моем теле, и мы зацепили друг друга, когда оба любовалась тобой. Все верно? -

Он весело улыбнулся, а я все не могла выбросить из памяти его последние эмоции тогда, полтора года назад. Ненависть, разочарование, ощущение безнадежности и желание мести — так похожие на то, что ощущала я сама в момент обращения.

— Твоя история, и правда, очень похожа на мою, — тихо заметила я.

— Разве я обошелся с тобой так же жестоко, моя Королева? — Нонус искренне удивился, и я почувствовала, как это удивление тут же отразилось на поверхности нашего общего мысленного моря легкой рябью.

— Нет, но это было также быстро и... безжалостно. И я также стремилась к обращению и уговаривала себя не бояться, как ты. Потому что также хотела понять, что такое карере морте. Только вот... о мести я не думала.

— Исполнение моей мечты и станет мезтью Атеру. Мезть для меня не самоцель, это приятное дополнение. Но ты подумай, может, твоя клятва — также видоизмененная мезть? — неизвестно, что уязвило Нонуса, но улыбался он теперь уже очень холодно. — Ладно, не забивай лишним прелестную головку. Поговорим об устройстве ловушки.

— Что еще за ловушка, Нонус? — я позволила себе легкую обиду и тут же почувствовала, как она волнением отразилась на волнах общего моря мыслей. Это море так и не исчезло, осталось рядом, будто за окном домика на уступе береговой скалы... Неужели, оно останется навсегда? — Ты хочешь сказать, что сейчас показывал мне неправду?

— Это были мои настоящие воспоминания, — заверил Нонус, перейдя на спокойный доброжелательный тон и тут же успокоив этим рябь. — А ловушку нам надо будет сделать для того из пятерки, кто пожелает присоединиться к нам в увлекательном плавании по морю мыслей. Как ее сделать? Нужно выбрать несколько ярких воспоминаний, идей, собственных или чужих, принятых близко к сердцу, снабдить их эмоциями, настолько сильными, насколько возможно, и пустить их бежать по кругу, связав единой цепью ассоциаций. И тогда, если во время обмена кровью думать о чем-либо из этой цепочки, твой гость попадет в волшебный замкнутый круг, и будет метаться по нему, ничего не узнавая об истинных твоих мыслях и чувствах. Самое главное и самое сложное, моя Королева, относиться потом ко всему, происходящему вокруг, отстраненно. Потому что твои сильные эмоции способны пробить стены твоей же ловушки.

Я покачала головой, несмотря на объяснения Нонуса чувствуя некоторую неуверенность:

— Я звала тебя из ловушки. Ты не слышал или не отзывался? А когда поймала твое впечатление о себе, показалось, что оно сделано на основе уже моей памяти. Ты что, успел покопаться в моих воспоминаниях без моего ведома?

— Хороший вопрос, — вампир немного помрачнел. — Твой зов я слышал, потому что следил за тем, что творится в твоих мыслях здесь и сейчас. Я наблюдал за тем, как ты бегала по кругу, но не отзывался: хотел посмотреть, как ты выберешься из ловушки. Когда ты добралась до Макты, нить ужаса вывела меня в твое прошлое, и я увидел твои старые страхи. Видишь ли, обмен кровью вовсе не дает полного, абсолютно открытого доступа ко всем знаниям, памяти, опыту партнера. Двери к кускам твоего прошлого для партнера отворяются только в те моменты, когда ты вспоминаешь что-то или чувствуешь те же эмоции, что и во время искомого события. И ты совершенно правильно отметила: изнутри себя ты не можешь почувствовать, роется партнер в твоей памяти или нет. Но можно понять это, отследив его мысли. Что-то вроде подглядывания в замочную скважину.

— А если мы оба будем друг за другом так подглядывать, одновременно?

— Получится мысленный резонанс, и обоим покажется, что голова вот-вот расколется от боли. Ты должна была почувствовать начало этой боли, когда мы с тобой столкнулись на одной мысленной дорожке, любуясь твоим лицом. Если такое произошло, нужно перейти на другую дорожку — обратить внимание на внешний мир или перевести на другую дорожку

партнера, окликнув его, как я окликнул тебя, — Нонус хитро улыбнулся. — И вот как раз тут и лежит ответ на один из важнейших для тебя вопросов, Ариста: почему я выбрал для обращения тебя, а не кого-то другого. Меня поразило твое доверие к мужу. Да, ты умеешь доверять, и не станешь отслеживать, что я думаю в каждый миг, точно также, как я не стану отслеживать это о тебе. То, что я сейчас проделал, не в счет, я просто проверял, как работает ловушка.

— Мое доверие к Эреусу основывалось, прежде всего, на незнании, — хрипло заметила я. Нонус легкомысленно махнул рукой:

— Очередная твоя придуманная вина. Я рассматриваю только твою способность доверять — и ничего более.

Пришлось проглотить это. Я попыталась снова задуматься о плане вампира и скоро воскликнула:

— Но тогда получается, чтобы быть уверенной, что мой гость из пятерки не покинул ловушку, мне придется все время подглядывать за ним, отслеживать ход его мыслей!

— Я помогу, будем следить поочередно, — теперь раздражился Нонус, гладь общего моря мыслей опять задрожала. — Также можно отследить, что партнер залез в закрытую для него мысленную область, по тому, как изменился фон его эмоций — поверхность общего моря. Если она вдруг забликовала чужой яркой радостью, ужасом, интересом, стоит скользнуть в "здесь и сейчас" гостя и проверить, не зацепил ли он нечто запретное для себя в твоей памяти. Если, действительно, зацепил, вытолкни его прочь любой сильной эмоцией или воспоминанием. А за твою ловушку не волнуйся: в нее мы зложим все ответы на первейшие вопросы Вако к нам. И кинем побольше живых эмоций: пусть обменявшийся кровью думает, что перед ним вся ты, а не малая часть Аристы Эмендо. Тогда пятерка решит, что мы не лжем, и останется довольной тем, что им открылось. Если же гость все-таки выберется из ловушки, он прежде всего постарается вернуться в свое тело, это естественная первая реакция. Туда — пусть бежит. Заодно сообщит остальным, что узнал.

Я опять покачала головой:

— Зная Вако, предположу, что он предпочтет нападение. Добраться до твоих истинных планов и целей прежде возвращения в родное тело.

— А что ты знаешь сейчас о моих истинных планах? Что Вако сможет узнать о них через тебя? Ничего! Ты просто веришь мне, — Нонус улыбнулся и дружески приобнял за плечи, — Зная Вако, предположу, что одной веры ему окажется недостаточно. Не узнав от тебя, он захочет узнать о моих планах от меня, а я быстро поймаю его на этой дороге и швырну в пасть своей ловушки.

Тело расслабилось от его теплого прикосновения. И, хотя сомнения по-прежнему сковывали разум, я улыбнулась в ответ:

— Значит, черная фигура в твоей ловушке — это Макта после опыта Атера? Из такого состояния ты восстановил его до нынешнего? Как?!

— Веди себя хорошо, не задавай лишних вопросов, моя любознательная Королева, и однажды я покажу тебе историю восстановления Макты одной семичасовой театрализованной поэмой, — ухмыльнулся Нонус. — А сейчас пора обозначить детали предприятия и перейти к делу.

— Хорошо, — я нахмурилась, задумавшись. — Ты ни разу не сказал, а как я встречусь с пятеркой?

Нонус картинно развел руками:

— Понятия не имею!

— То есть, как?! Или я должна сама продумать детали этой встречи? Ты, м-м... проверяешь мои умственные способности?

— Не сомневаюсь, что ты легко и быстро решила бы эту задачу, но все уже решено. Я же понятия не имею, как произойдет твоя встреча с пятеркой, потому что отдал инициативу в этом пятерке. Едва вернувшись в Терратиморэ, я пустил слух: Нонус обменялся кровью с Лесной Старухой. И желающий узнать все планы самого странного вампира земли страха должен обменяться кровью с его ученицей.

— Значит, ты... ты уже предал меня им?

— А их — тебе, моя беспощадная Королева. Сейчас придумаем твою ловушку, а затем ты вернешься в северное логово и будешь ждать. Полагаю, Вако уже сообщил Асседи, что ему нужна Лесная Старуха, и тот отправил за ней охотников. Скоро за тобой придут. Не волнуйся: с сосудом моих мыслей пятерка будет обращаться бережно.

После создания, под чутким руководством Нонуса, своей ловушки, все еще недоумевающая, пошатывающаяся от волн то собственных, то чужих мыслей и чувств, я возвратилась в логово в северном лесу. Я пыталась привести то, что сказал Нонус, в цельную систему, но не выходило, в тонко сплетенной сети зияли порядочные прорехи. Видимо, вампир тем стремился обезопасить свой великий план от вмешательства пятерки, увы, не вполне веря в силу моего духа. Скоро я вызвала Нонуса на новый разговор и попробовала нырять в нашем общем мысленном море по нитям его воспоминаний, тянущимся от некоторых реплик. Но Нонус был настороже и каждый раз выставлял на моем пути щит, отталкивающий в знакомую ловушку. После последнего погружения я вовсе вылетела на поверхность вся красная от смущения: вместо ловушки с Мактой Нонус отправил меня в сцену обретения крыльев, только взятую не с моей, а с его стороны. После этого осталось качаться на волнах чувств и обмениваться репликами, как в обычном разговоре, только истинное состояние собеседника теперь можно было читать не по его лицу и рукам, а по искажению поверхности воды, гораздо более тонкому и в то же время гораздо более сильному:

— Значит, ты все подглядываешь за мной, предупреждая попытки проникнуть вглубь твоих планов... Ты скрываешь свой план, потому что полагаешь, я выдам его пятерке? Ты мне не доверяешь? Сомневаешься в моей силе?

— Я оберегаю тебя: лишние задачи, вроде охраны от Вако деталей моего плана, тебе, неопытному пловцу по морю мыслей, совсем ни к чему, — гладкая поверхность моря так и излучала искренность, но я прищурилась, пытаюсь пронзить то, что пряталось под зеркальной гладью:

— Так обучил бы меня раньше... Ты все-таки не доверяешь мне!

Вместо ответа Нонус вдруг открыл воронку вдали. Я подплыла и заглянула на дно водоворота. Там была спрятана далекая зимняя ночь и балкон старого дворца Ардесов. Там была истинная причина того, почему Нонус меня обратил. В ту ночь он явился в заброшенный дворец, почувствовав беззвучный вопль о помощи, который сначала показался ему эхом его собственного крика. Он спас меня, чтобы я спасла его. Я стала для него другом, вдохновением и судьей сразу, — то, что и я давно чувствовала по отношению к нему.

Продолжить разговор нам не дали: посланные Асседи охотники Диоса явились за Лесной Старухой. Они взяли огонь и подожгли лес, вынудив бежать к реке — моей старой знакомой. Я неслась вместе с крылатыми и мохнатыми, крохотными и огромными тварями,

лишь изредка огрызаясь. Защита, окружающая каждого охотника алмазным щитом, дразнила, убеждала попробовать разгрзнуть ее, но я не перестраивала кукол для нападения. Потом. Сейчас пятерка Вако должна получить Лесную Старуху. Время моего хода наступит в церкви Микаеля... Незадолго до рассвета охотники загнали меня в реку. Я стояла по колена в воде в узком, облепляющем фигуру нижнем платье, с рассыпавшимися по плечам черными волосами, вокруг сгрудились мои звери, а птицы кружились в небе надо мной большой, грозно клокочущей тучей.

— Лесная Старуха! — перешептывались охотники. Вперед вышла одна, рыжеволосая и статная, без маски, скрывающей лицо. Она не боялась мести вампиров: тем не случилось уйти от нее живыми. Я знала это, потому что иногда следила за ее рейдами в Карде... Фламма Диос, новая жена Эреуса.

— Асседи приказал привести ему Ужасную Старуху, живущую в этом лесу, — сообщила охотница, наставив на меня взведенный арбалет, и чуть нахмурилась. — Полагаю, речь идет о вас, леди Эмендо?

Меня связали какими-то специальными веревками, вытягивающими силы, набросили мешок на голову и кружным путем через реку повезли в Карду. Я посмеивалась глупости охотников: неужели не понимают, что глазами кукол я все равно увижу дорогу? К вечеру мы достигли Карды. Близ городских стен охотники передали меня слугам Асседи и ретировались. Но эти смертные не повезли меня к хозяину, и едва охотники скрылись из виду, вновь передали, теперь слугам Вако. Меня повезли в тайное убежище пятерки — все, как говорил Нонус.

Я ожидала, что Гедеон проявит большую изобретательность в сокрытии кардинского убежища пятерки, но тот ничего не стал добавлять к тому, что сделали охотники. Я безо всяких помех глазами кукол-птиц следила за маленькой, будто игрушечной черной каретой с гербом Вако, в которой меня везли. Запряженная двойкой, она скользила по блестящим от жидкой грязи улицам нижней Карды. Моя ловушка для пятерки была готова, и я отдыхала в мысленном море, покачиваясь на теплых и ласковых волнах общего покоя.

Кони замедлили бег на Последней улице нижней Карды. Улица эта получила мрачное название, ставшее основным, за то, что, по уверениям старожилков, забредший туда на свою беду житель более благопристойного района Карды назад уже не возвращался. Похоже, именно здесь находилось одно из основанных убежищ пятерки старших вампиров... И точно — кони встали у хлипкой хибары в конце улицы. На вид она ничем не отличалась от таких же хибар вокруг — не то жилищ, не то гор мусора, кое-как слепленных грязью, косо уходящих в землю по край окон первого этажа, но под этой угадывались обширные подземные залы. Их богатое убранство золотым светом пробивалось из мутных слюдяных оконеч подвального этажа на уровне лодыжек. Единственную дверь охранял смертный оборванец.

Привезшие меня стянули с головы мешок, перерезали веревки и подтолкнули к двери. И я впервые за день почувствовала небольшую тревогу Нонуса, взметнувшую в общем мысленном море острроверхие волны.

"Все получится", — тут же подбодрил вампир. Я скользнула по нити этой фразы в его "здесь и сейчас". Проследила его взгляд. Нонус возвратился в столичный дом и в лаборатории листал какой-то пухлый том записей. Но четкие движения его руки внезапно показались отстраненными. То ли Нонус отвлекал сам себя от невеселых дум и злых эмоций, то ли... старался для меня, изображая видимость деятельности?

Нонус заметил мое подозрение. Аура боли охватила голову, и вампир захлопнул книгу, отвлекая нас обоих.

— Ты кого-то ждешь? — наугад бросила я уже с общей поверхности мысленного моря.

— Старого знакомого, южанина, — преувеличенно ровно отозвался он, сделав этой фразой водную гладь на мгновение блестящей как зеркало, отражающее безмятежные небеса и скрывающее, что творится в глубине. Только показалось, там мелькнуло что-то серебристой спинкой таинственной рыбы. Что-то... Не тот ли узкий серебряный кинжал, которым Атер колот Нонуса, которым Нонус угрожал ему потом?

В реальности меня в это время опять подтолкнули к двери, на этот раз уже совсем невежливо, и я отложила в сторону картинку моря, на миг ставшего зеркалом. Оборванец у двери сглотнул, и я зачем-то проследила как дергается его кадык, как теплая кровь ходит по вене рядом вверх-вниз... Смертный отступил в сторону, тронув дверь, и та отворилась, открыв длинную лестницу, уводящую в темноту. В спину опять толкнули, и я начала спускаться в убежище пятерки, ведомая скорее обонянием, чем зрением. Все куклы остались снаружи. В подземелье было несколько мелких созданий Нонуса, при желании можно было обратиться к картинке от них, но пока не хотелось так нагружать несчастный разум. Пахло кровью, и этот аромат с каждой новой ступенькой делался все сильнее. Я будто в реку входила: вот я по колено в ней, вот по грудь, а вот — вода захлестывает голову. Проснулась воронка голода, заворочалась в груди, хотя я хорошо накормила ее прошлой ночью. Увы, управление армией кукол быстро истощает силы кукловода...

В конце лестницы отворилась еще дверь — тяжелая, громадная, не в пример верхней. Желтый прямоугольник света упал на последние ступени, лизнул край платья. Там, внизу, ждет меня пятерка старших... Я глубоко вдохнула, чтобы первая фраза вышла достаточно громкой, а каблук меж тем отсчитывали последние ступени.

Я была готова к встрече с Вако, но, увы, первый зал оказался пуст: только стража из вампиров младших поколений вперемешку с людьми. Странность привлечения к охране сильнейших из вампиров смертных объяснялась просто: оружие в руках вампиров не могло причинить вреда охотникам, находящимся под защитой собственной частицы Бездны, но в руках смертных обретало стандартную поражающую мощь, и поединок двух Бездн превращался в обычный поединок двух смертных. Пуст оказался и второй зал — трапезная с выложенными камнем полом и стенами, с большой печью в углу и толстым железным столбом в центре. По периметру зала в полу были проделаны канавки. Даже чисто вымытые, они пахли кровью, которую сюда сгоняли с пола после каждой трапезы. Я представила масштабы обедов, проходящих тут, и содрогнулась. Если б вампиры Карды знали хотя бы секрет Нонуса — секрет приготовления несворачивающейся длительное время крови!

— Нонус, не думал с ними поделиться? Столько крови уходит впустую!

— Не эта ли леди мечтала извести тварей до последней? А теперь ищешь, как бы облегчить им существование, Ариста? — Нонус устало засмеялся, я тоже улыбнулась:

— Да, я заговариваюсь. Но, все же... мы не знаем, сколько еще лет это продлится.

— Недолго, если мой план удастся, — ровно заметил Нонус. Я спокойно прошла третий зал — комнату отдыха, передо мной распахивались двери четвертого. Старейшие вампиры заседали там.

Я знала: встреча с ними станет тяжелым испытанием, но все же шла почти с радостью. Не только благодарность и желание помочь Нонусу вели меня. Много вопросов накопилось к самой себе за прошедшие годы. Достойную ли цель я выбрала? Исцеление так похоже на

прощение... Смогу ли я справиться с этой целью, если до сих пор не смогла простить ни себя, ни мир? Одиночество и игры с куклами разрешению сложных вопросов не способствовали. Я спрашивала себя, спрашивала мир, но не получила ответов. Не спросила я только самых ненавистных *carere morte*, погубивших Антею — значит, ответы у них.

Мои конвоиры встала у дверей четвертого зала, а я машинально сделала еще шаг вперед. Четвертый зал был небольшим, углы, если они были, тонули в темноте. Пятерка расположилась за большим круглым столом в центре, в креслах с высокими спинками. Явно в подражание тайным орденам аристократии, не хватало лишь одинаковых балахонов и прячущихся в тени капюшонов лиц... Ах, я бы хотела не видеть этих ненавистных лиц!

Все были одеты по строгой моде, внедренной Мактой. Вако в темно-синей куртке с круглым воротником занял место напротив двери, по обе руки от него расположились дамы — Семель и Майя, а Алоис Митто и Хонор Дивелли сидели ко мне спиной. И хорошо. Потому что если б Митто только посмел взглянуть на меня сейчас, остался бы без глаз... и дальнейшая беседа, вероятно, была бы скомкана.

Вако узнал меня сразу и, к его чести, не испугался. Он даже вовсе не показал удивления ни лицом, ни телом: руки так и остались лежать на столе расслабленно и спокойно. А вот мои руки сжались в кулаки — и тут же я почувствовала на них мягкие и холодные ладони Нонуса:

— Спокойно. Приведи их, куда я сказал, а дальше делай, что хочешь.

— Так значит, вот кто скрывался под маской Лесной Старухи, — ровно сказал Вако, безусловно, заметив, как заостенело от внутренней борьбы мое лицо. — Минуту назад я думал попросить у Лесной Старухи прощения за не слишком вежливое начало нашего знакомства, а теперь вижу, что наше знакомство состоялось много лет назад, и сейчас вы вряд ли примете наши извинения за что бы то ни было. Не так ли, леди Ариста Эмендо?

Теперь ко мне повернулись все. А я поочередно разглядывала их: невозмутимого /и незнакомого мне/ Дивелли, хмурящуюся, но доброжелательную Майю, холодно приподнявшую бровь Семель, усмехающегося, как обычно, Митто.

Любопытство — да, и еще немного дразнящего осознания опасности, — вот, что читалось на их лицах. Страх от неминуемого возмездия не было ни в ком. Все они были в полной мере... твари. О, я бы всецело согласилась с охотниками, пожелай они убить самым жестоким способом кого угодно тут.

— Я не узнала бы ее, Гедеон, без твоих слов, — заметила Семель. Став вампиршей, она вновь обрела царственную красоту и стать. Алое платье, коралловое ожерелье на шее, темно-красные губы, рубиновые искорки шпилек в волосах: здесь были все оттенки красного, все оттенки крови. Я не удивилась тому, что она не сразу узнала меня. Хотя мы обе были *carere morte*, теперь мне уже не удалось бы сыграть роль двойника Королевы. Проклятие Макты высветило, усилило в нас личные черты, сделав Семель прекрасной как богиня любви и неживой как статуя, аристократкой, а меня низведя — или вознеся? — до лесной дикарки, в чьих волосах запутались веточки и листья, с тяжелым взглядом и грубым голосом старой ведьмы.

— Когда вы успели стать *carere morte*, Ариста? — заинтересованно спросил Митто, лучезарно улыбаясь. Я не сдержала ненависть, коротко глянув на него. Эта ненависть должна была пронзить стрелой навывлет его тело, но лощеный красавец не повел и бровью, и стрела боли возвратилась ко мне, ударила в грудь. Я промолчала, только болезненно оскалилась. Молчал и Нонус на других концах нитей моих ощущений. Вампир был спокоен,

он методично двигал кукол по городу, стараясь быть в курсе всех событий. Только моя ненависть слабым эхом взрыва ударила его, разбудила собственную боль — я чувствовала эту тонкую ледяную струю, влившуюся в мощное течение эмоций нашего моря. Я тихонько тронула ее, и перед глазами сверкнула картинка складского помещения дома Нонуса. Там на скамье сидел какой-то незнакомый смуглый старик. Он молился, покачиваясь в ритме фраз, и на этот ритм накладывался другой, от которого чуть подрагивала поверхность мысленного моря, — отпечатки иных воспоминаний — косяки серебряных рыб в глубине.

— Кого ты держишь на складе? — я почувствовала тревогу.

— Эту часть моего плана тебе не нужно знать, — тускло заверил вампир.

— Ты ненавидишь его также сильно, как я пятерку. За что?

— Помолчи, моя болтливая Королева! — рыкнул он. А Хонор Дивелли заговорил что-то и волей-неволей пришлось вернуться к собранию.

— Гедеон, ты уверен, что Фламма взяла именно ту, которую называют Лесной Старухой? — усомнился военачальник Макты. Превращением в *carere morte* Дивелли еще увеличил суровость и внушительность, так что под шлейфом вампирских чар казался самым богом войны. Но ненависть при взгляде на этого *carere morte* не просыпалась, может быть, потому, что мне ничего не было известно о степени его участия в трагедии Антеи и Хонор никогда не считался ни другом, ни врагом семьи Эмендо.

— Уверен. Диосы не ошибаются, — Вако усмехнулся. — Для дополнительной уверенности, Хонор, можешь осуществить обмен кровью с ней. Впрочем, давайте, наконец, дадим слово нашей гостье!

Я скрестила руки на груди:

— По какому праву вы разрушили мое северное убежище? — хмуро спросила я, перебегая взглядом с Вако на Митто и Семель и ощущая в это же время, что через меня в бесстрастные лица старших вампиров всматривается Нонус. — Что вам нужно? Вы уже забрали у меня все!

— Значит, вы и есть Лесная Старуха. Отлично, — Вако подался вперед, оперся локтями о стол, сложив пальцы домиком. — Знаете, леди Эмендо, я все-таки попытаюсь заслужить ваше расположение. Прежде всего, примите наши соболезнования в связи с гибелью дочери. Пусть они опоздали на пятнадцать лет, боль отрекшихся от смерти сильна всегда, как в первый день. Признаю, что сам принял некоторое участие в этой истории, как и все, здесь присутствующие... — знакомые успокаивающие бархатные нотки в его голосе вызвали еще одну молнию ненависти, опять пронзившую грудь мне, а не непоколебимому Вако. — Я тогда хотел обратить тварью вас, а не Антею: мы стараемся не приносить в жертву детей. Но случилось так, что часть проклятия Макты оказалась у вашей дочери. Дальнейшее сделали охотники.

— Я предупредил Антею, чтобы она поскорее покинула родительский дом, — сообщил Митто. Он ухитрился согнать с губ вечную усмешку, вот только ее искорки остались в глазах. — Я хотел сохранить это свое создание, оно получилось таким... милым. Но в назначенное время к месту нашей встречи Антея не пришла.

— Мне не нужны ваши соболезнования. Они искренни также, как облик *carere morte*, — хрипло от жгучих жал ненависти в груди сказала я. — Зачем вы привезли меня сюда?

— Уже хорошо... — Вако откинулся на спинку кресла. — Я приказал Асседи привезти не вас, леди Эмендо, а Лесную Старуху, я понятия не имел, кто скрывается под этой маской. Видите ли, к Лесной Старухе у нас есть одно предложение. За пятнадцать лет, прошедших с

Бала Макты, появилось несколько *carere morte*, почти столь же сильных, как первая пятерка. Улисс Алитер, брат и сестра Калькары... Вы. Уже сейчас между вами разгорается война за угоды и долю власти в Карде, в последнее время дрязги коснулись и пятерки. Мы, сильнейшие, старейшие бессмертные, можем очень скоро потерять едва начавшуюся вечность. Все споры между сильными вампирами нужно немедленно прекратить, сильные *carere morte* должны объединяться. Пятерка нашла выход — обмен кровью. Это дало нам доступ к мыслям каждого в пятерке и исключило ложь между нами, а, следовательно, и возможность конфликта. И теперь мы хотим пригласить в наш союз молодых. Никакой мысленной защиты, которая, порой, встает стеной перед *carere morte*, желающим зачаровать или направить смертного, обменявшиеся кровью могут пользоваться всей памятью, знаниями и способностями друг друга.

— Вы хотите получить доступ к способностям кукловода через обмен кровью со мной? — я изобразила удивление.

— Совершенно верно, — напряжение слышалось в голосе вампира вопреки спокойному тону. — Все в пятерке пробовали делать кукол, но у нас это выходит значительно хуже, чем у вас. Вам же доступ к нашим мыслям откроет тайны двора и структуру истинной власти в Терратиморэ, а получив доступ к мыслям Алитера и Калькаров через нас, вы узнаете, что движет умами и настроениями младших бессмертных. Это будет великий союз *carere morte*, по силе значительно превосходящий даже прародителя, Макту!

— Сразу не соглашайся, — убеждал Нонус.

— И не собираюсь, помучаю их еще. Давно не слышала что-то столь же смешное, сколь разглагольствования Вако о союзе сильнейших бессмертных!

— Надеюсь, ты понимаешь, что никакого союза нет и быть не может. И еще одно вранье — про мысленный союз пятерки. Никогда они не пойдут на это. Пауки в банке, вот они кто. Вако просто не решается прямо потребовать у тебя обмен кровью ради доступа к моей памяти, зная, что вас могу подслушивать я, поэтому строит воздушный замок лжи.

— Понимаю.

В реальности, видя, что Вако ждет, я скорчила гримасу отвращения:

— Я могу обучить кого угодно водить армии кукол и без обмена кровью. Не хочется, чтобы в моем теле навеки осталась грязная частица кого-либо из вас.

— Только эта причина? — Гедеон так и впился в меня взглядом, но сейчас я легко отразила эту стрелу. Вампиры молчали. Майя отвела взгляд, Митто спрятался в усмешке, Семель недовольно кривилась. Спустя минуту, Вако поднялся:

— Думаю, вам лучше отдохнуть, Ариста. Вас захватили из северного убежища не слишком любезно, но, надеюсь, сытный обед исправит ваше впечатление о нас. Пойдемте в трапезную. Я вижу, вы голодны.

Тут Гедеон был прав: я была голодна и за себя, и за все полсотни марионеток сразу... И я последовала за вампирами во второй зал, с печью. Там пятерку уже ждал обед.

Каждому *carere morte* предназначалось по целой смертной жизни, и слуги — вампиры или люди? — постарались разложить блюда покрасивее. Шестеро смертных, отупевшие и сонные от чар, были рассажены по креслам и диванам, заботливо принесенным в залу перед приходом господ. При нашем приближении заиграли упрятанные за большую ширму музыканты. Ненавязчивая и веселая музыка для пиров, популярная при Арденсах и начисто забытая при Макте, привыкшем поглощать обед — кровь из сердец злейших врагов — в одиночестве и тишине. Музыка удобно заглушала остатки человеческого голоса совести

вампиров и перекрывала слабое дыхание их жертв. Свечи в канделябрах на стенах распространяли вокруг тяжелый горячий запах воска, смешивающийся с ароматом духов, которыми были надушены смертные. Для полного подобия дворцовой залы не хватало только ковров — тут был простой каменный пол. И эта особенность, выдающая назначение помещения, мигом разрушала магию мнимого уюта.

— Присаживайтесь, — пригласил Вако, усаживаясь в кресло и жестом приглашая занять соседнее. Я села, механическим движением потянулась разгладить юбку, и усмехнулась, вспомнив, что меня захватили в узком нижнем платье. Гедеон заметил эту усмешку.

— Майя, поделишься с Аристой своим гардеробом после трапезы, — приказал он вампирше. — Угощайтесь, леди Эмендо.

Жестокая трапеза началась. Заготовленными фразами вампиры подзывали к себе зачарованных, отработанными движениями вскрывали им вены. Здесь никто не питался так, как Нонус, закупоривая голод и ярость в склянки, никто не пытался сдерживать свое чудовище, как я. Пятерка старших пила жизни до капли, чужой болью заглушая страх собственной. Я видела, как Семель в два счета расправилась с добычей — миловидной молодой женщиной, как Хонор мечом вскрыл горло своей. На одно мгновение лицо вампира стало алой маской, потом кровь впиталась в кожу, и краткое видение уже показалось миражом... а я отстраненно подумала, что эта особенность кожи *carere morte* имеет много общего с чарами. Вако оглушил свою жертву — мужчину и обескровил бесчувственное тело, также пугающе четко, быстро и безжалостно, как мясник. Митто взял совсем юную девушку в бедном платье и укусы перемежал с поцелуями и нежными уговорами, в сочетании с ощеренными клыками звучащими особенно зловеще. Также ласково и Майя умерщвляла свою жертву — симпатичного юношу, а я все не могла хотя бы глянуть на того, кто был предназначен на ужин мне.

После первой убитой девушки я держала голод под постоянным контролем разума и более за четырнадцать лет бытия *carere morte* не убила никого. Такого же рассудочного, холодного поведения требовала и сегодняшняя ситуация, но...

Я опять встретила взглядом с Митто. Медленно и ласково убивая жертву, вампир то и дело поглядывал на меня, видимо, его вдохновляла чужая реакция. И старая ненависть поднималась черной тяжелой волной. Также этот ублюдок уговаривал мою Антею когда-то, а я ничего не слышала и не видела. Где я была тогда? Почему-то уже не помню, хотя остальное помню ясно. Да и какая разница? Зато сейчас все слышу и вижу... Невыносимо!

В смертной жизни при приступах этой дикой боли я выла, орала, раздирала кожу на лице и груди ногтями. Билась о стены и пол головой, сучила ногами. Эта боль могла быть выражена только так, ледяная замкнутость, драматические рыдания, молчаливые корчи оставались далеко позади, на верхних ступенях лестницы, уводящей в бездонную пропасть отчаяния. Боль не душевная — вполне физическая. Смертью дочери и выбором мужа из моего тела вырвало два куска, и зарастить ужасные раны было нечем. Все могло разбередить их: слова, жесты окружающих, мелодии старинных песен и их немудрящие припевы, солнце, чернеющее дырой на небосводе в полдень, когда я вдруг вспоминала о своем одиночестве, красный свет, на закатах заливающий мой деревенский домик, точно кровью. Мое забытое мужские ласки тело, которого приходилось касаться, переодеваясь, случайно увиденные на чужих частоколах венки, сплетенные неумелыми руками детей...

Новый приступ подзабытой боли вызвал изучающий и подначивающий одновременно

взгляд Митто. Вырвать бы эти ледяные глаза, плеснуть в лицо светловолосому вампиру водой из источника Донума, чтобы кожа с него сползла лохмотьями! Но я не могла, мешало что-то, какие-то прозрачные, но крепкие оковы. И, застонав от боли, зарывав от ярости, я впиалась в горло смертному, предназначенному на корм моей частице Бездны. Воплощение ненависти было кратко, как взмах бича, и ярко, как вспышка тысяч солнц. Убитый смертный мешком свалился под ноги, заливая юбку кровью. А правая рука стискивала что-то горячее, упругое, подрагивающее. Человеческое сердце.

В глазах потемнело, кажется я начала падать, но кто-то поддержал меня, и очнулась я на ногах. Правая ладонь была чиста: никакого куса окровавленной плоти. А только что убитый смертный сидел на полу, ошеломленно таращась на меня и зажимая рваную рану на шее. Рубашка спереди была алой от крови, но сердце человека было на месте: я слышала его испуганный быстрый стук о клетку груди.

"Что такое? Он жив?! Но я же только что..."

— На первый раз я остановил твою руку. А видение послал, чтобы ты осознала, как тонка грань, отделяющая твой светлый разум от темных эмоций, моя двуликая Королева, — сообщил Нонус.

— Спасибо, — прошептала я ему мысленно. А в реальности Митто сбросил оцепенение и присвистнул.

— Леди Эмендо, вы великолепное чудовище! Совсем как Семель: и в смертной жизни, и в бессмертной. Вот только, похоже, ваш создатель держит вас на коротком поводке! — он захохотал, лукаво поглядывая на недовольную Королеву. А я задрожала и зачем-то обтерла и так чистую руку о юбку. Я чувствовала, что меня по-прежнему качают волны ненависти — чужой ненависти. Принял учитель эстафету от ученицы или потоки наших эмоций случайно окрасились в один цвет почти одновременно, но Нонус испытывал сейчас то же, что только что я. Я заглянула в нонусово "здесь и сейчас", и объект его ненависти встал перед глазами: все тот же старик в хранилище! Смуглый, совсем седой, с сухими и острыми чертами — не южанин ли?

"Атер? Черты похожи... Но Атер под церковью Микаеля?... Или нет?!"

— Это не Атер, — тут же откликнулся Нонус. Но сообщить личность неизвестного не пожелал и скрыл картинку. Я нырнула за ней, но сильным встречным течением меня тут же вынесло обратно на поверхность общего моря мыслей.

— Закончишь, Алоис? — спросила Семель, указывая на мою несостоявшуюся жертву. Митто скривился:

— Я не доедаю за другими. Пусть Ариста и заканчивает, раз уже поранила и сняла чары.

— Отдайте его страже, — хрипло попросила Майя, впервые за день открыв рот. Я догадалась, что это было стремлением поддержать меня, но на миг стало холодно в груди оттого, что смертного уже не спасти.

Вако хлопнул в ладоши, и музыка оборвалась. Трапеза тварей была окончена. Взгляд предводителя вампиров стал теплым и спокойным от утоленного голода:

— Вас кто-то контролирует, леди Эмендо. Контролирует мысленно. Вы уже обменивались прежде кровью с кем-либо?

— Сознавайся, можно, — усмехнулся Нонус.

— Возможно, — я постаралась сделать взгляд остекленевшим.

— Кто он?

— Я не знаю, кто он, он все время держится в тени, — добросовестно начала я нашу с

Нонусом легенду для пятерки. — Наверное, он обменялся со мной кровью как только обратился... потому что сразу же после обращения я начала слышать его мысли.

— Вот как? — заинтересовался Дивелли. — Зачем же он вас обратился?

Я помотрела на него туманным взглядом, будто не поняла вопроса. Хонор повторил, за ним Вако... и тогда я сыграла, что очнулась:

— Он сделал так, потому что ему нужно было передать кому-то часть управления куклами. Когда кукол много, это меняет облик хозяина, — я указала на свой живот, отчетливо обрисованный узким платьем. — А он, видимо, дорожит своей красотой...

— Молчите все! Я спрашиваю, на нее действуют чары моего голоса! — взволнованно прошипел Гедеон и опять обратился ко мне: — И вы совсем ничего не знаете о нем, леди Эмендо?

— Он не скрывает память, скрывает только лицо. Судя по картинкам из памяти, он старше вас, старше даже Майи, — я сделала вид, что задумалась, а после, что просияла: — Да... об обращении Майи я узнала как раз из его памяти!

— И как же я была обращена? — хмуро спросила белокурая вампирша.

— Говори! — потребовал Вако. Я скользнула по высветившейся при этом вопросу нити в прошлое Нонуса:

— Мой создатель привел ее к себе домой, как пищу для Макты, которого держал там же. Майя была тогда простой и ласковой девушкой. И ласками и уговорами убедила Макту не выпить, а обратиться. И до сих пор она помогает вам сдерживать яростные вспышки Первого вампира...

— Великолепно! — не сдержался Алоис. Вако шикнул на него и опять обратился ко мне:

— А сам создатель часто посещает ваши мысли, леди Эмендо?

— Он постоянно управляет частью кукол через меня. Но и у него, и у меня есть собственные. А мои мысли он старается обходить стороной. Он говорил, что они как дикий неумолчный крик боли. Они пугают его.

— Великолепно! — снова воскликнул несдержанный Митто. Вако резко поднял ладонь, предупреждая его молчать. "Как забавно все-таки наблюдать за метаниями пятерки, прекрасно представляя подоплеку их сомнений..." — отметила я и тут получила гневный оклик Нонуса:

— Эй! Мы договаривались поменьше думать о нашем плане!

— Извини, — мягко сказала я и тут же пустила по морю свинцовые волны суровости, — А ты, значит, опять подглядываешь за моим "здесь и сейчас"?

— Нет. Я все понял, глазами кукол увидев твое мечтательно-ироническое выражение лица, — усмехнулся вампир.

Я хотела пустить еще одну неболезненную, дразнящую шпильку, но в реальности зазвенел голос Семель:

— И что же создатель пообещал тебе, когда уговаривал обратиться, Эмендо? Утоление мести? Головы ненавистной пятерки старших на блюде? Власть над миром отрекшихся от смерти? Что?!

Она полагала, только ненавистью и мезтью можно жить в моей ситуации. И только этого могла бояться лживая, черная от злости на весь мир Королева. Все же они все здесь боялись меня, отрекшиеся от смерти, они смогли наполнить свою вечность лишь страхом смерти... С большим усилием я подавила усмешку превосходства и бесстрашия и

постаралась снова сделать взгляд стеклянным.

— Я не помню, как обратилась, — тихо сказала я, решив не оставлять без ответа бывшую подругу. — Как и зачем. Я не помню, наступал ли день после смерти Антеи.

Презрительная усмешка опять тронула губы Семель. "Ты слаба, Ариста", — прочитала я в ее взгляде. Но общее с Нонусом мысленное море словно посеребрил мягкий свет луны. Покой теплой летней ночи. Разговор с пятеркой был близок к завершению — мы оба чувствовали это.

— Ты молодец, Ариста, — сдержанно похвалил создатель.

— Пока все идет по твоему плану?

— Да. Пятерка, разумеется, считает тебя сумасшедшей, но лучше сумасшедшей, чем опасной.

— Теперь, леди Эмендо, позвольте нам обсудить кое-что без вас, — молвил Гедеон. — Вы можете пройти в зал отдыха: здесь сейчас будут прибираться. Переоденетесь, отдохнете.

Я перешла в зал отдыха. Скоро Майя принесла платье. Я мгновенно узнала его: в смертной жизни не раз вслух восторгалась им. Зеленое, вышитое золотом, без жесткого корсета, мягко и красиво обрисовывающее фигуру. Я даже с удовольствием переделалась и устроилась на диване, откинувшись затылком на спинку и закрыв глаза. С одной стороны тяжелые двери зала совета затворились за пятеркой, оттуда не доносилось ни звука, с другой стороны в зале трапезной прибирались слуги, было слышно журчание воды по канавкам у стен и скользящие движения тряпок, которыми вытирали гулкий каменный пол. Я старалась представлять, что там, за дверями в трапезную, сейчас течет чистая, прозрачная, а не пеннистая от крови вода. Так было легче.

— Интересно... Моя ненависть всякий раз тянет за собой твою, Нонус. Ненавидя Вако и Митто, я каждый раз вижу какого-то южанина, которого ненавидишь ты.

— Да, я уже говорил, очень сильное чувство как крючок вытаскивает на свет подобное у партнера. Поэтому повторюсь: после обмена кровью попытайся застыть, не откликаться ни на чьи чувства. Представь, что смотришь пьесу. А сейчас, пожалуйста, сядь иначе, моя гордая Королева. Если сюда войдет Вако, он мгновенно поймет твое притворство. Это поза уставшей богини, а не вечной жертвы.

— Как же мне сесть?

— В угол дивана на краешек, руки в замок и цепи их на сжатых коленях, голову опусти...

Я усмехнулась, приоткрыв один глаз:

— Ты за мной сейчас извне или изнутри подглядываешь?

— А ты приглядишься сама.

— Я села прямо, оглядела зал. Да, точно, в углу блестели черные глазки мыши.

— Твоя куколка? Хорошая работа. И как я переодевалась, ты видел? Спасибо, что хотя бы не подглядываешь за мной изнутри. Все-таки, это слишком интимно.

— Сейчас я вовсе тебя оставлю. Переберусь в зал пятерки. Хочешь послушать, о чем они говорят? Разрешаю подглядеть за мной.

— А в свою куклу ты меня можешь направить?

— Это сложнее, но попробуй, — перед внутренним взором появилась густая сеть нитей. Одна была ослаблена, ее выведенный из общего клубка кончик щекотал ладонь. — Только сначала все-таки сядь, как следует.

Посмеиваясь, я устроилась на краю диванчика в указанной позе вечной жертвы. А

затем, ухватившись за поданную Нонусом нить, скользнула в его маленькую марионетку-мышку в зале совета.

— ...Говорю вам, она лжет! — сердился Хонор Дивелли. Я слышала только голос вампира, а видеть его самого не могла: гиганта заслонил нависший над головкой мышки край круглого стола. — Смотрите, как удачно! Она не знает, кто ее обратил, не держит на Алоиса зла, а партнер по мыслям вовсе не контролирует ее мысли и встречи! Однако он остановил ее руку в момент убийства... Тут точно ложь, Гедеон!

— Да, руку Аристы остановил ее партнер, Нонус, — согласился Алоис. Митто сидел в кресле, отодвинувшись от стола, тонкие изящные пальцы вампира наигрывали что-то на подлокотниках. — Но если допустить, что создатель и партнер просто заложил в подчиненную повеление не убивать? По слухам, Нонус очень умерен в своих аппетитах и убивает только по абсолютной необходимости, например, для того, чтобы срочно заживить повреждения или отточить какое-либо умение *carere morte*. Он мог потребовать того же от подчиненной.

— Ты считаешь, что Ариста — его подчиненная? — голос Майи дрогнул. Вампириша куталась в наполовину выпущенную черную тень как в шаль, точно замерзла. — Как это печально! Она всегда казалась мне сильной.

— Они с Нонусом задумали обмануть нас! — Дивелли грохнул кулаком по столу. — Я это чую...

Но, поскольку никаких доказательств обмана вампир предъявить не мог, ему пришлось замолчать. В напряженной тишине Семель разомкнула губы:

— Это все неважно. Эмендо у нас, а значит, и ключ к памяти Нонуса у нас. Отсюда мы ее уже не выпустим без обмена кровью. Будет сопротивляться, что ж, хлестну ее болью. Гедеон указал, область, где искать. Не думаю, что у Эмендо хватит силы и ума поставить хотя бы щит. Мы все видели, во что она превратилась. Старуха, развалина. Сумасшедшая, как ее Эреус. Обратилась она от тоски и ничего, кроме этой тоски, не знает. А жаль, — она белозубо улыбнулась. — Я больше люблю бить чужую ненависть своей, более сильной. Пробираться сквозь туман тоски и безумия в чужих мыслях — это очень скучно.

— А раньше она звала меня Аристой, а не по фамилии, — поделилась я с Нонусом.

— Ну и что?

— Так... — вздохнула я, уронив краткое слово маленькой капелькой разочарования. — Значит, пятерка решила, что кровью со мной обменяется Семель...

— Это не худший вариант. Ни напора Вако, ни востроглазости Митто, — попробовал ободрить Нонус. Я вздохнула снова:

— Она тоже лишилась ребенка. Конечно, она сделала это по своей воле, но, все же, истоки моей и ее силы похожи. И я слабее, ведь я страдаю от чувства вины, меня до сих пор можно ранить ею, а Семель просто все выжгла.

— Тогда проведи ее пожаром над морем своих мыслей, но не давай ни воздуха, ни топлива. Пусть пронесется — и сгинет.

— Хорошо, — я улыбнулась, так что общее море мыслей запестрело солнечными бликами. — Захватывающе следить за ними, Нонус. Действительно появляется ощущение, будто они играют в твоём спектакле. А сами и не подозревают, что всего лишь актеры, и финал predetermined.

— ...Ты желаешь отказаться от обмена кровью, Семель? — первый раз за собрание подал голос Вако, к счастью, не способный услышать наш обмен репликами. Гедеон

единственный не сел в кресло, он в волнении мерил шагами зал.

— Нет, я готова, — Королева гордо вздернула голову, и от резкого движения ее тяжелые рубиновые серьги задрожали, как капли крови, готовые сорваться с кончика кинжала. — Мое условие одно: после того, как ты узнаешь все о Голосе Бездны, Вако, Эмендо умрет. Я не хочу быть связанной с ней вечно.

— Главное, когда мы пойдем ее убивать, не перепутать, где Королева, а где ее двойник, — заметил Митто и засмеялся. И Майя злорадно усмехнулась, не побоявшись при этом посмотреть в глаза Семель.

— Что ж, раз Королева готова, поторопимся, — Дивелли опять хотел что-то возразить, но Гедеон грозно глянул на него. — Удивление от явления леди Эмендо, полагаю, у всех уже прошло и пора перейти к делу. Ее Величество рассуждает разумно, как всегда: что бы ни замыслил Нонус, с Аристой или без нее, эти кукловоды не противники нам. Они — лишь детишки, играющие в куклы. Пока они проводят дни в наблюдениях и играх, мы проворачиваем настоящие дела. Кто создал дикарей-вампиров и противодействующих им фанатиков-охотников? Кто организовал свержение Макты? Кто завтра посадит на трон Асседи? Мы, не они! Потому что они лишь записывают историю... которую мы творим! Им не разбить наши планы. Их единственная сила — старинные знания, которых у нас нет, но и их мы скоро получим. Вперед! -

— Как тебе это, Нонус? — послала я вампиру мысленный вопрос. Слова Вако неприятно укололи, уж очень уверенно они прозвучали. "Вако никогда не бывает полностью не прав", — вспомнилась старая характеристика Гедеона, данная ему Эреусом. И сейчас, следя глазами кукол за городом, я с горечью убеждалась: Вако прав! Большой план пятерки выполнялся. Толпа требовала Асседи, чтобы тот принял опустевший трон, тучи крылатых теней, ведомые Алитером стягивались в район дворца Макты, а мы с Нонусом не могли ни воспрепятствовать этому, ни хотя бы перенаправить на что-то, хоть чуть полезное нам. И Вако отдавал новые и новые распоряжения из тайного убежища пятерки. Власть пятерки — власть тьмы была над Кардой, и я осознавала: даже самый удачный исход плана Нонуса не в силах убрать ее. Скупуплезно отслеживая мелкие детали, мы пропустили за ними картину целого.

— Толпа требует Асседи, и тот не упустит возможность взять власть. Асседи — друг и пятерки вампиров, и охотников Диоса! — печально поделилась я с Нонусом.

— Друг двоих врагов — какое шаткое положение! Однажды ему придется выбрать, с кем остаться.

— Ну так что? Он в любом случае выберет наших врагов, Нонус!

— Не торопись расстраиваться, лучше вспомни о своем задании! — сухо предупредил вампир. И вовремя: Вако толкнул тяжелые двери зала совета. Я слышала их скрип удвоившимся — и сама, и через куклу-мышку. Нонус оборвал нить, приведшую меня в тельце марионетки... и я вздрогнула и открыла глаза в своем теле. Грозная фигура Вако нависала надо мной.

— Леди Эмендо, — знакомые бархатные успокаивающие нотки были в голосе вампира. — Мы раскаиваемся в том, что допустили гибель Антеи, и искренне хотим вам помочь. Поделитесь с нами своей болью.

Контраст между тем, что произносилось за дверями, и тем, что звучало из его уст сейчас, поразил меня. Как же отвратительна ложь, когда видишь ее лицо без вуали умолчания! Но Вако не заметил промелькнувшего в моих глазах презрения, вампир был

слишком поглощен важностью момента. Из Аристы я превратилась для него в запертую книгу тайных знаний, и ключ от нее Гедеон держал в руках. Вперед выступила Семель с усмешкой на хищном лице. Вампирша протягивала порезанную ладонь. Я потянулась к ней машинально, и Митто рассек кинжалом мое незащитное запястье.

— Отдайте нам свою боль, леди Эмендо, — голос Гедеона снизился до нежно шелестящего шепота, — Почувствуйте себя свободной...

Ладонь Семель была холоднее, чем моя. Холодная, как у куклы, как у полностью мертвой. Я закрыла глаза и сосредоточилась на картинке из прошлого. Много-много кукол с бледно-розовыми восковыми личиками и блестящими стеклянными глазами — таков был вход в мою ловушку.

"Куклы, рассаженные по полкам: большие, в рост ребенка, и крохотные, с ладошку, в нарядах всех цветов, с настоящими волосами. Все чистенькие и причесанные, с гладкими восковыми личиками и стеклянными безмысленными, но внимательными глазами. А потом они же на полу, с растрепавшимися локонами, в разорванных нарядах, открывающих выпотрошенные тряпичные тельца, со стертymi сильной мужской рукой чертами. Только у самой большой лицо осталось нетронутым. Точеные, холодные в своей неподвижности черты, замершие пустые глаза, не откликающиеся на свет и тьму. Лицо, превратившееся в адскую пропасть. Лицо мертвой дочери". -

Моя жестокая гостья легко прошла первую сцену воспоминаний, взрезав ее острым кинжалом. Тяжелым шейфом платья замела ключья, оставшиеся от картинки памяти. Но я была наготове и погрузила ее в душный туман бесплодных горестных дум, выматывавших душу много- много лет:

"Я была виновата. Я давно не говорила с дочерью по душам. Так тяжело вспоминать это, но нужно! Ведь даже новый отряд Эреуса мы с Антеей почти не обсуждали. Отец служил Арденсам, теперь служит Гесси... Я почти ничего не рассказала дочери о тварях, упомянула только, что Макта призвал к себе на службу неких демонов или теней, умолчав о том, что эти тени прежде были людьми, такими, как все мы. Наверное, я уже тогда боялась сложной дилеммы: человек или тварь? Впрочем... нет, будь честной с собой, Ариста, тогда ты просто хотела покоя. Приход Макты в Терратиморэ всколыхнул множество твоих тайных страхов, и ты надеялась, что молчанием спасешься от них. Что отдохнешь в покое и ясности, вот только мнимый покой в новой земле страха достигался лишь сдачей на волю страха, а ясность сменилась незнанием и — умолчаниями. И ты боялась вопросов дочери о тварях, потому что не знала, как на них отвечать. Потому что боялась отвечать на них даже мысленно, для себя, эти вопросы вновь будили твою тревогу. Все это казалось слишком страшным.

...Пока ты не узнала, что такое настоящее "страшно". Страшно — это оранжевый полуовал света на полу — света из приоткрытой двери в спальню дочери, и рыдания отца за ней. И ничего не изменить. Повозка без управления скатилась с горы и разбилась. И твое "виновата" ничего не исправит. Никто его не услышит, оно не нужно никому, даже тебе — мертвецу с больно бьющимся сердцем.

Тоска, тоска, окутывающая тебя полностью, как крылатая тень *carere morte*. Заползающая в горло и наполняющая тебя собой изнутри... Я — вместилище вечной ночи. Наступал ли новый день после смерти Антеи? Для меня — нет". -

Но бессердечная гостья миновала и область тумана. Ее вела ненависть, холодная и острая. Она иглой прошла туман моей тоски — и вынырнула из него. Она искала что-то, вертелась юлой, принюхивалась...

— Нонус... Макта... Голос Бездны! — нараспев произнесла она, забрасывая крючок в мысленное море. "Что ж, получи!" — И моя гостя провалилась в черноту. Но из темноты постепенно выплыло белое пятно. Церковь Микаэля.

"— Мы можем входить в церкви?"

— Не вижу причин, почему нет..."

И другой кусочек мозаики. Темнота подземного зала и в ней слабое от недостатка воздуха пламя свечей. Больше ничего, не имен, ни лиц, только голос Нонуса, доверяющего мне свое прошлое:

"Атер был особенным человеком. Ему от рождения была дана способность слышать и направлять Бездну в нашем мире. Такие люди рождаются редко. Голос Бездны — так зовут их..."

Я дал ему свой крови, чтобы залечить повреждения. Он спит сейчас, накрытый знаменем Лазара Арденса. Спит в фундаменте церкви святого Микаэля..."

Радостный вопль Семель поднял в нашем мысленном море волны до небес. А потом Королева покинула мою ловушку. Я открыла глаза в своем теле и увидела пятерку. Семель пошатывалась, ухватившись за руку Вако, лицо Королевы было перекошено, но в глазах сиял триумф.

— Голос Бездны — это Атер, — тяжело и скоро, как взволнованная смертная дыша, выговорила она. — Он бессмертен как и мы... и он погребен в фундаменте церкви Микаэля!

— Точно? — с подозрением спросил Вако.

— Да, очень чистая и полная память. Ни мысленных щитов, ничего. Как память мертвой, марионетки.

— Бедная Ариста! — прошептала Майя.

— Еще, мне показалось, — Семель ехидно улыбнулась, — показалось по разговору из воспоминаний, что с создателем Эмендо связывают довольно личные отношения. Она очень дорожит им, как и он ею. Маловероятно, чтобы она никогда не видела его лица, как утверждает. Она должна знать, что ее создал Нонус! -

Выпалив это, Семель пронзила взглядом поверхность нашего теперь общего и с нею мысленного моря, ища признаки моего смятения и страха, но я закрылась за зеркальным щитом старого воспоминания, где еще смертная Королева сидела у потухшего камина, печальным одиноким жестом обхватив себя за плечи. Семель зашипела от злости, а я уже вновь окутывала ее туманом тоски, приглашая обратно в ловушку... В конце концов, Семель оставила попытки просветить мою ложь. С поддержкой Вако она добрела до дальнего кресла и повалилась в него, опять тяжело, как до крайности уставшая смертная, дыша.

— Странно, что она совсем не заподозрила ловушку, Нонус, — все также закрываясь от Семель зеркальным щитом, поделилась я с вампиром. Тот отозвался незамедлительно:

— Сомневаешься в моих способностях организовать хорошую ловушку?"

— Нет, но магия словосочетания: пятерка старших..."

— Ты забыла ложь прежней жизни при дворе. Бриллиантовая пыль в глаза! Как я и говорил, они не решились обменяться кровью даже между собой, померяться истинными силами. Перед встречей с Лесной Старухой они, конечно, тренировались, но на слабейших, младших, и еще больше уверились в своей дутой силе. И пусть.

— Семель требовала у Вако, чтобы меня убили сразу после обмена кровью. Тут у тебя тоже найдется, чем меня подбодрить?"

— Ты особенно и не переживаешь по поводу скорой смерти.

— Я верю тебе.

— Вако захочет взять тебя в церковь Микаэля в качестве заложницы на случай каких-либо моих боевых действий. Я нарочно дал Семель почувствовать, что ты дорога мне. Да и вряд ли пятерка откажется от вечного прохода к моей памяти, который возможен лишь через живую тебя. На этом хватит меня отвлекать, я слежу за "здесь и сейчас" Королевы.

— И как она?

— Запуталась в сети ненависти. Ты выудила из памяти верное воспоминание и подбила эту птичку.

— Теперь кончайте с Эмендо — и в церковь, — как раз бросила из своего угла Семель, и Вако сказал только что предсказанное Нонусом:

— Раз она действительно дорога Нонусу, пусть поживет пока. Если это ловушка, как уверяет Дивелли, заложница нам пригодится. И пока вся память и планы Нонуса не станут нам известны, терять Аристу, ниточку к ним, нельзя.

Семель кинула на него злобный взгляд, но подчинилась.

Когда мы рассаживались по каретам, Вако отвлек неожиданный гость. К пятерке прибыл Асседи собственной персоной. Он совсем не скрывал это знакомство: подъехал к тайному убежищу вампиров в известной всей Карде карете с гербом на дверце. Дерущиеся лев и бык — знак Асседи. Видеть герцога вблизи мне прежде доводилось, поэтому сейчас я без любопытства и без удивления глядела на подшедшего к Гедону высокого и ладно сложенного мужчину с царственным профилем, созданным, чтобы быть отчеканенным на монетах.

— Все складывается наилучшим образом, Вако! — оповестил Асседи. Ослепленный радостью, он не замечал меня, стоящую рядом с Гедоном. — Еду сейчас в старый дворец, встреча с министрами и делегатами будет там. Диос обеспечит безопасность от случайных тварей-дикарей, а ты уж озаботься защитой будущего Короля от смертных ненавистников, если таковых можно встретить в МОЕЙ Карде... — тут я наконец-то я встретилась со взглядом голубых глаз, чем-то неуловимо похожих на глаза злодейки Кармель. — А это еще кто?

— Дама из другой истории, но также нашей истории, — немного нервно сказал Гедон. — И я вынужден заняться сейчас ею. Простите, Ваше Величество, но охрану вас я поручу Калькарам. Второе поколение... Они еще молоды, но из них выйдет толк.

— Что-то случилось? — поинтересовался Асседи. С искренним недоумением нашкодившего ребенка, как мне показалось... Гедон поджал губы и ничего не сказал, но через кукол, своих и Нонуса, я уже узнала причину чрезвычайной торопливости пятерки: недавно вампиры Алитера были сметены Мактой на подлете ко дворцу. Сметены в буквальном смысле: обращены в пыль. В битве за власть над Терратиморэ первым потомкам Макты пришлось заручиться оружием помощнее. Голосом Бездны.

Вако резко ухватил меня за локоть и повел к последней в ряду карете мимо ошеломленного Асседи. Я постаралась спрятать улыбку, и заволокла общее с Семель море мыслей туманом тоски. Но все равно будто солнце засияло из-за тучи. Самая сложная из известных мне частей плана Нонуса прошла благополучно. Впереди была захватывающая неизвестность.

Поездка пятерки к церкви Микаэля совпала с поездкой Нонуса во дворец Макты. Я слышала удвоившийся скрип колес кареты, в которой везли меня, и в которой ехал он. Как и я, Нонус был не один. Я слышала дыхание человека, прятавшегося в тени на

противоположной скамье его экипажа. Наверное, это был тот старик, не-Атер... Я приготовилась точнее нырнуть в мысли Нонуса о нем, но вампир, заметив дрожь моего любопытства, остановил эту попытку прозрачным, но крепким щитом.

— Ты не один в карете, — заметила я.

— Ревнуешь? Как ты узнала, что я не один? Подглядывала? Я не заметил.

— Я слышу скрип колес твоей кареты и дыхание смертного. И его сердце. Это тот старик?

— Слышишь? — удивился Нонус, и тут же будто заткнул мне уши, настала почти-тишина, нарушаемая тихим скрипом колес кареты, в которой ехали мы с Вако. — А так?

— Так не слышу.

— Отлично. Сообщай о всех таких соскальзываниях в мои ощущения. Нам сейчас опасно так скользить: с нами третья.

— И про старика ты мне...

— ...Не расскажу! Жаль, что эта моя часть вообще попала к тебе. Прячь его образ! Семель хорошо знала этого смертного, она мгновенно узнает его, если увидит через тебя.

— Ты издеваешься?! Теперь я не смогу думать ни о чем другом! — возмутилась я. А Нонус засмеялся, призывая относиться ко всему, как к игре, и скоро к нему присоединилась я. Верное решение. Игры, меняющие мир, вызывают не большее волнение, чем прочие. И наше мысленное море колыхалось, подбрасывая и ловя в ладошки капель солнечные блики.

Потом Семель холодной злостью влилась в наше море, и мы расстались. Расцепили невидимые, но чувствительные к теплым прикосновениям партнера руки. Скоро Нонус достиг улицы Алхимиков и совсем скрылся от нас с Семель за стеной мысленного щита.

Перед пятеркой расстелилась паутина улочек нижней Карды. По контрасту с лихорадящей верхней, здесь было зловеще тихо и темно. Эта часть города казалась вымершей. Над пустым, холодным и тусклым без сияющих людских жизней мирком царила церковь Микаеля. Экипаж с гербом Вако первым встал у нее, за ним выстроились остальные.

— Леди Эмендо? — окликнул Гедеон. Я вздрогнула, выныривая из общего моря мыслей, где плескалась, напрасно пытаюсь ухватить скользких серебристых рыбок — мысли Семель.

— Что вы ощущаете, леди Эмендо? В какой части церкви Атер по-вашему находится?

Я, разумеется, промолчала. Не дождавшись ответа, Гедеон хмыкнул и быстро покинул карету, презрев этикет. Пришлось выбираться самой, цепляясь нижней юбкой за грязные ступеньки и вполголоса ругаясь.

Крылатые тени — слуги и воины пятерки, повинувшись громкому оклику Вако ринулись вниз из туч, закружились над шпилем церкви. Семель первой прошла к пустующему как вся нижняя Карда зданию, вытянула руку, ощупывая стену защиты и обозначая ее контур для остальных.

— Защита здесь слаба, как всегда, — глухо сказала Семель. — И Голос Бездны действительно где-то рядом, теперь я чувствую. Но в памяти Эмендо я не смогла найти точное указание, где. Похоже, этого она не знает.

— Кто поместил сюда Атера? -

— Нонус говорил Аристе, что это сделал он сам, но в его памяти я не могу найти указаний, когда и по какой причине это было сделано.

— Значит, тайна, — Вако вздохнул. — А как Нонус повел себя, узнав, что у нас Ариста... и доступ к его мыслям?

— Он... убегает, — Семель усмехнулась. — Как в первые дни владычества Макты он трусливо бежал из дворца, не желая ни перемолвиться ни с кем словом, ни выплеснуть обиду и злость, так и сейчас он молчит и прячется от меня на глубине. Он отшельник, живущий непонятными, оторванными от реальности идеями, развлекающийся играми в мертвецов. Он хочет убрать из мира Макту и поставить на его место каких-то... детей Бездны любви! И в Эмендо он почувствовал родственную душу. Сейчас он мечется: отдать ее нам или отбить. Но есть еще нечто, — Семель нахмурилась, — он не выглядел ни оглушенным, ни подавленным появлением третьей в их мысленной компании.

— Успел подготовиться, пока Аристу везли к нам, или они оба готовились заранее? — пробормотал Митто.

Взоры всех опять предсказуемо обратились на меня. А я молчала, и Нонус не подсказывал ничего. Над общим морем наших мыслей разливался абсолютный штиль, поверхность воды снова зеркально блестела: Нонус творил свои тайные дела в глубине.

"Нонус, где ты, когда нужен? Что мне делать?"

"Он сомневается: отдать меня пятерке или отбить? Хм, если в церкви Семель не будет убита, пожалуй, это единственный выход, чтобы легко освободиться от ненужной гостьи-Королевы в собственных мыслях... Обдумывал ли Нонус уже этот выход?"

— Пошлем вперед слуг, — предложил Дивелли и, не дожидаясь ответа Вако, направил в церковь подошедший отряд смертных и подлетевших вампиров-дикарей. Скоро они доложили, что опасности нет. Но местонахождение Голоса Бездны им определить не удалось.

Вако подумал еще немного, а потом глаза его весело и холодно заблестели, как было всегда, когда он сводил воедино ниточки очередной придворной игры-интриги.

— Дивелли, ты останешься снаружи, — объявил он. — Остальные внутрь! Что бы ни ждало нас в церкви, мы знаем главное: там Атер. Уничтожим Голос Бездны, и Макта потеряет силу.

— Откуда ты знаешь, что Атер точно там? — Майя нервно хохотнула. — Может, Нонус уже перевез его оттуда?

— Нет, Атер там, — Вако ухмыльнулся. — Нонусу нужно ослабить Макту, также как нам. Чтобы получить свою Бездну любви... Просто он боится гнева Первого вампира, вот и нашел, кому перепоручить эту задачу. А нам Макта не страшен. В Карде мы успешно пустили в бой против него ненависть народа, если будет нужно, направим на него и ненависть его непосредственного потомства. Алитер вновь готов выпустить против него дикарей. Да, Макта опять сметет их, но, сметая, потеряет часть силы... -

Договорив, он решился окончательно и, быстро пройдя барьер защиты здания, потянул тяжелые двери церкви. Я замерла, смешно боясь, что спугну пятерку неосторожным жестом или движением. Я подозревала, что роль ловушки должна сыграть защита здания, странно слабая для церквей... Может, просто пока она работает не в полную силу? За Вако в церковь Микаеля прошла Майя. Митто схватил меня за плечи и потянул за собой. Я не сопротивлялась. Последней в здание зашла недовольно хмурящаяся Семель: она поймала на поверхности мысленного моря солнечные блики моей последней радости, но откуда они взялись, определить не смогла.

— Пятерка зашла в церковь! — прокричала я Нонусу, но вампир опять не отозвался, и я почувствовала, что мои разочарование и страх ледяными струями вливаются в наше мысленное море. Чем, черт возьми, занимается Нонус?

Сжавшись, как вор в ожидании оклика, я глянула его "здесь и сейчас". Нонус шел через дворцовую площадь, разрезая людскую толпу, за ним послушным псом семенил неизвестный странный старик, бормоча на ходу молитвы. Нонус прилежно выстраивал очередную ловушку для Семель, и я застыдилась своих подозрений. Но тут среди перебираемых воспоминаний вампира мелькнули какие-то старые, неяркие, простые... За ними шлейфом потянулась ядовитая, уже знакомая ненависть Нонуса. Та ненависть, которую он тщательно скрывал от всех, но от которой в однообразном ритме все время чуть колебалась поверхность мысленного моря и все быстрее мелькали серебряные спины рыб в глубине, поблескивали — и пропадали, как лезвие кинжала, вытащенного из ножен и тут же вонзенного во врага.

Глухо, как сквозь туман, в голове зазвучал голос из далекого прошлого Нонуса. Я уже слышала его в самой первой ловушке. Красивый голос. Звонкий, волнующийся, будто... летящий вдаль, ведь этому говорившему не нужно было рассчитывать, сколько воздуха вдохнуть, чтобы суметь закончить фразу. Он вдыхал и выдыхал его как все смертные, вовсе не задумываясь об этом:

"Зачем закладывать в создание Бездны ограничения, Учитель? Пусть это будет полное слияние Бездны и живого мира. Новый, лучший мир..."

Серая муть вокруг сменилась грязной синевой слякотной осенней ночи. Внизу мокро блестя черепичные крыши низкорослой старой Карды. А я стояла над ними, на лесах строящейся церкви Микаеля. Ухватившись за балку, я клонилась и клонилась над пропастью города, пахнувшей гнилой водой заброшенного колодца, но все не могла заставить себя разжать пальцы, чтобы упасть. И я была опять не я... а тощий бледный мальчишка, мучающийся от странного, ни на что в человеческой жизни не похожего голода, требующего заполнить болезненную пустоту внутри.

"Это существование — будто насмешка над мечтой о светлой, не темной Бездне... Зачем ты так поступил со мной, Учитель, за что?! Не смог отнять у меня мечту, так решил извлекать в грязи?! Но мечта по-прежнему со мной. Даже сейчас, даже с таким мной. Сам существование в облике карере морте еще возможно обратить ей на пользу".

Я все-таки разжимаю пальцы. Падаю. Падаю в отчаяние, ненависть... и надежду. Ветер свистит в коротких, неровно стриженных белых волосах. А тьма подо мной уплотняется, цепляется за одежду, лентами проскальзывает по коже, приятно холодя ее и как бы замораживая боль и пустоту внутри. Наконец, находит форму, и за моей спиной распахиваются черные сильные крылья. Распахиваются — и удерживают безвольное, уставшее отчаиваться тело в воздухе. Крылья надежды... и ненависти, взявшие частицу тьмы и пустоты кардинской ночи. И я смеюсь — хриплый клекот птицы, большой печальной черной птицы:

"Я сделаю так, чтобы ты увидел мой триумф, Учитель!" -

Тут шлейф замеченной, но не пойманной ненависти Нонуса окончательно истаял, и призвавшие его воспоминания затерялись в мелькании других. Я собиралась оставить мысли вампира, но не удержалась в зыбком море. Опять соскользнула в его ощущения и увидела близкий дворец Макты, нависший над площадью. Нонус, наконец, почувствовал присутствие лишнего, но истолковал это неправильно. Он резко обернулся на ходу, и я его глазами вдруг близко увидела искажившееся от быстрого движения вампира лицо загадочного старика. Смуглый не-Атер вздрогнул, и меня будто ожгло его страхом. Смертный ужасно боялся меня, вернее, Нонуса, его зрачки были черными пятнами пустоты. А, Нонус, кажется, и не замечал, какое чувство вызывает у спутника, вот он что-то ободряюще сказал ему...

"Довольно разглядывать старика, Ариста! Помни о Семель... и о том, к чему привело твое несвоевременное любопытство на давнем балу!"

Я обратилась к реальности, где пятерка без Дивелли и я осторожно вступили в зал церкви святого Микаэля. Зажигать свечей вампиры не стали, и краски убранства остались для меня тайной: все было серым. Как и все, я принялась разглядывать пол и стены в поисках хода к усыпальнице Атера, иногда пугаясь темных как мумии деревянных статуй. Минут через пять глазастая Майя отыскала неприметную дверь в нише, прикрытую статуей измочаленного святостью отшельника:

— Вон, смотрите!

Но, оказалось, за дверью короткий подземный тоннель, выводящий за пределы защиты церкви, на патенскую пустошь. Переговорив с Дивелли через кукол, Вако приказал тому выставить у выхода из тоннеля стражу из слуг-вампиров, и мы вернулись к поискам усыпальницы Атера.

— Голос Бездны, — задумчиво бормотал Митто, оглядывая помещение церкви. — Ее зов тут слышен отовсюду, но в центре зала как будто сильнее.

— Нет, сильнее за алтарем, — возразила Семель.

Я прислушивалась к собственным ощущениям. Под полом церкви словно была яма, одинаково глубокая по всей площади. Где-то в ней должен быть Атер. Увы, Нонус не указал точно, где. "Проверись себя, моя чуткая Королева..."

— Ломайте пол, — приказал Гедеон подошедшим смертным слугам. Но Митто, охранявшему меня, не понравилось выбранное Вако место. Оставив Майю сторожить меня, он отправился спорить с Гедеоном. Вампирша не замедлила воспользоваться ситуацией.

— Что вы с Нонусом задумали, не расскажешь, подруга? — быстро спросила она, придвинувшись ближе, и беззвучно рассмеялась. — Я ведь поняла, ты не такая сумасшедшая, какой притворяешься, а... гораздо безумней! С кем вы хотите столкнуть пятерку в церкви Микаэля? Это начало войны?!

Впервые я видела, как тревога меняет ее лицо: оно выглядело постаревшим, но живым и от этого милее вечной кукольной юности чар. А Семель уже поворачивалась к нам, прищурившись. Я настроилась на ее "здесь и сейчас", и голову тут же сдавило раскаленным обручем боли. Королева вскрикнула одновременно со мной, стиснула пальцами виски.

— Что с тобой? — испугалась Майя. Я выпрямилась, тем же жестом, что и Семель проверяя, на месте ли голова. И тихо сказала правду:

— Я не знаю, с кем мой создатель задумал столкнуть пятерку, Майя. Все, что мне известно, теперь знаете и вы. Еще я знаю, что большой план Нонуса не помешает моему большому плану, и этого вполне довольно. Судьба мелочи, вроде вас, мне не интересна.

— Мелочи? — Майя и хотела бы вернуть что-то ехидное, но мой ровный, уверенный и ничуть не язвительный тон не оставил ей этой возможности. — Гм. Какова же цель большого плана, перед которым и пятеро бессмертных правителей Терратиморэ — мелочь?

— Исцеление мира от частицы Бездны Макты, воплотившейся в *carere morte*.

— С этим неплохо справляются охотники.

— Я сказала исцеление, а не избавление, Майя. Я хочу доказать, что исцеление темных тварей возможно.

Майя неуверенно хмыкнула: весь яд змеи исчез, остались острые, но бесполезные без него зубки. Взволнованное состраданием ко мне лицо вампирши было почти прекрасным. Я хотела сказать подруге об этом, но Вако разобрался с Митто и уже шел ко мне.

— Спускаемся вниз, — велел он всем на ходу.

Внизу ощущение пропасти усилилось. Мы по-прежнему стояли на твердой земле в лабиринте каменного фундамента церкви, но в затхлом воздухе подzemелья вокруг чудилась какая-то неведомая, невидимая прореха.

"Это и есть... Бездна?"

Смертные последовали было за нами, но скоро остановились. С удивлением и страхом они смотрели на нас, забравшихся вглубь лабиринта. По их ощущениям воздух вокруг наоборот словно уплотнялся, так что постепенно стеной преграждал путь.

— Что это, Нонус?

— Маленькие защитные преграды. Лишние гости в подzemелье мне не нужны.

— Где ты пропадал в последние часы? Беседовал с загадочным не-Атером? — язвительно спросила я.

— Ты скоро узнаешь, кто этот человек.

— Может быть, теперь оставишь секретность и расскажешь план полностью?

— Нет, — он занервничал: эмоции заметались. — Подожди еще немного. Расскажу, когда пятерка будет уничтожена.

— Уничтожена? Кем же?

— Признаться, я думал, в этом ты подкорректируешь мой план. Порвешь всю пятерку голыми руками, воспользовавшись размытостью моих указаний относительно того, как следует поступить с компанией Вако в церкви. А ты прилежно ждешь моих действий! Я даже слегка разочарован такой покорностью! Придется идти по плану... — он вдруг замолчал. Я возмутилась было, но тут же встревожилась: слишком резкое окончание разговора, будто вампир был вынужден перебросить внимание на что-то во внешнем мире! Я быстро глянула его "здесь и сейчас". Нонус остановился в огромной колоннаде, предваряющей главный вход во дворец. По стенам стлалась черная густая тень, я не сразу различила, что это десятки *carere morte* в крылатом обличьи. Навстречу Нонусу вышел их предводитель. Улисс Алитер. Он не был молод, едва ли не ровесник Вако, сочетание "вампир младшего поколения" совсем не подходило ему. Невысокий и жилистый, с короткостриженными седыми волосами, он походил на волка — вожака большой стаи.

— К Макте проход закрыт, — сообщил Алитер, усмехаясь, — "Их усмешки с Нонусом очень похожи", — машинально отметила я. — Это я говорю, владыка сотен *carere morte*! Кто ты, пришелец?... Нонус, не так ли?

Теперь усмехнулся Нонус:

— Хозяин сотен кукол!

В этот же миг толстыми басовыми струнами натянулись в моей — его голове нити связей с многочисленными куклами. Новые черные тени влились в колоннаду — марионетки Нонуса в крылатых обличьях, и завязался драка: сложный и стремительный танец десятков вихрей. Скоро они слились в единую тяжелую грозовую тучу. Засверкали вспышки молний мечей, и дождем на мраморный пол полилась темная кровь *carere morte*.

А Нонус искал меня — сквозь туго натянутые струны воли постепенно прорезало ход жало боли, и я метнулась назад, в общее мысленное море. Тут же до меня донесся голос вампира:

— Пойдем по плану. Через кукол приглядишься повнимательнее к ближайшим к церкви Микаэля улицам, и ты все поймешь, моя мнительная Королева. -

— Ты... береги себя! — вырвалось у меня. Нонус улыбнулся, и иронически-прохладный

ветерок пронесся над волнами:

— Ты тоже.

"Что там, на ближайших улицах?" — Я прищурилась, обращаясь к марионеткам. К церкви съезжались экипажи, много! Гербы Гесси, Рете на дверцах. А вот и желтое пятно герба Эмендо, с недавних пор дополненное серебряным кинжалом Диоса. Охотники?

— Охотники! — проговорил мою догадку Гедеон, за ним Семель и Митто. Вако рванулся ко мне, прижал к стене из старинного, твердого как зубы кирпича, сдавил горло:

— Значит, Атер нас здесь ждет? А, может быть, охотники?!

— Я не знала о них. Нонус не говорил... на случай обмена кровью, — с трудом прохрипела я, и вампир ослабил хватку, чуть отступил.

— Значит, все-таки, ловушка!

— Разве вам страшны охотники, Гедеон? — еще хрипло, но с наивозможнейшей язвительностью протянула я, радуясь, что можно наконец сбросить маску тихой сумасшедшей. Сердце сильно билось, возбужденное еще потасовкой в колоннаде дворца Макты. Детали ловушки Нонуса стали ясны, и я мысленно рукоплескала создателю: "Браво!" — Охотники служат большому другу пятерки — Асседи. Поговори с ним, и они не тронут вас.

— Защита всех охотников слабеет и проседает от моего взгляда. Всех, но не Диоса... — пробормотал вампир.

Митто выбрался в церковь, рванулся к дверям и тут же был отшвырнут многократно усилившейся защитой здания. Я угадала верно: именно странной защите церкви Микаэля было назначено сыграть роль капкана для пятерки.

Из экипажей высыпали люди в белых плащах и широкополых шляпах. Белые платки закрывали лица до глаз. Охотники сразу же вступили в бой с тварями пятерки близ церкви. Вампиры младших поколений, даже возглавляемые Дивелли, ничего не могли поставить преградой на пути их ярости. Ненависть погубивших свои души убийством родных и любимых была сильнее той, что породила *carere morte*.

Отрядом охотников руководил высокий сильный мужчина, пятнадцать лет назад бывший моим мужем. Я разглядывала его, обратившись к зоркому, но бесцветному зрению марионеток птиц и зверьков, оставшихся вне церкви. Впрочем, мрачный облик Диоса не требовал яркой палитры. Прежде золотистые волосы потемнели, а в последние годы их инеем посеребрила седина. Лицо огрубело, резче стали черты и глубже глаза — как и у меня, только меня давнее горе высушило, а Эреус, наоборот, словно разбух от него: опухшие веки, вспухшие запястья, широкая в плечах, но обрюзгшая в талии фигура. За прошедшие годы он обзавелся новой семьей, в которой росли два сына, носящие фамилию Диос, а не Эмендо — также как и новая жена Эреуса, знакомая мне Фламма.

Скоро младшие вампиры были обезглавлены. Диос, защищенный невидимым щитом охотника, бился с Дивелли, укрывшимся в плаще-доспехе крылатой тени. Вампир сражался в полную силу, простых смертных его огромный меч косил бы, как траву, но охотник волшебным образом уворачивался от него, будто заранее знал, куда противник ударит.

— Диоса ведет его частица Бездны ненависти, — Вако, следивший за боем через своих поверженных кукол, горестно цокнул языком. — Плохо! Хонору не выстоять без нас.

Но напрасно Алоис, поднявшийся под высокие темные своды, искал лазейки в невидимом куполе защиты здания. Мы были заперты в церкви. И скоро Вако издал вопль гнева и неверия: какой-то маленький охотник метнул кинжал прямо в спину Дивелли.

Крылатая тень вампира растаяла, он упал на колени, и Диос вложил меч в ножны. Маленький охотник кинул ему знакомый пузырек воды из источника Донума, Диос выплеснул эту воду Дивелли в лицо, тихо, с ненавистью шепча Крестное знамение, и огромный, мощный и в человеческом облике бессмертный рассыпался легким серым пеплом.

— Ничего... Наши смертные в церкви сумеют нанести им урон! — сквозь зубы прошептал Вако.

Верно, в церкви отряд охотников встретили смертные слуги пятерки, попрытавшиеся с оружием за скамьями, и появились первые потери и в отряде. Скоро охотники отступили за двери, но все равно остались близ церкви. Они ждали подкрепление, застрявшее у потайного входа в церковь. Пятерка отправила туда всех кукол из округи и сражение вышло жарким. Но, в конце концов, охотники отвоевали вход и в подземный тоннель. Вако выругался.

— Может, Бездна не пустит их сюда, как не пустила смертных? — робко предположила Майя. Митто усмехнулся и приобнял ее, успокаивая скорее себя, чем вампиршу.

— Когда они поймут, на кого напали, то развернутся и уйдут, — уверенно заявил он, но Гедеон ответил очень резко:

— Они не уйдут, Алоис. Боюсь, что Нонус с радостью помог нам влезть в ту часть истории Арденсов и Макты, куда никому ни в коем случае не следовало влезать.

— Сейчас мы все узнаем, Гедеон, — холодно, зло сказала Семель, подходя ко мне, по-прежнему прижатой к стене железной рукой Вако. — Сейчас!

— Майя, ищи Атера! — распорядился Гедеон, и это было последним, что я слышала. Жгучая стрела молнии прошила тело, и еще, еще... Раздосадованная проигрышем в первом мысленном поединке, Семель решила выполнить угрозу и выпытать наши с Нонусом планы, хлестнув меня болью.

Очередной удар... — и все, тишина и покой. Вдали в море Нонус отворил воронку, отвлекая Семель в свою ловушку. Я смогла перевести дух, и скоро открыла глаза в реальности. Семель замерла передо мной с закрытыми глазами. А Вако заметил, что я очнулась и сжал руку на моем плече посильнее.

— Мне с самого начала показалась странной твоя покорность нам. Признаться, я ждал от тебя кинжала в спину. Та Ариста, которую, я знал, не дала бы поглотить себя тоске. Скорее, она всеми силами боролась бы с ней — до победы. Но в битве с нами ты проиграешь! Ты умрешь скорее, чем умерла бы, будучи действительно тихой сумасшедшей.

— Если ждал, что же ты пропустил удар, Гедеон? — мой голос полился таким же тягучим сладким медом, как его. — Да, верно, я та Ариста, которую ты знал, и я не проиграю! Мы с Нонусом следим за каждым вашим шагом, знаем, чем сейчас заняты ваши слуги, и смертные и бессмертные. Мы видели все ваши тайные и сверттайные убежища и представляем все ваши уязвимые места, даже те, о которых неизвестно вам самим!

Вако расслабленно улыбнулся. Воистину, вежливая великосветская беседа, если бы один собеседник не придавливал другого к стенке.

— Все годы при дворе меня спасала пронизательность, — молвил он. — Она помогает мне и сейчас: я вижу, что тебе по-настоящему нужно, Ариста. Исправить деяние Кармель, ведь так? Вот, почему ты отказалась от ненависти и мести — ради большей цели! Но, увы, эта цель, пожалуй, слишком большая, и ты не в состоянии объять ее. Ты пропустила множество ходов, еще будучи смертной, и до сих пор только пропускаешь и пропускаешь. Ты мечтательница, Ариста. И все! Ты не деятель, не великий ум. И ты польстила себе не только

взявшись за исправление деяния Кармель, но и решив, что справишься с бессмертным существованием. Но я вижу: неразумная дикая голодная тварь побеждает леди Эмендо... -

Его слова, равнодушные и точные, как удары молота, загоняющего гвозди в крышку моего гроба. Голодная ненависть, позабыв, что ее недавно кормили, зацарапала изнутри клетку груди, но в тесной тишине я выбрала клохчуще засмеяться:

— Ты очень точно проговорил все мои страхи, Гедеон! Спасибо за подробный список, у меня все не было времени свести их в единую систему. К счастью, не все страхи становятся реальностью даже в нашем темном мире.

— Я не договорил, — вампир, ничуть не утратил невозмутимости. — Твоя цель ясна, но даже мне остается совершенно неизвестной цель Нонуса, и я не стыжусь в этом признаться. А ты уверена, что действительно знаешь ее? Уверена, что знаешь, что он задумал повернуть этой ночью?

Я не успела ни ответить, ни хотя бы обдумать ответ, хотя он больно срезонировал моим тайным сомнениям, потому что Семель вдруг взвизгнула и повалилась на пол, сжимая голову. Нонус из далекого дворца Макты устроил Королеве очередной мысленный резонанс... В это же время в верхнем помещении церкви, за которым я следила глазами кукол, отворилась дверь в нише, найденная Майей. Охранявший ее святой упал на каменный пол со звонким деревянным стуком. Охотники начали новое наступление, теперь с двух фронтов. Слуги в церкви были предупреждены Гедеоном о втором отряде и расширили линию обороны, но защитников пятерки все-таки было маловато. Один за другим они падали в предсмертных корчах, сначала от болтов, потом от посеребренных мечей охотников. Один попытался сдаться, но бескомпромиссный Диос снес ему голову вместе с поднятыми в умоляющем жесте руками. Я со смешанным чувством отвращения и приязни наблюдала за тем, как бывший муж повергает в прах своих врагов — моих защитников. Какая-то маленькая, но твердая и холодная как камень частица меня рукоплескала равнодушию и жестокости охотника. Эти смертные выбрали господ, также как земля страха — страшную судьбу. "Зачем тебе лечить их, Ариста? Пусть отвечают за свой выбор!"

— Не ожесточай сердце, моя добрая Королева, — тихий голос Нонуса. Теплый ветер погладил островерхие волны, вздыбившиеся на поверхности общего мысленного моря. — Не надо. Оставайся живой.

"Говорит спокойно. Значит, уже выиграл битву во дворце. А мой бой едва начат..." -

Я вздрогнула и очнулась в своем теле в подземелье. Вако, Митто и Семель встали поблизости от пролома в полу, Алоис направлял вверх взведенный арбалет.

Над проломом в свете факелов мелькали тени. Охотники осматривали помещение церкви и совещались. Скоро спустятся сюда, и Диос-Эреус увидит мое лицо. Дрогнут ли его и моя рука или нанесут удар? Или мы оба замрем на месте и пропустим смертельный бросок другого врага? Глухо стучало проснувшееся сердце, теплом ярких переживаний прошедшего и грядущего боя наполняя пустые сосуды.

Наверху зашуршало, затем в подземелье тяжело повалилась первая темная человеческая фигура. Митто выпалил в нее болт, и потом уж чертыхнулся — охотники бросили к нам труп одного из слуг. Следом прыгнул охотник. Митто еще перезаряжал арбалет, а широкая серебристая полоса меча, описав круг, уже рассекла живот Гедеона и плечо Семель. Следующим ударом охотник выбил из рук Алоиса оружие, оставив вампира без двух пальцев. Это был, разумеется, Диос. Вампиры отступили. Митто и Вако укутались в крылатые тени, а Семель осталась в человеческом обличье. Зажимая оголившееся плечо и грудь — меч

охотника перерубил завязку платья, — она скользяще двигалась, то уходя от ударов, то наступая сама. Оружием вампириши был пристальный немигающий взгляд. Пару раз Диос замер на мгновение, поймав его.

— Почти... — прошипела вампириша. — Еще немного, и я пройду его защиту, Гедеон, помогай!

Я ошеломленно вертела головой. Мысли путались. Защищаться вместе с вампирами или помочь охотникам разделаться с ними? Или бежать?

— Нонус, что дальше? Чью сторону мне следует принять? — возвала я, и мысленное море колыхнулось возмущением:

— Делай, что хочешь! Это твое решение!

Вслед за Диосом в подземелье спустились еще охотники и закипел бой со вспышками серебряных болтов, с молниями мечей. Вако и Митто крыльями отражали удары охотников, но подняться в воздух, чтобы получить свободу маневров, не могли: подземелье было тесноватым. Скоро и мне пришлось принять бой на стороне вампиров. Я увернулась от пары ударов мечей, укрылась плащом крыльев от пары стрел. Вроде бы успешно, но для меня, как для всех вампиров тут, это была изматывающая оборона: наши удары проходили впустую, невидимый щит, окружавший каждого, принесшего клятву охотников, отбрасывал их. Если бы найти брешь в этой защите! Я вернулась в человеческое обличье и по примеру Семель пронзила взглядом врага. Охотник опешил на мгновение, даже выронил кинжал. Кинжал ударился о камень, легкий красивый звенящий звук разнесся по подземелью, и, то ли из-за него, то ли из-за слабого запаха серебра и воды охотников, постепенно замещающего вековую затхлость, упрятанная в дальний уголок памяти картина смерти Антеи встала перед глазами. От неожиданной подзабытой боли брызнули слезы. И охотник отшатнулся, в глазах — туман смятения...

— Разбила защиту, молодец! — похвалил не кто иной, как Вако. Я тряхнула головой, прогоняя злое видение. Разбила защиту? Да, похоже: охотник побелел и хватал воздух ртом, будто ему его было мало, потом повалился на пол.

— Вот так! — крикнул Митто. — Теперь к Диосу, Ариста!

Мысли рассыпались, чтобы пройти невредимой сквозь безжалостный хаос боя, осталось ухватиться за нить ярости. К Диосу? Что ж, верно. Он также, как этот охотник, не выдержит моего взгляда. Его сильные руки опустятся, выронят оружие. Руки, вытолкнувшие меня в коридор, во тьму беспамятства, руки взявшие кинжал со столика и направившие его в сердце девушки на постели... Или у Вселенной не осталось для меня справедливости?!

Я больше не ждала, что скажет Нонус. Вселенная и вечность сузились до тесного, горячего как печь коридора, на другом конце которого был Диос. Я ринулась к охотнику, пригвождавшему поверженного Вако мечом к земле.

— Эреус! — зазвенел мой голос, огрубевший от годов рыданий, но узнаваемый. Охотник обернулся. Зрачки светлых глаз сузились до точек, потом обморочно расширились, и он, ни слова не вымолвив, повалился навзничь.

— Меч, меч! — радостный подначивающий крик Митто бил по ушам. Меч? — Верно. Бездна, зачем я медлила, чего ждала, почему не желала принять священное знамя мести четырнадцать лет?! Я выдернула меч, по рукоять вогнанный в грудь Гедеона, развернулась к Диосу и застыла. Весь запал ушел, так же быстро и полно, как появился: словно сон под снотворным. Человек, лежащий без сознания у моих ног, был уже побежден — осознанием своей вины. Фантазия подбросила картинку где я загоняла меч, весь в крови и земле, по

рукою в грудь бывшего мужа, и оружие вовсе выпало из руки, зазвенело о камень.

Что-то ужалило под левую лопатку. Я сначала не обратила на это внимания, но боль от места укуса жгучей кислотой растекалась по телу, и скоро я уступила ей, повалилась на слабо шевелящееся тело охотника.

Удивительно, но полностью бессознательное состояние оказалось невозможным после обмена кровью. В освобожденное на время тело хлынул поток эмоций и видений от Нонуса. Знакомая бальная зала дворца Макты. Знакомая фигура, слившаяся с тенью высокого трона...

Нонус шел к тронному залу в тишине, по совершенно пустому дворцу. Залы за его спиной захватывала черная тень кукол, которых он впервые за много лет решил пустить в бой армией, не экономя силу. Верный старик по-прежнему следовал за вампиром, выдерживая боязливую дистанцию в пять шагов. "Кто это, и, черт возьми, какое место отведено ему в планах Нонуса?!" — Я подумала это и почувствовала, как пузырями любопытства вскипела морская гладь. Но... но это было не мое любопытство!

"Семель!" — я вытолкнула чужую прочь старым сильным горьким воспоминанием о могиле у истока Несса и с громким судорожным вздохом пришла в себя в реальности.

Оказалось, пока я валялась без сознания, в подземелье спустился Асседи и остановил битву, точнее, истребление пятерки. С серебряными мечами у горла, с вынужденно гордо вздернутой головой стояли Алоис Митто и Семель Тенер. Пришедший в сознание Вакс пытался договориться с Асседи, но боль в голосе вампира от еще не зажившей раны мешала поверить знакомым бархатным ноткам его внушения. Майи видно не было.

"Успела Семель увидеть старика с Нонусом или нет?!" — едва я задала миру этот вопрос, как увидела ответ в глазах Королевы: искорки тревоги и удивления. Семель разглядела через меня неизвестного спутника Нонуса.

— Ари! Гедеон, с Нонусом сейчас Ари! Они во двор... — договорить она не успела: охотники сильнее вдавил ей в горло лезвие меча, и Королева умолкла, струйка крови стекала из пореза на шее в ложбинку между грудей. Но Вако все понял, машинально рванулся, и другой охотник приставил в его пропитанному кровью дорожному кафтану серебряный меч.

— Нонус, они узнали... — вампира уже захлестывало моей тревогой и раскаянием, и он отозвался тут же:

— Ничего. Пятерке не выбраться из церкви живой. Благодарю, Ариста. Ты отлично выполнила свое задание и прошла испытание встречи с бывшим мужем.

Я, не удержавшись, улыбнулась:

— Последнее ты, наверное, давно предвкушал?

— Вот только я полагал, что ты ударишь, и готовился отвести твою руку в сторону, — помедлив, признался Нонус. Эта его фраза была окрашена грустью и недоумением. — А ты вообще выронила меч, едва я нафантазировал наихудший вариант развития событий со смертью Диоса от твоей руки. Значит, или ты действительно отпустила навсегда ненависть, во что я мало верю, или же твоя боль спрятана глубже, чем я думал. Глубоко-глубоко, куда и тебе самой нет доступа... Это чудовище, с которым ты пока незнакома. Как бы оно не выползло на волю в неподходящий момент! Но с Диосом все было кончено правильно: этот охотник еще понадобится нам живым. -

Сказав это, он вновь исчез, чтобы начать разговор с Мактой. Я опять скользнула в его "здесь и сейчас". Нонус стоял в нескольких шагах от трона. Макта не шевелился, руки заостенели, вцепившись в подлокотники, пустые глаза Первого вампира уставились в одну

точку. Алая мантия струилась по ступеням потоком крови, усугубляя впечатление, что на троне восседает мертвец.

"Мертвец и есть. Этим телом управляет Бездна".

— Владыка Карды и... Владычица Терратиморэ! — возгласил Нонус. — Ты помнишь меня? Я первое твое дитя. Не я запер тебя в клетку серебра и солнца, но я дал тебе оболочку из плоти, в которой ты сейчас ходишь среди людей. Твои другие дети — Вако, Митто, Тенер — обманули тебя, раздув бурю народной ненависти. Они хотят уничтожить тебя, а я... я хочу освободить.

Макта не шевельнулся, но странным белым огнем вспыхнули его глаза. Свет, но не солнечный — равнодушное сияние звезд. Может, такова должна была быть воплощенная Бездна, неискаженная ненавистью?

— ...Гедеон, зачем вы проникли в церковь Микаэля? Кто подстрекал вас? -

Я рывком вернулась в реальность. Асседи, задавший Вако эти вопросы, выглядел растерянным. Нонус поймал его, как и хотел: на выборе только одной из двух враждующих групп.

Гедеон объяснил про ловушку Нонуса. С каждой его фразой лицо Асседи прояснялось.

— Значит, недоразумение, — повеселевшим голосом подытожил он. — Что ж я рад. Защита этого места заклета так, что пройти под нее может только задумавший недоброе против Атера, и о проникновении на запретную территорию немедленно узнают мои охотники. Но теперь, я надеюсь, вы откажетесь от навязанного Нонусом предприятия и возвратитесь в Карду? Вас ждут на большой пир в старом дворце, друзья.

— Недоразумение? — зазвенел смутно знакомый женский голос. Маленький охотник, метнувший кинжал в Дивелли, в волнении подался к Асседи. Капюшн спал с его головы, и я узнала потемневшие, без солнечного света превратишися из огненно-рыжих в медные, кудри Фламмы. — Битву, унесшую жизни восьмерых охотников, битву за основы Терратиморэ вы называете недоразумением и готовы простить и отпустить нарушителей священной границы? И на чей пир вы приглашаете их: человеческий или пир тварей?!

Кто-то из охотников хотел перебить ее, но другой остановил:

— Она правильно говорит, — глухой голос, упрямый тон. Эреус?

Я вернулась во дворец. Нонус вывел к тронным ступеням старика.

— Атер отнял жизнь у Виталия Фонса, превратив в его Макту, а Кармель уничтожила возможность возвращения этого долга Арденсами. Но вокруг еще так много жизней, Владыка Карды! Добровольная жертва любого смертного потушит твою ненависть и разомкнет оковы, наложенные Атером, Владычица Терратиморэ! Я хотел подготовить Кармель, но она не смогла переступить через ненависть к убийце сына. И я нашел другого жертвователя... -

Нонус ловко лавировал, обращаясь то к Макте, то к питающей его тело Бездне, а я хмурилась, и над нашим мысленным морем сгустились тучи. Выходит, Макту может спасти не жизнь Арденса, но любая жизнь, отданная добровольно? Счастливый конец, как в сказках? Но откуда тянущей неприятной болью внизу живота ужасное ощущение подвоха? Будто сейчас некто, издевательски хохоча, выдернет доски пола у тебя из-под ног, и ты рухнешь в пропасть!

— Мы не оставим уничтожение Атера, Ваше Величество, — в реальности заговорил Вако. Напряжение в его голосе больно резонировало с моим, колотящим тело. — Макта вечно будет угрожать пятерке, так пусть он станет, хотя бы, слаб! Голос Бездны направляет

Макту. Когда уйдет Голос, Макта ослабеет и сгинет.

Во взгляде Асседи заблестела сталь:

— Атер должен остаться! Он необходим всем потомкам Арденса, он — залог нашей силы. Как твари смеют не подчиняться потомку Арденса?! Ваше существование зависит от нашего! А мы находимся в полной силе, только пока голос Бездны есть в мире, так решил Атер. Мне не больше вашего нравится эта зависимость, но поделаться с ней ни я, ни кто либо из Арденсов ничего не может!

Я похолодела: Асседи — потомок Арденса. Очередная неожиданная и предсказуемая подлость земли страха...

— Но еще больше существование отрекшихся от смерти зависит от Макты, — процедил Геденон. Его рана затянулась, и вампир поднялся на ноги, более чем когда-либо бледный, серьезный и злой. — И я не думаю, что смерть Атера может причинить какой-либо вред Арденсам. Вы получили жизнь, а не проклятие Макты, от частиц Бездны вы чище всех прочих смертных, вот только совесть ваша грязнее всех. И, полагаю, Асседи, как раз пользуясь нечистотой вашей совести, некто взрастил в ее грязи нелепый страх — боязнь смерти Атера. Взрастил, чтобы сегодня столкнуть нас лбами в церкви Микаэля... и этот некто — Нонус!

— Верно, о связи Арденсов с Атером написано в единственном трактате Атера, подлинность которого установить не удалось. И этот фрагмент выглядит как вписка, — пробормотал Асседи. — И все же, Вако, я не уйду, по крайней мере, пока не явится Нонус и не объявит, что фрагмент о связи Арденсов с Атером — часть его лжи.

— Послушайте, Ваше Величество, — из-под бархата тона предводителя пятерки показалась основа: металлические стержни. — Уйдите и уведите своих верных шавок, оставьте наши дела с Атером в покое, и продержитесь на троне дольше, чем ваш предшественник!

Я опять скользнула во дворец, и вовремя. "Ты заслужил свободу, Макта. Свободу от ненависти", — как раз молвил Нонус и толкнул старика-смертного вперед, так что тот повалился на колени на первую тронную ступеньку.

— Вот человек, который отдаст тебе жизнь, вместо той, что была украдена Арденсами! — крикнул вампир. — Это — Ари, алхимик и последователь Атера. Он помогал Кармель с ритуалом, но раскаялся в своем деянии, потеряв всех родных от клыков *carere morte*. Он принял зелье Бездны и станет новым Ее созданием вместо тебя. А ты будешь свободен. Я же получу светлое создание Бездны из добровольной жертвы Атера.

Макта задумчиво склонил голову набок, изучая смертного. При упоминании светлого воплощения Бездны глаза Первого вампира опять заволокло странным белым светящимся туманом: слепой, но всевидящий взгляд. А старик обернулся к Нонусу — ко мне, кратко глянул в его — мои глаза. Какие темные, полные боли и непонимания, как у животных на бойне, омуты! Он же боится, до смерти боится! "И молитва, что он шепчет... — вспомнила я. — ... это же та самая, защитная, которой меня когда-то учил Эреус!

— Какая же это добровольная жертва, Нонус?! — прошептала я, а потом крикнула в голос, и этот крик птицей пронесся над нашим морем. — Этот смертный дрожит от страха... перед тобой! Ты просто запугал его! Если он станет новым созданием Бездны, какими будут его дети — дети страха?! -

Но Нонус закрылся от меня. Я могла беспрепятственно плавать в его "здесь и сейчас", но была бессильна воздействовать на него. Церковь Микаэля и дворец Макты разделяло пол-

Карды, и неизвестного рода непроницаемый купол защиты над церковью. Что же делать?!

— ...Я давно ждал, Доминус, когда вы встанете перед этим выбором, — глухой, усталый голос Эреуса вернул меня в собственное тело. Я развернулась, чтобы увидеть бывшего мужа, еще не поняв, хочу ли этого. Диос сидел, привалившись спиной к стене, очень бледный, но знакомо упрямый. Фламма была рядом.

— Перед каким выбором? — Асседи бледнел-злился все больше, и тонкая усмешка искривила лицо Эреуса:

— Или вы покровительствуете охотникам, или тварям! До сегодняшней ночи мои охотники не представляли, сколь тесны ваши связи с пятеркой. Мои люди не станут слушать приказы человека, будь он хоть самим Лазаром Арденсом, если он якшается с тварями. Более того, этот человек будет приравнен к тварям, а с последними у нас разговор короткий... — он договорил это почти неслышно, одним болезненным выдохом, и упрямо наклонил голову, точно приглашал Асседи пободаться. Я дрогнула от этого движения: на нашей свадьбе, шепча клятву, муж бодался со всем миром точно также. Интересно, знает ли это движение Фламма?

Почувствовав мой взгляд, Эреус чуть обернулся — и изменился в лице от страха. А я, поглядев в знакомые светлые глаза сейчас, не почувствовала почти ничего. Чуть-чуть жалости, чуть-чуть презрения... Все.

— Здесь, сейчас вы отдаете пятерку старших вампиров нам, и мы продолжаем службу Арденсам, — Эреус говорил размеренно, уверенно, будто не раз репетировал эту сцену. Я ждала гневной реплики Асседи, но тот слушал, то ли пораженный, то ли покорный. — Пришел момент выбора, Ваше будущее Величество, на поддержку кого их двух злейших врагов вы рассчитываете в свое правление!

Я почти слышала мысли, проносящиеся в голове Асседи, почти видела его чувства, яркие и грозные. Он возмущался неповиновению самых верных слуг и признавал справедливость этого, хотел стереть охотников в пыль и тут же, на месте, подсчитывал, сколько лет и средств понадобится, чтобы вырастить новых, столь же сильных. Наконец, найдя спасительную идею, он разомкнул губы:

— Я думаю, начать стоит с той, что не принадлежит пятерке. С лишней... — он еще договаривал, а стража уже рывком вздернула меня на ноги. Один потянул меч с пояса, но Король брезгливо поморщился:

— Не здесь.

Во дворце Макта по-прежнему неподвижно сидел на троне. Раздумывал? Нонус опустился на колени рядом с Ари. Единая черная тень его кукол запечатала все окна и двери зала. Вампир ждал решения Бездны. "Хорошо... Значит, и у меня время еще есть!" — подумала я, вот только на что потратить это время, не знала. Мысленно убеждать Нонуса прекратить опасный опыт? Послать во дворец кукол? Все это не давало гарантии успеха. Опять повозка без управления неслась под горку, и я не знала, как остановить ее!

Охотники повели меня вглубь хитросплетения лабиринта стен. Но они вели покорную куклу, я почти оставила главное свое тело. Я лихорадочно собирала марионеток из окрестностей Карды и гнала их ко дворцу Макты, я пыталась докричаться до Нонуса мысленно, пропускала воды нашего моря сквозь скрещенные сетью пальцы, надеясь вызвать случайный резонанс, и обратить на себя его внимание хоть так... Поэтому я не сразу осознала реплику Эреуса, ударившую моих юных палачей в спины:

— Я сам это сделаю. Патрик, Валент, вернитесь в главный зал.

Поневоле я вернулась к собственным ощущениям. Охотники ушли, оставив меня с Эреусом. Я не видела, но чувствовала, как подходит муж. Кожа спины и шеи покрылась мурашками, точно мой затылок лизнул чей-то холодный язык. Тут подошел и Диос. Спину легонько укололо острие его меча, и по коже опять пробежала волна дрожи.

— Иди вперед. Не оборачивайся.

Я подчинилась. Несколько минут мы шли в полной темноте и тишине. Я прислушивалась к сердцебиению и дыханию бывшего мужа: взволнован он или спокоен? — но ничего не смогла различить точно. В крохотном зале, освещенном маленькой лампадкой с маслом, последовал приказ остановиться. Я послушно замерла на месте. Почему-то я была уверена, что Эреус не убьет меня, по крайней мере, сейчас. Моя боль разбила его защиту, осознание вины забрезжило в глазах охотника, выведя из горячки боя. А человек, испытывающий одну со мной вину и боль, не сможет меня убить. "Моя боль и вина сращены с его болью и виной, и, убив меня, он убьет и себя", — подумала я.

— Повернись ко мне. Ариста, — тихо, глухо сказал Диос. Я послушно развернулась, и кончик серебряного меча охотника уперся теперь в грудь.

Наедине, на расстоянии вытянутой руки с мечом, я почему-то совсем не узнала Эреуса. Чужой незнакомый человек, его слова и жесты уже не вызывали молний-воспоминаний по оставленной смертной жизни. Я гордо вздернула голову, неосознанно подражая стоящей под мечом Семель. Диос усмехнулся:

— Я не убью тебя, Ариста.

Молчание. Охотник ждал чего-то, кончик его меча дрожал, описывая замысловатые узоры в мизинце от моего тела. И скоро я не выдержала, нарушила тишину:

— Держишь меня, потому что какой-то вопрос терзает, на который только я могу дать ответ?

— Почему твари, Ариста? — прошептал Эреус. — Это... это месть мне?

— Я отказалась от мести. Я сказала тебе все еще четырнадцать лет назад: я хочу доказать, что тварей можно исцелить. И я решила зайти с их стороны.

А это был для него удар! — и более болезненный, чем удар мечом. Охотник побледнел, как тогда, когда я сломала его защиту. Зрачки опять зло сузились, потом расширились:

— Тварей нельзя исцелить! Это превращение необратимо. Мы заперты с ними в одном крохотном мире, и либо они убьют нас, либо мы их!

— Гордые слова. А какие слова ты говоришь пятерке старших вампиров — друзьям покровителя охотников, при встрече?

— Не язвы, Ариста. Ты была политиком и сносила многое, противное совести и чести, ради выполнения далекой цели. Я исполнения своей дождался: Асседи в конце концов уступит и расправится с пятеркой. Я добился, чтобы покровитель стал более зависим от нас, чем мы от него. Если он не подчинится, через год-другой его сметет волна народного гнева, потому что если мои охотники сейчас устранятся от истребления тварей, уже через месяц Карду поглотят кладбища!

Что я могла сказать на это? Я усмехнулась. Охотник нахмурился:

— Не уходишь, ждешь чего-то... Хочешь сказать что-то, но боишься? Или какой-то вопрос тебя терзает, ответ на который могу дать только я?

— Ты служишь Асседи, другу Вако. Почему? Ведь ты не прости Арденсам и Вако Антею, я вижу это.

— Макта вечен, Кармель сделала его ненависть вечной, значит, вечны и твари. И только

охотники стоят щитом между ними и миром людей. Дело охотников важнее любых моих эмоций! И Асседи нужен нам... в качестве денежного мешка.

— А Антея?

— Если то же, что с Антеей, случится с кем-либо из сыновей, я поступлю точно также, — Диос насупился. — Только теперь и они, и Фламма знают об этом — я исправил эту свою ошибку.

— Они знают... и остаются с тобой? Странная семья.

— Семья охотников! И мы служим не Асседи и не Арденсам — мы приводим качающийся над пропастью мир к равновесию, — фанатичный огонь загорелся в глазах охотника — знак его восстановившейся защиты. — Возможно, однажды нам даже удастся свести численность вампиров до минимума, и мы на миг сможем увидеть свет. Свет прежних дней беззаботного мира.

— Значит, ты выбрал жизнь без надежды.

— А ты — жизнь в иллюзии, — Диос помолчал, играя желваками. — А Антею я не простил — и помыслить не мог простить, — и не прощу ни Вако с Арденсами, ни Гесси, ни себе, ни... тебе.

Я спрятала крик боли за смехом, чуть более нервным, чем требовалось:

— Тогда почему сейчас отпускаешь меня, Эреус? Убей...

Охотник печально покачал головой:

— Я не окажу тебе этой милости, как и ты не оказала ее мне. Убью тебя — этим убью и себя, ту же вину и боль. А я еще нужен проклятому миру. Возможно, нужна и ты.

Я отвела от груди легко поддавшийся кончик его меча, перехватила руку Диоса и легонько пожалала. Я знала, что очень скоро подумаю об этом жесте с отвращением, но почему-то казалось: он нужен не мне и не охотнику. Он нужен миру, который мы оба стремимся изменить, пусть разными путями.

— Иди коридором дальше, до главной камеры с телом Атера. На другой ее стороне три хода, выбери средний. Только откажись от идеи уничтожения Атера, и купол выпустит тебя. Выйдешь у купели с водой из источника Донума — и беги через кладбище.

— Что за заклятие лежит на куполе? — встрепелось мое неубиваемое любопытство. Диос удивленно приподнял бровь, но ответил даже вежливо:

— Защиту церкви дает знамя Арденса, которым накрыт Атер. Оно было заклято кровью главы охотников и одного из потомков Лазара так, чтобы под купол могли проходить все, но замысливших недоброе против Атера он заключает в ловушку, одновременно предупреждать об опасности охотников и Асседи. Теперь уходи, Ариста.

Я едва дождалась, когда он скроется за поворотом коридора, и бросилась в указанную главную камеру. Последняя реплика охотника указала выход из невеселой ситуации, в которую всех завела ошибка Нонуса. Как я не сообразила это сразу! Здесь Атер, ключ к силе Макты! Уничтожить его, и неверный опыт Нонуса не удастся. Макта уйдет, а новые дети Бездны страха просто останутся страшной возможностью.

"Ох, Нонус, поговори со мной! Поговори сейчас, дай переубедить, не предавая! Я не хочу разрушить твою мечту, я верю ей, но ты где-то ошибся и свернул не на тот путь. Отдав Бездне Ари, ты не получишь светлое дитя любви, с алхимиком в Терратиморэ придут воплощения его страха!"

Главная камера, вопреки значительному названию, оказалась небольшим помещением круглой или, скорее, яйцевидной формы. Позабытая всеми Майя застыла у входа. Атера она

нашла, но уничтожить побоялась: по стенам усыпальницы алхимика клубилась знакомая тень кукол Нонуса. И несколько сильных кукол-мужчин и волков охраняло земляную яму с укрепленными досками стенками в центре камеры. Видимо, в ней и томился бесчувственный Атер на протяжении целой сотни лет.

— Я пробовала пробраться за Атером, но они изорвали мне лицо и руки, — пожаловалась Майя, заметив меня, и показала чистые белые ручки, порезы на которых давно зажили. Впрочем, платье вампирши висело лохмотьями — ей, и правда, досталось.

— Я не трусиха, не думай, — хрипло продолжила Майя. — Я бы забрала оттуда Атера, но что дальше? Как его уничтожить? Отрубить бессмертному голову недостаточно для полного уничтожения! Тут нужен ритуал охотников или бочка воды из источника Донума.

Я обратилась к немногочисленным куками-птицам, оставшимся близ церкви. Облетела здание кругом и скоро заметила в саду, на середине между церковью и большим кладбищем Патенса круглую чашу купели, до краев полную прозрачной водой. Вовремя о ней обмолвился Эреус... Может, эта обмолвка стала мне наградой за то, что удержалась от убийства бывшего мужа?

— Поблизости от церкви — купель с водой из источника Донума, — тихо сказала я Майе. — Вот только купол защиты не выпустит нас, поскольку мы задумали недоброе против Атера.

— Так ты на стороне пятерки?! — изумилась Майя. Вампирша обрадовалась, но одновременно с этим мне померещилась и толика презрения на ее лице, будто я обманула какие-то ее ожидания.

— Скажем так, на некоторое время наши цели частично совпали, — проямлила я и замолчала.

— Что сейчас с Вако, с Семель? Их захватили охотники?

Вопрос был кстати: я давно не проверяла, что творится в большом подземном зале, где остались вампиры, охотники и мятущийся меж ними Асседи. Я тронула "здесь и сейчас" Семель.

...Боль от незаживающего пореза серебряного меча на шее. Страх близящейся гибели путает мысли, но ненависть низложенной Королевы — ледяной стержень внутри, не дает окончательно рассыпаться на осколки. Еще поборюсь. Сотворю последнее проклятие убийцам, и в нем буду жить еще вечность...

Диос возвратился к своим и скомандовал начать казнь вампиров пятерки. Первым выводят Митто. Разумеется! Это месть Эреуса за Антею... Алоис пошучивает и усмехается но это не героизм пред лицом смерти. Глаза вампира туманны и неуверенно кривятся губы, будто он силится и не может понять, во сне ли все происходит с ним, или в реальности. "Я все-таки думаю, Гедеон, вся вечность *carere morte* — это только сон. Только мечта... о Вечности", — с тем же весело-рассеянным выражением лица делится он с Вако, когда двое охотников уже держат его под руки, поставив на колени, а Диос направляет в сердце вампиру серебряный кинжал.

Я вместе с Семель смотрела, как он вздрогнул и статуей застыл от удара Диоса, а потом рассыпался серой пылью от одной пригоршни воды источника. Интересно, что сейчас чувствует Эреус? Радость? Довольство? Или ту же пустоту, что я? Ведь убивая любого из участников старой трагедии, мы, повязанные той же виной, вместе с ним убиваем и себя...

— Эреус, послушай, — голос Вако опять полился медом. — Ваше Величество, послушайте! В церковь Микаэля нас всех заманил Нонус. Чтобы стравить, и избавиться.

таким образом, от всех своих врагов! А, между тем, здесь, под церковью, есть то, что позволит изгнать Макту, терзающего наш край! У Семель есть ход к мыслям Нонуса, и она узнала, что здесь, под церковью, он держит Атера, нареченного Голосом Бездны, направителя Макты. Он сочинил и заставил вас поверить в ложь, что Атер якобы связан с Арденсами, но это не так. Голос Бездны связан лишь с Мактой. Уничтожить Голос — и Макта уйдет! Подумай, Диос!

"Этак они договорятся", — я почувствовала, как мысленная усмешка отразилась на губах... и пришла в себя.

— Охотники убили Митто, остальные пока живы, — сообщила я Майе и задумалась опять. Что можно сделать?

"Кинуться к яме, выхватить тело алхимика вместе с покровом знамени, метнуться куполу защиты. Передать тело марионеткам за пределами защиты, швырнуть в купель. Вроде бы просто и ясно. Но права ли я? Как не хватает уверенности! Может, страх этого Ари лишь померещился мне? Может, Нонус также видит его, но полагает, что это не помешает ему получить то, что он ищет? Он просчитал все ходы в игре с пятеркой Вако, с Асседи и с охотниками Диоса. Может ли быть, что он не учел страх ничтожного Ари? И как это отвратительно: идти против друга, делу которому клялась помочь! Стоит ли того моя правда... если она, действительно, правда?"

"Нонус, отзовись! Прочитай мои мысли и планы! Покажи, что я ошибаюсь! Только сейчас, скорее! Если Макта согласится взять жизнь Ари, мне придется действовать сей же момент, более не раздумывая и... против тебя! Пожалуйста!"

Большая кукла в центре камеры заметила меня — заломившую руки фигуру в коридоре. И скоро тень собеседника мелькнула над волнами нашего моря.

— Ариста, что ты стоишь на пороге? Пройди в зал, взгляни на Атера, удовлетвори любопытство, — тепло предложил Нонус. — Тебя я пропущу, не бойся...

— Я слышала, как ты представил старика-Ари Макте, — море заколыхалось от моего волнения. — Ты хочешь отдать его жизнь Макте вместо той, что была потеряна из-за ритуала Кармель. Но как?

— Я перекрою великую жертву Макты другой жертвой, — спокойствие Нонуса было покоем душного летнего вечера со вспышками сухой грозы на горизонте. — Но жизнь Ари будет отдана добровольно, а не так, как в ритуале Атера, на который будущему Макту заманили обманом, не сказав о последствиях. Значит, можно не бояться, что новая жертва в результате ритуала превратится в подобие Макты. Я подготовил Ари, когда гостил на Юге. Он, также как я, влюблен в идею дать миру волшебство при помощи силы Бездны и исполнит великую миссию со священным трепетом. Он с радостью готов отдать Макте свою жизнь, чтобы из темного мира *carere morte* родился новый, волшебный. -

По следу этих слов я скользнула в недавние, общие с Нонусом воспоминания. Испуганные глаза старика и защищающая от нежити молитва, повторяемая по десятому... пятидесятому... сотому кругу.

— Мне показалось, ты запугал Ари, Нонус, — моя честность была прозрачным льдом, сковывающим водную гладь. — Разве можно говорить о добровольности в этом случае? Вспомни, как ты сам стал вампиром!

— Я? Запугал? — море заискрилось искренним недоумением Нонуса, и я слышала, как он тут же обратился к старику: — Разве ты боишься меня, Ари?

Я потянулась за нитью бусин этой фразы. В "здесь и сейчас" Нонуса пахло гарью. В

лицо дышало жаром чудовище-пламя, пожирающее ковры и портьеры. Дворец подожгли то ли вампиры Алитера, то ли собравшиеся на площади смертные, в разбитые окна тронной залы влетали новые и новые бутылки с зажигательной смесью. Ненависть, кропотливо собираемая пятеркой Вако много лет, нашла воплощение — огонь.

Вместо ответа на вопрос Нонуса, старик Ари затрясся сильнее и громче забормотал молитву. Да, все ту же, защитную, которой меня когда-то учил Эреус... Я почувствовала себя обессиленной. Вся сила, которую во мне поддерживал Нонус рассуждениями о великом плане, ушла. Пустота разочарования.

— Он боится! Значит, как ты хочешь, не получится, Нонус!

— Ты говоришь, как мой учитель! — разъярился тот, но я скользнула по нити его ненависти в темные глубины памяти вампира, и нашла что он скрывал не только от меня, но и от себя. То, от чего все время чуть дрожала поверхность общего мысленного моря. Серебристый блеск рыбин в его глубине был блеском старинного узкого клинка из чистого серебра. Несколько смертей тех, кто был близок Ари. По признакам их можно было списать на голодных дикарей, но я-то видела как все было: несколько хладнокровных быстрых ударов кинжала Нонуса...

— Вздумала мне указывать? — все больше волновался Нонус, а море пенилось и пена была багрово-черного цвета, как гнилая рана: вампир знал, что лжет сам себе. — Конечно же, Ари не боится. Я всегда был справедлив к нему...

— Даже когда убивал его близких, чтобы вынудить следовать своему плану?

— Это тоже справедливость! Он должен был понять, какое чудовище они призвали с Кармель, и пожелать уничтожить его!

— Ты думал, что удачно свалил эти смерти на дикарей, но Ари все-таки понял, кто истинный виновник. Без доказательств, просто по твоему взгляду...

— Замолчи!

— ...В конце концов, он бежал от тебя на Юг, но ты нашел его и там, — голос зазвенел от волнения: наконец-то, связав все, что явилось в воспоминаниях Нонуса, я нашла, чем могу по-настоящему помочь другу! — Ты, наверное, не считаешь все содеянное преступлением: алхимик лишь отвечал за свои грехи. Но ты выбрал не тот способ увлечь Ари, Нонус. Ты поступил с ним также, как поступил с тобой твой учитель, Атер. Такое часто случается: мы повторяем ошибки родителей и наставников.

Нонус протестующе вскрикнул, но в голосе было больше боли, чем гнева. Уже знакомые картинки его прошлого замельтешили перед глазами, на ходу оживая, становясь еще одним слоем реальности. От начала к концу, от хмурого алхимика, давшего "безвестному сироте" пищу и кров и учившего алхимическому искусству, до церкви Микаэля и высохшей мумии под знаменем Арденса — средоточию всего плана Нонуса и цели его мести. Да, мести, ведь чем иным может являться достижение мечты, над которой издевался твой враг?

— Замолчи! Ты решила испортить мне триумф? Что за зло в тебя вселилось?

— Ты же знаешь, что я права. Нонус, послушай меня, я хочу помочь...

— Ты ни в чем не права! — с мальчишеской запальчивостью крикнул он, а наше море уже зачернело так, будто в его воде растворили черноту бездны. — Ни разу не права!

"Увы, права..." — мысли перемешались, единственное, что я по-прежнему чувствовала ярко, это печаль, пришедшую на смену ощущению силы.

— Что станет с *carere morte* после твоего опыта, Нонус? — тихо спросила я, ветерком машинально поглаживая зияющее черной бездонной пропастью море. — Когда Макта

заберет себе жизнь, пусть даже Ари, а не Арденса, что станет с детьми его ненависти? -

Спросила — и внезапно различила потоки раскаяния в реках его чувств. Нонус вздохнул:

— Без Макты они ослабеют, но не уйдут совсем, как сами считают. В Терратиморэ остались еще потомки Лазара Арденса, они поддержат Бездну ненависти *carere morte* после исчезновения Первого вампира. Это не то исцеление, которое грезилось тебе, но другого наш мир предложить тварям не может. Позже поймешь.

Он, что, подслушал наш разговор с Эреусом? Те же слова, но теперь от них гораздо больнее. Потому что их говорит не враг, разбивший твоё счастье, но друг, подаривший тебе надежду. В этой боли растворилась и цель разговора, и все оставшиеся доводы. И вся она ушла в крик:

— Замолчи! Вы с Эреусом сегодня решили убить мою надежду?! Не бывать этому!

— Диос, кажется, называл это иллюзией, моя забывчивая Королева.

— Замолчи!

Нонус хотел возразить — гладь моря уже заколыхалась, но застыл. Макта принял решение.

Владыка Карды поднялся — текучее нечеловеческое движение. Тьма взвилась вокруг него лентами дыма и обхватила фигуру Первого вампира: тень-чудовище на яростно-красном огненном фоне. Ари, взвизгнув от ужаса, бросился со ступеней, но Нонус удержал его, ухватив за плащ. Все также нечеловечески ловко и совершенно бесшумно Макта спустился на несколько ступеней. Он будто летел, а не шел, все тем же странным белым огнем были полны его глаза. Он подхватил Ари легко, как куклу, вздернул к лицу, впился зубами в тощую стариковскую шею, и эту сцену скрыла тьма, поднявшаяся из-за спины Первого вампира и окутавшая его и его жертву.

"Нонус! — взмолилась я мысленно. — Останови это или дай остановить мне! Ты говорил, Бездна любит сильные человеческие чувства, но Ари сейчас испытывает отнюдь не восторг. Он боится, ужасно боится, ты должен понять это! Какими будут его дети — дети страха?"

— Ариста! — кричал кто-то и тряс меня за плечи. — Начинается... Что-то начинается! Что делать?!

Я открыла глаза в своем теле. Голова кружилась от частых скачков из одного тела в другое, от одной картинке реальности к другой. Майя трясла меня за плечи. А вокруг, и правда, начиналось что-то новое. Единая тень крылатых тварей по стенам ожила, потянулась к яме в центре камеры. Вокруг ямы она закручивалась толстым широким столбом, тяжелым и цельным на вид. Не верилось, что эта крутящаяся колонна создана существами из плоти, а не вырезана из непроглядного как зимняя ночь камня.

— Так ты на нашей стороне или нет?! — закричала Майя, увидев, что я пришла в себя. Я торопливо кивнула. И это движение, эту боль рваной раны, делящей единое на две половинки, это предательство заметил Нонус!

Я укрыла от него свои мысли за прозрачным щитом... И лишь под этим слабым прикрытием ринулась к яме, ударились всем телом о внешне монолитную колонну. Колонна распалась, но тут же собралась вновь — вокруг меня, заживо замуровав в своей холодной и остро-гладкой черноте. Я не могла даже закричать: боялась, что тень просочится в открытый рот, застынет в горле гладким тяжелым куском металла. Но Майя пришла на выручку. Защелкал ее арбалет, и стена вокруг дрогнула. Я рванулась в открывшуюся брешь, и земля

ушла из-под ног — я провалилась в яму к Атеру.

Я упала на колени, руками упершись во что-то мягкое, гладкое, холодное... — в тело, покрытое шелковой тканью знамени. Алхимик был завернут в него как в плащаницу, и когда я приподняла его, легкого и небольшого, руки заскользили по той же ткани. Атер не шевелился, но какая-то работа Бездны велась в этом теле. Я чувствовала: если б не сдерживающая сила знамени Арденса, существо кинулось бы на меня, как любая голодная тварь. Дурная фантазия тут же нарисовала картинку, что в шелковистую ткань обернуто такое же черное, сотканное из тьмы создание, каким был Макта в воспоминаниях Нонуса, и молния ужаса прошла позвоночник сверху донизу. Руки ослабели, и я чуть не выронила ношу.

Края ямы чуть выдавались над моей головой, и за ними все было черно от крылатых теней. Но, укрывшись в плаще из такой же тьмы, я рванулась в самую их гущу.

Ткань знамени заскользила в руках, разворачиваясь и освобождая тело, так напоминающее тело куклы — твари Нонуса рвали у меня из рук жутковатую ношу. Я скакнула к предполагаемому выходу из главной камеры и опять оказалась в плену холодной гладкой черной тени. Шелковая ткань со свистом окончательно вырвалась из рук, но я вцепилась в Атера мертвой хваткой, и его не отдала. "Как жадничающий ребенок с куклой", — пришло неуместное сравнение.

— Ариста, прекрати. Это бессмысленно, — хлестко, жестко напомнил о себе Нонус. Я стиснула зубы:

— Прости. Я не успела объяснить тебе... Но времени уже нет!

— Ари принял зелье Бездны. Процесс преобразования мира уже не остановить, пойми! -

Он искал ход если не к моим чувствам, то к разуму... Но времени, действительно, не было, и я решила на подлый ход. Я скользнула в "здесь и сейчас" Нонуса, и общее море обратилось пропастью дикой головной боли сильнейшего мысленного резонанса. Черная стена единой крылатой тени дрогнула, и я как механическая кукла рванулась сквозь нее к среднему из трех ходов на поверхность. К счастью, он оказался узким. Тень ринулась следом, цепляясь когтями-крючьями за платье, но остановить мой бег уже не могла. На ходу подзывая всех кукол из окрестностей, я выскочила на поверхность. Тоннель открылся в церковном садике, граничащем с патенским кладбищем. Белая чаша купели была в пяти шагах впереди. А по тени Нонуса, вылетевшей из потайного хода вслед за мной, ударили ливнем арбалетных стрел неведомо откуда взявшиеся охотники.

"Похоже, Вако все-таки уговорил их действовать вместе против Нонуса..."

Солнце вставало. Атер, избавленный от обездвиживающего покрова, почувствовав его лучи, заворочался в моих руках. Еще не сила твари, но уже не сила смертного. Голос Бездны оказался по виду обыкновенным человеком в полуистлевшем старинном платье. Я почувствовала тень его еще сонных, рассеянных мыслей над нашим общим морем. И никаких противоестественных ужасов... На миг это даже вселило некое сомнение: верно ли я поступаю? Так ли плох этот несчастный, сотню лет запертый в подземелье?

"Тогда, сто лет назад, он хотел умереть, жаждал небытия, избавления от разочарования. Может, и сейчас?..

Я потянулась к нему — холодному, все усиливающемуся ветру над морем.

"Атер... Можно все закончить, быстро, легко", — несмело позвала я, но ветер сейчас же обратился роем ос-льдинок:

— Кто сказал тебе, очередная кукла Нонуса, что я теперь хочу умирать? Где этот

негодяй, этот мальчишка... -

Алхимик заворочался у меня в руках. Высушенный как мумия и все равно сильный. Его руки потянулись к моей шее — ожившие веревки, в это же время в мысленном море поднялась волна до небес — голод вампира-узника, и за ним вставало что-то совсем неохватное, громадное, равнодушное и непоколебимое как скала... Может, так мне явилась Бездна, Голосом которой был Атер? Я слепо сделала еще два шага вперед — и тут невидимая стена, купол защиты церкви, преградила путь. Я упала на колени, едва удерживая все более входящего в силу Атера. Алхимик забормотал что-то на древнем языке высоким визгливым голосом. Через слово в этой речи-заклинании повторялось "carere morte".

— Не смей! — это крикнул Нонус, посланный им вихрь разметал тучу ос-льдинок Атера, но та тут же собралась вновь:

— Это ты не смей... Мальчишка! Задумал рассеять великую силу Бездны в мире... Потерять такое сокровище! -

— Не потерять — подарить! Всем. Ты ведь тоже знаешь, что это должно быть... так!

Две фигуры привиделись мне на мгновение над нашим морем: огромная темная и маленькая светлая, жестокий учитель и непокорный ученик. И большая фигура блекла, ее тьму поглощал свет меньшей — свет старой неубитой мечты и... не может быть!.. — свет моей поддержки и веры в эту мечту. Я была единственной за сто лет, кто принял ее также горячо как он, в моей любви к ней Нонус черпал силы. И противодействовать ему теперь стало еще в тысячу раз тяжелей. Будто он нежно поцеловал мои руки, сжимающие оружие против него.

— Видишь, алхимик? Все выходит по-моему, не по-твоему. Скоро весь мир получит силу Бездны. Чтобы каждый в нем мог творить волшебство, не требуя за это у других их кровь и жизнь... Учитель!

"Учитель", — за презрением и ехидцей в обращении Нонуса, я почувствовала горечь. Она ледяным ручьем яда влилась в наше море. А темная фигура растаяла, скала-Бездна исчезла, и тело в моих руках вновь обезволено. Небо над мысленным морем залил серебряный свет, жгучий, сильный как пламя звезд. Победив Атера, Нонус решил расправиться и со мной.

— Ариста! — его ярость расперла голову изнутри, расцвела диковинным ярко-алым цветком перед глазами... Я выпустила Атера и зажала голову руками, не слыша собственного крика — его заглушал злой крик соседа по мыслям. Алхимик же, как оказалось, лишь притворялся побежденным. Едва я отпустила его, он вскочил и, спотыкаясь на неуверенных ногах, бросился бежать. Он не знал, что врагов у него за прошедшее столетие стало гораздо больше. Едва Атер выбежал за пределы защиты, как угодил в руки охотников. Диос обездвижил его серебряным кинжалом в сердце. Нонус не успел этому помешать, тень его крылатых тварей таяла под ливнем серебряных болтов. Ненависть моего создателя была слабее ненависти охотников. Может быть, я смогла бы разбить их защиту, но я не двигалась с места, не поднимала взгляд, и мои куклы сражались на стороне Диоса и Вако.

"Нонус, ты потом согласишься со мной..."

Тот опять ударил — изнутри. Его ярость наполнила меня, клокоча и оглушая грозным ревом бешеного моря. Но еще что-то било внутри, как гулкий колокол. Сердце... Сосредоточившись на ритме его ударов, я послала очередную команду куклам. Мои звери кинулись к купели, расчищая охотникам дорогу. И те скоро швырнули в мраморную чашу с мозаичным солнцем на дне обездвиженного кинжалом Атера, расплескав едкую воду.

Несколько моих птиц, посеченные брызгами, также рухнули в чашу и мгновенно истлели... вслед за Голосом Бездны. Мельканием картинок и фаз пронеслась слишком долгая жизнь Атера: опыты с существами Бездны Юга и Бездны Севера, Макта в клетке солнечных лучей Нонус... Лазар Арденс. Последний — уже Король Терратиморэ. Недовольный, гневающийся, хладнокровно-яростный:

— Ты обещал мне бессмертие, колдун. Где ж оно?

— Бессмертие тела досталось Макте, но вы получили нечто более ценное, Ваше Величество. Бессмертие духа... — алхимик умолк на середине фразы, и мелькание картинок его памяти оборвалось. Голос Бездны ушел в небытие, растворившись в воде источника Донума.

"Нет, нет, что ты наделала! Нет!"

"Один удар сердца, два... десять... двенадцать... двадцать пять..."

Я еще держалась на обрыве. Тело колыхали волны ярости соседа по мыслям, но руки были нечеловечески цепки. Я стала статуей: руки можно было расколоть молотом на части, но нельзя было заставить разжать пальцы.

Во дворце Макты кокон тьмы на ступенях трона начал расслаиваться. Вот из него показалась безвольно обвисшая рука Ари, потом откинутаая назад окровавленная голова на тощей кадыкастой шее. Две звезды сияли сквозь тьму — затянутые белым туманом глаза Макты. По зале пронесся протяжный болезненный крик Первого вампира, и черная фигура съежилась, выпустив еще живого Ари. Нонус бессильно уронил руки, до того воздетые в упоении странным ритуалом. Я чувствовала его жестокий жгучий взгляд не вовне — внутри себя.

"Сорок четыре, сорок пять... пятьдесят семь..."

— Атера больше нет! — кричал кто-то из охотников. — Голос Бездны умолк, значит, уйдет и Макта!

Преграды впереди больше не было. Защита церкви истаяла вместе с Атером. Из главных дверей выходили уцелевшие вампиры: Вако, Семель, Майя. Гедеон, старый враг, почтительно поклонился мне.

"Сто четыре... сто пять..."

Черная фигура Макты тающим клубом тени неслась сквозь затянутый дымом пожарища дворец. Обессиленный, без направляющей нити Голоса Бездны, он не мог удержаться в нашем мире, спотыкаясь и проваливаясь в ощущаемые только им ямы Пустоты. Он наткнулся на стены как слепой, и крылья его все больше блекли, сквозь них уже можно было смотреть, как сквозь запыленное стекло. Макта бежал прочь от ненависти, оказавшейся сильнее его собственной, но он еще вернется. Через сто, двести... тысячу лет. Пока в мире будут рождаться его проводники, нареченные Голосом Бездны, он будет возвращаться за своим долгом. Первый вампир остановился только в колоннаде главного входа. Черная тень вампиров Алитера в страхе отхлынула к стенам, но Макта вдруг улыбнулся им.

— Дети мои, — тихо обратился он к вампирам. — Я совершил ошибку, дав вам заданием поиск вашей собственной гибели. И сейчас, исправляя ошибку, я даю вам... свободу. Заполняйте свою пустоту чужой жизнью, умножайте наше проклятие. Держите в страхе землю страха. А ваш владыка пусть станет преемником моим — теневым властителем ночной Карды... -

Светящийся белый туман все не уходил из его глаз. Станный туман, делающий взгляд вместилища Бездны ненависти удивительно человеческим. Просящим помощи, требующем

справедливости. Не его ли искорки я видела в достопамятную ночь Бала Карды?

А Макта спустился по ступеням, за ним тянулся оборванный шлейф тени, становящейся все более серой... светлой, наконец, прозрачной. Первый вампир сделался невидим, но я разбирала его путь, когда он шел через замолчавшую дворцовую площадь. Смертные не видели Первого вампира, но машинально расступались перед ним, стремясь уйти с пути средоточия Бездны ненависти. Потом взлетел, — на мгновение огромную крылатую тень позолотило солнце, — и Макта исчез.

"Двести девяносто шесть... двести девяносто семь..."

Опять волна ярости Нонуса накрыла с головой... Но она оказалась последней. Вампир оставил меня, направил свою злость на Ари. По ушам хлестнул его полный ненависти крик, и он пустил на старика всю громадную тень своих кукол. Она схлынула через миг, а от алхимика больше ничего не было, ни клочка одежды, ни капли крови...

Я долго тяжело выдохнула и попробовала подняться на ноги там, в саду у церкви святого Михаэля. Битвы этой ночи еще не все позади. Самая тяжелая впереди.

Я добралась до дворца Макты только к вечеру: многие улицы были перекрыты, приходилось объезжать их. К счастью, Нонус еще был там.

Днем прошел дождь, выгоревшее здание дворца мокро блестело. Пожар прошелся и по дворцовому саду до самого пруда, сожрал служебные пристройки, конюшни, каретный двор, королевскую кухню. С высоты полета птиц район дворца Макты теперь напоминал *carere morte* в чудовищном обличье, распахнувшего крылья. Площадь, еще утром переполненная народом, опустела. Оживленным стал район старого дворца Арденсов, где проходила коронация Асседи. История, сделав виток, вернулась к началу, вот только Макта оставил Арденсу-Пятому страшное наследство... В старом дворце были сейчас и Вако, и Диос — все кто намеревался творить новую историю Терратиморэ. А мы с Нонусом остались на ее задворках, как и предрекал Гедеон.

Мы встретились в почерневшей тронной зале, но едва взглянули друг на друга и тут же закрыли глаза, обратившись к мысленному общению. Впрочем, реплики собеседника все равно задевали очень мало. Они снежными вихрями проносились по гладкой поверхности общего мысленного моря, покрывшегося толстой ледяной корой разочарования и неприятия.

— Зачем ты убил Ари?

— Он уже выпил зелье. Чтобы он не стал лишним созданием Бездны, пришлось запечатать его кровь в сотню мертвых тел. Без пищи-жизни, она скоро зачахнет в них.

— Значит, ты согласился, что он привел бы в Терратиморэ только новый страх?

— Это уже не важно... Что Семель?

— На коронацию она не пошла. Я слежу за ней, но все ходы предугадать не могу. Она может сейчас подслушивать нас, Нонус.

— Пусть. Ничего нового она не узнает.

Мы помолчали, даже в мыслях собираясь с духом. И новые снежные вихри заскользили уже жестче, острыми гранями мириадов снежинок прорезая лед:

— Ты обещала, ты четырнадцать лет обещала, что выполнишь мое задание полно и точно, не поставишь под сомнение ни одно указание. И не выполнила!

— Ты обещал, что твоя цель не повредит моей, и соврал. Ты первым нарушил свое же слово, Нонус.

— Я хотел дать миру светлую частицу Бездны, ты хотела дать исцеление тварям — чем мы мешали друг другу? — Нонус начинал распалиться. — Я ведь оставил бы тебе твоих

болезненных тварей: исцеляй, сколько хочешь! Но только это невозможно без утерянной жизни Макты, и потеря ее для мира — твоя вина. Вот с чем ты не можешь смириться!

— Ари привел бы в мир детей страха — и ничего более. Я уже впустила в мир детей Бездны ненависти, Нонус. Довольно! Я удивлена твоей слепоте: неужели ты не замечал, что творишь с Ари?! Если бы ты показал мне эту часть себя раньше, я бы успела указать на единственную, но фатальную ошибку в остальном безупречного плана. Ты пал жертвой своего же молчания!

— А ты понимаешь ли, что натворила?! Атер был Голосом Бездны! Его чутьем на Бездну я пользовался, когда готовил зелье для Ари. Без помощи Голоса Бездны с этим теперь не справиться! Придется ждать следующего! И в следующий раз все уже не будет так просто, легко! Ты видишь, как глубоко прорастает проклятием наша земля? С каждым следующим десятилетием их разрыв будет даваться все большей и большей кровью!

Лед пошел трещинами, черная вода лизала их края. Но море не бурлило: мы оба постепенно успокаивались:

— Если ты так дорожил Атером, перевез бы его из церкви Микаэля...

— Тогда ловушка знамени Арденса перестала бы работать. Нет, я не проиграл, Ариста. Асседи выбрал охотников, Диос почувствовал силу своей организации, пятерка отстранена от власти, к их новым планам я имею постоянный доступ через головку Семель. И Макта ушел в сон надолго. Есть время подготовиться к новой битве за владение силой Бездны. Но твоего предательства я не ожидал.

— Я по-прежнему поддерживаю твою цель, я лишь исправила твою ошибку. Я защищала твою мечту, Нонус, мечту, которая стала действительно дорога и мне! Разве это предательство? Ты сбился с дороги, может, это Бездна ненависти затуманила тебе разум, как мне когда-то... Но сейчас дорога вновь открыта, и мы еще достигнем наших целей, и твоей, и моей, вместе.

— А что она, твоя цель, Ариста? Хоть раз ты определяла ее ясно? Исцелить вампиров, сделать их обратно живыми людьми? Об этом нет даже сказок, такая это нелепица, — в тоне Нонуса, уязвленного моими замечаниями об ошибке, опять прорезалась сталь, шум волн стал грозным, как перед бурей. Напряглась и я:

— Значит, такая сказка будет! Признаться, я полагала, что ты разделяешь мою мечту, Нонус...

— Мне нравится твое стремление найти надежду для всех, но не твоя мечта. Я надеялся, однажды ты откажешься от этой иллюзии и просто поделишь мои планы. Ведь цель исцелить вампиров нелепа, Ариста. Ничего не вернуть назад, потому что жизнь Макты рассеяна в мире. Да и зачем спасать этот мир? Диос мечтает хоть на мгновение вернуть прежние времена, видимо, вслед за мужем, мечтаешь об этом и ты. Разочарую: я жил за полтора года до вас, и тот прежний мир был ничуть не лучше нынешнего. Несправедливости, лжи, глупости, жестокости было достаточно и без *carere morte*!

— Ты же мечтаешь о будущем идеальном мире, почему не помечтать мне? — робко заикнулась я, но Нонуса было уже не остановить:

— И пытаешься воссоздать его через кукол в нелепых играх на улицах Карды? Ты тешишь себя иллюзией, Ариста! Ты раздариваешь себя понапрасну мертвым и оттого бесполезным людям. А ответ на вопрос, возможно ли исцеление для тварей, следует поискать в обыкновенном зеркале. Взгляни на себя! Можно ли вернуть твой облик к тому, что был до обращения? Наверное, можно улучшить цвет кожи, заново отрастить волосы,

нарастить плоть на костях... но что делать с этими пустыми глазами? С этой зловещей и мудрой улыбкой? Как стереть все картинки лжи, несправедливости, глупости и жестокости из памяти? Это невозможно, а, значит, и вампиры обречены. В новом мире, — который сегодня ты не дала мне начать строить! — их, ослабевших, просто сметут красивые и сильные светлые создания Бездны — и это будет правильно!

— Детей любви или ненависти привести в мир — будет решать новый "Макта", и только он, Нонус. Твой Ари сегодня привел бы детей страха, лишь поэтому я остановила тебя. Знаешь, мне кажется, чтобы создать Бездну любви, на место Макты должен встать юный, добрый, чуткий к красоте живого человек. Тот, что один будет сильнее всей Бездны ненависти, — глухо, как ветер, заблудившийся в кронах высоких древних деревьев, шелестели мои волны. Нонус немного успокоился:

— Что ж, я буду искать такого. Что до твоей мечты — оставь эту иллюзию.

— Мы будем искать, Нонус.

— Нет, — море заклокотало оскорбленной гордостью, когда вампир вновь пережил игру, в которой проиграл мне: женщине, ученице. — Нет "нас". Уходи, как хотела давно. Сдержи хоть это слово.

— Нонус...

— Нет! — И прозрачная стена расколола наше море надвое. Создатель полностью закрылся от меня. Волны моей печали напрасно бились об нее.

"Нонус!" — я раскрыла глаза, надеясь, что растоплю лед, если не в мыслях, так во взгляде вампира в реальности. Но напротив была лишь обгоревшая стена тронного зала. Нонус ушел. И, может быть, он ушел давно, еще в начале этого разговора...

...Перед тем, как отбыть из церкви, глава пятерки старших вампиров с благодарностью поцеловал мне руку.

— Спасибо за неожиданную помощь, леди Эмендо, — сказал Вако. — Для нас вы всегда будете желанной гостьей.

Я отдернула руку, но след благодарного, дружеского пожатия вампира еще долго жег кожу хуже солнца. И когда выяснилось, что обиженный Нонус оставил меня, я вдруг решила принять приглашение Вако. Сердце кололи едкие слова друга о том, что моя клятва об исцелении тварей может быть всего лишь видоизмененной мстостью за дочь. А моя великая мечта, зеркальным щитом закрывающая неприглядную суть — не более чем иллюзия.

За прошедшие сутки я трижды слышала, что тешу себя иллюзией, слышала от тех, к чьему мнению прислушивалась. И это слово: "иллюзия" теперь звенело в ушах. Снова и снова — ледяной колокольчик. Нет, я еще не отчаялась. Но я чувствовала, как шатка стала земля под ногами, как низко стелются на головой облака. Мир уменьшился до размеров театральной сцены, мне и моим куклам стало тесно в нем. Хотелось прорвать декорации и бежать... лететь... Но все силы ушли, и я не знала, искать ли в себе новую, дающую их, надежду, или ждать, чтобы ее в меня вдохнул кто-то извне. Может, новая встреча с пятеркой Вако, настоящая встреча, без облика тихой сумасшедшей, покажет что воистину питает мою вечность: мечта или мсть?

...И может быть, увидев, что я иду в гости в пятерке, Нонус обидится еще сильнее, возненавидит. Тогда я сумею поймать нить его чувств и попытаюсь еще поговорить...

День подходил к концу, когда я достигла знакомого убежища на Последней улице. Проголодавшиеся после ночного сражения с охотниками и дневного сражения с солнцем, вампиры пятерки собрались на роскошное пиршество. Гедеон лично встретил меня в первом

подземном зале.

— Возьмите себе столько жизней, сколько захотите, леди Эмендо, — любезно сказал он. — Надеюсь, вы все-таки поделитесь с нами секретом тонкого управления марионетками?

Я вежливо улыбнулась и ничего не сказала. Желания поддерживать беседу не было ни малейшего. Я ждала момента, чтобы поставить точку... последнюю точку долгой истории скорби и мести Аристы, вот только плохо представляла себе этот момент.

— Нонус по-прежнему с вами, Ариста? Или после случившегося в церкви Микаэля он оставил вас?

— Обмен кровью связывает обменявшихся навсегда, но, — я не удержала грустный вздох, — можно закрыть собственные мысли и эмоции от другого, что Нонус со своей стороны и проделал.

— Жаль, — равнодушно сказал Вако. За недолгий день вампир похудел и осунулся, и то и дело нервным кратким движением поглаживал волосы. Он изо всех сил делал вид, что ничего не изменилось, хотя два из пяти мест за столом в зале совета пустовало, и сразу после коронации Асседи закрыл оставшимся вампирам пятерки путь во дворец.

Вслед за Вако я прошла в трапезную. Здесь, как и вчера, играла негромкая и незатейливая обеденная музыка. Вампиры уже кушали, голова закружилась от запаха живой крови, льющейся рекой. Здесь были Майя, Семель и новый хозяин мира *carere morte* — Улисс Алигер со своим прислужником-вампиром. Я пригляделась к этому молодому человеку, с приятными, хотя немного суховатыми чертами лица, и скоро удивленно вздохнула. Алигеру прислуживал Эрвин, в прошлой моей жизни бывший секретарем Эреуса. Когда-то он помогал мне с похоронами Антеи.

Вампир-Эрвин разительно отличался от Эрвина-смертного. Совсем другое, похудевшее лицо с заострившимися чертами и жестко сжатыми губами. Где он был в эти пятнадцать лет, как существовал? Что подвигло его перейти со стороны охотников Диоса на сторону их злейших врагов — вампиров Алигера? В посветлевших прозрачно-голубых глазах вампира иногда мелькали какие-то тени... Может быть, тени убитых?

Он тоже узнал меня и вскочил, вежливо поклонился, а потом вернулся к обеду. Подтянул за цепь на ноге жертву, до бессознательного состояния обескровленную женщину, к себе поближе и резанул кинжалом ее шею, приник к ране. Остальные гости Вако сегодня также убивали изощренно-жестоко и медленно: их внутренние, еще не отошедшие от вчерашней битвы чудовища требовали зрелища боли и долгой агонии. Предназначенные им в пищу люди, обнаженные, одурманенные чарами, вповалку сидели и лежали на полу в центре комнаты, за ногу прикованные к железному столбу в центре зала.

Я быстро перевела взгляд от кровавой сцены на гостевые диваны и вздрогнула: в стороне от вампирского пиршества, прижавшись друг к другу, сжавшись в пестрый комок нарядов, на диванчике сидели трое смертных, две девушки и юноша. Чары, если и были над ними прежде, рассеялись, но они почему-то не плакали от страха за свою участь на вампирском обеде, не молили о пощаде. Или они не предназначены в пищу?

— Кто эти люди? — спросила я Вако, указав на троицу на диване.

— Кандидаты на обращение, — совершенно спокойно отозвался Гедеон, а мое сердце в этот момент забилося сильно как у живой и ухнуло куда-то вниз живота.

"Этот момент... Может быть, он настал?"

— Как ярко сияют ваши глаза, леди Эмендо, — тут же молвил Вако, заметив искорку

ненависти в них и решив ее пока пригасить. Звякнула цепь, он подтащил ко мне смертную из предназначенных в жертву, молодую женщину.

— Утолите голод, — прошептал Вако. И, прежде чем я запротестовала, перерезал горло смертной и толкнул ее мне в руки.

"Все равно умрет, и убийца не я... Почему бы не утолить голод без обязательных мук совести?" Но я отступила назад, и смертная повалилась лицом вниз как кукла. Кровь вытекала из ее тела впустую на камень пола. Голова кружилась от сладкого запаха, я шумно сглатывала, но призрак железного вкуса во рту не уходил. Я отступила еще.

— Меня не нужно кормить, Гедеон, — ровно сказала я вампиру, не очень тщательно изображавшему удивление моим поступком. — Я возьму себе любую жизнь, но когда захочу.

Вако картинно развел руками:

— Как скажете, леди Эмендо.

Аккуратно подобрав юбки, я перешагнула через еще содрогающееся тело. С гордо поднятой головой дошла до пустого кресла, один раз оскользнувшись в крови, но не упала. Семель пьяно от пресыщения хихикнула, заметив мою неловкость и, поддразнивая, послала собственное ощущение насыщения: приятно закололо кончики пальцев, будто замерзшее тело отогревалось в тепле. А потом чужое ощущение схлынуло, и я сильнее чем прежде ощутила голодную пустоту в груди.

"Сегодня убью... или умру сама", — вдруг подумала я и почувствовала, что это будто резчик выписывает на камне, превращая предчувствие в пророчество и отсекая все иные мои пути и судьбы.

Скоро наступил перерыв между блюдами. Трупы оттащили к печи. Слуги пятерки вбежали в зал и, вылив на пол несколько ведер холодной воды, смыли кровь в канавки у стен. Смертных, будущую пищу в центре зала, они перегоняли с места на место, как скотину. Зал ненадолго стал чист, а свежий запах воды перекрыл липкий и сладкий — крови. Вампиры Вако, вальяжно расположившись в креслах у стен, сонно, как сытые кошки, наблюдали за приборкой. Эрвин, воспользовавшись перерывом, подошел ко мне.

— Я ожидал однажды увидеть вас среди высших вампиров, леди Эмендо, — сказал он, приблизившись и вежливо поцеловав мне руку.

— Что значит: высшие вампиры? Вампиры двора?

— Вампиры, близкие по силе моему владыке, — Эрвин бросил краткий почтительный взгляд в сторону скучающего Алитера. — Полагаю, вы готовите мечь Диосу, леди Ариста? Если вам понадобится помощь в этом деле, буду рад.

— Я... Благодарю Эрвин, — я все-таки запнулась, не зная, как следует разговаривать с ним: как со знакомым или как с совершенно незнакомым мне *carere morte*, ибо я не узнавала ни его лицо, ни характер. Или милый добрый мальчик пятнадцать лет назад был лишь только очередной моей иллюзией?

— Почему ты служишь Алитеру, Эрвин? — наконец нашла я подходящий вопрос. Эрвин ничуть не удивился:

— Потому что владыка силен. Сильнее всех в Терратиморэ. Раньше, я думал, сила у охотников, но постепенно понял, что ошибаюсь.

— А как же... — я опять запнулась. "Как же Антея? Разве не ее смерть вынудила Эрвина перейти на сторону тварей?" — вертелось на языке, но спрашивать я не стала. Этот незнакомый *carere morte*, вполне статья, давно забыл Антею.

— Когда то ваш супруг увлек меня рассказами о тварях, населивших наш край и о том,

как хорошо мы заживем, когда уничтожим тварей... Но после смерти вашей дочери я понял, что бороться с ними бессмысленно: они везде. Они заняли дворец и забрали власть над Терратиморэ в свои руки, а охотники и все смертные — лишь их игрушки, — медленно, скованно проговорил вдруг Эрвин, как ответ на мой несказанный вопрос. — Это их мир, и, чтобы выжить, придется стать одним из них. Сейчас, мой владыка говорит, приходит время *carere morte* открыто править землей страха, и я горячо поддерживаю его. Глупо скрываться, имея такую силу в мире слабых людей.

Я не сдержала усмешку:

— А кем были бы *carere morte* без людей? Эрвин, ты совсем забыл, кем был раньше?

Он как-то разочарованно замолчал... и скоро вовсе возвратился к своему владыке. Я видела, Эрвину хочется поспорить-повздорить, но вошедшее в кровь еще в смертной жизни чувство такта сдерживает его. Совсем заскучавший Алитер разжал губы.

— Слышал, комнаты во дворце более не принадлежат вам, Ваше Величество? — с ядовитой вежливостью обратился он к Семель. — Известно ли вам, что мои подданные делали ставки, захочет новый Король принять вместе с медальоном старого и его вечную жену — переходящее от правителя правителю знамя, или нет? Я тоже ставил... и проиграл. Так что, вы собираетесь остаться в Карде или вернетесь в родовое имение в Патенсе?

Бывшая Королева ожгла его презрительным взглядом:

— Зачем бы это знать кардинским дикарям-вампирам? Бойтесь, что я составлю вам конкуренцию на ночных улицах? Я не охочусь, как голодные собаки.

— Мои подданные — не дикари. Вы путаете их с безумными доходягами из низших сословий, обращенных по чьему-то недосмотру, но, во всяком случае, не по моему. Я же собираю вокруг себя новую аристократию Карды, — вкусно улыбнувшись, заметил Алитер, — Мои подданные — отпрыски знатнейших семейств Короны. Многие пробуют себя как кукловоды, а некоторые развивают такие способности *carere morte*, о которых неизвестно и вам, старшим. Вы полагаете, например, гнев толпам смертных у дворца внушили только ваши чары? Во все нет. Это сделали те же мои подданные, которые внушили доходягам-вампирам сражаться с Мактой, а потом и Нонусом. Весьма искусные умельцы.

— К чему ты завел этот разговор, Улисс? — Вако недовольно шевельнулся. — Допускаю, что молодые *carere morte* открывают некие новые грани вечности. Но в знании истории и политической кухни вы уступаете пятерке.

— Зачем ты пригласил меня сегодня Вако? — Алитер усмехнулся, опять напомнив старого волка-вожака. — Надеешься, что я и леди Лесная Старуха дополним оставшуюся тройку до привычной тебе пятерки? Что до меня... Известно ли тебе, что Макта объявил меня своим преемником, владыкой ночной Карды и всех ее *carere morte*? Что мне теперь до твоей пятерки, ушедшей в историю вместе с Мактой?

— После того, как Семель связала себя кровью с Нонусом и леди Эмендо, вливания свежей бессмертной крови со стороны нам более не требуется, — Вако фыркнул, впрочем, ничуть не уязвленный, и добавил, уже с легким нажимом угрозы в голосе: — Не злоупотребляй моим гостеприимством, Улисс. И угощайся!

Как раз в это время, закончив работу, слуги вышли. Еще не умолкло эхо их шагов, как снова заиграли музыканты. Теперь к ним присоединилась певица: чистый, но тихий голос, завораживающий тембр. Глаза нескольких смертных в центре зала, пришедших было в себя, вновь затуманились. Только одна девушка на диване кандидатов для обращения сохраняла ясный взгляд. Она хмурила рыжие как ее волосы бровки, тонкие губы кривились, когда она

взглядывала на вампиров. Она... сомневалась.

Вампиры один за другим покидали кресла и отправлялись за новой порцией живой крови к железному столбу. Вновь звенели о камень пола цепи, мягко скользили безвольные тела жертв, шелестела тонкими струйками взлетающая под потолок кровь из перерезанных артерий, и надо всем слезинками хрустальной люстры звенела изящная мелодия известной романтической баллады.

Семель порой кидала злые взгляды на Алитера, но Вако успокоил ее одним кратким, неслышным для остальных словом. Майя же не принимала участия в трапезе. Я видела, что она порывается подойти ко мне, но не решается. Вот она снова связалась со мной взглядом, я ободряюще улыбнулась ей... Но тут в центре залы показалась неожиданная фигура. Рыжеволосая девушка соскочила с диванчика, оттолкнула пытавшуюся удержать подругу, и бросилась к Вако.

— Пожалуйста, отпустите меня! — она заломила руки. — Я гляжу на ваш обед и понимаю, что не готова. Я недостойна вашей вечности, бессмертные! Отпустите! Я никому не укажу дорогу в ваше убежище, даю слово.

Вако встал: внушительная, грозная фигура судии. Девушка задрожала.

— Пожалуйста! — еще раз попросила она, повернувшись теперь к Семель.

— Из этого зала три хода: в нашу вечность, в наши слуги или в этот желоб, — Семель указала на канавку по периметру зала, в которой пенился красный ручеек. Королева презрительно кривила губы, когда говорила это — признак крайнего раздражения. — Слуг у нас довольно. Поэтому либо в вечность, леди Марсия Флагро, либо нам в пищу.

— Пожалуйста, отпустите! Я клянусь... — она осеклась. Тихо охнув, повалилась ничком. Алитер, не вставая из кресла, метнул кинжал ей в спину.

— Это было тягостно и пошло, — лениво бросил он. — Дешевый драматизм, как в пьесах Греди. Я не смог больше слушать.

Двое смертных на диване прижались друг к другу еще теснее. Ненадолго заглушив голос певицы, над залом разнесся безжалостный смех Королевы Семель.

Вскочившая из кресла слишком поздно, когда Алитер уже метнул кинжал, я была вынуждена опуститься обратно. Опять, как в редкие в бессмертной жизни моменты волнения, сильно забило сердце, согревая кровь, а с ней и все тело, и без добавления чужой жизни.

"Момент... Этот ли момент? Или еще нет?"

— Кто-нибудь выпьет ее? — Семель брезгливо глянула на еще живую девушку с кинжалом в позвоночнике. — Никто? Тогда страже.

Она нашарила на столике рядом колокольчик и позвонила один раз. Двери во второй зал тут же распахнулись. Неслышные и быстрые как тени слуги-вампиры подняли леди Марсию Флагро и унесли в зал стражи. Я как во сне следила за ними.

"Зачем я пришла сюда? Чего ищу? Мести ли? Почему моя рука так и не поднялась ни на Семель, ни на Гедеона? Не потому ли, что я опять не хочу признавать этим свою вину — ту же вину? Убив — признав, останется убить следом и себя. А умирать мне еще рано... Или же у пятерки я просто ищу ответ на вопрос, приведший меня в *carere morte*? Но: "То исцеление, которого я жажду, просто невозможно в нашем темном мире", — сказал Нонус, и он, разумеется, прав. Нет никакой надежды для Терратиморэ, и не было никогда. Я жила в плену иллюзий — и в смертной жизни, и в бессмертной. Что же мне делать теперь?!"

— Гедеон, займись второй, — холодно приказала Королева. Вако вздохнул:

— Жаль, Митто нет. Я ленив для его шуток. -

Но он все-таки отбросил допитуемую жертву и вальяжно развалился в кресле, расслабленный сытый взор вампира остановился на светловолосой подруге Марсии Флагро. Та, не отрываясь, испуганно глядела на мертвое тело, упавшее за креслом Гедеона.

— Иди ко мне, красавица, — довольно похоже, хоть и не без пародийности, изобразив Алоиса, позвал ее Вако. — Прошепчи на ушко, что ты знаешь о вечности.

Девушка покорно поднялась и пошла к нему. Я безучастно провожала ее глазами.

"Сейчас родится еще одна тварь", — мысль без эмоциональной окраски, будто я смирилась. Это говорила моя усталость, мое разочарование, мое сомнение.

Гедеон усадил девушку на колени, к себе спиной, распустил шнуровку платья и сорочки. Быстро приласкал смертную, равнодушно помяв грудь и языком пощекотав шею, и, прошептав тривиальное: "Расслабься", спустил ей платье до пояса. В руке вампира сверкнул маленький, изящный, плоский, как лист бумаги кинжальчик.

"Что он будет делать?" -

Я вздрогнула от подзабытой, но не прошедшей боли. Кажется, даже привстала. А Гедеон вонзил кинжал девушке под левую лопатку, и тут же достал. Приник губами к ране и принялся пить кровь, одной рукой удерживая вздрагивающее тело, а другой не забывая ласкать грудь.

"Ни одной капли не попало на платье, — зачем-то отметила я, — Какова аккуратность! Останется совсем небольшой порез, который вновь закроет шнуровка платья. Как было с Антеей".

"Антея!" Это воспоминание вызвало настоящую судорогу боли, но миг окончательно пробудило от неуместной дремы.

"Точно также на Балу Карды Митто обратил Антею!" — Я вскочила. Привскочил и Эрвин, и по вытянувшемуся, еще более осунувшемуся лицу вампира я поняла: ему вспомнилось то же самое, что и мне, вопреки недавним гордым словам о превосходстве тварей.

— Я выбрала жертву, — дрожащей рукой я указала на девушку в объятиях вампира, закатывающую глаза то ли от слабости, то ли от неги. — Она!

— Это будущая вампирша, — жестко сообщила Семель. — Продолжай, Гедеон.

— Нет, Ваше Величество, я сделала выбор!

— Эта смертная уже отреклась и от смерти, и от жизни, — заметил Вако. Вампир насытился кровью обращаемой и теперь зажимал ей рану на спине пораненной ладонью. — Выбери другую, Ариста.

— Нет!

Алитер откинул голову и захохотал — неприятно, леденяще. А Майя... Майя вдруг подмигнула мне и шепнула что-то... Что?

"Ты же хотела понять, что обращает тварь человеком?"

Призвав крылатое сильное обличье, подруга кинулась на Вако. Вырвала смертную из рук вампира, толкнула ко мне. В это же время Эрвин скрутил Семель, бросившуюся на помощь Гедеону. Я приняла девушку в объятия, и дрожь прошла по спине от воспоминания-узнавания точно также прижимавшейся ко мне Антеи.

— Беги! — прорычала Майя, и я бросилась к выходу из зала. Алитер все также хохотал. Вако рванулся было за мной, но был остановлен бывшей Королевой, освободившейся от хватки Эрвина, но уже не глядящей в мою сторону.

— Пусть потешится, — четко, громко сказала Семель и холодно улыбнулась. — Все равно у нее ничего не выйдет. И мы все потешимся, глядя на нее...

"Быстрее, быстрее!" — я бежала сквозь анфиладу подземных залов, таща за собой слабую, засыпающую на ходу новообращенную вампиршу. Грязные скользкие ступени вверх и скрипучая дверь, распахивающаяся в тихий и прекрасный спящий мир. Прислонившись к стене хибары, я не меньше пяти минут глотала свежий, чистый, без проклятой примеси крови воздух и плакала от того, какой он вкусный. За эти же пять минут темные твари внизу забирали себе по целой жизни... но я, вновь не взявшая ни одной, чувствовала себя сейчас более сытой.

Надышавшись вдоволь, я обернулась к девушке. Та прислонилась к стене, ее голова клонилась на грудь, веки закрывались. Я довольно резко развернула вялую новообращенную к себе спиной и принялась приводить ее наряд в порядок. Белокурая, курносая, со светлыми невыразительными глазами в обрамлении коротковатых ресниц — эта девушка была совсем не похожа на дочку, но со спины она показалась мне копией Антеи в ее последнюю ночь: то же худое тело с выступающими крылышками-лопатками, тот же тонкий, уже заживающий порез. Что же мне теперь делать с ней? Взять в ученицы? Смотреть, как она будет безуспешно укрощать свое чудовище и укрепляться дальше в мысли о грязном, темном, неисцелимом мире?

"Нет!" — какой-то внутренний бунт властно толкнул меня, заставил схватить несчастную новообращенную в охапку, потрясти как куклу, развернув теперь лицом к себе:

— Что ты наделала?! Зачем пошла на зов Вако?!

— Они же сказали: или в вечность, или в желоб! — всхлипнула девушка, и я перестала ее трясти. Да, сама виновата, Ариста. Нужно было забрать смертную чуть раньше!

— Если б вас можно было исцелять! — прошипела я сквозь зубы. Но девушка расслышала только последнее слово.

— А можно? — она робко и знакомо посмотрела на меня, и опять дрогнуло успокоившееся было сердце. Я недоверчиво взгляделась девушке в лицо, ища ложь, но лжи не было. Искреннее детское раскаяние воплощенной наивности. Совсем как Антея.

"Вот и момент, Ариста! Исполни свою клятву! Исцели ее или хотя бы попытайся. Узнай, есть ли еще в Терратиморэ место и время для чуда!" -

Лицо окаменело, чтобы случайно не выразить неуместные пока радость и надежду. Ведь впереди еще один бой.

— Как тебя зовут? — хрипло от нахлынувших вновь слез спросила я.

— Кора... Левис.

Я кивнула так решительно, будто это совершенно, в общем-то, не важное в ситуации имя было самым благоприятным знаком:

— Идем к церкви Микаэля, Кора.

— А кто вы? Вы же тоже вампир? Почему вы мне помогаете? — Но я торопливо засмеялась, прерывая поток ненужных вопросов:

— Владыка Алитер хорошо сказал: это тягостно, пошло и отдает дешевым драматизмом, как пьесы Греди. Идем в церковь, Кора. Молча.

Прежде я пробовала лечить новообращенных водой из Источника. Те поднимали меня на смех... Но они жаждали превращения в тварь, а эта девушка раскаивается в мимолетной ошибке, как раскаивалась дочь. Если сейчас отвести ее к купели? Вода из Источника Донума исцеляет дурные мысли", — говорила Антея, а что есть новорожденное проклятие

новообращенных, как не дурная мысль? И пока она не воплотится в реальность в убийстве, она не сделает человека тварью, ведь так?! -

Станным огнем сейчас горели мои глаза, я видела это через кукол. Тем же огнем, что глаза Макты, когда он покидал Терратиморэ. Нет, Макта — не пустая оболочка Бездны ненависти. Даже в нем есть человеческая частица, что молит о помощи, Нонус ошибся... Так, может, он ошибся и в другом, и исцеление *carere morte* возможно?

Сначала мы шли, но скоро из-за липких взглядов жителей нижней Карды я взлетела, подхватив Кору. На земле потоки суетливых и излишне радостных мыслей и чувств так захватывали меня, что я шаталась, качаемая их волнами, но в полете все лишнее как всегда исчезло. Забылись пошлые глупости вроде: "этим я исполню свою клятву", "докажу Диосу", "докажу Нонусу", "докажу всем", "отомщу". Осталось упоение ночью и свободой и ощущение близкой цели впереди — гораздо более вдохновляющее, чем любые клятвы. Моей целью было просто... чудо.

Подлетая к церкви Микаэля, я послала вперед кукол-разведчиков, и скоро те принесли тревожные вести: церковь оккупировали охотники с Диосом во главе. Они ждали потомка Арденса, чтобы вместе установить новую защиту над зданием, полностью закрыв его от *carere morte*. Еще полчаса, и купель с Донумской водой будет отгорожена от нас невидимой, но крепчайшей на свете стеной. Зачем Диосу это? Почему сейчас? Может, растревоженный недавней встречей, так он пытается лишить меня возможности исполнить старую клятву?

Мы опустились в лесочке за кардинским кладбищем. Я отправила стаю птиц кружить над церковью и слушать разговоры охотников, и скоро узнала, что их намерение оградить здание защитой от вампиров более чем серьезно. После стычки с пятеркой Вако они озаботились, как обезопасить от подобных инцидентов главный кардинский источник волшебной воды — такого действенного в войне с тварями оружия.

"Что же делать? Отнять пузырек воды у охотника? Но если этого количества окажется мало?.. Или утащить Кору в Донум, к самому источнику? Но удержит ли она голод на цепи в долгой дороге?.."

Нет, время для чуда пришло. Сейчас или никогда — это я чувствовала, несмотря на все вроде бы логические выкладки, порожденные страхом и сомнением. Действовать, пока волшебство истинной Бездны золотыми нитями сплетает из меня сосуд для сияющего чуда... Миг промедления, и золото обратится прахом! "Значит, нужно пробиваться к купели, а куклы отвлекут охотников..." — тут же, представив, как марионеток — мое продолжение, нашигуют серебряными болтами, я содрогнулась. А если послать к купели птицу с пузырьком в клюве?

"Но, опять, хватит ли этого количества воды? А если охотники заметят лазутчика и закроют церковь защитой знамени Арденса? Хм-м... тогда, может, просто отправить Кору к церкви, пусть умоется или окунется сама? Охотники еще и помогут ей, если она хорошо сыграет смертную дурочку..." -

Я тут же отбросила эту трусливую мысль. Нет. Ничего Кора не сыграет, без меня она к купели и подойти не решится. А если охотники признают в ней вампиршу? На миг — на одно ужасное мгновение настоящего внутреннего взрыва — сцена убийства Антеи встала перед глазами, и я почувствовала недостаток воздуха, хотя давно не дышала. Я прислонилась к близкому дереву плечом, и, поймав встревоженный взгляд Кору, едва смогла слабо улыбнуться.

— Вы — тот Избранный из сказки, да? — прошептала девушка. — Вернее, Избранная.

— Что значит: избранная?

— Моя бабушка говорит, все в мире стремится к равновесию. Не может быть, чтобы твари были единственной силой в Терратиморэ. Их сила должна уравниваться.

— На это есть охотники.

Кора мудро улыбнулась, неосознанно скопировав улыбку бабушки:

— Охотники — не та сила! Они ненависти служат, как и вампиры, они такие же, как твари. А эта сила должна служить другому... любви... Еще бабушка говорит, что ничто не остается без расплаты, и *carere morte* когда-нибудь ответят за свои дела. Но не охотникам, и не людям, а Избранному, он их судья.

— Да что за Избранный такой? — я рассмеялась, но ответ Кору заставил меня поперхнуться.

— Он пришел на землю вместе с Первым вампиром, — так верят в Карде. Это как отражение в зеркале, как отдача при выстреле пушки. Его не может не быть, раз есть *carere morte*. Избранный — это тот, кто может исцелять вампиров, — сказала она, и эти простые слова эхом отдались в голове, эхом моих же собственных недавних слов:

"Единственный, тот, что один будет сильнее всей Бездны ненависти".

— Что же ты не слушала бабушку, Кора? — хрипло прошептала я. Девушка опустила глаза.

— Я только сейчас поняла, когда вы пообещали исцелить меня. Подумала, что вы и есть Избранный... То есть, Избранная.

Значит, я уже "пообещала исцелить"! Скрывая досаду и замешательство, я деловито глянула на далекий белый клык церкви Микаэля. Нас и его разделяло широкое кардинское кладбище. Пожалуй, на этой территории могло бы спокойно разместиться несколько многолюдных селений. Настоящий город мертвых, непомерно разросшийся, главным образом, по вине *carere morte*. Столько смертей, а ответ вампиры будут держать перед единственным божественным Избранным? Что за нелепая сказка? Ее могла сочинить только Карда, вечная приспособленка, ждущая, чтобы решение опять приняли за нее. Придет Избранный и всех рассудит! Мне от горечи даже спазм сдавил горло. Но все-таки что-то было в этой сказке, трогающее струнки души, болезненное и в то же время вселяющее надежду. Избранный исцелит вампиров. Исцелит, а не победит, не изгонит, не уничтожит. Земля страха осознавала, что больна. А болезнь звучит все же лучше, чем смерть. В этом слове есть надежда.

Я почувствовала на себе чей-то взгляд, но вокруг никого не было. Это Нонуса заинтересовали мои дела. Он наблюдал за тем, что я творю на своей половинке общего мира через прозрачную стенку, но пока молчал.

"Вернулся!" — но сполна отдаться этой радости я не могла. За мою руку держалась новообращенная, держалась также, как когда-то дочь, и также как Антея с надеждой ловила мой взгляд. И я оставила Нонуса без внимания. -

— Нет, я не Избранная, Кора. Но подумай, может быть, это ты? Исцеление края правильнее всего начинать с себя, — я усмехнулась и потянула девушку за собой. — Идем. У нас немного времени.

Птицы-соглядатаи уже доложили, что к церкви подъезжает карета с гербом Гесси, потомков Арденсов. Скоро купель окажется под куполом защиты от *carere morte*. И Диос то и дело с подозрением поглядывал в небо над кладбищем, где чертили круги черные птицы: конечно, типичный пейзаж, но вот настоящий он или подделка бывшей женошки,

кукловодши? Что ж, придется действовать по первоначальному плану... И я послала на охотников стаю собак, а птиц отправила наперерез экипажу Гесси.

Первые серебряные болты пронзили шкуры моих тварей. Можно было отпустить поврежденных кукол вместе с их болью, но сегодня я была упряма и толстокожа. Я посылала оскалившихся кукол-собак на охотников снова и снова, и пронзенных стрелами, и лишившихся конечностей. В это же время мои вороны нагнали лошадей, везущих экипаж Гесси, на последнем повороте по пути к церкви. Они хлопали их крыльями по ушам, острыми клювами метили в глаза. Хлесткий удар кучера, решившего принудить животных понестись вскачь... но было уже поздно. Карету повело вбок, прочь с дороги.

Купель была близко. Я уже могла видеть ее своими собственными глазами, а не только глазами кукол. Но если мне созерцание толстых белых стен церкви и круглой чаши в саду близ нее дарило силы, то Коре, наоборот, каждый следующий шаг давался с все большим трудом. Она теряла уверенность. Монумент церкви подавлял, а ее шпиль представлялся новобращенной обвиняющим перстом. Скоро она заметила в стороне охотников, продолжающих сражение с куклами, и ее лицо посерело.

— Они не захотят нас пускать, — пробормотала она.

— Конечно, не захотят! Мы сами пройдем! -

Вдохновение, ожидание чуда несло меня над землей. Может быть, скоро я упаду, подавленная окончательным крахом своей странной надежды, и мир станет окончательно черным и пустым. Но если получится, все изменится бесповоротно, в мгновение ока. Повеет свежестью, предчувствием счастливого нового времени, наступление которого может быть еще очень далеко, но — возможно.

— Ариста, — прервал поток счастливых мыслей Нонус. — Подожди меня, я уже иду. Одной тебе опасно выходить против охотников.

Он был необычайно серьезен. Я пробралась к истоку его серьезности: она брала начала в рассказе Кору об Избранном.

— Тебя тронула эта легенда? Чем?

— Тронула кое-чем. Потом скажу. Ариста... — он замолчал совершенно, даже в мыслях. Потом вдруг весь заполнился тревогой за меня, так что меня даже шатнуло.

— Что, Нонус?

— Не выходи к охотникам без меня. Пожалуйста. Ты сейчас нетерпелива опасно для самой себя. -

Внушительней слов вампира были его чувства: тревога за меня и даже страх. Но я опять отвлеклась на Диоса. Тот приказал охотникам оцепить подходы к купели, а сам скрылся в церкви. Зачем он ушел? Не за знаменем ли?

— Нонус, может один глава охотников, без участия потомка Арденса, изменить защитное заклятие? — еще не задав вопрос до конца, я услышала его ответ: да...

Я дернулась вперед и рванула за собой Кору.

Я отозвала птиц от экипажа Асседи, направила на помощь псам. Вместе им удалось прорвать оцепление купели, но я вместо того, чтобы обрадоваться, растерялась. Я поняла, что действовала неверно. Зачем я начала с драки? Теперь обозленные охотники нипочем не подпустят нас к купели. Все-таки нужно было тихонько отправить птицу или мышь, или отпустить Кору одну...

А меж тем мы с девушкой уже бежали по саду. Можно было обратиться крылатой, преодолеть последний отрезок пути легко и быстро, но я осталась в человеческом облике.

Смешная надежда на то, что к даме-вампирише охотники отнесутся благосклонней, чем к чудовищу. Очередная глупость.

Когда мы выбежали к купели, охотники заметили нас, несмотря на все усилия кукол. Оклик — пока только оклик: "Кто такие? Стоять!" — ударил в спину, но я не остановилась. Я послала на окликнувшего последних кукол... "Если не получится?" — пропасть под ногами, но я балансировала на тонкой нити, сияющей во тьме отраженным блеском огромного солнца "если получится" впереди. Вот и конец пути — идеально прозрачная вода в мраморной круглой ванне. Мозаичное солнце на дне было последней точкой долгой истории. Я подтянула Кору поближе к купели. Но девушка отвернулась от такой обыкновенной на вид, но страшной своим действием на *carere morte* воды.

— Я... не знаю! — прошептала она. — Я чувствую внутри что-то. Почувствовала впервые, еще когда не смогла удержать Марсию. Оно не уходит. Оно как дыра. Пустота. Очень сильная!

Липкие длинные холодные пальцы апатии охватили плечи. Я стряхнула их, дернувшись, и вода в чаше, над которой мы стояли, чуть колыхнулась от движения моей широкой юбки.

— Если бы все было так просто, думаю, в мире вовсе не было бы *carere morte*, Кора. Придется бороться с пустотой, которую ты сама в себя впустила.

Кора закрыла глаза, но из-под ресниц все-таки просочились две слезинки предательской слабости. С закрытыми глазами она опять показалась похожей на Антею. Тот последний краткий сон в ожидании чуда, который прервал отец...

— Стоять на месте! Кто вы? Зачем пришли? -

Отвлечшись на Кору, я пропустила момент, когда к нам подбежали охотники. Все мои собаки были обезглавлены, вороны изрублены. Десятеро охотников окружили чашу купели и нас с Корой, вставших на ее краю. И Диос, обойдя церковь, уже подходил к нам, в его руках была знакомая белая тряпица — частица знамени Лазара Арденса.

— Нам нужно немного воды, и все, — тихо, просительно сказала я ближайшему охотнику, направлявшему на меня арбалет. Тот не удостоил ответом, зато рассмеялся другой, рядом:

— Воды из источника Донума? Держи, тварь! — он достал их кармана пузырек, откупорил и плеснул мне на платье. Вода промочила ткань, но до кожи не достала. Несколько капель попало Коре на руку, которой девушка прикрывала лицо, и я с радостью отметила: ее кожа в этих местах даже не покраснела.

— Нам, действительно, нужна только вода...

— А зачем ты тогда напустила на нас своих тварей, ведьма? — крикнул тот же охотник под поощряющие возгласы соратников.

— Ариста, я уже почти здесь, тяни время, держись, — Нонус. Его твари летели вдоль улицы Виндекса, самой короткой дорогой к церкви. Я взглянула на Диоса. Этот охотник не рисковал приблизиться хотя бы настолько, чтобы различить выражение моих глаз. Наверное, нужно было вдохновенно врать, врать, врать, но вера в скорое чудо так захватила меня, что солгать я не могла. Любая ложь сгорела бы до пепла, еще не выйдя из горячих от возобновившегося дыхания уст. И я сказала правду:

— Эреус, умоляю! Я хочу попробовать исцелить ее водой из источника Донума. Всего один опыт! Если он не удастся, убьешь нас обоих, но дай мне хотя бы попытаться!

Его лицо исказилось, это было заметно даже на большом расстоянии:

— Нет! -

Этому ли человеку я под церковью Микаэля с приязнью пожала руку? Лицо Эреуса покраснело, он упрямо наклонял голову лбом вперед таким знакомым движением. Но сейчас он не собирался спорить со мной. Только биться, чтобы убить. Я разбередила его старый страх, что он напрасно убил родную дочь. А Эреус, как и я после смерти Антеи, рвался сражаться со своим страхом, а не бежать от него. Кто из нас окажется прав?

— Я не отдам тебе эту девочку, не надейся! — отчаянно закричала я.

— Оставь новообращенную и убирайся. Или будешь убита вместе с ней!

Как же он боялся, что я окажусь права. Ведь исцелением новообращенной вампирши я разрушу все, чем он жил, благодаря чему он жил после смерти Антеи. Мертвая душа, цепляющаяся на нелепую придуманную месть, полная тупой упрямой уверенности в своей тогдашней правоте: "Это был единственный выход, Ариста!" — эта давно мертвая душа не хотела уходить в окончательное небытие. Она была частицей кардинской Бездны ненависти прорастающей из людской лжи, сомнения и страха. Чем бороться с ней? Большой ненавистью, как Вако боролся с Мактой? -

Видение-воспоминание пылающего дворца Макты встало перед глазами. Пламя ширилось, лизало деревья сада, ползло по крышам пристроек. Удушливый дым застилал столицу — его струя в воздухе чувствовалась до сих пор даже здесь, у церкви Микаэля... Большой ненавистью можно победить, только в огне этой битвы сгорит весь мир. Но, кажется, я поняла, чем еще можно бороться с *carere morte*. И Карда нашла этот выход прежде меня, сочинив легенду об Избранном — легенду о прощении.

Я развернулась к Коре, обхватила ее за плечи:

— Дочка, слушай. Не бойся ничего, все получится, я уже знаю. Думай об Избранном, с которым рассказывала бабушка, и все получится... — мои слова потонули в реве Диоса: "Целься!" и в стрекоте взводимых арбалетов.

— Мамочка! — всхлипнула Кора и прижалась ко мне. Конечно, она обращалась к своей матери, но ее движение, дрожь тоненького тела, обвитые вокруг моего стана руки — все это принадлежало мне и только мне.

— Прыгай в воду, — быстро шепнула я. — Сейчас!

— Я боюсь!

Я тоже обняла ее и почувствовала, что обнимаю Антею. Ее мягкая гладкая кожа, ее мелодия сердца, ее родной запах волос. Что же делать? Выпустить крылья — и вверх или закрыть глаза — и вниз?

— Я буду рядом, — вышло неожиданно грубо: не человеческий язык — хриплое рычание львицы. Но разве только голосом ангела можно призывать чудо?

"Ариста, я уже здесь, не делай...

...глупостей?" -

Крик Нонуса, одновременно и в моих мыслях, и в саду близ церкви, громкий, страшный, больно резонирующий в голове, раздирающий на части. Но уже защелкали арбалеты охотников, выпуская стрелы, и я, укутавшись в черный плащ тени, укрыв в коконе крыльев девушку, шагнула в купель.

Тогда я совсем не думала о возможной боли и смерти, не боялась их. Эти первичные, природные, одинаковые для всех страхи растворились в сияющем пламени огромного солнца-чуда впереди. Единственное, чего я боялась, от чего замирало сердце и немело тело — того, что исцеления не произойдет, и новообращенная останется *carere morte*. Какие слова утешения я найду для нее и для себя? О, уж лучше нам обоим сгореть дотла в прозрачной

воде купели!

А эта вода уже обхватывала тело. Мгновенно промокшее платье сделалось второй кожей — горячей и текучей, бурлящей кипятком. Вода сомкнулась над головой, и я окунулась в жгучую боль целиком. Она стала всем миром вокруг — огромным миром боли. Руки уже не чувствовали ничего, кроме нее, и я отпустила Кору. На миг мелькнуло ее лицо: чистое и ясное, я смотрела на него сквозь прозрачную воду как сквозь бриллиант, делающий все еще прекраснее, чем оно есть. Но затем лицо девушки исказилось от страха, она взмахнула руками, как птица крыльями, взмыла туда — в светлый мир людей. А я осталась в мире боли. Вода затекала в рот, нос, уши, выжигала глаза. Трепыхаясь, я извернулась так, что солнце на дне чаши оказалось прямо перед глазами — золотой диск, совсем как тот, что в небе. И я поняла, что чудо близко, что оно совершается... но этим сжигает меня. Тогда последний страх исчез. Тьма отступила перед моим светом — огоньком тающей свечи. Служа другим, сгораю сам — кредо свечи, и еще другое: смерти нет, есть только свет, свет, свет...

Я не помнила, как Нонус и исцеленная Кора тащили меня из купели. Не помнила как его куклы вступили в бой с охотниками и победили. Не помнила, как Эреус проверил кровь Кору своим серебряным кинжалом, и, убедившись в ее чистоте, рухнул на землю как мертвый, погребенный под невидимыми обломками защиты охотника, отныне оставившей его навсегда. Я помнила лишь золотой солнечный диск, отпечатавшийся где-то внутри головы и клеймом на сердце. Вода выела мне глаза, но разрушить этот образ не смогла.

Океан боли простирался от края до края мира, а я билась в нем единственной рыбкой. Волны беззвучия качали меня, перебрасывали друг другу, как игрушку. Я забывала все, кроме океана боли и образа золотого диска в небе над ним. Лишившаяся зрения, слуха, всех видов чувствительности, я не могла уцепиться ни за одну из протянутых мне на помощь нитей. Я не могла услышать ничей зов, не могла отыскать свет маяка, не могла ощутить руку поддержки.

"Ариста, — это имя пришло не извне — изнутри, из моей все еще проклятой крови. Семель навеки отгородилась крепчайшей стеной, едва зацепив шлейф моей боли, а Нонус без раздумий согласился ее разделить, оставив открытым единственный путь ко мне — общий коридор наших мыслей: — Ариста..." -

Вздых. Фразу он не закончил. Но не было нужды, наши руки уже встретились. В безвремении и безмыслии океана боли я больше не была одна.

— Держись, не уплывай, — говорил Нонус, я слышала его в мыслях, но ни как-либо почувствовать, ни увидеть по-прежнему не могла. А океан боли начал... мелеть? Я ощущала качание волн слабее, потом оно стало рябью и совсем стихло. И боль вместе с ним. Я почему-то подумала, что мы уже летим, высоко поднявшись над океаном боли, потеряв внизу, в серых тучах, весь мир.

— Спи, Ариста, — даже в мыслях глухой, дрожащий от волнения голос. — Сейчас ты должна поспать.

— Ты только скажи, исцеление удалось?

— Да, — он снабдил это картинкой из своей памяти, тщательно вымарав из нее чье-то тело на краю купели. Я знала, что оно должно там быть, но его там не было. Мое тело. Нонус не хотел, чтобы я видела его.

— Спи! — и я как по приказу провалилась в сон. Тело отдыхало, а сознание раскололось — я бросила его в оставшихся кукол. Это был сон-триумф. Мои волки пели

радостные гимны, пугая жителей северных селений, птицы выделывали сложные фигуры в небе, кувыркались, кружились. И снилось, будто в обличье Кору ко мне возвращалась дочь, чтобы дать возможность исполнить свою клятву.

Страшно потом было возвращаться в свое тело: я боялась нового океана боли. Но Нонус не слушал возражений. Пользуясь возможностью общего мысленного контроля всех кукол, он методично брал одного моего зверя за другим и отсекал меня от них. Разбивал мои отражения, оставляя один путь — в первое свое тело. И, в конце концов, я вынуждена была в него вернуться.

Боли, которой я боялась, не было. Впрочем, тут не было ничего: темнота, беззвучие, бесчувствие. Я не знала, где нахожусь, не ощущала положение тела в пространстве. Я будто очнулась в тесной как гроб клетке, накрытой темным покрывалом.

— Знаешь, Ариста, ты ведь напрасно бросилась в купель с девушкой, — грустное и какое-то усталое мысленное замечание Нонуса пришло как будто откуда-то издалека. — Чтобы исцелить новообращенного, достаточно нескольких капель воды из источника Донума при условии, что новообращенный желает исцеления и не сомневается в его возможности. Это я знаю точно, провел несколько опытов, пока ты спала. Да, достаточно половины пузырька охотников и Крестного знамени в качестве ритуальной формулы. -

Мои мысли, эмоции, память опять легко слились с его, потекли одним потоком, наполняя огромную чашу общего "я". Снова заплескалось общее, неделимое море мыслей, в котором мои и его реплики были волнами, то мягко шелестящими, то грозно ревущими, то сливающимися, то сшибающимися друг с другом:

— Не напрасно. Она бы не прыгнула без меня. Нас бы просто расстреляли на краю купели, вот и все чудо. А если б я столкнула Кору в воду одну, ее испуг мог помешать исцелению. Она доверилась мне как Антея, я не могла обмануть ее доверие.

— Если б я узнал о возможности исцеления новообращенных раньше, до тебя! Но, веришь ли, сто сорок лет я и не догадывался, что к проблеме *carere morte* можно подойти со стороны новорожденных детей Макты!

— Просто тебя их проблема не коснулась.

"Да, Антею можно было исцелить точно также, как Кору. Вернее, дочь и была исцелена, а потом убита. Слепые в своей жестокости охотники не понимали, что вгоняют кинжал в уже живое сердце. То, что я чувствовала с самого начала, наконец, было доказано, пусть страшной ценой". -

Погрузившись в горестные думы о бесконечных "если бы", я не заметила, как закрутила водоворот, черный-черный, концом достающий до самого дна моря мыслей — до безмыслия и апатии. Нонус слегка заволновался:

— Конечно, подобное исцеление удастся не со всеми новообращенными, — уточнил он, резко перейдя на деловито-сухой тон. — Кто-то умирает от потери крови, кто-то поднимает целителя на смех и говорит, что мечтал о вечности *carere morte* всю смертную жизнь. Лучше всего было б передать это дело охотникам, и за этим, думаю, дело не станет. Узнав о Коре, Бенедикт Гесси уже запретил во время исцеления новообращенных колоть их кинжалом в сердце одновременно с водой в лицо. Теперь сначала воду и молитву, потом проверка — царапина серебряным кинжалом, и уж тогда, если кровь новообращенного по-прежнему оставляет на серебре черный след проклятия, — кинжал в сердце. Еще Гесси хочет внести в клятву охотника пункт о высочайшей ценности человеческой жизни. Охотники решили сменить кнут на пряник. Наконец-то поняли, что их нынешние методы вызывают страх не

столько у вампиров, сколько у людей, и лишь способствуют распространению проклятия по Терратиморэ! Я пытался втолковать им это пятнадцать лет, но меня не слушали, ведь я не мог предложить альтернативу их жестоким расправам. А она оказалась проста. Надежда... — я услышала отголосок его тяжелого вздоха, ветром пронесшегося над нашим морем, — надежда в деле изгнания Бездны ненависти оказывается, гораздо более действенное средство, чем страх. И она началась с той надежды, что ты, моя героическая Королева, подарила Коре Левис.

— Вот видишь: мой нелепый прыжок в купель был не так уж нелеп, раз запустил череду изменений по всей земле страха. Кстати, мне совсем не больно, все уже зажило? -

Спрашивая это, я тихонько приготовила крючок, чтобы зацепить образ того, как выгляжу сейчас. Он должен был неизбежно всплыть в памяти Нонуса после такого вопроса, но вампир оказался хорошо подготовлен. Я увидела только его руки, мельком. Страшные, красные и мокро блестящие, как сырое мясо. Они были начисто лишены кожи, на предплечьях язвы проели и мышцы, а на пальцах из-под переплетения сухожилий проглядывали кости.

— О-о... Я не знала, Нонус. Я почему-то совсем не чувствую твоей боли.

— Потому что она только моя. Чуть не поймала меня, хитрюга, но нет, себя ты больше не увидишь, Ариста. Не пробуй, ни через меня, ни через кукол. Поверь: не надо, просто не надо.

— Это тебе не надо нянчиться со мной! — неожиданно ярко вспыхнула я. — Зачем ты пугаешь меня, как ребенка?!

Зная о его ранах, я все равно ударила его, окунула в непонимание и обиду, жгучие и злые. А страх уже накатывал тяжелыми волнами, боронил водную гладь, колыхал песок на дне, мутил воду, превращая море мыслей в море безумия. Кто я теперь? Смогу ли когда-нибудь взглянуть на мир своими глазами, услышать его многоголосие своими ушами? Да и есть ли я еще? Существою ли? Почему я не чувствую ничего, совсем ничего?!

Нонус вдруг отгородился толстой прозрачной стеной, как и в прошлый раз разделил море общих мыслей. Он боится сказать лишнее? Опять хочет что-то утаить или... соврать?

— Ты сейчас... — опять долгий вздох. — Ариста, только выдержи и это! Ты сейчас живешь в моей памяти, в моих мыслях, наверное, даже больше, чем в своей прежней оболочке. Той Аристы больше нет, возврат к тому состоянию, какое было до твоего безумного купания, невозможен. Тебе придется учиться смотреть на мир глазами марионеток и действовать только через них. -

Он говорил, а наше море сковывало льдом. Почему-то я чувствовала равнодушие. Действовать и ощущать мир через марионеток? Но я этим и занималась в последние годы! Пробовала себя в разных образах, как актриса, только надевала не новое платье, а новую шкуру. Я по-прежнему смогу быть зоркой как мои птицы, юркой как мои мыши, сильной как мои волки, я по-прежнему смогу примерить любой человеческий образ — от старика до ребенка, побывать и грозным силачом, и гибкой танцовщицей. Почему же Нонус так грустен? Разве я потеряла что-то важное вместе с телом? Телом, давно забывшим вкус пищи, теплоту кожи, биение сердца?

Но я тут же вспомнила, как маленькая Антея училась плести косы, перебирая мои длинные черные волосы, как она прижималась ко мне в наше последнее утро, и тонкий лед на водной глади прорезала сеть трещин. Вспомнила свои ловкие руки, переделавшие за жизнь миллионы важных дел, вспомнила ласки тогда любимого мужа, вспомнила как Кора

обнимала меня в последнюю ночь, и начала понимать, чего лишилась. Памяти тела. Реального, каждодневного подтверждения собственного существования. Теперь я стала духом... идеей... мыслью.

Потом я подумала о Нонусе. Зачем-то вспомнила его робкие объятия наутро после того, как впервые выпила человека до дна, вспомнила, как тогда кожей спины ощущала, как чуть вибрирует грудь вампира от его глухих, странных для самого себя искренних слов, как дрожит от волнения его голос. Вспомнила... и ощутила как свою его грусть, что больше эта сцена не повторится, он не сможет так обнять меня. Он был прежним, во плоти, с той же силой и чувствами, а я... я стала призраком, живущим в его памяти, питающимся от силы его эмоций.

— Оставим пока тему моего нового существования, — встрепенулась я, фальшь взятого мной деловито-радостного тона рябью искадила поверхность волн. — Я заметила, тебя заинтересовала сказка об Избранном. Почему? Ты веришь, что такой Избранный действительно может существовать?

— Опять ты засыпаешь меня вопросами, Ариста! — звонкий смех Нонуса обратился ласковым ветром, погладил горбы волн — моих смятенных мыслей. — Нет, в существование такого Избранного я, естественно, не верю. Но эта легенда мне действительно показалась очень важной.

— Почему?

— Потому что Карда вообще додумалась до нее! Странная легенда для такого края, как наш. Раньше я бы посмеялся, но после близкого знакомства с тобой вполне принимаю ее, — самоуверенность Нонуса поутихла, и над морем разлился полный штиль. — Ты так упрямо не желала идти дорогой мести, искала другой путь... И эта легенда о том же: о прощении.

— Я никого не простила. Ни Вако, ни Митто, ни Эреуса... ни себя.

— Но ты не объявила их личными врагами. Не стремилась уничтожить. Ты перенесла войну внутрь себя, превратила в войну с чудовищной сутью. Также должен был и я поступить с Атером, оставить алхимика в прошлом, но я оказался слаб... и глуп. Я, как все эти Вако, Митто, Гесси искал врага вовне и попал в тенета общей для Терратиморэ ловушки, созданной Бездной ненависти. А ты сумела подняться над ней! И эта сказка об Избранном оттуда же, из твоего, верхнего мира. В ней совсем нет страха перед проклятием Макты, нет ненависти, лишь жалость: вампиров следует лечить, а не убивать. Она может стать мощным оружием в будущем. Божественное милосердие Избранного легко выбьет оружие и из рук охотников, и из рук вампиров.

— Считаешь, ею следует заняться?

— Обязательно. Только теперь я сначала приберу к рукам весь мир: все клетки и все фигуры и даже воздух вокруг них. Буду работать со всем краем, с народными настроениями, как Вако. Подожду, сколько нужно, чтобы легенда об Избранном также глубоко отложилась в народной памяти, как страх перед проклятием Макты, потом начну. Чтобы однажды детей ненависти Бездны все же сменили дети любви...

— Мне нравится эта цель. Я помогу тебе, — поддержала я его, но тут же затихла. Затаилась, грустя в подводных пещерах запутанных дум:

"Разумеется, помогу. Но что стану делать я сама, для себя? Или с исцелением Кору моя миссия в Терратиморэ завершена, остается помощь Нонусу? Наверное, нет.

Меня будто вырезали из мира. Лишь силуэт-напоминание остался на листе, а раскрашенный бумажный человечек сгорел. Нонус прав, теперь придется искать иные

оболочки: кукол-зверей, птиц и мертвых людей. Мое тело будет разделено с духом. Но можно найти неожиданное приложение способностей кукловодши..."

Я понеслась тропами памяти в недалекое прошлое: увитые плющом деревья, тихая речка и мои колыбельки в густых кронах деревьев. И людской слух-страх: похоже, северные леса облюбовала сама Лесная Старуха... Я вспомнила пейзаж, открывающийся с макушки самой высокой сосны: угольно-черная проплешина лесного пожарища. Гм, а ведь та пустая, насыщенная золой мертвых земля — отличное место для логова! На ней можно вырастить и выстроить что угодно. И, кажется, я уже знала, каким будет логово странной северной вампирши-паучихи. Лесной Старухи, носящей за плечами котомку со всеми людскими страхами... Нет, не хижина и не пещера — лабиринт! Паутина стен живой изгороди, паутина подземных тоннелей под ним, где легко заблудиться, потерять себя, а, вновь найдя, вернуться домой с новым, незнакомым именем и лицом. Да, да, наведаться на столичное кладбище, забрать из могилы тело главного проектировщика сада у дворца Арденсов и, воспользовавшись его знаниями, выстроить свой лабиринт! Я же стану его многоликой и бесплотной богиней — владычицей мертвых, а моя новая вечность — бесконечным театром с еженощной сменой масок. А как выглядела настоящая я, однажды забуду даже я сама, и это странно, но ни страшно и ни печально. Наверное, для бессмертных это даже логичная ступень бытия: превращение в божество смертных.

— Лабиринт?! Зачем? — не выдержал Нонус. — Моя заскучавшая Королева захотела развлечься?

Я улыбнулась... не только в мыслях, я почувствовала эту улыбку у себя на губах, и это ощущение придало силы и решимости.

— Я теперь дух, воплощение идеи, мысли, слова, но — какого слова? Думаю, мне стоит попробовать себя в качестве нового страха Терратиморэ. Ты говоришь, старый страх перед проклятием Макты начинает сдавать позиции надежде, значит, самое время заменить его подделкой — мной! Через мертвых, которых в нашем краю давно больше, чем живых, я знаю все о людских страхах. Каждый, кто придет в мой Лабиринт, встретится со своим потаенным ужасом лицом к лицу, но я отпущу всех, кто сделает хоть шаг навстречу своему страху, а не от него. Чем меньше в Терратиморэ страха, тем сложнее удержаться в нашем мире Бездне ненависти. О, теперь я знаю, как воспользоваться открывшейся мне в памяти погибших внутренней, скрытой сетью жизни... Я создам у посетителей Лабиринта иллюзию моего всезнания, а когда они доверятся мне, вдоволь потешусь с их потаенными страхами! От меня никто не уйдет таким, каким пришел, все получают невидимую рану — кто-то глубокую, а кто-то только царапину. На живом теле раны заживают со шрамами, и на каменном лбу царапина остается навечно. И то, и другое — память. И то и другое еще даст о себе знать в новых поколениях.

— Значит, станешь новым олицетворением страха? Каким-нибудь Чудовищем Севера? — со стороны Нонуса на море наших мыслей напозла тяжелая туча плохих предчувствий, затемнила воду, превратив ее в бездонную пропасть. — Но... Ариста, тогда будь готова, что однажды за твоей головой явится какой-нибудь людской герой. И ты не сможешь противостоять ему, потому что, объявив себя воплощением страха, даже с такой благой целью, ты уже вписала себя в сказку о неизбежной победе над страхом. Ведь она также неизбежна, как рассвет.

— Пусть. Мы разберемся с этим. Я стану тем воздухом, которым будут дышать фигурки на твоей новой доске... Потому что только контролируя страх Терратиморэ ты сможешь

контролировать все в нашем краю, Нонус. Так что, по рукам?

— Зачем тебе это, Ариста? Ты... ты будто сама стремишься на алтарь для жертвоприношения! -

Потемневшее море забурлило, заходили горбами его тревоги. Но я парировала легко:

— А каким еще может быть конец пути для *carere morte*, который не хочет становиться настоящим чудовищем? Не волнуйся раньше времени, Нонус, конец еще очень далек, у нас много работы впереди.

Нонус колебался еще минуту, напрочь закрывшись от меня, спрятавшись в темных тучах тревоги. Потом согласился:

— Я принимаю твою цель и помогу тебе. -

Я почувствовала хватку его рук, не болезненную, но сильную. Произнося эти слова, вампир машинально обнял меня крепче, уже предчувствуя, что из-за своей клятвы однажды меня потеряет. И я наконец-то почувствовала, что бессильно лежу на его обожженных руках. Наша кровь смешивалась, мясо слипалось, так что уже нельзя было разобрать, где он и где я. И плоть, которая потом нарастет на его и моих костях, будет общей. Проклятие Макты связало наши мысли, сделало их одним, но то, что происходило между нами сейчас, соединяло еще крепче. Сопереживание и понимание пути и цели другого. И смирение перед лицом неизбежных потерь. Мы готовились к долгой войне — и внутренней, и внешней, хоть, все же, пока не представляли масштабов той тьмы, с которой собирались бороться. А между тем до появления первого слабого лучика надежды — настоящего Избранного, оставалось целых сто лет... Пятерка была побеждена, но набирало силу еще худшее зло — Улисс Алигер, владыка вампиров, мечтающий об открытом господстве *carere morte* над смертными и стремящийся к большой войне с охотниками...

— Нужно только дождаться, когда чаша надежды в Терратиморэ перевесит чашу страха. Тогда... ты не представляешь, как тогда все станет легко! — прошептала я. — Также легко, как сейчас по коридорчикам страха расползается тень проклятия Макты, в будущем над темным миром *carere morte* разольется свет солнца надежды. В мире страха мы могли только проигрывать, но в мире надежды будем только побеждать! А потом... потом придет время и для твоих детей Бездны любви, Нонус. -

— Ты опять бредишь, Ариста. От невозможности почувствовать мир вокруг привычным зрением, слухом, осязанием, разум начинает цепляться за ерунду и на ее фундаменте строить воздушные замки фантазий, — он опять прижал меня к себе, теперь мягко, ласково. — Ничего, сейчас я верну тебе кукол, сможешь чувствовать все через них.

"О, наконец-то!" — я затрепетала от нетерпения, ожидая, когда же вновь откроются коридоры к моим мохнатым и пернатым тварям и я стрелами унесусь прочь из тесной, темной, каменно-бесчувственной тюрьмы тела по сотням направлений, впивая в себя сразу весь огромный мир. Но Нонус почему-то медлил.

— Ты согласишься, что я не хочу причинить тебе боль? — наконец спросил он. — Ты мне доверяешь, Ариста?

— Я всегда доверяла тебе. И всегда буду доверять...

Наше море мыслей было удивительно ровным, спокойным. Над тихо шелестящими волнами разливалось золотистое сияние, только я пока не могла установить его источник. Это был не солнечный диск со дна купели: кажется, все небо стало сплошным листом золота.

— Только ли цель спасти мир связывает тебя со мной?

— Какие странные вопросы. Зачем они, Нонус?

— Ответь.

Я задумалась. Вопрос казался нелепым. Нет, не только цель. Сначала я почувствовала наше родство с Нонусом, услышала знакомую мелодию боли, узнала то же горячее желание не поддаваться унынию или мести. Он вел меня по темному пути *carere morte*, помогая обходить провалы, ведущие к безумию и превращению в чудовище. Я долго твердила себе, что на уважении и благодарности не прорастишь цветок влюбленности, но он пророс, когда я забыла о благодарности, и погрузилась в обиду за стаю птиц в ночь Бала Карды. Он начал распускать лепестки, когда я почувствовала загадку его сдержанности. И он расцвел, когда мне пришлось вступить с другом, спасшим меня от тоски, в связывающее крепче общего дела противостояние. Я по-прежнему помнила, что в ночь Бала Карды Нонус не помешал обращению дочери, но обидное "прошел мимо", растворилось полностью и навсегда, когда я увидела его обожженные той же водой руки, тащившие меня из купели.

— Я люблю тебя, Нонус. -

Я сказала это — замкнула первое звено цепи. Разумеется, это лишь начало. Время покажет, насколько крепкая любовь прорастет из моих слов, приведет она в мир мифических детей Бездны или нет. Но я была готова к новым оковам... и крыльям за спиной.

Золотое сияние все также разливалось над нашим общим морем. Не требующее ответов, не нуждающееся в обозначениях словами. Это сияние была любовь, моя и его, слитая и нераздельная. Она была небесным куполом, заключившим в себе наше море, давшим ему границы и объем.

— Очень хорошо, — отозвался Нонус очень спокойно и ободряюще. — Помнишь, я клялся, что никогда не причиню тебе боль? -

Дрожь в его голосе вдруг подсказала, что боль сейчас будет. Много, много боли... Я замерла внутренне, готовясь к жестокому удару:

— Почему ты вспомнил это?

— Когда я клялся, я не подозревал обо всех последствиях. Ты достаточно отдохнула, Ариста? Потому что сейчас я верну тебе твою боль.

— Что?! — удивительно, но я испытала облегчение. И цветок любви расцвел еще ярче, золото купола неба сплавилось с золотом волн. — Я все это время не чувствовала боли от ожогов, потому что ты чувствовал ее вместо меня?!

— Я забрал ее себе, чтобы ты отдохнула. И чтобы услышать от тебя признание в любви... Оно нужно не мне, моя смелая Королева, оно нужно тебе. Запомни это золотое сияние над волнами! Потому что сейчас я буду вынужден вернуть тебе твою боль. Она изменит тебя, и сильно. Ты станешь совсем другой. Только помни о наших целях. И, повторюсь, не забывай золотое сияние над волнами! Если забудешь, я не смогу ничего изменить для тебя.

— Что... изменить?

— Прости, но эта мечта только моя. До встречи... в мире без страха.

Коридоры к куклам открылись — сотни дыр испещрили золотой купол. А море стало чернильно-черным и забурлило. Оно швыряло меня с волны на волну, то подбрасывало к потемневшему небу, то топило, придавливало к самому дну, забивая рот и глаза песком безумия и беспамятства. И я поняла, что идиллическая картина, сопровождавшая наш разговор с Нонусом, была лишь иллюзией. А вокруг все это время был тот же океан боли.

Я закричала — всей сотней звериных глоток, когда мой дух рванулся прочь из океана боли в спасительные коридоры к куклам. От боли это не избавило, но теперь я могла выкричать ее. Единая черная тень моих тварей накрыла север. Я неслась без цели, надеясь, что убегу от боли, но та не отступала. А когда силы иссякли, окопалась в черном выгоревшем лесу. Я возводила свой Лабиринт, тщетно надеясь, что боль не отыщет меня в нем, но она не уходила долго — месяцы, годы... десятилетия. А когда, наконец, я поняла, что больше не чувствую ее, я поняла, что не помню и не хочу помнить о себе ничего. Потерялась где-то в закоулках Лабиринта Ариста. Над севером Терратиморэ царила Либитина, владычица мертвых и богиня людских страхов.

Триптих Либитины. Сцена третья

Триптих Либитины. Последняя сцена

Пламя свечей дрожит. Затхлый воздух подземелья колеблется от движений кукол, мечущихся по коридорам. Они готовятся к последней сцене триптиха, примеряют наряды и парики, репетируют танцы. Их тени скачут по рыжим листам рукописи, лежащей на столике в дальней камере логова. Набранная из разнородных листов бумаги, написанная подчас между чужих строк, она так похожа на автора — странную хозяйку Лабиринта, меняющую маски в надежде найти меж ними себя... Пламя свечи на столике, давшее бумаге цвет, тоже колеблется, только не от движения теней по коридорам, а от дыхания. Кукла-писарь раздумянулась, ее грудь вздымается и опускается, как у живого человека. Она сейчас — полное и точное отражение моего волнения.

Вот, о чем все эти годы мне шептало, потрескивая, пламя свечей! Золотистый ореол вокруг них напоминал о золотом сиянии над волнами мысленного моря во время нашего последнего разговора с Нонусом! Тот же мягкий и теплый свет, отгоняющий тьму, расчищающий место надежде, дающий границы миру и лучами протягивающийся в безграничье. Имя ему любовь. И мне опять неспокойно. Я ворочаюсь с боку на бок. Я пытаюсь провалиться снова в это, явившееся воспоминанием и пламенем мысленное море, и не могу. Я больше не чувствую его. И я понимаю, что уже очень-очень давно не чувствую ничего: ни прозрачного барьера, отделяющего меня от партнера, ни отголоска его эмоции, ни краешка его воспоминания. Где же ты, Нонус? Обмен кровью связывает обменявшихся навсегда, обмен мыслями может прервать только смерть партнера, — говорил он. Тогда, если я больше не чувствую Нонуса, значит ли это, что...

Движения кукол становятся нервными. Тени с острыми углами сложенных крыльев за спиной скачут по листам рукописи, воздевая руки, вскидывая лохматые головы к темному земляному потолку.

"Нет, он не мог умереть так! Не от меча нелепого охотника, не от солнца, не от воды Донума! Не мог закончить земную жизнь тварью, а не человеком! Не мог пропасть, позволив мне забыть его, исчезнуть! Не мог..." -

Я кричу это, и сама себе не верю. Слишком хорошо я знаю жестокий мир *carere morte*. Он перемалывает всех: и сильных и слабых. И все же, продолжая отрицать очевидное, лихорадочно перебираю воспоминания о годах в Лабиринте. Нонус нигде не мелькает... Неужели, он погиб в один из первых темных годов моего беспомыслия и боли? Неужели мои боль и беспомыслие были тому виной? "Ведь помни я золотое сияние тогда, я упредила бы любое неблагоразумие Нонуса!" — понимаю я, и эта надуманная, как бы он сам сказал, вина тяжелым камнем ложится на грудь.

"Что же с тобой случилось, Нонус?"

Пламя свечей шипит и потрескивает, но не желает больше ничего говорить. Оно совсем ослабло в душном подземелье, скоро угаснет, и черная пустота разольется по коридорам. Тьму вновь разорвут на части лишь факелы охотников, идущих за моей головой. Я больше ничего не успею вспомнить, ничего не смогу передать бумаге — солнце катится к горизонту, возвещая начало последнего боя. "Но, наверное, так даже лучше", — постепенно понимаю я и примиряюсь с этим. Я вспомнила все, чего мне не следовало забывать, а остальное пусть достанется пустоте.

А Нонус... Пусть он останется в моей памяти живым. Не сдавшимся Бездне ненависти не побежденным ею. Наверное и он так хотел, поэтому не позволил мне почувствовать свою смерть, как прежде не позволял чувствовать свою боль. Чтобы пламя нашей общей надежды не угасало, чтобы золотое сияние по-прежнему разливалось над волнами мысленного моря, сохраненного в глубине моей памяти... Глупый и чуткий мальчишка!

Коридоры логова пустеют — куклы выходят на поверхность для последнего представления. Я продумывала образ каждой, шила им наряды несколько лет, я написала десять сценариев и каждый отрепетировала по десять раз, чтобы последняя сцена триптиха была сыграна идеально и точно в каждой мельчайшей детали, а теперь у многих кукол, у которых еще остались слезы, блестящие дорожки на щеках размывают сложный грим.

"Это представление будет для тебя, Нонус. Мы не увидим светлых детей Бездны, но на миг увидим сияющий луч — открытую дорогу к ним. Это тоже неплохо".

Наверху быстро наступает вечер. Синяя мгла спускается в мою долину, не отмеченную на картах. Но куклы разжигают костры из заготовленных дров и зажигают свечи, отгоняя ночь. Теперь с высоты полета крылатых тварей чаша долины кажется отражением звездного неба, только мои огоньки теплее звезд.

И вот, в синей мгле показываются чужие, не несущие моего проклятия, моей личины, тени. Закрытые невидимым алмазным щитом, со смертоносным серебром в руках... Охотники. Им осталось обойти одинокую скалу, чтобы увидеть мою сцену, а пока я командую куклам-музыкантам играть. Вариация известной мелодии "Солнца и Луны" далеко разносится в холодном чистом воздухе, и я вижу, как это ошеломляет охотников. Многие приостанавливаются, прислушиваются.

— Не сбавляйте шаг! — командует глава отряда, заметив разброд в рядах. Охотники обходят скалу, и им открывается чудесная долина, вся в гирляндах живых огней. Разглядеть подробности мешает небольшой лесочек, который, впрочем, можно миновать за пять минут. Меж стволов мелькают танцующие силуэты в парадных одеждах всех эпох Терратиморэ, птицы кружат кольцом вокруг светильника — восходящей луны, с шуршанием шелка скользят по окрестным холмам стаи волков. Звенит мелодия "Солнца и Луны" — танца-пиршества, придуманного первыми *carere morte*.

— Что там? Бал?! — полушепотом вопрошает ночь помощница главы, изумленно озирая будущее поле битвы. Несколько охотников раздражается нервным смехом, а предводитель усмехается:

— Похоже на то. Жаль, я не захватил фрак, — цедит он. — Вперед и поспокойнее. Помните, это же Либитина. Не отвлекайтесь на ее спектакли. Ищите меж масок путь к их хозяйке. -

Я вижу в его глазах готовность убить, но лишь отмечаю это как еще один выполненный пункт моего сценария. Страх смерти пока не приходит и не придет еще долго: воспоминание о золотом сиянии волн сдерживает его. И, вновь и вновь вызывая в памяти эту светлую и, после смерти Нонуса, священную картину, я танцую и пою вместе с каждой из кукол, пока охотники проходят лесочек. Но вот, они ступают на сцену, и грандиозное последнее представление Либитины открывается их глазам.

Всего два десятка самых старых, беспамятных и холодных кукол оставлены в подземных тоннелях защищать мое логово. Остальные веселятся на огромной поляне. Я раздула искорки их собственной памяти, эмоций, идей, желаний и, незримая, плаваю, раскинув руки, на волнах их собственного счастливого смеха. Сегодня у мертвых праздник: я подарила им один

живой вздох, один удар живого сердца, исполнен по заветному желанию у каждого.

Здесь встречаются разлученные влюбленные, потерянные дети находят родителей, мирятся враги, воссоединяются дружеские союзы и семьи. Здесь звон в ушах стоит от сотен одновременно произносимых важных слов, которые не были сказаны при жизни. Здесь находят выход все, даже самые темные страсти: и запретная любовь, и жажда убивать. Снова и снова трепещет жало мести, вонзаясь во врагов. Рекой льются кровь и вино. А под мелодию непризнанного сочинителя танцуют первый бальный танец десятки юношей и девушек, таких, как моя Антея, не успевших вдоволь потанцевать при жизни.

Охотники, за два года решившие, что привыкли ко всем сюрпризам Либитины, ошеломленно озирают этот праздник мертвых. Губы некоторых шевелятся: они читают защитную молитву. Но их глава по-прежнему решителен. Без толики эмоций он всматривается в лица кукол, ищет меж ними меня. Один милосердный потомок Гесси печален, он понял смысл представления. Перед ними течет жизнь Терратиморэ, какой она была бы без вампиров. Ведь абсолютно все актеры моего театра умерли от клыков *saegre morte*, и круглые ранки на их шеях, запястьях, груди нарочно подчеркнуты гримом. Я тщательно, с любовью восстановила и воспроизвела украденные Бездной ненависти кусочки многоликой Жизни.

— Либитина где-то среди них, — шепчет одна охотница. — Я чувствую.

Ее ощущениям можно доверять. Благородная дама, принадлежащая к высшему свету Короны, выросшая в вампирской Карде, она чутка к воплощениям Бездны ненависти. Многие соглашаются с ней, кивает и глава. Ее догадка близка к истине. Незримая, я сопровождаю каждую куклу Бала мертвых, я — их дыхание и сердцебиение, моя все еще немертвая душа сияет из их глаз.

— Центр может быть там, — главный охотник взглядом указывает на группу кукол почти в середине поляны. Там танцует темноволосая девушка в бледно-желтом платье, ее счастливое лицо как путеводный маячок. Она — безусловная королева бала, все остальные ведут танец вокруг нее, наброска моей Антеи.

— Так явно? — усомнится помощница главы. — В центре поляны?

— А почему бы нет, Дара? Это же Либитина, ее загадки могут быть и сложнейшими и самыми простыми.

— Да, эта композиция — явный смысловой центр для Либитины, — соглашается другая охотница.

— Очень точно, Солен! Или центр, или же... Либитина еще не показала нам своего лица.

Едва он договаривает это, как на краю поляны вспыхивает новый костер. Вокруг него, раздевшись донага и распустив волосы, иступленно пляшут ведьмы, сбросившие маски благовоспитанных дам. И среди них старуха в лохмотьях с длинными седыми косами. Огромный нос крючком, худые, в шрамах, будто зверьем покусанные руки. Она хрома и горбата. У нее желтые кошачьи глаза. Она говорит ведьмам что-то на языке зверей и в заключении заливается надтреснутым старческим смехом, в котором звучит мудрость и сила самой жизни.

— Лесная Старуха! — шепчет Дара. — Вот же она! — а глава отряда уже замер, резко повернувшись к старухе, будто та потянула его за ниточку, как марионетку.

— Рассредоточиться, — тихо командует он. — Окружаем группу у костра. Приготовьте арбалеты. Гесси, возьми троих и идите к группе танцоров с девушкой в желтом. Отвлеките

внимание Либитины.

Охотники разделяются. Гесси и еще трое предпринимают попытку захвата танцующей группы, пока глава ведет остальных к старухе у костра. Но я настороже, и закручиваю группу Гесси в черном смерче крылатых теней, одновременно высылая ведьм навстречу основному отряду. Обратившись крылатыми чудовищами, они мчатся на охотников. Многие тут же падают, получив стрелу в голову, но оставшиеся окружают охотников, закрывая им дорогу. Лесная Старуха зычно хохочет.

— Вам не победить меня! — хрипло кричит она, отсмеявшись. — Понимаете ли вы, с кем сражаетесь? Вы сражаетесь со всеми мертвыми, всей историей, всем прошлым Терратиморэ, с самой основой земли страха! Вам не победить!

Группе Гесси удается прорваться к основной. Опять серебряные стрелы летят в кукол, и в черной сети, пленившей охотников, появляется прореха. На мгновение взгляд главы отряда встречается со взглядом безумной старухи.

— Прошлое всегда сдается на милость будущего, Либитина, — четко, громко говорит охотник. Сверкает его меч, и еще одна кукла лишается головы. Прореха увеличивается, но я тут же заполняю ее, пустив в бой всех оставшихся кукол. Сеть превращается в плотный кокон.

— Прежде вы побеждали, но больше не победите, потому что я... я не боюсь вас! — выкрикивает старуха молодым звонким голосом — моим новым голосом. Реплика не значилась в сценарии, но это действительно так. Я все еще не боюсь их, в золотом сиянии возвращенной памяти растворилось чудовище-страх. И куклы дерутся так, как не дрались с этим отрядом еще никогда. Я чувствую, как ослабевает, прогибается защита охотников под их напором. Просто потому, что теперь я не боюсь... Черт возьми, да я даже могу победить!

Это начинают понимать и охотники. Все чаще я прорываюсь сквозь их защиту, успеваю оцарапать кожу когтями, разодрать клыками плащи. Увидев замешательство их главы, я бросаю против него самую сильную куклу — может, ей удастся оставить трещинку и на его непробиваемой стене защиты? И... вдруг налетаю на охотника с размаху, валю на землю. Никакой защиты нет, похоже, он без сознания, голова запрокинулась, руки выпустили оружие. Он сдался?! Не может быть!

Негодующие, испуганные крики вокруг. Охотники также не верят. С десятков стрел разрывают крылатую оболочку куклы на части, вонзаются в ее тело. Но я подхватываю потерявшего сознание главу отряда, перебрасываю его другой кукле. Вслед летят стрелы, но я ловко лавирую и ухожу от них. Я опускаю охотника перед костром Лесной Старухи.

— Вы все умрете здесь, а я получу новых кукол в коллекцию! — кричит старуха, триумфальной медью звенит ее голос. — Красивых, умных, сильных и таких послушных! Кто следующий?

Мгновение замешательства у охотников прошло, они вновь бросаются в бой. Кажется, сдача предводителя только усилила их ярость. Вновь сверкают молнии мечей и стрел. "Хм, странные искорки в глазах Дары и Солен. И Гесси едва заметно ухмыляется чему-то... Что с ними?"

Старуха оборачивается к предводителю отряда, бессильно лежащему на траве. А тот открывает глаза, быстро приподнимается. В его правой руке сверкает маленький серебристый арбалет. Щелкает курок и серебряный болт вонзается старой ведьме между глаз.

"Все-таки обманул меня! Нарочно поддался!" Я чувствую и разочарование, как от

всякого обмана, и радость от красивого хода. Но предаваться чувствам некогда: нужно продолжать спектакль.

Вздых пронесется по толпе кукол, и они оседают на землю вслед за старухой. Ключья тумана от рассыпавшихся крылатых теней тают в траве. А глава отряда поднимается.

— Меч! — быстро требует он. Ближайший охотник подает ему свой меч, и глава рубит голову старухе. Тела в траве вздрагивают все одновременно и замирают. Но глава все же отдает приказ выколоть им глаза. Чтобы я не могла смотреть через них.

Придется вытерпеть и это. С болью помогает справляться золотое сияние. Ни одна моя кукла не дергается, пока ее ослепляют. Скоро и эта работа кончена. Охотники в нерешительности останавливаются.

Что это... Мы убили Либитину? — шепчет один, удивленно озирая заваленное неподвижными телами поле боя. — Мы победили Либитину! — осмелев, кричит он. Некоторые поддерживают охотника, но большинства следит за главным, который пока отмалчивается, не давая отмашку всеобщей радости. Он склоняется над головой Лесной Старухи.

— А я даже не испугалась, — помощница, Дара, подходит к нему, улыбаясь. — Сразу поняла, что ты нарочно поддался.

— Такую гибкую защиту создает только очень тонкое и в то же время яркое чувство, — подает реплику расслышавшая ее Солен. — Великая ненависть...

— ...Или тонкий расчет, — главный охотник оставляет старуху, выпрямляется. По его лицу невозможно ничего прочесть, и отряд просто ждет его слов.

— Это не Либитина, — наконец, негромко говорит он и задумчиво качает головой. — Искусная имитация, но клыки все же ненастоящие. Вставные. Старуха также кукла.

Разочарованный вздох пронесется по отряду, но главный решительно вздергивает подбородок.

— Но Либитина где-то очень близко. Она вывела всех кукол на поляну — помните, мы видели ее пустой, когда подходили к скале? — за считанные минуты. Здесь недалеко должны быть ходы к ее логову.

— Если Либитина вообще здесь, а не за границей, — шепчет знакомый мне вечный спорщик. Глава замечает его реплику:

— Нет, Либитина здесь. Кто-нибудь еще заметил, когда поскользнулся или упал? — он усмехается. — Конечно, неприятно говорить об этом... Но поляна, на которой проходил бал, еще недавно была пастбищем. Тут Либитина питала тех, кто сейчас питает ее. Вероятно, мы стоим прямо над ее убежищем. Ищем!

Начинаются поиски. Охотники ищут тайные проходы к логову на поляне, в лесочке... Они делают все быстро, четко, но мне кажется — так медленно!

Скорее бы все кончилось! Ничего нет, ужасней этого ожидания, когда все нити, связывающие тебя с жизнью, уже отрезаны, а конца все нет. Я опять волнуюсь, ворочаюсь. Из темноты подземелий тянет к моему слабому мягкому телу щупальца извечный и общий для всех тварей страх смерти.

Что ж, так все и должно было кончиться. Став страхом Терратиморэ, я вписала себя в сказку о неизбежной победе над страхом. Ведь она также неизбежна, как рассвет. Я готовила этот отряд несколько лет, лепила из столичных игроков-охотников подлинно бесстрашных людей. Они победили страх собственной смерти и страх гибели других. Они научились отсекал боковые пути ради великой конечной цели. Я испытывала их, подсовывая чудищ из

общих для Терратиморэ страхов, чтобы они смогли встать над ними и выводила в бой их собственных, стократ более страшных монстров, чтобы они закрыли все долги перед своей прошлой жизнью. И я воспитала армию, которая сумеет избавить Терратиморэ от власти Бездны ненависти... -

Как все же неубедительны эти строчки, убегающие то вниз, то вверх! Я опять боюсь. Я опять трясусь от страха. Удары ожившего от волнения сердца — как стук часов, отсчитывающих последние минуты моей вечности. Вот уже Гесси, спустившись в ущелье, нашел широкий тоннель, которым я увела стада с пастбища в подземные загоны. Очень скоро охотники будут здесь.

Возможно, кажется странным, почему я выбрала этих, почему сейчас? Ведь за моей головой во все времена охотилось множество героев и проходимцев. Но я потянулась к предводителю этих еще давно, впервые заметив его необычную защиту от вампиров.

Кажется, заметил это и Гесси, который сейчас, хмурясь, подходит к главе отряда.

— Я нашел ход, которым Либитина увела стадо, — сообщает он.

— Отлично! Веди, — глава спешно заряжает арбалет, но Гесси останавливает его руку.

— Еще час назад я засомневался б, говорить ли тебе об этом ходе, — резковато говорит он. Глава вскидывает на него непонимающий взгляд:

— Почему? — в вопросе не пытливость, а обида, но он тут же исправляется, осознав это, надевает привычную маску. — Гм, вот как. Что же вызвало твои сомнения, Гесси?

— Ты не просто карьерист, ты задумал то, что пошатнет устои земли страха. Войну с самой Бездной ненависти. И ее ты начнешь, едва победишь Либитину и на волне успеха поднимешься на пост главы ордена. Ты намерен найти и Избранного, целителя вампиров, и перетащить его на свою сторону. Я долго гадал, что движет тобой на этом пути: ненависть, сильнее той, что управляет *carere morte*? А сегодня, увидев, как ты справился с Лесной Старухой, понял, — его тон неожиданно теплеет. — "Великая ненависть", — сказала Солен, вспомнив одного моего предка, точно также обманывавшего вампиров, но я знаю, в чем лжет легенда о нем. Мои предки, фанатичные охотники, разумеется, скрыли, что он просто... любил одну вампирку. Гибкую и яркую защиту ему дала любовь, а не ненависть. Как и тебе, Карл. Верно?

Карл оценивающе смотрит на него, потом усмехается.

— Верно, — тихо говорит он и добавляет, еще тише. — Увидев ее, я понял, исцеление для *carere morte* возможно. И лгать... и ей, и всей земле страха, что надежды для *carere morte* нет, после этого не могу. Молчать, смиряться с проклятием Бездны, с этим лелеемым Арденсами равновесием сил охотников и вампиров я не намерен, Давид. -

Я замечаю знакомые золотые искорки в его темных глазах. Увидев их пять лет назад, я потянулась к нему. И выбрала его, как исполнителя цели, забытой мной самой, но сохраненной на дне моря памяти каменным отпечатком и определявшей все странные действия безумной Северной Кукловодши. Тогда искорки в глазах охотника напомнили мне о тайне золотистого ореола свечей... И сейчас, когда тайна разгадана до конца, я убеждаюсь, что сделала верный выбор. Эта мысль ненадолго придает сил.

Гесси приводит отряд к входу в логово, и я выпускаю против охотников немногих оставшихся кукол, чтобы те, отступая по коридорам, вели убийц прямо в мою камеру. Разворачивается последний недолгий бой.

Рука куклы-писаря так и летает, сплетая кружево строчек... Этот лист окажется последним или следующий?.. — Лишние, ненужные мысли, но выправлять их уже некогда.

Осталось сказать еще кое-что, пока птицы-марионетки подшивают последние листы к рукописи, пока горит последняя свеча на столике, растворяя в золотистом ореоле пламени окружающую темноту.

Четыреста лет назад наш край подпал под власть Бездны ненависти. Мы впустили страх и ложь в нашу кровь и вместе с ними впустили Ее. Не миновало это и меня: я долго убегала от страха и молчала о всеобщей лжи, долго, долго... До смерти дочери. И последующий бой с раскормленной страхом частицей Бездны ненависти, оказался тяжелым и покалечил меня... навсегда. Как мальчик из колодца Лесной Старухи, я вышла из него искаженной. Но, как и в той сказке, меня исцелила, заставив вспомнить, любящая родственная душа.

Вот и конец нашего пути, Нонус. Ты видишь это золотое солнце впереди? Как и во время падения в купель у церкви Микаэля, я не боюсь боли и смерти. Я вспоминаю чудесную легенду, которую мне тогда рассказала Кора и за которой сейчас тянется наш уставший от тьмы *carere morte* край. Легенду об Избранном — легенду о прощении.

Все вы достойны исцеления-прощения: давно мертвые и еще живые. Вако, Митто, Дэви, Семель... Диос-Эреус. Пусть Избранный подарит его вам. Я же не буду больше давать пищу Бездне ненависти, Безднам страха и тоски. Я гляжу на золотистый ореол пламени и вижу в нем дорогу в твой волшебный мир, Нонус. Мир, над которым властвует Бездна любви.

Охотники врываются в эту камеру, еще не понимая, что здесь — конец их пути. Главный пронзает насквозь сердце последней куклы-стража, а сам уже ищет проход в следующий подземный зал, пока его взгляд не наткнется на железные трубки, протянувшиеся с потолка к углублению в центре камеры. В этой яме тихонько вздрагивает какое-то непонятное огромное тело.

— Факел, — отрывисто говорит глава. — Кажется, мы на месте.

Ему дают факел и он резко дергает рукой, освещая единственного обитателя камеры. Я чувствую, как тепло этого света ударяет в мои пустые глазницы. А охотники долго, в полном молчании разглядывают новые и новые детали, появляющиеся в свете факела, еще не осознавая, что перед ними. Огромный, в человеческий рост ком как бы расплавленной, покрытой бороздами и буграми розовой плоти. В него впираются железные трубки, по которым прямо в недра жуткой твари течет кровь со скотобойни наверху. Придавленные огромным животом конечности — желтоватые, худые, все в глубоких шрамах заживших ожогов, с вывернутыми суставами, скрюченными, сросшимися пальцами. Спутанная копна тускло-черных волос, в которой тонет то, что когда-то было лицом.

Я рассматриваю все это вместе с ними, просочившись в камеру в облике мышки. Вижу раскрытый в немом крике изуродованный шрамами безгубый рот, сплавившиеся и застывшие единой розовой массой нос, щеки, лоб, заглядываю в пустые глазницы. Значит, вот, какая я... Нет, все-таки не могу поверить! Чрезмерное уродство, также как чрезмерная красота, оставляют чувство нереальности.

— Чем это ее... придавило? — с усилием произносит одна охотница. Глава отряда судорожно сглатывает: его тоже мутит.

— Это ее живот, — хрипло говорит он. — У кукловодов чувство голода усиливается кратно количеству марионеток. Печень не справляется с новыми объемами крови, разрастается...

Охотница не дослушивает: ретируется в задние ряды, зажав рот ладонью.

— Нужно провести анатомическое исследование! — встречает знакомый спорщик, занявший место девушки. Пожалуй, он здесь чувствует себя увереннее всех. — Необычный

случай! Образцы крови, тканей. Неплохо бы сохранить и голову.

— Молчите, она нас еще слышит! — одергивает его Давид Гесси и как-то замороженно обращается к главе: — Ритуал?

Тот качает головой:

— Не получится. Она кричала там, на поляне, что не боится нас — и не лгала. А в ритуале вампира убивает страх. — Он оборачивается к спорщику: — Делай анатомическое исследование, бери образцы. Потом пустим сюда воду из Источника и все сожжем. Но прежде окажем последнее милосердие Владычице мертвых... Давид?

Гесси кивает и шагает ко мне. Выхватывает из ножен меч. «Это случится сейчас», — понимаю я... и чувствую, и одновременно вижу со стороны, как судорожно сжимаются мои пальцы, как резко, сильно дергается мое огромное тело.

"Не бойся, Ариста, — откуда-то из золотого сияния памяти пришедший голос. — Они просто разрубят цепи твоего проклятия... и ты взлетишь".

Сейчас скользнет меч охотника, и перо выпадет из пальцев куклы-писаря. Рукопись прервется, может быть, на середине слова, но свеча на столике все также будет гореть и рассеивать тьму вокруг. А моя бесстрашная армия уйдет освобождать от *carere morte* землю страха... Странно, но, кажется, я чувствую забытое тепло внутри. И во рту появляется привкус какого-то терпкого, пьянящего питья. Холодные капли неведомого дождя омывают лицо. Эти новые ощущения, как яркие огни во тьме. Путеводные огни. Куда они ведут меня?

"Не бойся, вытяни шейку, моя легкокрылая Королева. Одно простое, последнее в этой плоти действие. Чтобы охотнику легче было ударить..."

Я чувствую прохладный ветерок кожей беззащитной шеи. Это замах меча
конец рукописи

найденная спустя время страница

Оборвались нити связей с куклами, но ощущения остались. Мокрое, будто от дождя, лицо, привкус горько-пряного питья во рту, тепло, из живота распространяющееся по телу до кончиков пальцев, испарина пота на затылке и спине, будто я действительно выпила горячий напиток. И глухие быстрые удары какого-то неведомого барабанчика в груди, сливающиеся в грозовой рокот... Я чувствовала, что лежу на довольно твердой кушетке, а пальцы свесившейся с нее левой руки касаются холодного пола. Что со мной? Я должна была умереть. Но это непохоже на смерть.

— Пришла в себя, так открывай глаза. Довольно уже, поленилась и хватит, — фальшиво-ворчливый, волнующийся голос Нонуса. Я открыла глаза и не удержала удивленного вскрика. Все вокруг было... тканью, сотканной из мириадом разноцветных, мягко светящихся нитей. В них угадывались очертания предметов. Сотканые из серого, коричневого и золотого стены — в сложных переплетениях этих нитей я могла читать всю историю места, где нахожусь. Подземелья под дворцом Макты, логово Атера, а прежде всего этого — капище забытых богов. Красным светилась простая мебель, серебристым — новейшие научные измерители, зеленым и золотым — остатки питья в стакане на столике передо мной.

Нонус был здесь. Белая фигура, проросшая и оплетенная гнилыми черными нитями проклятия *carere morte*. Я вскрикнула еще и вцепилась в качестве поддержки в его протянутую руку.

— Ну, полно, Колосок, я тут. Давно тут. Что ты чувствуешь? Что видишь? — спрашивал Нонус. Звук его голоса вызвал еще шквал новых ощущений. Я увидела, как мелодия его речи и скрытая за ней мелодия чувств колеблют нити, из которых соткан мир, подсвечивая и подкрашивая их. Все вокруг запестрело его тревогой, радостью и неистребимым, родственным моему любопытством. Я закрыла глаза. Но руки Нонуса не выпустила и чувствовала, как сплетаются, срастаются нити, составляющие нас на каком-то очень тонком уровне, где любая, даже самая слабая связь имеет великую власть.

— Я поняла, где мы, Нонус. Бывшая лаборатория Атера и бывший дворец Макты. Но всего разобрать не могу. Я думала, ты умер. Как хорошо, что ошиблась!

— Ты поняла, что я дал тебе выпить?

— Зелье, подобное тому, которое Атер готовил для Макты? — предположила я, вспомнив зелено-золотое переплетение.

— Да. И я, кажется, получил то, о чем мечтал: воплощение Бездны любви. Открой же глаза! Ты так ничему не научишься!

Я улыбнулась:

— От твоего нетерпения все вокруг звенит! Но как же мое тело... Охотники хотели сжечь его водой Источника... А моя частица проклятия *carere morte*? Она исчезла?

— Охотники сожгли не тебя, — теперь все вокруг задрожало от его язвительного удовольствия. — Помнишь третьего купальщика в нашем мысленном море?

— Семель?

— Да. Ты очень долго была в беспамятстве от боли, Ариста. Многие произошло за это время. Спустя сто лет после твоего купания новый владыка вампиров развязал большую

войну и с охотниками, и со старейшими, и пятерка Вако отправила Семель в тыл врага. Та не справилась с заданием, владыка пытал ее водой источника. Ей досталось едва ли не больше, чем тебе. После такого рассудок Семель сдался, а твой, вот уж не знаю, почему, нашел, что тело Королевы — наилучшее вместилище для духа Аристы. Ты пребывала в двух телах одновременно — в своем и ее, и с течением времени все реже возвращалась в свое. Может, оно было слишком полно болезненной памяти, перед которой померкла даже телесная боль Семель? Я же тем временем восстанавливал твое настоящее тело, моя галатея, опыт восстановления Макты помог. И все ждал случая, чтобы дать тебе зелье Атера и преобразить тебя и мир.

— Ты же... Ты так и хотел с самого начала, верно? Когда говорил, что я не должна забывать тебя, чтобы осталась возможность что-то изменить для меня... — слова рассыпались, раскатывались как гладкие бусины по ткани мира. — О, если б я вспомнила раньше. Но я забыла все, даже мысленное море! Увы, я и сейчас его не чувствую, Нонус! Впрочем, чувствую другое и это... больше того моря.

— Будучи в теле Семель ты не могла его почувствовать: перед тем, как отправиться к владыке вампиров она поставила крепкую мысленную стенку на моем пути к ее мыслям, и ты соскользнула за нее от меня. А сейчас ты вовсе не можешь его почувствовать, потому что наша мысленная связь сгорела вместе с твоим проклятием, когда, сразу после дачи зелья, я плеснул в твое вновь прелестное личико водой из источника Донума.

— Я исцелена... Но я думала, так исцеляют только новообращенных?

— В очень редких случаях от воды или солнца исцеляются даже старейшие вампиры. Те, которым удалось преодолеть страх небытия... Я рискнул, а, чтобы риск не был слишком велик, прежде дал зелье, надеясь, что ты, во всяком случае, переродишься, а не сгоришь. Так и произошло. Прости, что решил за тебя, каким будет твое новое воплощение, но позволить тебе уйти в небытие побежденным страхом Терратиморэ я не мог.

— Думаю, если б я не была готова и не желала в глубине души такого превращения, его бы не случилось. Но ты... ты все-таки сумасшедший, — радостно выдохнула я и, приподнявшись на кушетке, вновь открыла глаза.

То же разноцветное переплетение нитей мира, только теперь краски тонули в белом сиянии, исходившем от фигуры Нонуса. Даже черные нити проклятия *carere morte* истончились и едва угадывались в этом свете.

— Знаешь ли ты, как прекрасна? — произнес Нонус. — Как всегда была прекрасна. Только я все не мог найти открывшемуся мне еще при первой встрече образу достойное воплощение... Смотри!

Он поднял прислоненное к столику зеркало без рамы и повернул его зеркальной стороной ко мне. Сначала я видела только переплетение серебристых и голубых нитей поверхности, потом мазками золотой краски на нем проступили очертания женской фигуры. Постепенно, то густыми тенями, то полутонами теней проявлялся мой облик. Позабывтое удлиненное бледное лицо с чуть раскосыми темными глазами, высокими скулами и немного выступающей вперед тяжеловатой нижней челюстью. Мое лицо, покрытое как бы вуалью мягкого белого света. Без единого шрама ожога, но со всеми честно прожитыми морщинками.

Пока я разглядывала себя в зеркало, переплетение нитей вокруг скрылось. Вернулось обычное человеческое зрение, и я облегченно выдохнула. Так пока, все же, было легче.

Нонус был рядом — знакомая угловатая фигура в одежде светлых тонов. Только кисти

рук теперь скрывали кожаные перчатки.

— Нонус, ты волшебник. Нет, больше, чем волшебник: просто ты тот, кого я люблю... — но, когда я вспомнила его облик из нового восприятия — белый силуэт, оплетенный черными нитями проклятия Макты, будто наточенное копьё больно кольнуло ожившее сердце. — Но почему ты не присоединился ко мне? Почему не выпил то же зелье?

— Еще не все закончено, — Нонус поднялся, отошел от кушетки. Комнату будто выморозило, я почувствовала, как на границе двух восприятий задрожало от холодного огня старых, горьких чувств и воспоминаний вампира переплетение нитей ткани бытия. — Макта еще цел, как и Арденсы. Я должен прежде закончить их историю, чтобы ничто не мешало строительству нового мира. Кстати, ты не против, что я использовал и буду еще использовать некоторые твои наработки для собственных спектаклей? А когда история Макты будет завершена, я присоединюсь к тебе. Я ведь отыскал новую посланницу — Голос Бездны, она поможет мне. А в естественных науках за последнее столетие произошло множество взрывных открытий — и другие мои ученики сейчас прорабатывают научное обоснование всех существующих воплощений Бездны и проторяют путь к новым.

— А ты опять ими дирижируешь? — Я соскочила с кушетки, пошла к вампиру. Странно, земля будто отталкивала меня, пока я шла. Гнилые нити проклятия карере морте сплетались на пути, не пуская дальше, но я ясно видела меж ними прорехи в иномирье, и туда стремилось окружающее меня сияние. Скользнуть бы за лучами, посмотреть, какова изнанка мира! Но это потом. Сейчас сердце колола тревога за Нонуса. Я начинала осознавать, как сильно прошедшие столетия изменили его. Сначала он показался даже помолодевшим... но когда Нонус встал в тени у стены, незнакомые мне морщинки превратили его лицо в злобную насмехающуюся маску, и знакомые по встречам с вампирами Вако искорки жестокости заблестели в его глазах. Чтобы пройти трудный путь до звезды — мечты, мечтателю-волшебнику пришлось стать расчетливым и холодным кукловодом. Так что он почти забыл свою мечту и сейчас не верил, что наконец-то может купаться и пить ее близкий свет. Я подошла к Нонусу, обняла, прижалась всем телом.

— Ты исцелил меня. Теперь я попробую исцелить тебя, насколько смогу. Я вижу: проклятие *carere morte* прорастает в телах и душах глубоко. Увы, у меня не хватит сил уничтожить его, мир Бездны ненависти враждебен мне, я начинаю чувствовать. Ты должен сжечь его сам, ты это можешь — это я вижу. А я поддержу тебя... своей любовью. И я буду ждать тебя в нашем новом мире. Приходи. Он достаточно велик, чтобы исследовать его еще вечность.

— Обязательно, моя Королева, — он усмехнулся, но уже по-доброму, знакомо. И, осмелев, я стащила перчатки с его рук уже зная, что найду там — изуродованную старыми ожогами кожу.

— Но это... Это я могу исцелить прямо сейчас.

— Не надо, — и, в ответ на немой вопрос: "Почему?", Нонус тихо добавил: — Это часть меня, с которой я не хотел бы расставаться... по крайней мере, до нового мира. -

Его оттаивающей душе было больно сейчас, два века без меня черными тенями оставались под его глазами, в складках у губ, но я чувствовала: то нужная боль исцеления. Это воодушевило, все вокруг засияло белым светом моей радости. И в ее сиянии опять сплелись наши руки — как и нити, составляющие их на тонком, доступном лишь Бездне любви уровне.

— Может, ты и будущее уже научилась читать, как книгу? — засмеялся, отбросив

старую печаль и боль, Нонус. Я загадочно улыбнулась в ответ на его полный искорочек любопытства знакомый и любимый взгляд. Да, кое-что я уже ясно разбирала в оплетающей весь мир паутине нитей. Я ускользаю в одну прореху и вижу, вижу...

На южной границе владений Либитины разожгли костер охотники, победившие Владычицу страхов. Они устали, осунулись, но новое знание и бесстрашие сияет в их глазах. И разговаривают они по-прежнему громко, опять и опять побеждая мертвую тишину замкнутого мрачного северного края. Только две девушки не принимают участия в общей беседе. Сидя у костра, они перебирают разнородные листы моей рукописи, перечитывают, иногда показывают друг другу и обмениваются краткими, то возмущенными, то потрясенными репликами.

— Эмендо — эта фамилия, действительно, встречается в списке гостей первого Бала Карды, но имена там другие и их всего два. Это была старая бездетная пара.

— А на то, как подобраны фамилии в списке "безопасных" гостей, ты обратила внимание, Солен? Дэви, Алигер, Митто, Вако, Калькар — будто в насмешку взяты главнейшие вампирские фамилии!

— А история семьи Диос, не имеющая ничего общего с той, что записана в архивах ордена?

— Да, много противоречий, слишком много. И как апофеоз — купель у церкви! А кто же тогда приходил на службу Дэви?

— И ее чувствам я не поверила. Никто бы не смог писать так, до самого последнего мгновения. Это просто физически невозможно!

— Но при этом как точно она наш отряд описала и все про нас угадала! Совершенно сумасшедшая...

— Что вы изучаете с таким вниманием уже третий день, дамы? — к ним незаметно подходит глава отряда. Посмеиваясь после чьей-то шутки, из-за которой до сих пор большая компания охотников стонет от хохота, он подбирает один лист, отнесенный ветром к огню и уже почерневший с уголка. — Хм... Рукопись? Чья это рука?

Девушки галдят наперебой, с явным облегчением:

— Это Либитина оставила!

— Ее рука...

— Я нашла в каморке рядом с ее главным логовом...

— Что-то вроде жизнеописания...

— Мемуары Кукловодши, — глава отряда с напускной строгостью глядит на них, а его губы кривятся — призрак недавнего смеха: — Последняя загадка Либитины... Вы уже забыли, охотницы, как следует поступать с ее загадками?

Все еще посмеиваясь, он возвращается в компанию охотников, а девушки мрачнеют. Переглядываются. Потом одна берет стопку листов, нерешительно протягивает огню, но тут же опускает руку:

— Жалко. И знаешь... — она замолкает, испугавшись.

— Что?

Та бросает краткий взгляд на черные строчки, и вдруг морщится, будто увидела отвратительных пауков.

— Страшно. Тебе не показалось, что в этой рукописи спрятана частичка Бездны? Громадное чудовище в тесной клетке грязных строк... Ну, как вырвется сейчас!

Собеседница в поисках поддержки оборачивается к главе отряда, но тот занят

разговором с Гесси. Повисает пауза. Только ветер шелестит страницами рукописи, и кажется в неверном закатном свете, будто по белой бумаге действительно шествуют цепочки пауков...

— Страху нужно смотреть в лицо. Нельзя бежать от него: он поползет следом, занимая мир позади, который ты сдала ему без боя, — наконец, тихо, но решительно говорит старшая охотница и ее лицо проясняется. — Ариста об этом и писала... Думаю, она была бы довольна, если б мы уничтожили ее рукопись.

— Ты полагаешь?

Девушка усмехается:

— Это же Либитина! Давай вместе.

Вместе они швыряют рукопись в костер. Бумага шипит и сворачивается, скаречно пряча записанную на ней историю от ненасытного огня, но тут же чернеет и обращается серым пеплом вместе с драгоценными словами. Я слежу, как все, составлявшее меня прежде, уходит в окончательное небытие, но не испытываю горечи. Я чувствую освобождение от последних незримых оков и, как знак долгожданной свободы от пронизанного нитями страха и тоски прошлого, за моей спиной распахиваются новые крылья, сотканые из золотых нитей и мягкие, как лебяжий пух.

— Ого! — удивляется Нонус. Его улыбка радостна и невинна сейчас, как улыбка ребенка. И я обнимаю вампира крепче и заключаю нас обоих в колыбель широких крыльев. Скоро окончится время стоянки охотников, они уйдут дальше — в Карду, в Дону, чтобы оттуда, от источника Донума, начать наступление на темный мир *carere morte*, а серую пыль их кострища разметает ветер, уничтожая последний след Либитины, владычицы мертвых, богини страхов. Наступает время надежды, я уже вижу ее золотистый луч, с сего момента вплетающийся в ткань бытия и тут же начинающий вывязывать свои узоры. Нам всем остается лишь, не оступившись, пройти по этому тонкому лучу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net